ВОПРОСЫ ТЕОРІИ

— И —

ПСИХОЛОГІИ ТВОРЧЕСТВА.

Томъ VII-й.

(Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей Б. А. ЛЕЗИНА).

Статьи по психологіи и теоріи художественнаго, научнаго и философскаго творчества г.г.: А. ГОРНФЕЛЬДА, Т. РАЙНОВА, Е. ШУЛЬЦА, П. ЭНГЕЛЬМЕЙЕРА и (переводныя)—АРИСТОТЕЛЯ, Г. ЗИММЕЛЯ и АНРИ ПУАНКАРЕ.

ХАРЬКОВЪ.
1916.

PN
55
Bon

ВОПРОСЫ ТЕОРІИ

— И —

ПСИХОЛОГІИ ТВОРЧЕСТВА.

Томъ VII-й.

(Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей Б. А. ЛЕЗИНА).

Статьи по психологіи и теоріи художественнаго, научнаго и философскаго творчества г.г.: А. ГОРНФЕЛЬДА, Т. РАЙНОВА, Е. ШУЛЬЦА, П. ЭНГЕЛЬМЕЙЕРА и (переводныя)—АРИСТОТЕЛЯ, Г. ЗИММЕЛЯ и АНРИ ПУАНКАРЕ.

ХАРЬКОВЪ.
1916.

PN
35
.B07

197653

Харьковъ. Типографія „МИРНЫЙ ТРУДЪ“, Дѣвичья улица, № 14.

О толкованіи художественнаго произведенія.

I.

Не такъ давно критикъ А. А. Измайловъ разсказалъ въ своей книгѣ „Литературный Олимпъ“ о томъ, какъ онъ обратился къ Ѳедору Сологубу за личными комментаріями къ тому, что критику было неясно въ книгѣ Сологуба. Къ его удивленію, Сологубъ „вмѣсто прямого отвѣта сталъ развивать“ передъ нимъ „свою теорію о томъ, что никакого личнаго комментарія автора къ своему произведенію быть не можетъ. Единственный комментаторъ писателя—его читатель. Пониманіе есть дѣло личнаго читательскаго ума... Это ничего, что одинъ поймѣтъ такъ, другой поймѣтъ иначе. Въ этомъ сила и смыслъ творчества“. Поспоривъ и выслушавъ аргументы Ѳедора Сологуба, не очень оригинальные, но, какъ мы видимъ, для нѣкоторыхъ еще необходимые, критикъ остался неудовлетвореннымъ. „Творческая истина,—говоритъ онъ, —мнѣ казалась и кажется такой же единой, какъ истина математическая или философская. Есть одно шекспировское пониманіе Гамлета, и всѣ семьдесятъ другихъ пониманій будутъ ложны“.

Кажется, здѣсь произошло недоразумѣніе. Кажется, одностороннее возраженіе Сологуба вызвало неправильный отвѣтъ его критика. Онъ могъ сказать: „вы меня не поняли; я совсѣмъ не хочу, чтобы вы своимъ объясненіемъ избавили меня отъ необходимости самостоятельно понять ваше произведеніе. Я васъ спрашиваю не о его темныхъ глубинахъ, а о его очевидной темнотѣ, не о его содержаніи, а о его формѣ. Покажите только, что она доступна смыслу, и я ее осмыслю“.

Но осмыслить по своему читатель можетъ только то, что имѣло смыслъ для автора. Имѣло смыслъ, то-есть представляло собой законченное цѣлое, систему; разъ „въ этомъ безуміи есть система“, то оно можетъ быть понято. Если же оно ворохъ случайностей, то оно никакому личному читательскому толкованію не подлежитъ. И разумѣется, такіе вопросы, относительно хотя

бы „Навьихъ чаръ“, были бы болѣе, чѣмъ законны. Но Сологубъ уклонился отъ отвѣта на нихъ, сбилъ вопрошателя и привелъ его къ ложной теоріи. По теоріи А. А. Измайлова о единомъ шекспировскомъ толкованіи Гамлета, выходитъ, все горе въ томъ, что Шекспира нѣтъ въ живыхъ. Вся гигантская литература о Гамлетѣ вызвана тѣмъ, что Шекспиръ умеръ, и мы не можемъ его спросить о смыслѣ Гамлета: онъ бы покончилъ всѣ наши споры. Что это утвержденіе единаго шекспировскаго пониманія есть отрицаніе критики, критику не пришло въ голову. Но не надо думать, что онъ исключеніе, и что въ его мысли все ложь. Нѣтъ, въ ней есть и частица правды, и важной правды.

Соображеніе критика въ общемъ—отголосокъ того времени, когда было ясно, что смыслъ каждаго художественнаго произведенія сосредоточенъ въ его идеѣ. Въ ней его содержаніе, въ ней его оправданіе. Она составляетъ его сущность, единую сущность, разумѣется, ибо вѣдь ничто не можетъ имѣть двухъ сущностей. Эту единую идею искали и находили; въ этомъ исканіи полагалась задача критиковъ и читателей. Истолковать произведеніе, понять его, значило отыскать идею. Тэнъ далъ только новую формулу, новую форму старой мысли, которая даже безъ формулы была разлита въ общемъ сознаніи, да и до сихъ поръ коренится въ немъ. Когда говорятъ: „что выражаетъ это произведеніе, что хотѣлъ имъ сказать авторъ?“, то явно предполагаютъ, что, во-первыхъ, можетъ быть дана формула, логически, раціонально выражающая собой основную мысль художественнаго произведенія и, во-вторыхъ, что эта формула лучше, чѣмъ кому-нибудь, извѣстна самому автору. Какъ и въ случаѣ спора о законѣ, единое толкованіе кажется единственно естественнымъ, автентическое толкованіе представляется безспорнымъ. А пока такого авторитетнаго разъясненія нѣтъ, каждый изъ спорящихъ считаетъ себя обладателемъ единой истины. Извѣстно стихотвореніе гр. Голенищева-Кутузова, обращенное къ „Мефистофелю“ Антокольскаго; менѣе извѣстна статья К. Д. Кавелина, вызванная стихотвореніемъ гр. Голенищева-Кутузова:

„Исходя изъ несомнѣнной и всячески дознанной истины, что есть управа на все—говоритъ К. Д. Кавелинъ—я намѣренъ призвать къ суду науки и художественной критики гр. Голенищева-Кутузова за его стихотвореніе „Къ Мефистофелю“. Обвиненія, которыя я на него взвожу, касаются двухъ пунктовъ. Поэтъ, во-первыхъ, неправильно понялъ созданіе Антокольскаго—его бюстъ „Мефистофель“; во-вторыхъ, онъ не понялъ вообще Мефисто-

феля, какимъ онъ можетъ представиться уму и сознанію современнаго человѣка, при теперешнемъ состояніи знанія.

„Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ увидалъ у Мефистофеля Антокольскаго искривленную усмѣшку на устахъ, туманъ лжи, отраву презрѣнія въ задумчиво-блуждающихъ глазахъ. Ему показалось, будто взоръ Мефистофеля надъ нимъ, поэтомъ, смѣется; будто Мефистофель язвитъ и хохочетъ, подмигиваетъ на красоту, на чувство, сжигаетъ людей огнемъ презрѣнія. Признаюсь, я въ исполненномъ глубокаго значенія произведеніи Антокольскаго не замѣтилъ ничего подобнаго. Въ искривленномъ ртѣ выражается, на мой взглядъ, совсѣмъ не хохотъ и не язвительность, а глубокое душевное страданіе преждевременно состарѣвшагося человѣка. Мефистофель Антокольскаго, съ его рѣдкими волосами и болѣзненной худобой, обличаетъ не стараго, но дряхлаго человѣка, который много пережилъ, много испыталъ и завялъ еще въ цвѣтѣ лѣтъ. Глаза его, въ которыхъ сосредоточена вся сила и вся энергія этого молодого старика, далеко не выражаютъ презрѣнія и еще менѣе того задумчиво блуждаютъ; напротивъ, взглядъ его до того силенъ, проницателенъ и сосредоточенъ, что отъ него становится жутко, холодъ пробѣгаетъ по жиламъ, когда долго на него смотришь. Поэту хотѣлось непремѣнно увидать въ Мефистофелѣ злобныя душевныя движенія, это было ему нужно для основной его мысли, которая выражена въ первой строфѣ и въ самомъ концѣ стихотворенія, и вотъ онъ приписываетъ бюсту выраженіе, котораго онъ, я думаю, не имѣетъ“.

Можно ли спорить о единомъ смыслѣ художественнаго произведенія, о его единой идеѣ? Мы выросли въ убѣжденіи, что можно и должно. Въ десяткахъ русскихъ учебниковъ такъ называемой теоріи словесности, обязательныхъ для школы, повторяются когда-то полныя смысла, но теперь омертвѣвшія слова Бѣлинскаго о томъ, что „поэтъ выражаетъ идею не отвлеченно, какъ философъ, а въ живыхъ образахъ, создаваемыхъ его фантазіей“; что по прочтеніи поэтическаго произведенія въ насъ остаются „мысли, чувства и образы, группирующіеся около одной общей идеи“ и т. п. Въ „Руководствѣ къ чтенію поэтическихъ произведеній“ В. Острогорскаго (изданіе 5-е) розыски идеи производятся въ каждомъ изъ этихъ поэтическихъ родовъ. Идея элегіи Пушкина „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“, оказывается, состоитъ въ томъ, что „въ зрѣлыхъ лѣтахъ человѣкъ съ душой, хотя раскаивается въ ошибкахъ молодости и предвидитъ много горя и заботъ въ будущемъ, но не тяготится жизнью, услаждая ее любовью, размышленіемъ и художественными произведеніями“.

„Идея „Мертвыхъ душъ“—опошленіе общества въ общемъ единичномъ стремленіи—къ наживѣ“. „Идея „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“—смерть вслѣдствіе суевѣрія“.

Въ „Воспитательномъ чтеніи“ г.г. Ц. и В. Балталонъ (Москва, 1908 г.) мы находимъ указаніе, что въ *Въ Бѣжиномъ лугѣ* „основная общественно-бытовая мысль—представить въ яркой картинѣ неблагопріятныя условія воспитанія въ крѣпостную эпоху крестьянскихъ дѣтей, лишенныхъ вліянія школы“ и т. п. Въ новѣйшемъ изъ рекомендованныхъ учебниковъ въ стилѣ схоластической догматики утверждаются такія непоколебимыя истины: „Кромѣ самаго содержанія, сочиненіе можетъ заключать въ себѣ *идею* или *идеи*, т. е. мысль или мысли, которыя должны являться въ сознаніи читателя *на основаніи* или *подъ вліяніемъ* сочиненія. Въ первомъ случаѣ идея сочиненія, что называется, вытекаетъ изъ его содержанія, т. е. можетъ быть изъ него *логически выведена*, во второмъ она *внушается* читателю посредствомъ дѣйствія на душу вообще; послѣднее мы встрѣчаемъ обыкновенно въ сочиненіяхъ художественныхъ, поэтическихъ“. Правда, дальше что-то говорится о „естественномъ и неизбѣжномъ“ „какъ бы соучастіи читателя въ творчествѣ поэта“; но это не исключаетъ того, что основная мысль поэта едина и обязательна для его читателя. „Иногда авторъ самъ формулируетъ прямо мысль своего сочиненія въ началѣ или въ концѣ его. Въ сочиненіяхъ художественныхъ, дѣйствующихъ на читателя посредствомъ образовъ, картинъ, этого обыкновенно не дѣлается за рѣдкими исключеніями,—напр., въ басняхъ, снабженныхъ нравоученіемъ“.

Примѣръ басни особенно здѣсь поучителенъ. Именно на баснѣ, какъ на элементарнѣйшемъ примѣрѣ, Потебня показалъ, какъ могутъ быть разнообразны и равноправны толкованія и примѣненія художественнаго произведенія. Если басня принадлежитъ къ художественнымъ созданіямъ, то во всякомъ случаѣ нравоученіе ея автора для насъ не обязательно. Это одинъ изъ возможныхъ выводовъ, не больше. Мы примѣняемъ ее какъ пословицу, тамъ гдѣ она подходитъ, совершенно не справляясь съ тѣмъ, какой конкретный случай, какой выводъ, какую идею имѣли въ виду ея создатель—индивидуальный художникъ или творецъ-народъ.

II.

Для теоріи искусства всякое художественное произведеніе символично,—и безпредѣльно многообразіе его примѣненій, безконечно множество тѣхъ обобщеній, для которыхъ поэтическій

образъ можетъ служить иносказаніемъ. На вопросъ, какой внутренній смыслъ, какая идея этого поэтическаго произведенія, мы отвѣтимъ, что если бы эту идею можно было исчерпать въ формѣ единой абстракціи, то поэтической мысли здѣсь не было бы примѣненія; здѣсь были бы невозможны художественные пути познанія, ненужны образы, символы, иносказаніе. То, что сказано въ образѣ и посредствомъ образа, не существуетъ для самого поэта въ видѣ отвлеченной идеи. Идею вкладываетъ тотъ, кто воспринимаетъ художественное произведеніе, кто его толкуетъ, кто имъ пользуется для уясненія жизненныхъ явленій. Гете сознавался, что у него нѣтъ отвѣта на вопросъ о томъ, какую мысль онъ хотѣлъ выразить не только въ „Фаустѣ“, полномъ раціональныхъ элементовъ и какъ бы написанномъ à thèse, но и въ „Торквато Тассо“.

Это было въ маѣ 1827 года, во время обычной послѣобѣденной бесѣды у Гете, какъ всегда добросовѣстно переданной намъ благоговѣйнымъ Эккерманномъ. Кто-то изъ присутствующихъ возбудилъ вопросъ о томъ, какую собственно идею стремился воплотить Гете въ „Торквато Тассо“. „*Идею*?—сказалъ Гете—и не думалъ! Предо мной была *жизнь* Тассо, предо мной была моя собственная жизнь; я старался обрисовать эти двѣ фигуры съ ихъ особенностями—и вотъ предо мной возникъ образъ Тассо; въ видѣ прозаическаго контраста я противопоставилъ ему Антоніо, причемъ у меня также было съ кого списывать. Въ общемъ придворныя, жизненныя, любовныя отношенія были вѣдь въ Веймарѣ такія же, какъ въ Феррарѣ, и я съ правомъ могу сказать о моемъ произведеніи: оно—плоть отъ плоти и кость отъ кости моей“.

„Въ общемъ—продолжалъ Гете—мнѣ, какъ поэту, нигдѣ не было свойственно это стремленіе къ воплощенію абстракціи. Я воспринималъ въ моемъ существѣ впечатлѣнія—впечатлѣнія жизненныя, физическія, радостныя, пестрыя, многообразныя, какія только могло доставить мнѣ живое воображеніе. И мнѣ, какъ поэту, оставалось одно: художественно оформить и преобразовать эти ощущенія и впечатлѣнія и такъ проявить ихъ въ жизненномъ образѣ, чтобы и другіе, когда они читаютъ или слушаютъ мое изображеніе, получали тѣ же впечатлѣнія.

„Если же мнѣ когда-либо хотѣлось дать поэтическое выраженіе идеѣ, я это дѣлалъ въ небольшомъ стихотвореніи, главная мысль котораго можетъ быть едина и очевидна... Единственное произведеніе большаго объема, гдѣ я чувствую, что проводилъ единую идею, это, пожалуй, мое „Сродство душъ“. Это сдѣлало романъ болѣе доступнымъ разсудку; но я не скажу, чтобы онъ

сталъ отъ этого лучше. Вообще вотъ мое мнѣніе: чѣмъ недоступнѣе разсудку произведеніе, тѣмъ оно выше".

Ближайшее и необходимое послѣдствіе этой ирраціональности художественнаго произведенія—равноправіе его различныхъ толкованій.

Есть области, въ которыхъ, казалось бы, объ этомъ не можетъ быть спора. То, что каждый можетъ исполнить сонату Бетховена или воплощать на сценѣ Отелло, по своему, казалось-бы, совершенно очевидно. Однако, напримѣръ, Р. Вагнеръ вынужденъ былъ настаивать на томъ, что „единое, стереотипное пониманіе произведенія искусства недопустимо. Какъ ни опредѣленно само по себѣ завершенное чисто музыкальное строеніе въ художественныхъ пропорціяхъ бетховенской симфоніи, какъ ни совершенна и недѣлима форма, въ которой она является высшимъ чувствомъ, все же невозможно свести дѣйствіе этой композиціи на человѣческое сердце къ какому-либо единому толкованію". И, вторя учителю, Ницше возмущался редакторами музыкальныхъ произведеній, издающими ихъ съ фразировкой. Онъ называлъ ихъ phraseurs. „Основное предположеніе, на которомъ они строютъ—замѣчаетъ онъ въ письмѣ къ Фуксу—то-есть, будто вообще есть вѣрное, *одно* вѣрное истолкованіе, кажется мнѣ психологически и по опыту *ложнымъ*. Композиторъ въ моментъ творчества и воспроизведенія видитъ эти тонкія тѣни въ неустойчивомъ равновѣсіи: всякая случайность, всякое повышеніе или ослабленіе субъективнаго чувства силы, объединяетъ то большіе, то меньшіе круги. Словомъ, старый филологъ, на основаніи всего своего филологическаго опыта, говоритъ: ни для поэта, ни для музыканта *нѣтъ единоспасающей интерпретаціи* (самъ поэтъ абсолютно не авторитетенъ въ истолкованіи смысла своихъ стиховъ: есть удивительнѣйшія доказательства того, какъ неясенъ и неопредѣленъ для нихъ этотъ „смыслъ")".

И за много лѣтъ до Ницше ту же мысль, до сихъ поръ нуждающуюся, какъ мы видимъ, въ защитѣ, высказывалъ Потебня: „Слушающій можетъ гораздо лучше говорящаго понимать, что скрыто за словомъ, и читатель можетъ лучше самого поэта постигать „идею" его произведенія. Сущность, сила такого произведенія не въ томъ, что разумѣлъ подъ нимъ авторъ, а въ томъ, какъ оно дѣйствуетъ на читателя или зрителя, слѣдовательно въ неисчерпаемомъ возможномъ его содержаніи". Нѣтъ ни этого объективнаго содержанія, ни разъ навсегда даннаго смысла, ни идеи художественнаго произведенія: есть лишь форма для всего этого, неподвижный образъ, рождающій содержаніе въ читателѣ.

III.

Вотъ это свойство художественнаго произведенія достойно того, чтобы мы не ограничивались его признаніемъ, но присмотрѣлись къ тому, какія умственныя явленія оно вызываетъ, какъ оно отражается на жизни художественнаго произведенія.

Ибо невозможно отрицать эту жизнь. Созданное художественное произведеніе не пребываетъ во вѣки-вѣковъ въ томъ образѣ, въ которомъ создано; оно мѣняется, развивается, обновляется, наконецъ, умираетъ: словомъ, живетъ.

Совершенно ясно, что художественное произведеніе есть нѣкоторое органическое цѣлое, система, элементы которой находятся въ тѣснѣйшей зависимости другъ отъ друга. Въ этой системѣ нѣтъ ничего болѣе или менѣе важнаго, болѣе или менѣе выразительнаго; каждая—и самая ничтожная—ея часть говоритъ о цѣломъ, говоритъ за цѣлое. Ритмъ разсказа зависитъ отъ его содержанія, образы соотвѣтствуютъ сюжету, изложеніе связано съ тенденціями, краски въ картинѣ опредѣляются гаммой тоновъ, въ которой она написана; не соотвѣтствіе дѣйствительности является здѣсь закономъ, а внутренняя логика элементовъ. Кажется, что есть что-то внутреннее и что-то внѣшнее, что есть форма и есть содержаніе, но все это соотносительно:

Nichts ist aussen, nichts ist innen.
Denn was draussen, ist auch drinnen.

И форма, и содержаніе—неотторжимыя части одного цѣлаго, опредѣляемыя желѣзнымъ закономъ цѣлесообразности, и подобно тому, какъ съѣдобная и беззащитная бабочка должна быть похожа на листокъ дерева, чтобы не погибнуть, такъ настроеніе, выраженное въ сонетѣ, должно быть передано въ его условной формѣ, въ хитросплетеніяхъ простыхъ и вмѣстѣ трудныхъ риемъ: внѣ сонета его содержаніе не можетъ быть выражено никакъ. Будетъ то да не то, то есть ничто. И свободный сонетъ есть абсурдъ, потому что именно скованность есть необходимое условіе его смысла. И „подмостки означаютъ міръ“ совсѣмъ не потому, что въ пьесахъ отражается человѣческая жизнь, что драматическіе образы типичны, что мимика, жестикуляція, интонація воспроизводятъ дѣйствительность,—но потому, что все это вмѣстѣ взятое есть само по себѣ цѣлокупная система, особый міръ, въ которомъ все находится въ идеальномъ равновѣсіи, и каждая частность есть воплощеніе нѣкотораго цѣлаго, построеннаго по единому закону: закону своего стиля. Оттого, напримѣръ, одноцвѣтный рисунокъ не кажется неправдой, несмотря на то,

что природа многоцвѣтна, оттого никакому самому заядлому раціоналисту не придетъ въ голову при видѣ духа Банко сказать, что никакіе духи по землѣ не ходятъ; нѣтъ, онъ знаетъ, что въ мірѣ трагедіи о Макбетѣ есть духи умершихъ; въ этомъ мірѣ свои законы, и зритель принимаетъ этотъ міръ цѣликомъ со всѣмъ его своеобразіемъ, со всѣми чудовищными нелѣпостями— вплоть до открытаго извращенія естества, какъ въ карикатурѣ, вплоть до внутренняго противорѣчія, какъ въ гротескѣ.

Это—статика художественнаго созданія; есть и его динамика. Это органическое цѣлое *живетъ*, живетъ своею самостоятельной жизнью, и самостоятельность эта способна поразить всякаго, кто пытался схватить общимъ взглядомъ произведеніе художника не въ его эстетической неподвижности, но въ его историческомъ движеніи. Завершенное, отрѣшенное отъ творца, оно свободно отъ его воздѣйствія, оно стало игралищемъ исторической судьбы, ибо стало орудіемъ чужого творчества: творчества воспринимающихъ. Произведеніе художника необходимо намъ именно потому, что оно есть отвѣтъ на наши вопросы: *наши*, ибо художникъ не ставилъ ихъ себѣ и не могъ ихъ предвидѣть. И—какъ органъ опредѣляется функціей, которую онъ выполняетъ, такъ смыслъ художественнаго произведенія зависитъ отъ тѣхъ вѣчно новыхъ вопросовъ, которые ему предъявляютъ вѣчно новые, безконечно разнообразные его читатели или зрители. Каждое приближеніе къ нему есть его возсозданіе, каждый новый читатель Гамлета есть какъ-бы его новый авторъ, каждое новое поколѣніе есть новая страница въ исторіи художественнаго произведенія.

Къ сожалѣнію, эта исторія еще не написана. Наукой до сихъ поръ сдѣлано очень мало въ области изученія судьбы художественныхъ произведеній *послѣ* ихъ созданія. Мы имѣемъ многочисленныя генеалогіи произведеній, но не имѣемъ ихъ біографій, знаемъ ихъ предковъ, но не знаемъ ихъ собственной жизни. Мы иногда знаемъ, какъ зародилось произведеніе, откуда явился его сюжетъ, какъ общественный спросъ подсказалъ его настроеніе, какъ обиходныя формы воплотились въ его стиль, какіе личные поводы его вызвали, какъ все чужое и заимствованное перегорѣло въ индивидуальномъ творческомъ процессѣ и своеобразно отразилось въ готовомъ созданіи. Но разъ оно готово, изслѣдованіе отвернулось отъ него; оно входитъ въ исторію литературы подъ датой появленія—и какъ будто умираетъ. А вѣдь на самомъ дѣлѣ въ этотъ моментъ оно только начинаетъ жить, мы и терминъ тотъ же употребляемъ: появляется на свѣтъ. Возьмите любую исторію русской литературы и культуры и посмотрите, что

говорится въ ней, напримѣръ, о „Горе отъ ума“ послѣ 1834 года Ничего или почти ничего. А вѣдь мы почти вѣкъ послѣ этого прожили съ Чацкимъ, вѣкъ думали о немъ, вѣкъ питались имъ. Наша душевная исторія есть его исторія; онъ ею жилъ, онъ ею обогащался, не только мы имъ. Онъ выросъ за эти годы напряженной духовной жизни цѣлаго народа—и свой первоначальный обликъ онъ напоминаетъ, конечно, не больше, чѣмъ взрослый человѣкъ напоминаетъ ребенка, только что отдѣлившагося отъ матери.

Конечно, написать исторію какого бы то ни было художественнаго произведенія послѣ его завершенія есть задача безконечной трудности. Нѣтъ матеріала, нѣтъ точки опоры; воспріятіе, оцѣнка, пониманіе художественнаго произведенія въ исторіи есть интимнѣйшій процессъ, и объ этомъ процессѣ мы можемъ судить почти исключительно по такому грубому и случайному свидѣтельству, какъ критика. Мы вѣдь знаемъ, какъ бѣдно литературное и вообще словесное изображеніе нашей душевной жизни въ сравненіи съ ея дѣйствительнымъ богатствомъ. Есть другіе способы, но отъ нихъ не остается почти никакихъ слѣдовъ. Какой свѣтъ на исторію образовъ „Горя отъ ума“ въ русскомъ обществѣ бросаетъ, напримѣръ, характеристика ихъ театральнаго воплощенія въ эпоху романтической приподнятости: „Реальное казалось вульгарнымъ и низменнымъ. „Благородство“ тона имѣло свое особенное толкованіе. Чацкаго игралъ, конечно, героическій актеръ, трагикъ съ крупной фигурой и мощнымъ басомъ, Софью—актриса съ обаятельнымъ голосомъ и славившаяся только умѣньемъ декламировать на распѣвъ“ *). Какъ захватывающе-интересна была бы исторія сценическаго истолкованія большихъ драматурговъ. Вѣдь эта исторія есть; вѣдь разнообразныя толкованія не просто механически и случайно смѣняютъ другъ друга; они вытекаютъ одно изъ другого, восполняютъ одно другое, чередуются въ зависимости отъ смѣны общественныхъ настроеній. Если есть разумная послѣдовательность въ человѣческой исторіи, то есть и исторія сценическаго образа, есть развивающаяся сценическая традиція—и мы ничего или почти ничего не можемъ схватить, закрѣпить, констатировать изъ этой исторіи; она несомнѣнна, но и неуловима. Еще болѣе неуловима, напримѣръ, исторія музыкальной интерпретаціи. Углубляется нашъ душевный міръ, развивается жизнь чувства, вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, мѣняется пониманіе и передача музыкальныхъ произведеній. Мы играемъ

*) Вл. И. Немировичъ-Данченко въ „Вѣст. Евр.“ 1910 г., май.

Баха не такъ, какъ его играли при Бахѣ. И здѣсь есть, конечно, своя традиція, не только техническая, своя исторія, — а что мы, знаемъ объ этой исторіи творчества исполнителей? Оно, конечно, не все умираетъ вмѣстѣ съ творцомъ, оно сохраняется отчасти въ душевной жизни и въ творчествѣ дальнѣйшихъ поколѣній но воспроизвести для сравненія мы его не можемъ и должны удовлетворяться туманными, словесными опредѣленіями, восторгами современниковъ и теоретическими предположеніями.

Изученіе судьбы художественныхъ произведеній послѣ ихъ завершенія, конечно, влило бы новое содержаніе въ истрепанное изреченіе Теренція Мавра: habent sua fata libelli. Великое художественное произведеніе въ моментъ его завершенія—только сѣмя. Оно можетъ попасть на каменистую почву и не дать ростковъ, можетъ подъ вліяніемъ дурныхъ условій дать ростки чахлые, можетъ вырости въ громадное, величавое дерево. А мы, смотря на это дерево, почему-то думаемъ, что это то самое сѣмя. Конечно, изъ горошины не выростетъ дубъ, конечно, геніальное твореніе таитъ въ себѣ возможности, какихъ не имѣетъ художественная однодневка. Но все таки возможности эти раскрываются лишь въ исторіи. То, что мы открыли, напримѣръ, Тютчева есть не только радостное обогащеніе нашей душевной жизни, но и указаніе на печальнѣйшую и невозвратную потерю нашего существа; если бы мы всѣ семидесятые годы не отрывались отъ Тютчева, то и мы были бы другіе, и, главное, онъ былъ бы другой. Есть не только матеріальная патина старой бронзы; такой же благородный налетъ даетъ старина и поэтическому произведенію. Вотъ пройдетъ полвѣка со смерти князя В. Ѳ. Одоевскаго, и его сочиненія освободятся отъ тяжелой власти какихъ-то наслѣдниковъ, ставшихъ между русскимъ читателемъ и авторомъ „Русскихъ ночей,—но, быть можетъ, будетъ уже поздно, возможность духовнаго контакта исчезнетъ, и не воскреснетъ къ новой и достойной жизни высокое духовное наслѣдіе, которое было бы долговѣчно, если бы его жизнь въ душахъ сочувственныхъ читателей шла непрерывно. Это не безплодная тоска о естественной невозможности историческихъ утратъ, а совершенно конкретное указаніе. И тотъ разрывъ въ культурной жизни средневѣковой Европы, послѣ котораго понадобилось *возрожденіе* духовныхъ богатствъ классическаго міра, отразился кореннымъ образомъ и навѣки на пониманіи этихъ богатствъ. Одна была бы Венера Милосская, если бы восторженное преклоненіе предъ ней имѣло за собой непрерывную традицію, и другая она теперь—послѣ многовѣковаго погребенія. Не только руки поте-

ряла богиня. Это погребеніе изуродовало ея священный образъ не только физически, но и морально.

IV.

Въ чемъ заключается исторія художественнаго произведенія послѣ его созданія?

Въ томъ, что образы, созданные художникомъ, остаются неподвижными, непоколебимыми, безсмертными, пустыми формами, которыя смѣняющіяся поколѣнія читателей заполняютъ новымъ содержаніемъ, новымъ смысломъ. Созданіе художника—это только ферментъ новой жизни, всякій художественный образъ есть, въ сущности, только прообразъ. Можно спорить о подлинномъ грибоѣдовскомъ Чацкомъ, но надо помнить, что этого подлиннаго грибоѣдовскаго Чацкаго нѣтъ, какъ нѣтъ сѣмени, изъ котораго уже выросъ дубъ. Грибоѣдовскаго Чацкаго, какъ устойчиваго образа, какъ нѣкотораго законченнаго содержанія, нѣтъ и никогда не было: *Грибоѣдовскій* Чацкій это прекрасная, необходимая абстракція, но это абстракція, схематическое представленіе, нуждающееся въ томъ, чтобы чье-нибудь индивидуальное пониманіе заполнило его содержаніемъ. Какъ живое слово есть абстракція въ словарѣ и живетъ только въ употребленіи, въ живой рѣчи, такъ художественное произведеніе существуетъ лишь въ своеобразномъ пониманіи отдѣльнаго человѣка. Чацкій Грибоѣдова существовалъ лишь въ умѣ Грибоѣдова. Мы можемъ посредствомъ научныхъ изысканій доискиваться представленія о томъ, чѣмъ былъ Чацкій для Грибоѣдова, что видѣлъ Грибоѣдовъ въ Чацкомъ, но нѣтъ нужды напоминать, въ какой степени это представленіе неточно, приблизительно, смутно и—главное—въ какой степени оно не опредѣляетъ того Чацкаго, который существуетъ въ нашей мысли, въ общемъ представленіи. Левъ Толстой сравнивалъ дѣйствіе художественнаго произведенія съ зараженіемъ; это сравненіе здѣсь особенно уясняетъ дѣло: я заразился тифомъ отъ Ивана, но у меня мой тифъ, а не Ивана. И у меня мой Гамлетъ, а не Шекспира. А тифъ *вообще* есть абстракція, необходимая для теоретической мысли и ею созданная. Свой Гамлетъ у каждаго поколѣнія, свой Гамлетъ у каждаго читателя. Они пользуются образомъ великаго поэта для того, чтобы выразить при его посредствѣ свое душевное состояніе, но, пользуясь имъ, они его преобразуютъ: расширяютъ или съуживаютъ, углубляютъ или опошляютъ, но во всякомъ случаѣ пересоздаютъ по образу и подобію своему. Какъ языкъ, по безсмертному опредѣленію В. Гум-

больдта, есть не ergon, а energeia, не завершенный капиталъ готовыхъ знаковъ, а вѣчная дѣятельность мысли, такъ и художественное произведеніе, законченное для творца, оно есть *не произведеніе*, а *производительность*, долгая линія развитія, въ которой самое созданіе есть лишь точка, лишь моментъ; разумѣется, моментъ безконечной важности: моментъ перелома. Мы знаемъ уже, что нѣтъ въ искусствѣ, какъ и нигдѣ нѣтъ, творчества изъ ничего; мы знаемъ, что если традиція безъ творчества, ее обновляющаго, безсмысленна, то творчество внѣ традиціи просто немыслимо. Поэтъ, самый индивидуальный, связанъ готовыми формами, созданными до него. Онъ творитъ на языкѣ, который направляетъ его мысль; для него такъ или иначе неизбѣжны господствующіе поэтическіе роды, стихотворныя формы, жанры, сюжеты, пріемы; онъ получаетъ въ наслѣдіе—сознательное или безсознательное—запасъ поэтическихъ образовъ и оборотовъ, которыми пользуется свободно, увеличивая и видоизмѣняя ихъ массу.

Тщетно художникъ ты мнишь, что твореній твоихъ
ты создатель,
Вѣчно носились они надъ землей, незримые оку.

И заслуга величайшаго художника въ томъ, что онъ выкристаллизовалъ драгоцѣнные, твердые, опредѣленные кристаллы изъ темной неопредѣленной массы насыщеннаго этого раствора.

Все это слишкомъ хорошо извѣстно и интересно лишь постольку, поскольку можетъ быть обосновано и ограничено новыми фактами. Здѣсь приходится напомнить объ этой многоопредѣляющей зависимости творца отъ среды и эпохи лишь затѣмъ, чтобы отмѣтить эту, такъ сказать, мгновенность того, что мы такъ тѣсно связываемъ съ художникомъ. Парадоксомъ будетъ, конечно, если мы скажемъ, что „Евгеній Онѣгинъ“ существовалъ и до Пушкина, или что нынѣшній „Евгеній Онѣгинъ“ уже оторвался отъ Пушкина, и принадлежитъ только намъ. Но парадоксъ этотъ высказанъ Алексѣемъ Толстымъ въ цитированномъ нами стихотвореніи, и маленькая доля истины растворена въ великой неправдѣ того и другого утвержденія. Наши усилія должны быть направлены на то, чтобы фактами сдѣлать какъ можно конкретнѣе, какъ можно нагляднѣе и эту истину, и эту неправду.

Художественное произведеніе есть, такъ сказать, сгустокъ душевной жизни, настроеній, запросовъ, мысли. Чьей мысли? Развѣ только автора? Развѣ только предшествовавшихъ ему и его подготовившихъ поколѣній? Конечно, нѣтъ; конечно, когда художественное произведеніе дошло до насъ, оно уже вобрало въ себя

и душевную жизнь всѣхъ поколѣній, отдѣляющихъ насъ отъ его появленія.

Въ полной мѣрѣ примѣнима къ художественному произведенію извѣстная теорія, которою Кирѣевскій пояснялъ Герцену свое преклоненіе предъ иконой: „Я разъ стоялъ въ часовнѣ, смотрѣлъ на чудотворную икону Богоматери и думалъ о дѣтской вѣрѣ народа, молящагося ей; нѣсколько женщинъ, больные, старики стояли на колѣняхъ и, крестясь, клали земные поклоны. Съ горячимъ упованіемъ глядѣлъ я потомъ на святыя черты и мало-по-малу тайна чудесной силы стала мнѣ уясняться. Да, это не просто доска съ изображеніемъ... Вѣка цѣлые поглощала она эти потоки страстныхъ возношеній, молитвъ людей скорбящихъ, несчастныхъ; она должна была наполняться силой, струящейся изъ нея, отражающейся отъ нея на вѣрующихъ. Она сдѣлалась живымъ органомъ, мѣстомъ встрѣчи между творцомъ и людьми".

Такимъ образомъ чудотворная сила иконы коренится для Кирѣевскаго не въ первоначальномъ ея освященіи, не въ непосредственномъ воздѣйствіи высшаго всемогущаго Существа, сразу вложившаго въ нее эту силу, но въ эмоціональномъ творчествѣ массы, въ томъ пламенномъ потокѣ чувствъ, который, вѣчно стремясь къ иконѣ, концентрировался въ ней, чтобы отнынѣ—не по чьей-то волѣ, а по самой своей сущности—превращать моленіе вѣрующихъ въ исполненіе. Всего важнѣе для насъ въ этомъ сравненіи даже не то, что образъ получаетъ свою силу отъ обращающагося къ нему коллектива, а то, что всякое новое обращеніе къ нему не отнимаетъ у него частицу силы; а, наоборотъ, усиливаетъ его. И въ этомъ образъ художественный совершенно сходенъ съ образомъ священнымъ.

Теоретики охотно сравниваютъ художественное произведеніе съ аккумуляторомъ, вмѣстилищемъ громадной силы, накопленной предшествующими поколѣніями и постепенно отдаваемой. Говорятъ о нѣкоторой какъ бы эманаціи, вѣчно отдѣляющейся отъ художественнаго произведенія, создающей вокругъ него особую атмосферу, охватывающую читателя, зрителя, слушателя. „Поэзія—говорилъ еще В. Гумбольдтъ—ставитъ насъ какъ бы въ нѣкоторое средоточіе, отъ котораго исходятъ во всѣ стороны лучи въ безконечное". При всей пригодности этихъ сравненій для опредѣленныхъ цѣлей, въ нихъ есть одинъ коренной порокъ. Эти сравненія, взятыя изъ міра матеріальной природы, имѣютъ въ основѣ идею неизмѣннаго количества энергіи. Аккумуляторъ, отдавая сосредоточенную въ немъ силу, въ такой же мѣрѣ те-

ряетъ ее. Эманація выдѣляется изъ активнаго вещества до тѣхъ поръ, пока энергія, заключенная въ немъ, не истратится. Вѣдь и солнце грѣетъ потому, что когда-нибудь погаснетъ. А сила, заключенная въ художественномъ произведеніи, не тратится, а обновляется, умножается по мѣрѣ того, какъ дѣйствуетъ. Какъ Антей, созданіе художника набирается силъ отъ прикосновенія къ почвѣ, изъ которой выросло: къ массѣ, къ коллективу. Эманація вѣдь не только терминъ физико-химическій; давно уже имъ пользуется философія. Сторонники эманаціонныхъ теорій—гностики, неоплатоники—проводятъ аналогію между развитіемъ міра изъ Божества и исхожденіемъ лучей изъ солнца. Такимъ образомъ, эманація разсматриваетъ весь міровой процессъ, какъ постепенное ухудшеніе путемъ истеченія, и философія противополагаетъ ей идею эволюціи, идею не нисхожденія, но развитія, постепеннаго усложненія, углубленія, обогащенія. Вотъ, воспользовавшись этими философскими терминами, мы скажемъ, что объ эволюціи художественнаго произведенія, о его развитіи послѣ момента его созданія говорить полезнѣе, чѣмъ о его эманаціи. Понимать значитъ вкладывать свой смыслъ—и исторія каждаго художественнаго созданія есть постоянная смѣна этихъ новыхъ смысловъ, новыхъ пониманій. Художественное произведеніе умираетъ не тогда, когда оно въ постоянномъ примѣненіи истратило свою силу: примѣняясь, оно обновляется. Оно умираетъ тогда, когда перестаетъ быть ферментомъ броженія, когда перестаетъ заражать, когда попадаетъ въ среду *иммунную*, сказалъ бы теперешній естествоиспытатель—въ среду, не чувствительную къ его возбудительной дѣятельности.

Залогъ его жизнеспособности—его емкость. Чѣмъ больше оно можетъ вобрать содержанія, чѣмъ шире кругъ тѣхъ жизненныхъ явленій, на которыя оно можетъ дать отвѣтъ, чѣмъ сильнѣе возбудитель мысли, заключенный въ немъ, тѣмъ оно живучѣе. Его будутъ толковать, примѣнять, понимать и тѣмъ переводить изъ міра временнаго въ область безсмертнаго.

Мы знаемъ, что это необходимое разнообразіе пониманій художественнаго произведенія безконечно. Они смѣняютъ другъ друга въ исторіи, борются, сплетаются и видоизмѣняютъ первоначальный замыслъ поэта до неузнаваемости. „Венеціанскій купецъ“, задуманный, какъ комедія съ Антоніо—какъ показываетъ заглавіе—въ видѣ героя, сдѣлался трагедіей Шейлока, и нѣтъ уже силы, которая заставила бы насъ смѣяться тамъ, гдѣ заливались здоровымъ смѣхомъ Возрожденія зрители „Глобуса“. Для художественнаго наслажденія не обязательны ни указанія исто-

рической критики, ни автентическое толкованіе. Что мнѣ въ замыслѣ автора, если твореніе переросло всѣ его намѣренія? Тамъ, гдѣ мы имѣемъ откровенно тенденціозное произведеніе, это очевидно; пусть поэтъ „отправляется отъ идеи“; мы къ этому равнодушны; намъ важна не та абстракція, изъ которой онъ исходилъ, но тотъ конкретный міръ, къ которому принесли его волны его творчества. Что мнѣ въ тенденціяхъ Льва Толстого? Въ безконечномъ богатствѣ образовъ, мыслей, наблюденій, отношеній, которое называется „Анной Карениной“, въ чарующемъ образѣ Анны, въ ея страшной судьбѣ и неотразимой прелести кто же могъ вычитать одно голое поученіе: „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ“? Извѣстенъ ходовой критическоій шаблонъ: критикъ, несогласный съ тенденціей автора, говоритъ, что жизненная правда его талантливаго произведенія отвергаетъ его тенденцію, и факты, сообщенные имъ, убиваютъ его публицистическую преднамѣренность. Посредствомъ нехитрыхъ пріемовъ сіе обыкновенно и доказывается. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда художникъ не отправлялся отъ идеи, не иллюстрировалъ тезисъ, а творилъ свободно, его замыселъ не можетъ лишить насъ права на свободное отношеніе къ его произведенію, его толкованіе не можетъ считаться непререкаемымъ, не можетъ и не должно замѣнять намъ самостоятельную работу нашей мысли.

Вопросъ только о предѣлахъ этой работы, о ея направленіи, о ея значеніи. Чѣмъ вдумчивѣе художники, отказываясь комментировать свои произведенія, чѣмъ шире свобода, предоставляемая творческому толкованію теоріей, тѣмъ выше притязанія толкователей—и иногда чувствуется необходимость не только обуздать того или иного зазнавшагося представителя такъ называемой субъективной критики, но и попытаться найти общія теоретическія основы для того, чтобы положить предѣлъ этой самомнительной разнузданности произвольныхъ толкованій.

V.

Изъ того, что наше пониманіе перерастаетъ образы художника, создается иллюзія, будто мы своимъ индивидуальнымъ толкованіемъ даемъ нѣчто болѣе высокое. „Ты считаешь себя, выше Аристотеля“,—сказали какому-то второстепенному философу“.—Конечно, я выше,—отвѣтилъ онъ:—вѣдь я стою на его плечахъ“. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ исторической послѣдовательности, о разницѣ степеней, это, пожалуй, вѣрно; но полагать, что толкователь выше художника потому, что опирается на него,

нелѣпо уже потому, что самый геніальный толкователь опирается, естественно, лишь на часть художественнаго замысла. А между тѣмъ, такія притязанія—дѣло обиходное. Вотъ что пишетъ старый критикъ Языковъ въ статьѣ „Безсиліе творческой мысли“ („Дѣло“ 1875 г. іюнь), посвященной Островскому:

„Русскіе романы и повѣсти никогда не стояли на высотѣ русской критики. Критика уясняла беллетристическія произведенія не только читающимъ, но и самимъ авторамъ; нерѣдко она говорила то, что авторъ и не думалъ говорить... Такъ, Добролюбовъ въ „Темномъ царствѣ“ повторилъ басню объ орлѣ и паукѣ и унесъ съ собою на облака Островскаго, который никогда не предполагалъ улетѣть такъ высоко“ („Дѣло“, 1875 г., іюнь). Еще дальше пошла извѣстная въ свое время поэтесса А. П. Барыкова. Получивъ отъ редакціи „Посредника“ предложеніе передѣлать „Донъ-Кихота“ для народнаго чтенія, она, между прочимъ, пишетъ въ отвѣтъ: „Я очень, очень люблю и уважаю „Донъ-Кихота“ и не понимаю, какъ могъ Сервантесъ надъ этимъ типомъ смѣяться и рисовать его въ каррикатурѣ... Это Сервантесъ его въ шуты гороховые нарядилъ, а *онъ* былъ самоотверженный, безстрашный, прекрасный и добрый. Я знаю „Донъ-Кихота“ лучше, чѣмъ его авторъ“.

Да, вѣка прошли съ созданія „Донъ-Кихота“ и пересоздали его, и этого новаго нашего Конъ-Кихота“ создателемъ котораго надо считать не только Сервантеса, но, напримѣръ, и Тургенева, мы пожалуй, знаемъ если не „лучше“, то лучшимъ, чѣмъ Сервантесъ. Все-таки въ этой обнаженной формѣ категорическія притязанія Барыковой звучатъ забавно. Мы имѣемъ однако и болѣе высокія формы этой притязательности критиковъ. Достоевскій разсказалъ намъ, какъ Бѣлинскій, придя въ изступленный восторгъ отъ „Бѣдныхъ людей“, „пламенно, съ горящими глазами“ доказывалъ молодому писателю, что онъ самъ не понимаетъ своего произведенія. „Да вы понимаете-ль сами-то,—повторялъ онъ, —что вы такое написали!.. Вы только непосредственнымъ чутьемъ, какъ художникъ, это могли написать, но осмыслили ли вы сами-то всю эту страшную правду, на которую вы намъ указали?.. Не можетъ быть, чтобы вы въ ваши двадцать лѣтъ ужъ это понимали... Мы, публицисты и критики, только разсуждаемъ, мы словами стараемся разъяснить это, а вы, художникъ, одною чертой, разомъ, въ образѣ выставляете самую суть, чтобы ощупать можно было рукой, чтобъ самому неразсуждающему читателю стало вдругъ все понятно!“

Въ словахъ Бѣлинскаго какъ будто скрыта мысль, что До-

стоевскій только талантливо популяризовалъ вещи, извѣстныя до него. И странное выходитъ противорѣчіе: „самому неразсуждающему читателю“ дѣлаетъ „вдругъ все понятно“ тотъ, кто самъ „не можетъ быть, чтобы въ свои двадцать лѣтъ уже это понималъ“. Вопросъ о томъ, что самъ художникъ понимаетъ въ своемъ произведеніи, сводится, конечно, къ вопросу объ условномъ значеніи слова „понимать“. Къ міру, созданному художникомъ, критикъ и толкователь можетъ относиться лишь такъ, какъ познаніе самого художника относится къ міру, созданному Творцомъ вселенной: понимать его значитъ выбирать; понимать значитъ смотрѣть съ одной, хотя бы и самой возвышенной точки зрѣнія; понимать нельзя, не будучи одностороннимъ. Этой односторонности, конечно, лишенъ истинный художникъ по отношенію къ своему произведенію. Достоевскій охватывалъ своимъ взоромъ весь міръ своего романа, Бѣлинскій видѣлъ его частицу, обострялъ ее, подчеркивалъ и уяснялъ въ степени, быть можетъ, недоступной для Достоевскаго. И вотъ отвѣтъ на сомнѣнія Бѣлинскаго: его толкованіе для насъ черезъ полвѣка—есть ничтожная доля смысла „Бѣдныхъ людей“, который растетъ и ширится и охватываетъ собою всякое новое пониманіе. И какъ бы высоко ни ставилъ Тургеневъ Донъ-Кихота, его толкованіе есть лишь одна сторона „Донъ-Кихота“ Сервантеса; и какъ бы ни былъ углубленъ „Вишневый садъ“ въ изображеніи Художественнаго Театра, его „Вишневый садъ“ есть лишь частица драмы Чехова.

И хорошо еще, если это подлинный Чеховъ, а не нѣчто въ высшей степени самостоятельное, сочиненное по поводу Чехова. Это называется субъективностью толкованія, но сплошь и рядомъ это прямое извращеніе замысла автора. Интерпретирующее творчество плодотворно только тогда, когда опирается на созданіе художника, когда ограничивается дѣйствительнымъ истолкованіемъ настоящаго художественнаго произведенія. Истинный художникъ не нуждается въ такихъ читателяхъ; онъ ихъ боится: выходя изъ подъ его контроля, они неминуемо должны извратить его замыселъ. Насколько дорогъ ему читатель мыслящій, настолько вреденъ читатель сочиняющій. И эти вотъ самостоятельные замыслы сочиняющаго читателя-критика или музыканта-исполнителя, или актера-истолкователя тѣмъ серьезнѣе, чѣмъ выше и законнѣе полная свобода толкованія. Исторія литературы, исторія сцены, исторія критики и просто житейскій обиходъ насчитываютъ множество фантастическихъ, нелѣпыхъ, произвольныхъ толкованій художественныхъ произведеній, и основная быть можетъ, единственная причина этихъ извращеній—неумѣ-

ніе проникнуться общимъ духомъ произведенія, нежеланіе понять его прежде всего, какъ замыселъ его творца.

Произведеніе художника есть, какъ мы знаемъ, самостоятельное, законченное, уравновѣшенное цѣлое—система—и оно должно быть истолковано какъ *цѣлое*. Въ противномъ случаѣ,—если оно не однородно, если оно въ своемъ существѣ или въ частностяхъ противорѣчиво,—его противорѣчія должны быть указаны точно, опредѣленно и обоснованно, безъ умолчаній, безъ попытокъ передѣлать чужое созданіе на нашъ ладъ и тѣмъ приспособить его къ нашему толкованію. Оно должно свободно и легко совпадать съ нашимъ пониманіемъ—безъ натяжекъ, безъ затушевыванія того, что намъ неудобно.

Между тѣмъ—мы знаемъ—такія натяжки и извращенія, особенно въ нѣкоторыхъ областяхъ художественнаго воспроизведенія, дѣло заурядное. Литературное истолкованіе, литературная критика въ этомъ повинны относительно слабо. Но извѣстно, что, напримѣръ, сценическое истолкованіе кишитъ такими извращеніями, подчасъ невѣроятными. Конечно, положеніе артиста не то, что положеніе критика; критикъ можетъ удовлетвориться анализомъ поэтическаго образа; артистъ не можетъ уклониться отъ обязанности дать художественный синтезъ. Даже въ томъ случаѣ, когда онъ чуждъ творческаго вдохновенія, когда онъ играетъ отъ реплики къ репликѣ, въ основѣ его передачи все-таки лежитъ хоть безсознательно нѣкоторое общее представленіе объ изображаемомъ имъ характерѣ, о его роли, о типѣ. Задача изъ трудныхъ: надо творить, считаясь въ каждомъ движеніи своего творчества съ чужимъ созданіемъ, ни въ чемъ ему не противорѣча, стараясь быть свободнымъ и чувствуя себя законно связаннымъ. Естественно, что слабые выходятъ изъ этого неудобнаго положенія, разрѣшая себѣ полную, необузданную свободу—не считаясь съ опредѣленными требованіями драматурга: съ его текстомъ, его ремарками, его стилемъ, его общимъ духомъ. Этими нарушеніями воли, какъ извѣстно, богата сценическая практика, и едва ли многіе изъ театральныхъ дѣятелей могутъ похвалиться дѣйствительно благовѣйнымъ отношеніемъ къ поэтамъ, образы которыхъ они призваны были творчески истолковать. Не даромъ величайшій драматургъ, который былъ также и актеромъ, вложилъ въ уста своему популярнѣйшему герою эту извѣстную жалобу на актерское своеволіе: „Не позволяй также шутамъ болтать болѣе, чѣмъ написано въ пьесѣ,—говоритъ Гамлетъ актеру.—Я встрѣчалъ между ними такихъ, которые для того, чтобы вызвать смѣхъ нѣсколькихъ глупцовъ, дурачились въ такихъ интермедіяхъ,

когда, напротивъ, слѣдовало дать зрителямъ отдохнуть, чтобъ обдумать и усвоить видѣнное. Это нехорошо и обличаетъ только жалкое самолюбіе въ актерѣ, не брезгающемъ подобными продѣлками". Гамлетъ говоритъ объ интермедіяхъ, гдѣ импровизаціи комика предоставлено относительно свободное поле дѣйствія. Насколько же строже долженъ быть артистъ, когда рѣчь идетъ о самой ткани драмы—и какъ рѣдко бываютъ строги артисты! Если нуженъ болѣе тонкій примѣръ въ болѣе близкой намъ обстановкѣ, то достаточно напомнить, что, напримѣръ, Стокманъ у Ибсена все время протестуетъ противъ сплоченнаго *либеральнаго* большинства, а въ передачѣ Художественнаго Театра о „либеральномъ" не было ни слова; изъ Стокмана, рѣшительнаго индивидуалиста, рѣшительнаго противника всякой борьбы сомкнутыми рядами, всякой партіи уже потому, что она партія, дѣлался—въ соотвѣтственно настроенной аудиторіи—проповѣдникъ либерализма и дружной борьбы съ реакціей. По обстоятельствамъ времени, можетъ быть, эта неправда была полезна; не только политика, но и строгая мораль знаетъ условія, которыми бываетъ оправдана pia fraus. Но искусство, какъ и наука, знаетъ только одну ложь—и одну знаетъ ей цѣну.

VI.

Едва ли не опаснѣе прямыхъ извращеній, которыя ясны, потому что грубы,—произвольныя истолкованія умолчаній драматурга. Авторъ предоставляетъ необходимый просторъ творчеству толкователя; онъ не можетъ и не хочетъ опредѣлять заранѣе каждый шагъ артиста, и нѣтъ возможности указать напередъ, чего артистъ не долженъ дѣлать. Изъ этого получается своеобразное положеніе: все, что кажется недоговореннымъ—а недоговоренность есть естественное свойство искусства—заполняется посредствомъ пріемовъ, основная тенденція которыхъ одна: не считаться съ замысломъ автора. Уже языкъ, чуткій къ колебаніямъ дѣйствительности, создалъ соотвѣтственную терминологію. Мы знаемъ сочиненное Брюлловымъ великолѣпное словечко „отсебятина"—и нигдѣ оно не стало въ такой степени узаконеннымъ терминомъ, какъ въ театральномъ быту; и, конечно, новѣйшая критика также имѣетъ на него право. Въ нѣмецкомъ театральномъ словарѣ есть также ядовитый „ein denkender Schauspieler"; такъ называется актеръ, щеголяющій своеобразіемъ пониманія, сочиняющій тонкіе „нюансы" безъ всякаго къ тому основанія. Заполнять своимъ творчествомъ замыселъ автора, конечно, можно

и должно, но это творчество неизмѣнно должно восходить къ замыслу, считаться съ нимъ, восполнять его, а не пользоваться его недосказанностью для оправданія „отсебятины“. И не часто даже въ оцѣнкѣ большихъ артистовъ мы найдемъ такое трогательное признаніе, какое слышится въ рѣчи Островскаго на обѣдѣ писателей въ честь Мартынова:

„... Можно угодить публикѣ, угождать ей постоянно, не удовлетворяя нисколько автора; примѣръ этому мы видимъ часто. Но ни одинъ изъ русскихъ драматическихъ писателей не можетъ упрекнуть васъ въ этомъ отношеніи... Вы не старались выиграть въ глубинѣ на счетъ пьесы, а, напротивъ, успѣхъ вашъ и успѣхъ пьесъ были неразрывны. Вы не оскорбляли автора, вырывая изъ роли серьезное содержаніе и вставляя, какъ въ рамку, свое, большею частью характера шутливаго, чтобы не сказать рѣзче. Ваша художественная душа всегда искала въ роли правды и находила ее часто въ однихъ намекахъ. Вы помогали автору, вы угадывали его намѣренія, иногда неясно и неполно выраженныя; изъ нѣсколькихъ чертъ, набросанныхъ неопытной рукой, вы создавали оконченные типы, полные художественной правды“.

Въ наши дни не принято угадывать намѣренія авторовъ. Скорѣе наоборотъ: и театръ, и читатели склонны цѣнить тѣхъ авторовъ, которые нуждаются не въ угадкѣ, а въ выдумкѣ, которые даютъ полную свободу сочинить что-нибудь „по поводу“ и ничего противъ этого сочиненія не имѣютъ—оно не можетъ ихъ извратить. И какіе же авторы могутъ быть святыней для нынѣшняго дѣятеля сцены, когда въ отвѣтъ на соображенія, высказанныя въ этой статьѣ, одинъ извѣстный и талантливый режиссеръ отвѣтилъ, что для него, какъ для художника сцены, всякій авторъ есть лишь сырье, лишь матеріалъ—такой же матеріалъ, какимъ была жизнь для художника. Сцена не комментируетъ драматурга, не иллюстрируетъ его, а перевоплощаетъ,—какимъ бы извращеніемъ ни представлялось это перевоплощеніе, и чтобы для него ни понадобилось, хотя бы искромсать Шекспира.

Къ чему *практически* ведутъ эти воззрѣнія, показываетъ недавняя жалоба одного драматурга; и, право, какъ ни цѣнить его, его весьма второстепенное литературное значеніе не лишаетъ эту жалобу основательности. „Въ одномъ лишь второмъ актѣ моей пьесы режиссеръ вводитъ *четырнадцать* новыхъ, своихъ дѣйствующихъ лицъ. Правда, онъ не далъ имъ своихъ словъ. До этого еще не дошло. Но, я думаю, скоро дойдетъ и до этого... Благодаря этому получилось слѣдующее.

„Эти 14 дѣйствующихъ лицъ появлялись въ разное время

въ видѣ разнообразныхъ „просителей“ и, не имѣя никакого отношенія къ развитію дѣйствія и къ пьесѣ вообще, зря отвлекали вниманіе зрителя отъ игры основныхъ дѣйствующихъ лицъ или зря заинтересовывали его, потому что зритель могъ предположить, что новое лицо появляется не даромъ. Одну особу въ ротондѣ на бѣломъ мѣху, какую-то суетливую барыню, бѣгавшую отъ одной двери къ другой, режиссеръ выпускалъ въ этомъ актѣ четыре раза. И, конечно, когда она бѣжала по сценѣ въ четвертый разъ, публика смѣялась. Но, за этимъ совсѣмъ не нужнымъ по пьесѣ и для пьесы смѣхомъ, публика не слыхала словъ моихъ, основныхъ дѣйствующихъ лицъ“ *).

Формально режиссеръ, конечно, неуязвимъ: невозможно отнять у него право создавать соотвѣтственную бытовую обстановку, творить изъ намековъ автора, развивать его замыселъ. Это его дѣло. Въ концѣ-концовъ между сценаріемъ и законченной драмой—разница только въ степени. И то и другое есть въ данномъ случаѣ только схема, которая получаетъ жизненное содержаніе отъ сценическаго воплощенія. Однѣ ремарки, на которыя такъ скупъ Шекспиръ и такъ щедры современные драматурги, представляютъ собой необозримый матеріалъ для развитія, для творчества. Какъ легко замѣнить это творчество хитрой выдумкой, имѣющей результатомъ все, что угодно, кромѣ выясненія смысла, духа, стиля произведенія. Сплошь и рядомъ артисты и критики, сосредоточивая свое вниманіе на какой-нибудь частности, забываютъ о цѣломъ, увлекаясь эстетикой оригинальнаго и своего построенія, отвлекаются отъ общаго духа произведенія, изъ-за деревьевъ не видятъ лѣса,—тогда какъ художественное произведеніе можетъ быть понято и надлежащимъ образомъ истолковано лишь какъ нѣкоторое органическое цѣлое, охватываемое единымъ и всеобъемлющимъ объясненіемъ. И въ литературѣ, какъ и на сценѣ, громадное большинство непріемлемыхъ, нелѣпыхъ, хотя бы и чрезвычайно остроумно проведенныхъ объясненій, коренится въ томъ, что критикъ комбинировалъ частности, забывая о цѣломъ. О частныхъ извращеніяхъ и говорить не стоитъ. Такихъ случаевъ, когда толкователь въ стремленіи пересоздать образъ, объяснить его на свой образецъ, видоизмѣняетъ его частности, прямо противорѣчитъ не только замыслу, но и яснымъ указаніямъ художника,—сколько угодно. Иногда въ этомъ никого винить не приходится. Вотъ, мы видѣли, изъ комедіи о венеціанскомъ купцѣ Антоніо исторія сдѣ-

*) Рышковъ въ „Театрѣ и Искусствѣ“, 1910 г. № 3.

лала трагедію Шейлока. Въ немъ сосредоточился весь смыслъ пьесы, онъ сталъ ея героемъ; естественно, что вся драма перестроилась для насъ. Во-первыхъ, мы не вѣримъ въ ея благополучно-позорный исходъ для Шейлока; мы лучше Шекспира знаемъ, что Шейлокъ—тотъ Шейлокъ, котораго изобразилъ для насъ Шекспиръ—немыслимъ въ позѣ ренегата: какъ истинный трагическій герой, онъ долженъ погибнуть. И, во-вторыхъ: разъ Шейлокъ—герой драмы, то намъ не нуженъ ея пятый актъ, гдѣ его нѣтъ, гдѣ его забыли, гдѣ шутятъ и веселятся; и въ самомъ дѣлѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ театры и не ставятъ пятаго акта драмы: она кончается хоть и не трагедіей, но и не фарсомъ. Фарса о Шейлокѣ не могъ бы осмыслить и принять современный зритель.

Но это, можно думать, исключительный случай. А какъ часто самые добросовѣстные изслѣдователи, толкуя по своему художественное произведеніе, извращаютъ его въ той или иной частности! Достаточно напомнить, что Тургеневъ, въ стремленіи во что бы то ни стало противопоставить Донъ-Кихота Гамлету, замѣчаетъ: „Донъ-Кихотъ едва знаетъ грамотѣ“. На самомъ дѣлѣ не только болѣзнь Донъ-Кихота связана съ его начитанностью, но онъ—и это было указано не разъ—для своего времени очень образованный человѣкъ. Но это—частность; въ общемъ пламенный панегирикъ, созданный Тургеневымъ въ честь Донъ-Кихота, есть одна изъ глубочайшихъ характеристикъ бѣднаго рыцаря—и, конечно, Сервантесъ не отказался бы ее принять. А сколько критиковъ, доходящихъ до геркулесовыхъ столповъ непониманія въ своемъ бурномъ стремленіи понять художественное произведеніе непремѣнно по своему! Полагаемъ, не нужны комментаріи къ такому, напр., эпизоду въ исторіи истолкованія Шекспира:

„Въ числѣ комментаріевъ къ „Отелло“ приведемъ одинъ изъ новѣйшихъ, отличающійся несомнѣнной оригинальностью. Онъ былъ помѣщенъ въ „Запискахъ“ нью-іоркскаго шекспировскаго общества и въ 1899 году изданъ отдѣльною книгой: „A further study of the Otello“. Авторъ Уэлькеръ Гивенъ имѣетъ притязаніе доказать, что всѣ предшествующіе комментаторы и критики этой трагедіи не примѣтили главной въ ней черты, которая ставитъ ее еще выше, чѣмъ признаютъ ея почитатели. По мнѣнію Гивена, Шекспиръ явился въ ней первымъ борцомъ противъ расовыхъ предразсудковъ, вывелъ въ лицѣ Отелло такого представителя черной расы, который нравственно выше и чище всѣхъ европейскихъ героевъ великаго трагика.

„Отелло-негръ и былъ рабомъ, но возвысился до степени вождя европейскаго войска, снискалъ любовь „бѣлой“ патриціанки, къ тому же выросшей среди богатства и изящества, одаренной тонкой природой и чистотою, существа почти святого. Но какъ такое существо могло отдаться негру, какъ могъ допустить нѣчто подобное Шекспиръ въ Елизаветинское время въ Англіи, когда негровъ за связь съ бѣлыми женщинами закапывали живыми въ землю по грудь и умерщвляли голодомъ, причемъ за одну подачу жертвѣ пищи полагалась смертная казнь?

„Гивенъ доказываетъ невозможность такого пониманія, говоритъ, что тогдашніе зрители были бы возмущены этими фактами и не позволили бы представлять такую пьесу. Если же они этого не сдѣлали, а наоборотъ, увлеклись ею, то это значило, что имъ было понятно одно такое намѣреніе Шекспира, которое осталось непонятымъ всѣми его толкователями. Намѣреніе это, по словамъ Гивена, заключалось въ томъ, чтобы представить Отелло не простымъ звѣрскимъ ревнивцемъ, но человѣкомъ нравственно-высшимъ, способнымъ на чисто-идеальную любовь. Онъ обожалъ въ Дездемонѣ совершенство физической и нравственной красоты, и ихъ любовь, ихъ бракъ—были платоническими. Вотъ, что, по увѣренію Гивена, примиряло современныхъ зрителей съ бракомъ, противъ котораго отецъ Дездемоны, Брабанціо, такъ возмущался, что умеръ съ горя по его заключеніи.

„И вотъ, новый комментаторъ положительно утверждаетъ (и этому посвящена вся его книга), что бракъ этотъ былъ заключенъ—только въ смыслѣ идеальной любви и въ глазахъ закона, но не въ смыслѣ супружескаго сожитія. Въ подтвержденіе своего взгляда Гивенъ приводитъ нѣсколько малодоказательныхъ словъ дѣйствующихъ лицъ, словъ, которымъ онъ даетъ произвольно расширенное значеніе. Но при этомъ онъ ссылается и на одинъ такой фактъ, въ которомъ позволительно видѣть, если и не доводъ, то слабое основаніе для довода. Этотъ фактъ состоитъ въ томъ, что, осыпанная тяжкими и грубыми оскорбленіями мужа, Дездемона велитъ прислуживающей ей Эмиліи постлать ей на слѣдующую ночь (въ которую совершилось убійство) „ея брачныя простыни“, Припоминая значеніе, какое придавалось въ тѣ времена (какъ то было и въ московскомъ государствѣ) доказательствамъ непорочности невѣсты, Гивенъ утверждаетъ, что Дездемона рѣшилась опровергнуть обвиненіе, сдѣлавшись фактическою женою Отелло, а потому и хотѣла явиться вновь съ обстановкой невѣсты. Иначе, по мнѣнію Гивена, немыслимо, чтобы

Дездемона велѣла постлать свадебное бѣлье именно послѣ того, какъ Отелло назвалъ ее падшею женщиной и еще хуже.

„Въ идеальности любви и самого брака критикъ видитъ черту деликатности Отелло, и ею-то Шекспиръ примирилъ свою публику съ бракомъ, который долженъ былъ казаться возмутительнымъ, и, такъ сказать, одухотворилъ этого негра, поставивъ его выше всѣхъ своихъ героевъ бѣлой расы. Въ увлеченіи своей догадкой, Гивенъ доходитъ до того, что предполагаетъ фактъ этотъ извѣстнымъ самому венеціанскому сенату, который въ противномъ случаѣ, вѣроятно, отрѣшилъ бы Отелло отъ командованія, но, зная о „фактѣ“, признаетъ, что Отелло, способный къ такому воздержанію и нравственной дисциплинѣ, тѣмъ самымъ доказываетъ и свою способность повелѣвать другими“ *).

Русскій изслѣдователь, познакомившій насъ съ критической экстравагантностью глубокомысленнаго американца, споритъ съ нимъ, разбиваетъ его въ подробностяхъ, ловитъ на противорѣчіяхъ, доказываетъ даже, что Отелло менѣе черенъ, чѣмъ абиссинецъ, и болѣе черенъ, чѣмъ арабъ.... Но стоитъ ли? Не достаточно ли отвернуться отъ него и сказать читателю: прочитайте „Отелло“, сосредоточьтесь, войдите въ міръ трагедіи. Едва ли остроумные доводы американскаго аболиціониста будутъ имѣть послѣ этого какой бы то ни было вѣсъ. Они,—какъ дьявольское навожденіе для вѣрующаго: приходятъ, смущаютъ, и исчезаютъ отъ одного вѣянія святого духа художественной цѣлокупности. И спорить съ такимъ критикомъ надлежитъ, не опровергая его частности, не подкапываясь подъ его постройку, но однимъ ударомъ опрокидывая ее. Такимъ ударомъ служитъ обыкновенно доводъ элементарнаго здраваго смысла, раскрывающій не то что невѣрность, а невѣроятность, и съ нею тщету и нищету хитроумнаго построенія. Оно невѣроятно, а стало быть, неинтересно: это —безпредметная игра ума, какъ всякая игра, ни въ чемъ не убѣждающая.

VII.

Каковы опасности этой игры, можно судить по тѣмъ случаямъ, когда толкованіе дѣйствительно создаетъ автора, котораго до тѣхъ поръ въ самомъ дѣлѣ не существовало. Сплошь и рядомъ благожелательнымъ толкованіемъ пытаются спасти безсмыслицу, и на время успѣваютъ и въ этомъ. Еще хуже, что эта

*) Л. А. Полонскій, предисл. къ „Отелло“ въ „Библіотекѣ великихъ писателей“ С. А. Венгерова; Шекспиръ, т. III.

благожелательность иногда подстрекаетъ къ безсмыслицѣ. Темныхъ изреченій оракула не было бы, если бы толпа вѣрующихъ не ломала бы себѣ голову надъ ними; и французскій сонетъ, состоящій изъ однихъ собственныхъ именъ, вѣрно, не былъ бы написанъ, если бы у поэта не было друзей, готовыхъ понять и истолковать безсмысленное. Захотѣвъ, не такъ ужъ трудно осмыслить, что угодно. Нагромоздите безъ всякаго порядка рядъ совершенно произвольныхъ знаковъ и назначьте высокую награду за разрѣшеніе этой яко бы загадки, и непремѣнно найдется хитроумная голова, которая внесетъ какую-нибудь—и вполнѣ защитимую—систему въ этотъ сумбуръ. Порядокъ буквъ во французской азбукѣ, какъ извѣстно, произволенъ: это—сохранившійся порядокъ финикійскаго алфавита; смыслъ этого порядка намъ неизвѣстенъ. А французскій острякъ внесъ въ него свой смыслъ, доказавъ, что это—драма; она извѣстна всѣмъ—Пушкинъ внесъ ее, какъ курьезъ, въ свою записную книжку: „Abbè, cedez.“—„J'ai hâche.“—„Ikaël aime Eno.“—„Pécu est resté“ и т. д. Примѣровъ *такого* осмысленія безсмыслицы сколько угодно: вѣдь и оно коренится въ существѣ нашей мысли. И между людьми, которые въ разбросанныхъ по небу свѣтилахъ увидали медвѣдицу, центавра, лиру, близнецовъ, и читателями, которые съ простодушнымъ глубокомысліемъ принимаютъ въ серьезъ произведенія, пригодныя лишь въ пародіи, разница не велика. С. Т. Аксаковъ разсказываетъ, какъ въ юности, раздраженный самомнительными умствованіями стараго мартиниста Рубановскаго, онъ выдалъ ему свою пародію за подлинное масонское произведеніе нѣкоего Вольфа, и какъ удалась эта игра:

„Ломая голову, какъ бы мнѣ отбиться отъ докукъ старика, я напалъ на мысль сочинить какой-нибудь вздоръ, разумѣется, въ темныхъ, мистическихъ выраженіяхъ, и выдать этотъ вздоръ за сочиненіе Вольфа. Къ этому присоединилось желаніе испытать, какъ Рубановскій будетъ находить смыслъ и объяснять то, въ чемъ нѣтъ никакого смысла. Мнѣ захотѣлось самому вполнѣ, такъ сказать, наглядно убѣдиться въ совершенномъ произволѣ и ложности его толкованій, къ которымъ прибѣгалъ онъ во время нашихъ споровъ, при нашемъ общемъ чтеніи мистическихъ книгъ,—и я рѣшился на поступокъ, совершенно мнѣ несвойственный. Я написалъ девять отрывковъ. Всѣ они состояли изъ пустого набора словъ и великолѣпныхъ фразъ, безъ всякаго смысла; но въ то же время я постарался придать написанному мною нѣкоторую внѣшнюю связь и мистическое значеніе. Пріемы же я заимствовалъ изъ сочиненій Эккарстгаузена, Штиллинга и

самого Лабзина. Сначала я сказалъ Рубановскому, что есть надежда списать кое-что, и, наконецъ, принесъ такъ давно желанные имъ отрывки изъ мнимыхъ сочиненій Вольфа. Я пріѣхалъ часа за два до обѣда; мы заперлись со старикомъ въ его комнатѣ, и я, не безъ внутренняго волненія и упрековъ совѣсти, прочелъ ему листовъ шесть написаннаго мною вздора. Во время чтенія я нѣсколько разъ останавливался, говоря: „Какая дичь, какая безсмыслица, какая галиматья!“ Но старикъ съ сожалѣніемъ улыбался, повторяя свои выраженія, что „это не про васъ и не для васъ написано“. Я попросилъ растолковать мнѣ—*и онъ толковалъ цѣлый часъ*“.

И правда или неправда обѣжавшая въ прошломъ году парижскія газеты исторія о написанной ослинымъ хвостомъ и принятой за подлинное художественное произведеніе картинѣ,—она правдоподобна, и едва ли можно чѣмъ либо предотвратить эти неизбѣжные случаи пониманія сумбура, признанія безсмыслицы. Здѣсь неизбѣжная антиномія. Къ произведенію человѣческаго творчества надо подходить съ открытой душой, съ безконечнымъ довѣріемъ, съ рѣшимостью принять его. Зритель, читатель, открываетъ неограниченный кредитъ художнику—и въ этомъ залогъ его пониманія. Но здѣсь же и опасность; легко довѣриться тому, кто не имѣетъ права на это довѣріе. Рѣшившись понимать, слишкомъ легко понять то, что въ сущности не подлежитъ никакому пониманію. Здѣсь рискуетъ не только публика, здѣсь подвергается страшнѣйшему искушенію художественная честность творца. Бываютъ эпохи, когда затихаетъ спросъ на законченность, отчетливость, ясность, когда является жажда полутоновъ, и когда искусство слова объявляетъ себя поэзіей намековъ. Въ такія эпохи—и, кажется, мы только что разстались съ такою—мы чаще всего встрѣчаемся съ упадкомъ художественной добросовѣстности. Творчество замѣняется спекуляціей на догадливость, разсчетомъ на то, что повадливая мысль читателя, воспользовавшись недодуманными и безсодержательными намеками автора, сообщитъ имъ смыслъ и содержаніе, растолкуетъ по своему то, что безтолково по существу. Преднамѣренная неясность становится тягостнымъ соблазномъ даже тѣхъ, кто додумалъ до конца свою мысль; эта соблазнительная темнота прикрываетъ безпомощность тѣхъ, кому просто нечего сказать. Кончается подлинное творчество поэтовъ, начинается второсортное творчество воспринимающихъ, надъ которымъ такъ забавно издѣвался Гете:

Im Auslegen seid frisch und munter,
Legt ihr's nicht aus, so legt was unter.

Это такъ легко и просто: сочинить что нибудь свое по поводу поэта и приписать ему. Оно и заманчиво: оно поражаетъ неожиданностью и даетъ видимость глубокомыслія. Да оно и бываетъ и остроумно и глубокомысленно. Только разъясненный авторъ здѣсь не причемъ. Для толкователей этого рода—какъ правильно замѣтилъ недавно Лансонъ—„Монтень или Руссо—только гири, которыми они жонглируютъ: все дѣло въ томъ, чтобы публика удивлялась силѣ или ловкости критика". Да и въ этомъ, пожалуй, не было бы ничего страшнаго, если бы здѣсь Руссо, откровенно сочиненный, не выдавался за Руссо подлиннаго. Лансонъ упрекаетъ въ этомъ импрессіонистскую критику. „Вся бѣда въ томъ, что она никогда не остается въ границахъ. Пусть человѣкъ опишетъ, что происходитъ въ немъ, когда онъ читаетъ ту или другую книгу, и пусть онъ ограничится только изображеніемъ своей внутренней реакціи, не утверждая ничего другого—его свидѣтельство будетъ драгоцѣнно для исторіи литературы и никогда не будетъ лишнимъ. Но рѣдко критикъ можетъ устоять противъ искушенія примѣшать къ своимъ впечатлѣніямъ историческія сужденія или выдать свое индивидуальное пониманіе за подлинную сущность предмета". Это слишкомъ естественно. Въ своей субъективности мы готовы сознаться, лишь пока мы въ области чистой теоріи. А, толкуя произведеніе искусства, мы непремѣнно приписываемъ наше толкованіе художнику. Мы считаемъ себя выразителями его намѣреній, а свое толкованіе единственно основательнымъ и правомочнымъ. Мы знаемъ только, что намъ говоритъ его произведеніе, а утверждаемъ: вотъ что онъ хотѣлъ этимъ сказать.

Въ свободѣ пониманія истины, воплощенной въ художествѣ, какъ въ религіозной свободѣ: какъ бы я ни былъ терпимъ, какъ бы я ни уважалъ религіозное разномысліе, разъ я религіозенъ, я не могу не думать, что истина воплощена наиболѣе полнымъ образомъ въ моей религіи. И какъ бы я ни понималъ, что возможны разныя точки зрѣнія на художественное произведеніе, я всегда буду считать, что моя точка зрѣнія единственно правильная. Если представленіе о томъ, что художественный образъ имѣетъ одинъ смыслъ, есть иллюзія, то это не всегда вредная иллюзія. Для творчества истолкованія она прямо необходима. Безъ извѣстнаго фанатизма невозможно найти, защищать, воплощать истину. Невозможно отстаивать истину въ убѣжденіи, что о томъ же предметѣ рядомъ съ нею могутъ существовать другія равноправныя истины. Отойдя на извѣстное разстояніе, мы можемъ чисто теоретически, я бы сказалъ: разсудочно, признавать,

что нѣтъ Гамлета Шекспира, что есть Гамлетъ мой, твой, Гамлетъ Берне, Гервинуса, Барная, Росси, Мунэ-Сюлли—и что всѣ они равноправны; одинъ намъ ближе, другой дальше, болѣе или менѣе они всѣ вѣрны. Но это точка зрѣнія чисто раціональная: въ подъемѣ творчества она губительна. Критикъ или артистъ, создающій своего Гамлета, долженъ быть его фанатикомъ. *Мой* Гамлетъ есть абсолютная истина—другого нѣтъ и не можетъ быть: только въ такомъ настроеніи можно создать что нибудь дѣйствительно свое.

И, конечно, мой Гамлетъ есть Гамлетъ Шекспира. Мое толкованіе наиболѣе близко къ замыслу творца. Теоретически, абстрактно, логически я могу утверждать: вотъ мой Гамлетъ, мнѣ нѣтъ дѣла до Гамлета Шекспира. Но практически, психологически, это вѣдь невозможно; мысль воспринимающаго всегда будетъ восходить къ автору; автентическое пониманіе всегда будетъ его идеаломъ, котораго нельзя воплотить, но къ которому нельзя не стремиться. Какъ бы ни было свободно толкованіе, какъ бы ни разрывало оно съ традиціей, съ эпохой созданія, съ индивидуальностью автора, въ основѣ его—безсознательная и необходимая тенденція приписать его автору. Мы можемъ связывать Гамлета съ философскими и моральными проблемами двадцатаго вѣка, но невозможно оторвать Гамлета отъ Шекспира. Совершенно вѣрно, что у каждаго изъ насъ есть свой Гамлетъ, но совершенно также вѣрно, что есть только одинъ Гамлетъ. Читатель вѣдь есть своего рода переводчикъ: онъ переводитъ произведеніе поэта на языкъ своей страны, своей эпохи, свой личный языкъ: переводя, онъ видоизмѣняетъ и, только видоизмѣняя, онъ добивается пониманія; но всѣ разнообразные переводы восходятъ вѣдь несомнѣнно къ единому оригиналу. Есть у насъ Фаустъ Фета, Фаустъ Холодковскаго, Фаустъ Губера, но всѣ они суть отображенія Фауста Гете, и каждый изъ нихъ стремится быть наиболѣе близкимъ къ единому гетевскому Фаусту и утверждаетъ, что въ немъ говорится тоже самое, что въ подлинномъ—„nur mit ein bischen andern Worten“. Совершенно тоже въ критическомъ толкованіи: неизбѣжно, что расходящіеся въ пониманіи не успокоются въ этомъ расхожденіи, не признаютъ его, но будутъ отстаивать свою правду, будутъ спорить о подлинномъ гетевскомъ Фаустѣ, сливая своего Фауста съ гетевскимъ.

А вопроса о томъ, какое изъ двухъ толкованій *вѣрнѣе*, и ставить не стоитъ. Если оставить въ сторонѣ толкованія, явно извращающія произведеніе, то прочія равноправны и равно вѣрны. Вопросъ только въ томъ, какое изъ нихъ цѣннѣе, то-есть содер-

жательнѣе, и глубже, и послѣдовательнѣе. Проведемъ аналогію съ художественными произведеніями. Что *вѣрнѣе* рисуетъ жизнь человѣческую—„Фаустъ“ Гете или „Жили-были“ Андреева? Вѣрнѣе?—объ этомъ нѣтъ возможности спорить; и то и другое одинаково вѣрно. Но что цѣннѣе, глубже, содержательнѣе—это ясно. Такъ и въ толкованіи художественнаго произведенія. Маленькій актеръ, маленькій критикъ толкуетъ его въ большинствѣ случаевъ не невѣрно, а ничтожно, бѣдно, скудно содержаніемъ. Надо оцѣнивать значительность этого содержанія, то есть продѣлывать новую критическую оцѣнку.

VIII.

Итакъ, теорія отказалась дать намъ догматы для сужденія о предѣлахъ толкованія художественнаго произведенія, но, полагаемъ, обогатила, усложнила наши мысли о свободѣ толкованія. Неизбѣжна эта свобода, неизбѣжны ея эксцессы. „Еще не обезпечитъ ли эта теорія права самой необузданной и нелогичной графоманіи“?—такъ возражаетъ А. А. Измайловъ Ѳедору Сологубу. Да, обезпечитъ—но что же изъ этого? И здѣсь вѣдь свобода носитъ самоисцѣляющую силу. И вездѣ спасти насъ можетъ не теорія, а тактъ, не непреклонность закона, а гибкость искусства. Какое же начало можетъ насъ охранить отъ ненужной игры, отъ разнузданности произвольнаго толкованія? Совершенно ясно: мысль объ авторѣ. Мы и такъ неизбѣжно „выдаемъ свое индивидуальное пониманіе за подлинную сущность предмета“. И надо сдѣлать все, что въ нашихъ силахъ, чтобы оно приблизилось къ этой „подлинной сущности“. Единственный путь къ этому, это восхожденіе къ автору, къ его духовному міру, къ его замыслу, то-есть не къ намѣреніямъ автора, не къ его публицистикѣ, не къ тенденціямъ, но къ содержанію, безсознательно вложенному имъ въ его образы. Какъ надо относиться къ этому первоначальному содержанію, лучше всего показываетъ судьба отдѣльнаго слова въ исторіи. Здѣсь даже не аналогія, ибо вѣдь слово, какъ показала теорія, тоже есть художественное произведеніе. Въ качествѣ такового оно также имѣетъ свою исторію, также мѣняетъ на протяженіи годовъ свой смыслъ, и цѣлая область знанія—семасіологія—изучаетъ переходы значеній слова. Мы не имѣемъ еще литературной семасіологіи, но она, конечно, должна быть и будетъ создана. И, разумѣется, ту же роль, какую играетъ „происхожденіе“ слова въ опредѣленіи его нынѣшняго значенія, долженъ играть первоначальный смыслъ художественнаго произведенія

при всякомъ истолкованіи. Всеопредѣляющимъ этотъ первичный смыслъ не можетъ быть: это очевидно. Юморъ первоначально значитъ жидкость; но это не мѣшаетъ намъ говорить даже о сухомъ юморѣ. Тотъ, кто впервые отъ слова „черный“ произвелъ слово „чернила“, не имѣлъ въ виду чернила красныя и синія, но теперь эти соединенія насъ не коробятъ и потому законны. Обозвавъ мѣщанина „подлымъ“, мы не можемъ ссылаться на то, что первоначально это слово обозначало не безчестность, а принадлежность къ низшему сословію.

Между нами и первоначальнымъ значеніемъ слова стоитъ исторія; совершенно также стоитъ она и между нами и замысломъ автора. Но значитъ ли это, что намъ до этого первоначальнаго значенія, до этого замысла совершенно нѣтъ дѣла? Конечно, нѣтъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ знаніе этого первичнаго смысла обогащаетъ, углубляетъ наше толкованіе. Оттого такъ цѣнна біографія поэта, оттого такъ важны въ ней мелочи, подчасъ болѣе значительныя, чѣмъ большія событія. Мы можемъ наслаждаться стихотвореніемъ Пушкина, не зная, кто его написалъ и по какому поводу; но когда съ каждымъ стихотвореніемъ мы связываемъ живой обликъ поэта, когда мы знаемъ ближайшій поводъ, его вызвавшій, несомнѣнно, выигрываетъ наше пониманіе и наше наслажденіе. Одно дѣло „Дьяволъ“ и „Крейцерова соната“ внѣ времени и пространства, другое дѣло тѣ же произведенія, какъ странички изъ дневника борющагося съ собой Толстого. Вправѣ мы отвлечься отъ этой исторической обстановки? Да, конечно, вправѣ, но для поступательнаго хода человѣческой мысли полезнѣе идти инымъ путемъ: использовать до конца данное, творить въ сознательной связи съ традиціей. Намъ не дано возсоздать вполнѣ первичный замыселъ художника, и не къ этому мы стремимся; этотъ замыселъ—не наша цѣль, а регуляторъ нашего движенія къ нашей цѣли. Наше пониманіе Фауста не можетъ и не хочетъ быть гетевскимъ, но гетевскимъ пониманіемъ оно должно управляться.—„Гдѣ же, скажите, предѣлъ читательскому произволу?—спросилъ критикъ Измайловъ въ разговорѣ, о которомъ мы упомянули въ началѣ.—„Критерій для читателя—правильно отвѣтилъ Ѳедоръ Сологубъ—общій духовный обликъ поэта“.

Намѣренія его не будутъ для насъ закономъ, его тенденціи не будутъ для насъ идеей, сосредоточившей въ себѣ весь смыслъ его произведенія. Не толкованіе его будетъ для насъ обязательно, но обязательно будетъ согласіе нашего толкованія съ внутреннимъ міромъ, широко и исторически понятымъ. Вопросы объ этомъ обликѣ

поэта, о способахъ опредѣлить его, о затрудненіяхъ въ случаяхъ его внутреннихъ противорѣчій, о конкретныхъ его выраженіяхъ давно ждутъ научной постановки и изслѣдованія. Но и до этого изслѣдованія, полагаемъ, очевидна вся важность того изученія исторической обстановки, которое—вопреки довольно распространенному мнѣнію—не подавляетъ, а возвышаетъ всякое, самое индивидуальное толкованіе. Превосходно самъ Гете—каждое стихотвореніе котораго было, какъ извѣстно Gelegenheitsgedicht, то-есть связано съ опредѣленнымъ событіемъ его жизни—указалъ въ этомъ смыслѣ истинные пути къ уразумѣнію и оцѣнкѣ Св. Писанія. „Я убѣжденъ—говоритъ онъ—что Библія становится все прекраснѣе, по мѣрѣ того, какъ ее больше понимаютъ, то-есть по мѣрѣ того, какъ становится все очевиднѣе и несомнѣннѣе, что каждое слово, которое мы принимаемъ въ общемъ смыслѣ и примѣняемъ къ своему частному случаю, на самомъ дѣлѣ имѣло свое особое, частное, непосредственно индивидуальное значеніе въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ извѣстной обстановкѣ времени и мѣста“.

Примѣръ Библіи особенно хорошъ. Вѣроятно, ни одно созданіе человѣческаго духа не подвергалось такому количеству разнообразнѣйшихъ толкованій и примѣненій. Каждый эпизодъ Св. Писанія сталъ притчей, каждое слово поученіемъ; всякій примѣнялъ ее къ своей жизни, всякій приспособлялъ къ своему пониманію, діаметрально противоположныя толкованія Библіи покоились съ равнымъ правомъ на ея словѣ. Ибо надъ всѣмъ этимъ громаднымъ духовнымъ напряженіемъ не вѣялъ святой духъ исторіи, безпредѣльная субъективность воцарилась въ полнотѣ своихъ правъ. Умное слово Гете возвращаетъ насъ къ исторіи, къ творческому первоисточнику, къ реальному автору.

И когда мы научимся уважать автора, когда мы выше своихъ субъективныхъ построеній поставимъ углубленіе въ его подлинный замыселъ, въ его личность, въ міръ, ему подсказавшій его твореніе,—тогда и для нашей законной субъективности откроются новыя перспективы, тогда каждое новое ея завоеваніе будетъ не только формально правомѣрно, но также исторически устойчиво и творчески драгоцѣнно.

А. Горнфельдъ.

„Обрывъ“ Гончарова, какъ художественное цѣлое.

Мое стремленіе... направлено на то, чтобы... архитектоническій строй художественнаго произведенія выдвинуть въ центръ вниманія...
А. Гильдебрандъ.

Этотъ небольшой опытъ написанъ философомъ, а не художественнымъ критикомъ или историкомъ литературы. Поэтому, отъ него нельзя ожидать иныхъ итоговъ, кромѣ философскихъ. Эти итоги нисколько не претендуютъ на значеніе въ иныхъ областяхъ, кромѣ философіи, и—тѣмъ менѣе—отрицаютъ значеніе этихъ областей.

Романъ Гончарова здѣсь разсматривается съ особой точки зрѣнія, не скажемъ—новой, но не совсѣмъ привычной. У историковъ искусства намъ приходилось встрѣчать не разъ слѣды этой точки зрѣнія. Въ частности, мы находили ее въ изслѣдованіяхъ Вёльфлина, который руководился правиломъ, что всякая историческая монографія по искусству должна быть въ то же время и эстетическимъ трактатомъ,—въ блестящихъ этюдахъ Фромантэна о старинныхъ мастерахъ живописи, и друг. Вообще, если не ошибаемся, у пишущихъ по исторіи, такъ называемыхъ, „изобразительныхъ искусствъ“, скульптуры и живописи, она встрѣчается чаще и въ болѣе отчетливомъ видѣ. И книга А. Гильдебранда: „Das Problem der Form in der bildenden Kunst“, представляющая попытку теоретическаго уясненія этой же точки зрѣнія, посвящена именно изобразительному искусству и написана скульпторомъ. Это, вѣроятно, имѣетъ свои причины. Впрочемъ, у историковъ литературы и у художественныхъ критиковъ въ тѣсномъ смыслѣ („критика поэзіи“) наша точка зрѣнія выступаетъ иногда въ совершенно отчетливомъ видѣ, хотя бы и какъ вспомогательная. Въ частности, можемъ назвать нѣсколько блестящихъ примѣровъ ея примѣненія и въ русской литературѣ. Имѣемъ въ виду, прежде всего, тѣ главы классическихъ „Этюдовъ о творчествѣ Тургенева“ Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, въ которыхъ онъ изслѣдуетъ нѣкоторые композиціонные пріемы Тургенева въ „Дво-

рянскомъ гнѣздѣ"; далѣе—прекрасную статью А—сѣя Н. Веселовскаго о предполагаемомъ замыслѣ и композиціи трехъ частей „Мертвыхъ душъ" (въ „Этюдахъ и характеристикахъ"); наконецъ,—монографію Н. А. Котляревскаго о Гоголѣ, въ которой не мало страницъ посвящено вопросу о разныхъ композиціонныхъ „манерахъ" въ нашей художественной литературѣ 20—30-хъ г.г. прошлаго вѣка.

Точка зрѣнія, о которой мы говоримъ, имѣетъ въ виду композицію или „архитектонику" художественнаго произведенія, какъ цѣлаго.

Но мы беремъ ее здѣсь въ *особомъ, чисто-философскомъ* освѣщеніи и обобщеніи. Для философа, эта точка зрѣнія оказывается однимъ изъ видовъ нѣкоторой особо философской точки зрѣнія, Въ немногихъ словахъ, она состоитъ въ слѣдующемъ.

Существуютъ предметы разнаго рода; подъ предметомъ разумѣется все, способное быть познаннымъ. Отвлекаясь отъ содержанія этихъ предметовъ, замѣчаемъ, что, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ,—предметы распадаются на двѣ группы: на составные и несоставные. Послѣдніе оставимъ въ сторонѣ. Всѣ составные предметы представляютъ нѣкоторое множество элементовъ, связанныхъ опредѣленными отношеніями другъ съ другомъ. Эти элементы вовсе не должны быть всѣ матеріальными; и отношенія между ними—не необходимо пространственныя: надо предоставить наукѣ ихъ установку и, въ видѣ carte blanche, допустить здѣсь какое угодно разнообразіе. Составные предметы вообще можно назвать „многообразіями", разумѣя подъ послѣднимъ множество элементовъ, какъ-либо связанныхъ между собою отношеніями; такимъ образомъ, многообразіе—не множество. Безъ труда можно видѣть, что многообразія различаются, во-первыхъ, со стороны образующихъ ихъ *элементовъ*, и, во-вторыхъ, со стороны *отношеній*, связывающихъ элементы. Иначе говоря, сложные предметы или многообразія различаются по матеріалу и по строенію, структурѣ, „архитектоникѣ"; конечно, возможна и комбинація этихъ основныхъ критеріевъ различія. *Философская наука, изучающая сложные предметы, или многообразія съ обѣихъ сторонъ, можетъ быть названа общимъ ученіемъ о предметахъ сложныхъ, или многообразіяхъ:* она—„общее ученіе" потому, что ея предметомъ являются не отдѣльныя многообразія и не ихъ группы въ конкретной ихъ наличности, а свойства многообразій вообще и основные ихъ типы.—*Художественное произведеніе, безспорно, принадлежитъ къ сложнымъ предметамъ, или многообразіямъ.* Но, кромѣ того оно, повидимому, образуетъ *особый* видъ многообразія,—можетъ быть и со стороны матеріала, и со стороны строенія, а, можетъ быть, и только съ одной изъ этихъ сторонъ. Являясь множест-

вомъ элементовъ извѣстнаго рода, оно, кажется, характеризуется *особыми отношеніями, связующими элементы*. Эти отношенія выражаютъ его строеніе и даютъ право разсматривать художественное произведеніе, какъ *особое цѣлое*; назовемъ его художественнымъ,—не для обозначенія его совершенства, а для безоцѣночнаго опредѣленія его качества или порядка. Художественное многообразіе подлежитъ изученію и съ точки зрѣнія свойственнаго ему матеріала, и съ точки зрѣнія присущей ему структуры, строенія; *въ послѣднемъ случаѣ художественное многообразіе изслѣдуется, какъ художественное цѣлое*, т. е. въ качествѣ такового. Анализъ художественнаго цѣлаго, если онъ имѣетъ въ виду задачи общаго ученія о многообразіяхъ, относится къ числу спеціальныхъ развѣтвленій этого ученія. Иногда анализъ этотъ предпринимается въ иныхъ цѣляхъ,—онъ пріобрѣтаетъ значеніе вспомогательнаго изслѣдованія, напр., въ психологіи творчества, въ исторіи искусства и т. д. Въ такомъ видѣ онъ и встрѣчается обычно.

Мы беремъ этотъ анализъ въ первомъ смыслѣ. Примѣнительно къ „Обрыву“, *наша точка зрѣнія состоитъ въ изслѣдованіи этого романа, какъ художественнаго цѣлаго и въ разъясненіи, на его примѣрѣ, нѣкоторыхъ болѣе общихъ положеній, относящихся къ спеціально-эстетической вѣтви общаго ученія о многообразіяхъ.* *)

Этой точкой зрѣнія опредѣляется отчасти и выборъ „Обрыва“ въ качествѣ предмета изслѣдованія. Въ критической литературѣ и у нѣкоторыхъ историковъ этотъ романъ не пользуется очень блестящей репутаціей; во всякомъ случаѣ, его ставятъ ниже „Обломова“, хотя и выше „Обыкновенной исторіи“. Но для нашихъ цѣлей это обстоятельство безразлично. Существенно то, что „Обрывъ“—*самый сложный романъ Гончарова*, и что эта сложность даетъ изслѣдователю композиціи много матеріаловъ для сужденія о строеніи цѣлаго. Въ русской литературѣ есть и болѣе сложныя цѣлыя; можно было замѣнить „Обрывъ“ однимъ изъ нихъ. Но дѣло не только въ сложности. Изслѣдованіе композиціи очень облегчается, если на первыхъ порахъ имѣть дѣло съ цѣлыми, сохранившими слѣды нѣкоторой незаконченности—какъ бы „швы“: по швамъ иногда удобно судить объ основныхъ линіяхъ структуры. Какъ геологу можетъ очень пригодиться изученіе напластованій не въ ихъ нормальномъ видѣ, а въ искаженномъ сбросами, сдвигами, нептуническими и иными процес-

*) Отсюда видно, что нашъ очеркъ вовсе не претендуетъ на полноту. Онъ не исчерпываетъ ни затронутыхъ въ немъ общихъ вопросовъ (изъ которыхъ взяты лишь *немногіе*), ни вопросовъ, относящихся спеціально къ „Обрыву“.

сами, такъ и изучающему композицію художественнаго произведенія полезно произвести наблюденія надъ цѣлымъ, нѣсколько несовершеннымъ: здѣсь больше матеріала для размышленій, гипотезъ и выводовъ. „Обрывъ“, какъ намъ кажется, относится къ произведеніямъ этого рода; мы попытаемся обосновать это въ дальнѣйшемъ. Желая имѣть болѣе выразительный матеріалъ, мы и остановились на этомъ романѣ.

* *
*

Исходимъ изъ предположенія, что „Обрывъ“—художественное цѣлое. Опредѣленіе того, что́ такое художественное цѣлое и въ какомъ смыслѣ „Обрывъ“ является имъ, составляетъ *задачу* этого опыта.

Здѣсь же условимся считать романъ художественнымъ цѣлымъ: постепенно мы выяснимъ и оправдаемъ это предположеніе.

Если имѣть въ виду наше условіе, можно высказать слѣдующую догадку.—Художественность цѣлаго въ „Обрывѣ“ создается, повидимому, тѣми отношеніями между элементами романа, которыя выражаютъ его строеніе, структуру. Эти отношенія и соединяютъ элементы въ цѣлое особаго рода. Благодаря этому внутреннему соотношенію элементовъ, цѣлое отграничивается отъ всего внѣшняго по отношенію къ нему. Такъ вихрь оформляетъ столбъ воздуха и взвѣшенныхъ въ послѣднемъ предметовъ, вовлекая ихъ въ сферу одного основного вращательнаго движенія. Все, остающееся за предѣлами „Обрыва“, не связано съ его элементами такъ же, какъ они—другъ съ другомъ; и уже этимъ достигается разграниченіе цѣлаго, составленнаго изъ нихъ, и всего внѣшняго этому цѣлому. Но можно предположить, что здѣсь, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, границы художественнаго цѣлаго какъ бы *подчеркиваются нарочитымъ образомъ*: въ этомъ и состоитъ наша догадка.

Всего очевиднѣе существованіе такого подчеркиванія въ живописи. Картина, какъ художественное цѣлое, уже тѣмъ отграничена отъ всего окружающаго, что она *художественное* цѣлое и при томъ—именно *это* индивидуальное цѣлое. Но обычно картину обводятъ рамой. Послѣдняя, конечно, не создаетъ изъ картины отграниченнаго цѣлаго, если картина и безъ того не цѣлое. Но *она подчеркиваетъ границу цѣлаго*, когда таковое на лицо. Христьянсенъ правильно замѣтилъ, что картина, лишенная рамы, хотя бы въ видѣ самаго тонкаго ободка, кажется чѣмъ-то незаконченнымъ. Онъ ошибся только въ оцѣнкѣ значенія рамы,

утверждая, что послѣдняя создаетъ для картины эффектъ собственнаго пространства, отграничивая пространство картины отъ окружающаго. Это невѣрно потому, что рама слѣдуетъ всегда за очертаніями полотна, а они опредѣляются границами картины, какъ художественнаго цѣлаго: слѣдовательно, рама только подчеркиваетъ границы послѣдняго. Картина безъ рамы, дѣйствительно, кажется незаконченной; но въ этомъ впечатлѣніи надобно различать не только отзвукъ спеціальнаго значенія рамы, но и вліяніе привычки; въ концѣ концовъ, полотно, напр., Рембрандта говоритъ за себя даже и безъ рамы: такъ замѣтна въ немъ композиціонная концентрація внутренняго порядка; на плохихъ картинахъ часто лишь рама замѣняетъ отсутствующее цѣлое и его границы. Итакъ, рама подчеркиваетъ границы картины, какъ художественнаго цѣлаго.

До нѣкоторой степени, роль рамы въ музыкѣ и лирикѣ играетъ ритмъ. Ритмъ имѣетъ здѣсь двойное значеніе. Съ одной стороны, именно своимъ психологическимъ воздѣйствіемъ на слушателя и своею распредѣлительною функціей въ смѣнѣ и чередованіи звуковъ, ритмъ играетъ роль болѣе, чѣмъ простого подчеркиванія цѣльности пьесы въ композиціонномъ смыслѣ. Но, съ другой стороны, болѣе внѣшней, онъ какъ бы акцентуируетъ отграниченность пьесы отъ всего внѣшняго, поскольку послѣднему чуждъ ритмъ вообще или же именно данный, опредѣленный ритмъ.

Можетъ быть, „рама“ не всегда нужна и не всегда встрѣчается. Какъ, въ этомъ отношеніи, обстоитъ дѣло съ „Обрывомъ“? *Есть ли въ немъ рама*, т. е. подчеркнутость границъ романа, какъ художественнаго цѣлаго,—предполагая, что онъ – таковое? Съ разсмотрѣнія этого вопроса очень удобно начать нашъ анализъ композиціи „Обрыва“.

Но въ чемъ, гдѣ искать здѣсь „раму“? Не рама ли—величина книги, шрифтъ и т. д.? Или переплетъ? Для выясненія пути изслѣдованія, обратимся опять къ рамѣ на картинѣ: это—нѣчто болѣе знакомое. Мы говорили, что она подчеркиваетъ границы картины, какъ художественнаго цѣлаго. Какъ же опредѣлить эту раму? Не сказать ли, что это деревянный или иной квадратъ или параллелограммъ, съ сторонами нѣкоторой толщины, украшенными орнаментомъ или совершенно гладкими? Это вѣрно; но развѣ въ этомъ опредѣленіи есть хоть слово о *значеніи* рамы? Развѣ изъ него можно вывести это значеніе? Какъ деревянная фигура можетъ что-то „подчеркивать“? Она просто „существуетъ“. Такъ или приблизительно такъ можетъ опредѣлить раму на картинѣ столяръ, геометръ, судебный приставъ при описи картины и т. д.,

но не эстетикъ. Для послѣдняго рама заключается въ ея роли подчеркиванія. Онъ понимаетъ, что дерево, металлъ и т. п. матеріалъ есть лишь способъ осуществленія этой роли, этой функціи. Для него рама есть обрамленіе,—она *не вещь, а опредѣленная функція вещи.*

Одно сравненіе разъяснитъ эту точку зрѣнія. Рама подобна ударенію на словѣ, фразѣ и т. д. Что такое удареніе? Повышеніе голоса? Нѣтъ: удареніе связано всегда съ ударяемымъ смысломъ слова, предложенія и т. д., а голосъ можно повышать и внѣ этой связи. Можетъ быть, удареніе есть повышеніе въ этой связи? Тоже нѣтъ, потому что дѣло не въ повышеніи: повышеніе только внѣшнее средство для обнаруженія чего-то внутренняго. Удареніе есть только роль, функція повышенія голоса, обозначающая это внутреннее, т. е. смыслъ. Точно также, и рама есть средство, присутствующее на картинѣ, *какъ таковой*, лишь въ своей ударяющей, подчеркивающей функціи. Въ однихъ случаяхъ это средство есть вещь, напримѣръ—деревянная фигура; въ другихъ—это извѣстный физическій процессъ, напр., ритмическое чередованіе звуковъ. *Функція обрамленія въ обоихъ случаяхъ сводится къ подчеркиванію границъ художественнаго цѣлаго.* Слѣдовательно, искать „раму“ въ художественномъ произведеніи значитъ искать въ немъ функцію обрамленія; средство для осуществленія этой функціи дано въ той формѣ, которая соотвѣтствуетъ внѣшней оболочкѣ художественнаго цѣлаго; въ романѣ рама не есть ни живописная рама, ни ритмическая, такъ какъ содержаніе романа не выражено въ вещной формѣ полотна, красокъ, звуковъ и т. д., а въ формѣ *описательно-изобразительной.* Если въ „Обрывѣ“ есть рама, она облечена въ ту же форму. Здѣсь, *въ области описательно—изобразительной, и нужно искать раму.*

Для облегченія поисковъ, къ этому присоединимъ еще одно руководящее соображеніе.—Функція рамы, состоящая въ подчеркиваніи границъ художественнаго цѣлаго, опредѣляется не только тѣмъ, что́ подчеркивается, но и тѣмъ, подчеркиваніе *какихъ* границъ производится. Художественное цѣлое имѣетъ границы: слѣдовательно, эти границы раздѣляютъ цѣлое и все, остающееся по ту сторону. Рама, дѣлая на границахъ удареніе, проходитъ между цѣлымъ и всѣмъ, что внѣшне ему. Поэтому, для характеристики рамы важно знать не только цѣлое, но и внѣшнее послѣднему. Что же находится внѣ художественнаго произведенія, какъ цѣлаго? Конечно, весьма многое. Отмѣтимъ здѣсь лишь немногое: для нашихъ цѣлей достаточно и этого. Художе-

ственное произведеніе строится благодаря участію художника-творца, проявляющемуся въ различныхъ физическихъ операціяхъ и психическихъ актахъ и съ помощью матеріальныхъ вещей—полотна, красокъ, бумаги, камня, и духовныхъ, психическихъ явленій въ видѣ переживаній людей и ихъ поступковъ. Все это накладываетъ на художественное цѣлое свои слѣды и связываетъ его, съ внѣшней стороны, съ тѣмъ міромъ, откуда взяты краски, шрифтъ и пр., гдѣ находится художникъ и гдѣ онъ работаетъ. Въ этомъ мірѣ, надъ которымъ художественное произведеніе поднимается уже въ силу того, что оно замкнутое цѣлое, легко и естественно различить здѣсь два момента: художника и все то, надъ чѣмъ онъ работаетъ при созданіи и для созданія художественнаго предмета; назовемъ художника, какъ такового, субъектомъ; все то, что онъ находитъ передъ собою и что обрабатываетъ для полученія художественнаго произведенія, назовемъ объектомъ; будемъ разумѣть подъ этими терминами *лишь то, что условлено*: оговорка важная, такъ какъ эти термины употребляются и въ другихъ значеніяхъ, для насъ здѣсь несущественныхъ и даже не существующихъ. Итакъ, художественное произведеніе, созданное субъектомъ при помощи объекта, носитъ на себѣ слѣды своего происхожденія. Поскольку оно—цѣлое, поскольку элементы послѣдняго объединены особымъ образомъ, эти слѣды не нарушаютъ его замкнутости. Какъ нѣкогда богиня красоты родилась изъ пѣны и вышла на берегъ, гдѣ съ нея стекла вода, ея первоначальная стихія, такъ и художественное произведеніе, разъ возникнувъ, выходитъ изъ своей прежней среды, волны которой шумятъ внизу, порою взлетаютъ вверхъ, но, безсильныя и чуждыя, разбиваются и многочисленными струйками падаютъ обратно, въ родной океанъ. Теперь понятно, что если границы цѣлаго подчеркиваются рамой, *она осуществляетъ свою функцію выдѣленіемъ пропасти, отдѣляющей художественное цѣлое отъ субъекта и отъ объекта.* Рама дѣлаетъ удареніе на томъ мѣстѣ, гдѣ слѣды происхожденія отъ художника и объекта внѣшнимъ образомъ затушевываютъ границы цѣлаго. Слѣды со стороны субъекта состоятъ въ томъ, что художественное произведеніе указываетъ намъ на нѣкоторыя особенности характера художника, какъ индивидуальности, и пріемовъ его творчества. Судя по этимъ слѣдамъ, мы склоняемся разсматривать художественное произведеніе, какъ психологическій документъ о художникѣ и его творчествѣ. Съ извѣстной точки зрѣнія, это правильное отношеніе—именно, съ точки зрѣнія изслѣдователя, который изучаетъ психологію автора и пріемы его творчества. Но если, при воспріятіи художественнаго

произведенія, имѣющемъ цѣлью чисто художественный эффектъ, слѣды художнической физіономіи все время навязываются намъ; если мы перестаемъ видѣть продуктъ творчества художника, а наблюдаемъ, по оставленнымъ имъ слѣдамъ, его потуги что-то сдѣлать, „сочинить“, сказать; если художественное произведеніе при такомъ воспріятіи перестаетъ быть для насъ цѣлью и оказывается лишь памятникомъ мукъ творчества,—все это вѣрный знакъ, что „слѣдовъ“ со стороны субъекта слишкомъ много, что они замѣняютъ художественное произведеніе, что послѣдняго, какъ чего-то цѣлаго, почти нѣтъ или вовсе нѣтъ: что и бываетъ у плохихъ художниковъ, въ твореніяхъ ихъ музы. Если въ такихъ твореніяхъ сдѣлать удареніе на границѣ, отдѣляющей субъекта отъ художественнаго цѣлаго, удареніе, конечно, не исправитъ бѣды, не создастъ границы несуществующаго цѣлаго. Напротивъ, когда таковое на лицо, удареніе еще болѣе выдѣлитъ границы его и не будетъ лишнимъ. Это какъ бы вѣтеръ, сдувающій съ цѣлаго слѣды его происхожденія со стороны субъекта.—И со стороны объекта эти слѣды, въ худшихъ случаяхъ, вторгаются въ цѣлое, распыляютъ его, и тогда оно оказывается только объектомъ среди объектовъ, а не замкнутой сферой внѣ ихъ. Въ произведеніи, гдѣ композиціонная концентрація мощно смыкаетъ элементы въ цѣлое, и эти слѣды уже тѣмъ самымъ уничтожаются. Обрамленіе, подчеркивая границу цѣлаго со стороны объекта, далеко отбрасываетъ слѣды послѣдняго въ сторону.

Будемъ ждать, что, если въ „Обрывѣ“ есть рама, она отдѣляетъ его, какъ цѣлое, и отъ субъекта, и отъ объекта,—въ предположеніи, что романъ—художественное цѣлое.

* * *

Начнемъ съ рамы, проходящей на границѣ между романомъ и субъектомъ, т. е. авторомъ, „сочинителемъ“.—Для созданія такой рамы, Гончаровъ воспользовался особымъ описательно-изобразительнымъ пріемомъ.

Этотъ пріемъ функціонируетъ здѣсь, какъ нѣчто, обрамляющее цѣлое со стороны субъекта, художника. *Пріемъ, позволяющій осуществить эту цѣль, состоитъ въ томъ, что содержаніе „Обрыва“ разыгрывается сразу въ двухъ параллельныхъ плоскостяхъ.*

Вспомнимъ, что романъ развернутъ такъ: художникъ (поэтъ и живописецъ) Райскій принимаетъ, прямо или косвенно, участіе во всѣхъ эпизодахъ романа; содержаніе этихъ эпизодовъ развивается либо въ видѣ замѣтокъ Райскаго, полагающаго составить

изъ нихъ романъ, либо же въ формѣ событій, на которыя Райскій смотритъ, какъ на подходящій матеріалъ для того же романа. „Обрывъ“, слѣдовательно, разработанъ какъ нѣкоторое содержаніе, которое частью отражается, частью должно отразиться въ зеркалѣ будущаго романа Райскаго. Сопоставленіе предмета съ его зеркальнымъ отраженіемъ всегда подчеркиваетъ преимущественную „реальность“ предмета. Фетъ спрашивалъ: „Кому вѣнецъ, богинѣ красоты, или въ зеркалѣ ея изображенью“?—и, человѣкъ, „реалистически“ настроенный, предпочелъ живую богиню, вслѣдствіе ея несравненно бо́льшей, болѣе богатой и непосредственной жизненной реальности. Передъ зеркаломъ, въ видѣ романа Райскаго, контрастнымъ образомъ развернуто содержаніе „Обрыва“, какъ самостоятельная, оригинальная, не отраженная реальность, какъ „сама жизнь“. Контрастъ тѣмъ сильнѣе, что отражающая плоскость, романъ Райскаго, представленъ въ „Обрывѣ“, какъ „сочиненіе“ по преимуществу: романъ пишется; мы видимъ, какъ Райскій порывается разрабатывать его; передъ нами обрывки мелькающіе образы художника, но нѣтъ романа: есть только „сочиненіе“, процессъ будничнаго и весьма слабосильнаго творчества. А рядомъ съ этимъ, Гончаровъ ткетъ сложную и, отчасти, непрерывную фабулу „Обрыва“, сталкиваетъ въ ней людей, напрягаетъ конфликты душъ, страстей и надеждъ, рушитъ одни, чаянья и пробуждаетъ другія. Отсюда—еще бо́льшій контрастъ между „сочинительствомъ“ и содержаніемъ, („Обрывъ“), которое рисуется, какъ необъятная, неисчерпаемая, необозримая средствами искусства (Райскаго) рѣка дѣйствительности. Представимъ себѣ, что „зеркало“, о которомъ говоритъ Фетъ, разбито на мелкіе осколки, и вообразимъ, что въ нихъ глядится „богиня красоты“ во всемъ величіи своей „жизненности“: „вѣнецъ“ реальности достанется богинѣ еще вѣрнѣе, чѣмъ въ случаѣ, который предположилъ Фетъ. Такіе же осколки—романъ Райскаго; и тѣмъ „реальнѣе“, независимѣе отъ сочинительства и отъ сочинителя, субъекта развертывается передъ нимъ, въ своей собственной плоскости, содержаніе „Обрыва“. *Этотъ пріемъ двойныхъ плановъ и подчеркиваетъ отграниченность „Обрыва“ отъ субъекта, отъ самого Гончарова, какъ автора, сочинителя. Намъ показанъ въ романѣ другой сочинитель, Райскій*, и содержаніе „Обрыва“ разыграно передъ *его* сочиненіемъ. Гончаровъ остался въ сторонѣ. Въ *художественномъ* эффектѣ романа его фигура и его роль учету не подлежатъ.

Обрамленіе цѣлаго со стороны субъекта достигнуто тѣмъ, что особымъ пріемомъ подчеркнута реальность, независимое существованіе „Обрыва“ по отношенію къ автору. Тѣмъ самымъ

романъ *какъ бы* отброшенъ въ разрядъ объектовъ, противостоящихъ субъекту, какъ независимая отъ него реальность. Пріемомъ контраста, романъ какъ бы возведенъ въ рангъ одного изъ многихъ объектовъ: люди и вещи, обрисованные въ немъ, кажутся частью живого и вещнаго существованія, изъ котораго художникъ черпаетъ рессурсы для построенія романа. Черта, отдѣляющая романъ, какъ цѣлое, отъ этого міра объектовъ, кажется стертой. Но—мы увидимъ—это невозможно, если романъ—художественное цѣлое. Какъ таковое, онъ выдѣляется изъ міра объектовъ. И если только-что разсмотрѣнный пріемъ выдѣленія его границъ со стороны субъекта грозитъ, по инерціи, затушевать его границы со стороны объекта, надо ожидать, что Гончаровъ приметъ мѣры для предупрежденія, устраненія этой опасности. Онъ достигнетъ этого проведеніемъ особой подчеркивающей линіи между цѣлымъ и тѣмъ міромъ объектовъ, изъ которыхъ онъ изъятъ по существу—уже силою одной композиціонной концентраціи, обусловливающей цѣлостность „Обрыва“ въ художественномъ смыслѣ.

Для этой цѣли Гончаровъ использовалъ все *тотъ же пріемъ двойныхъ плановъ* въ двухъ параллельныхъ плоскостяхъ.

Располагая содержаніе романа въ этихъ плоскостяхъ, романистъ не разбилъ этимъ единства *содержанія*. Разыгрывая фабулу передъ зеркаломъ „сочиняемаго“ романа, онъ не внесъ въ нее двойственности. *Одно и то же* содержаніе проходитъ передъ нами, какъ „оригиналъ“ и какъ отраженіе или матеріалъ для отраженія. Есть два плана, но оба заполнены тождественнымъ содержаніемъ. Этимъ тождествомъ опредѣляется тотъ эффектъ, что одно и то же содержаніе дано *и какъ оригиналъ, и какъ отраженіе.—сразу то и другое.* И мы увидимъ, что именно благодаря этому „Обрывъ“, какъ цѣлое, обрамленъ и со стороны объекта.

Разъяснимъ значеніе тождества содержанія въ двухъ планахъ, взявъ исходной точкой обратное предположеніе. Допустимъ, что Гончаровъ использовалъ бы двойственность плановъ, распредѣливъ между ними—по частямъ—содержаніе романа. Пусть въ плоскости „оригинала“ онъ развилъ бы одну часть содержанія, въ плоскости „отраженія“—другую. Конечно „отраженіе“, напр. въ формѣ подготовляемаго романа, дневника и т. д. должно отчасти воспроизводить и содержаніе „оригинала“,—иначе не получалось бы отраженія.

Въ этомъ случаѣ мы имѣли бы, съ одной стороны, сюжетъ „Обрыва“, какъ кажущуюся жизнь, и, съ другой,—его художественную обработку въ *законченномъ* романѣ или дневникѣ Рай-

скаго. Не станемъ говорить, что этотъ пріемъ оказался бы не совсѣмъ расчетливымъ. Предположимъ, что онъ употребленъ со всѣмъ возможнымъ совершенствомъ. Но тогда возникло бы затрудненіе: мы принимаемъ, что Райскій закончилъ романъ; а между тѣмъ, мы показали выше, что *самоё незаконченность романа требуется пріемомъ двойныхъ плановъ*: чтобы подчеркнуть реальность фабулы „Обрыва“, Гончаровъ долженъ былъ ее развить на фонѣ романа, который вѣчно пишется и никогда не напишется, —нужно, чтобы романъ Райскаго былъ разбитымъ зеркаломъ; съ этимъ-то требованіемъ обрамляющаго пріема и сталкивается наше предположеніе о законченности романа Райскаго. Гончаровъ отдалъ предпочтеніе требованію, о которомъ говоримъ. Поэтому, романъ Райскаго не могъ быть показанъ законченнымъ. А, слѣдовательно, и содержаніе „Обрыва“ не пришлось разбить на двѣ части—отражаемое и отраженіе. Это содержаніе образуетъ одну массу, и *эта же масса*, притомъ вся—*разсматривается нами*, сквозь призму художественныхъ замысловъ Райскаго, *какъ матеріалъ и содержаніе будущаго романа*. Эту мысль выражаетъ, повидимому, и Гончаровъ, говоря устами Райскаго: „Пишу жизнь—выходитъ романъ; пишу романъ—выходитъ жизнь“.

„Обрывъ“ предстаетъ, какъ „жизнь“ и какъ „романъ“, какъ отражаемое и какъ отраженіе—вмѣстѣ, сразу. Между двумя „планами“, художественное цѣлое вырисовывается, какъ нѣчто, рѣзко отграниченное отъ царства объектовъ, изъ котораго оно происходитъ. Объекты эти никогда не являются *сразу* и отражаемымъ и отраженіемъ. Всѣ драматическія коллизіи, которыми изобилуетъ жизнь, уже тѣмъ отличаются отъ драмы Вѣры въ „Обрывѣ“, что всегда даны въ одной плоскости, въ одномъ планѣ, тогда какъ драму Вѣры мы видимъ сразу въ двухъ. Въ жизни, въ мірѣ объектовъ есть только жизнь, только этотъ міръ: „выйти“ романомъ она не можетъ, какъ и „романъ“ не „выйдетъ“ ею. Такимъ образомъ, пріемъ двойныхъ плановъ, въ связи съ тождествомъ развернутой въ нихъ фабулы, далъ Гончарову возможность подчеркнуть соотвѣтствующимъ обрамленіемъ и границу, отдѣляющую художественное произведеніе отъ міра объектовъ.

Рама „Обрыва“ „сдѣлана“ изъ описательно-изобразительнаго пріема, который мы опредѣлили.

Этотъ матеріалъ вполнѣ отвѣчаетъ описательно-изобразительной формѣ самого „Обрыва“. Естественно, что, напр., на картинѣ, облеченной въ вещную форму полотна, красокъ и т. д., и рама „дѣлается“ изъ соотвѣтственнаго вещнаго матеріала. Но значеніе въ эстетической плоскости имѣетъ не тотъ или другой

матеріалъ, а только функція, осуществляемая съ его помощью. Эта функція всюду одна,—всюду, гдѣ есть рама; она состоитъ въ подчеркиваніи границъ художественнаго цѣлаго. Едва-ли всюду обрамленіе нужно *и* со стороны субъекта, *и* со стороны объекта: такъ это въ „Обрывѣ“, но не видно, чтобы это было всегда и вездѣ такъ. И напримѣръ, живописная рама осуществляетъ соотвѣтствующую функцію, проходя лишь между цѣлымъ и объектомъ: о субъектѣ здѣсь нѣтъ рѣчи. Повидимому, лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣются въ виду и субъектъ, и объектъ. Въ какихъ—сказать трудно; необходимо изслѣдованіе вопроса. Въ немъ нуждается и болѣе общій вопросъ о связи между художественнымъ цѣлымъ и рамой: *всегда ли есть рама?* если—нѣтъ, когда и почему она бываетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ?

* * *

Подвергнувъ анализу раму „Обрыва“, какъ цѣлаго, обратимся теперь къ изученію композиціи послѣдняго. Сдѣлаемъ это постепенно, въ нѣсколько пріемовъ, начавъ съ опредѣленія *композиціоннаго значенія фигуры Райскаго* въ „Обрывѣ“. До сей поры мы касались ея значенія въ обрамленіи, а не строеніи цѣлаго. Между тѣмъ, она играетъ важную роль и въ послѣдней связи.

„Обрывъ“—очень сложный, по эпизодамъ и числу лицъ и вещей, романъ. Многія лица вовсе не знакомы другъ съ другомъ, хотя и входятъ въ общій „ансамбль“, какъ его отдѣльные моменты. Дѣйствіе романа происходитъ на берегахъ Невы и у „обрыва“ на Волгѣ, куда оно переносится довольно неожиданно и рѣзко; времени между отдѣльными эпизодами тоже не мало: напр., мы находимъ большое „отступленіе“, въ видѣ описанія юношескихъ лѣтъ Райскаго, а затѣмъ переносимся къ годамъ его зрѣлости. И, въ сущности, очень часто всѣ эти пестрые элементы романа встрѣчаются другъ съ другомъ и вступаютъ въ соотношенія впервые благодаря Райскому. Онъ соединяетъ Софью и Вѣру, другъ друга не знающихъ. Своими переѣздами съ Невы на Волгу онъ связываетъ, впервые для романа, и эти территоріальные элементы. Различныя событія, происходящія въ молодые и зрѣлые годы Райскаго, объединены часто опять-таки фигурой послѣдняго и только ею. Короче, его роль въ строеніи романа, какъ цѣлаго, такъ велика, что, не учтя ея, нельзя въ „Обрывѣ“ усмотрѣть цѣлое: безъ Райскаго—это совокупность нѣсколькихъ повѣстей и пейзажей, могущихъ фигурировать, какъ самостоятельныя произведенія. Намъ кажется, что если композиціонное

значеніе этого персонажа можетъ и должно быть освѣщено съ точки зрѣнія его характера,—и этотъ послѣдній непонятенъ, если пренебречь его ролью въ структурѣ романа, какъ художественнаго цѣлаго. Даже больше: если характеръ есть то, силою чего потокъ личной дѣятельности проникается нѣкоторымъ единствомъ и постоянствомъ направленія, Райскій почти лишенъ характера: вмѣсто, послѣдняго въ „Обрывѣ“ находимъ только композиціонную роль, ставшую, въ сущности, второй натурой, „истиннымъ“ характеромъ Райскаго: онъ болѣе роль, чѣмъ лицо,—актеръ скорѣе, чѣмъ дѣятель. И это—и въ интересахъ композиціи, и къ ея вреду.

Секретъ композиціонной роли Райскаго и объясненіе того, что эту роль онъ играетъ относительно успѣшно,—въ его духовной подвижности. Можно сказать,—Райскій это—само воплощенное движеніе, непосѣдливость, духовное кочевничество и бродяжничество. Онъ всегда готовъ жать, гдѣ не сѣялъ. Впрочемъ, его никогда не хватаетъ и на тяжкій трудъ жатвы: онъ только готовъ приступить къ нему, много и долго говоритъ о немъ, распаляя себя и другихъ—и отойти заблаговременно или даже несвоевременно, когда придутъ дѣлатели и прекратятъ потокъ его восторговъ, увлеченій и вспышекъ, въ сущности, холодныхъ, какъ вспышки бенгальскаго огня. Онъ всегда въ движеніи. Отъ Наташи, съ ея осѣдлыми симпатіями, онъ переходитъ къ Софьѣ. Здѣсь онъ не засиживается,—мы видимъ его подлѣ бабушки, на Волгѣ, гдѣ онъ горитъ и шумитъ вокругъ (именно вокругъ!) Марѳиньки, потомъ—Вѣры. И этимъ Россія для него исчерпана: онъ ѣдетъ въ Италію. Что онъ дѣлаетъ подлѣ Софьи, Вѣры? Шумитъ, носится изъ угла въ уголъ, надоѣдаетъ всѣмъ, пока не надоѣстъ и себѣ, и съ этимъ „формуляромъ“ ѣдетъ въ Италію. Невольно вспоминается волчекъ, который вертится сразу вокругъ своей оси и по комнатѣ, задѣвая вещи, отбрасывая ихъ и ими отбрасываемый: таковъ и Райскій.

Въ этомъ его „характеръ“, и, слѣдуя ему, онъ осуществляетъ свою композиціонную роль въ „Обрывѣ“. Только такой кочевникъ способенъ связать, плохо или хорошо, всю массу лицъ, мѣстъ, вещей и событій, составляющихъ содержаніе романа. Съ лозунгомъ „впередъ“, „дальше“, съ достаточнымъ заводомъ подвижности, *онъ* только и можетъ пріобщиться къ тому, что дѣлается вокругъ Софьи, подлѣ Вѣры, на Невѣ и на Волгѣ, среди холодныхъ и горячихъ,—онъ, только „теплый“. Одинаково равнодушный ко всѣмъ, онъ знакомъ со всѣми. Одинаково безразличный ко всякому дѣлу, онъ готовъ на минуту заняться лю-

бымъ. Не очень впечатлительный, болѣе широкій, чѣмъ глубокій, болѣе пылкій, чѣмъ страстный,—добродушный, чѣмъ добрый,—незлобливый, чѣмъ незлой—онъ всюду свой и вездѣ чужой, вѣчный визитеръ на 10 минутъ. За то и вяжетъ онъ всѣхъ со всѣми, незамѣтно прядетъ нити романа, какъ цѣлаго, и исчезни онъ—романъ бы разсыпался, какъ разсыпается общество людей, близкихъ по общимъ знакомымъ и больше—никакъ.

Онъ „вяжетъ“ всѣхъ со всѣми—тѣмъ, что со всѣми вступаетъ во взаимодѣйствіе. Въ обществѣ Софьи и ея тетушекъ онъ играетъ роль агитатора и трибуна, проповѣдника и судьи. Онъ говоритъ Софьѣ о далекихъ перспективахъ жизни. Онъ стремится согрѣть эту статую, внести свой сумбуръ и подвижность въ размѣренный, навсегда предопредѣленный чинъ ея жизни. Онъ искушаетъ, грозитъ, зоветъ куда-то, какъ власть имѣющій. Софья реагируетъ, какъ льдина на яркіе, но холодные лучи зимняго солнца: блеститъ, играетъ радугой преломленнаго въ ней чужого свѣта, слегка смягчается на поверхности, какъ будто тая; а затѣмъ, пріобрѣвъ опору въ собственной инертности и въ изсякнувшей энергіи своего просвѣтителя, еще болѣе уходитъ въ себя,—лучи гаснутъ, свѣточъ закатывается. Среди бабушки и ея внучекъ, Райскій опять оказывается вовлеченнымъ во взаимодѣйствіе. Онъ споритъ, учитъ, надоѣдаетъ, его отталкиваютъ, онъ навязывается насильно, онъ неотступно слѣдуетъ за развивающейся фабулой драматической исторіи Вѣры, радуясь и ужасаясь, хохоча и плача, недовольный всѣмъ и прежде всего собою—и, однако, выдерживаетъ до конца эту „миссію“. Между льдиной и огнемъ, онъ простираетъ сферу своей подвижности,—самъ ни холодный, ни горячій. *Этимъ онъ плететъ канву взаимодѣйствія, поддерживающаго „Обрывъ“, какъ цѣлое.*

Взаимодѣйствіе—*не глубокое.* При столкновеніи со столь различными людьми, какъ Софья и Вѣра, Райскій—одинъ и тотъ же. Онъ не знаетъ о необходимости приспособляться къ лицамъ, душамъ. Свою „суть“,—неугомонную подвижность, онъ проявляетъ одинаково и передъ Софьей, и передъ Вѣрой. Лишенная опредѣленнаго содержанія и цѣли, полная лишь собою, эта подвижность проста, элементарна, не вторгается дѣйствительно властнымъ и глубокимъ воздѣйствіемъ въ чужія души. Для Софьи эта суть могла представлять интересъ новизны, непривычности, слегка колющаго безпокойства и сожалѣнія. Для Вѣры—почти значеніе укусовъ и жужжанія назойливой мухи въ страдный жаркій день. Обѣ „реагируютъ“—точно „отмахиваются“. Взаимодѣйствіе поэтому поверхностное. Мы видимъ за „реакціями“

Софьи, Вѣры, Марѳиньки, бабушки Татьяны Марковны—нетронутый взаимодѣйствіемъ съ Райскимъ потокъ глубинной и содержательной, у каждой по своему, жизни. Но это позади, это рядомъ; взаимодѣйствіе съ Райскимъ по сравненію со всѣмъ этимъ отходитъ на второй планъ. Не будь Райскаго, мы не видѣли бы въ *одномъ* романѣ всѣхъ этихъ и много другихъ лицъ. Но что было бы съ ними безъ Райскаго внѣ романа? Что онъ внесъ глубокаго въ жизнь Софьи, въ „романъ“ Вѣры, въ патріархальный складъ жизни бабушки, Козлова и т. д.? Софья осталась бы собою и безъ Райскаго. Расцвѣтиться радугой отлично-граненной „статуи“ безъ Райскаго она бы не могла, правда,—и это было бы для насъ потерей. Но въ теченіи ея жизни, при Райскомъ, ничего не произошло, какъ не происходитъ ничего въ тихомъ болотѣ, когда ночное небо надъ нимъ прорѣзывается полосою метеора. Для Вѣры близкое знакомство съ Райскимъ и взаимодѣйствіе съ нимъ имѣло еще меньше послѣдствій въ смыслѣ раскрытія ея характера. И такъ вездѣ.

Если сравнить „Обрывъ“, какъ цѣлое, съ солнечной системой, то Райскаго прійдется признать однимъ изъ тѣхъ „косматыхъ“, легковѣсныхъ свѣтилъ, прикованныхъ къ предѣламъ системы,—разумѣемъ кометы,—которыя періодически, но съ большими неправильностями совершаютъ свой путь среди планетъ, этихъ огромныхъ, массивныхъ тѣлъ, малѣйшее вліяніе которыхъ сворачиваетъ комету съ ея орбиты, заставляя ее проходить замысловатыми зигзагами свой первоначальный путь, и которыя почти не испытываютъ воздѣйствія со стороны кометы, свѣтила легковѣснаго, когда-то уподобленнаго однимъ остроумнымъ астрономомъ „видимому ничто“.

Мы еще вернемся къ обсужденію характера взаимодѣйствія Райскаго съ остальными персонажами „Обрыва“, и только тогда надлежащимъ образомъ опредѣлимъ этотъ характеръ. Здѣсь же удовольствуемся тѣмъ общимъ и предварительнымъ итогомъ, что *„Обрывъ“ смыкается въ одно цѣлое вслѣдствіе взаимодѣйствія Райскаго со всѣми участниками романа.* Понятіе взаимодѣйствія опредѣляетъ впервые и, какъ сказано, приблизительно, предварительно, природу того отношенія, которое, соединяя элементы романа, характеризуетъ его строеніе, архитектонику, какъ цѣлаго. Это приближаетъ насъ къ рѣшенію нашей основной задачи.

Для рѣшенія послѣдней, намъ необходимо пріобрѣсти нѣкоторыя свѣдѣнія,—а именно о томъ, какія бываютъ вообще композиціи и что ихъ характеризуетъ. Матеріалы, требующіеся для полученія этихъ свѣдѣній, находимъ въ самомъ „Обрывѣ“, такъ

какъ въ его составѣ имѣются композиціонныя цѣлыя, почти самостоятельныя и, вмѣстѣ съ тѣмъ,—съ конфигураціей настолько опредѣленной, что очень легко, путемъ анализа этихъ цѣлыхъ, вскрыть ихъ композиціонные принципы.

Ихъ анализъ, однако, нуженъ намъ и не только для этой цѣли. Художественныя цѣлыя, въ видѣ эпизодовъ вкрапленныя въ романъ, представляютъ какъ бы мѣстныя уплотненія, сгущенія въ ткани послѣдняго. Если онъ является цѣлымъ въ силу взаимодѣйствія между Райскимъ и остальными персонажами, какъ разъ распредѣленными между отдѣльными эпизодами, изученіе строенія послѣднихъ такъ же необходимо для уразумѣнія структуры „Обрыва“, какъ изученіе характера и роли Райскаго. „Обрывъ“ есть цѣлое изъ цѣлыхъ: нельзя понять перваго безъ вторыхъ.

* * *

Эпизодическихъ цѣлыхъ въ составѣ „Обрыва“ нѣсколько. Мы разумѣемъ подъ этими цѣлыми отрѣзки романа, которые, не будь Райскаго,—*всеобщаго* посредника,—могли бы фигурировать, какъ самостоятельныя повѣсти. Таковы, напр., эпизоды, въ центрѣ которыхъ стоятъ Софья, въ одномъ, и Вѣра, въ другомъ. Ихъ даже можно напечатать, какъ отдѣльныя произведенія, не измѣняя въ нихъ почти ничего (какъ извѣстно, отчасти такъ и было). Другой эпизодъ того же рода—исторія любви Райскаго и Наташи. Она и разсказана у Гончарова въ ковычкахъ, въ видѣ памятной записи Райскаго для будущаго его романа. Все, относящееся въ „Обрывѣ“ къ учителю Козлову, тоже образуетъ самостоятельный эпизодъ, но скорѣе уже въ сюжетномъ смыслѣ, чѣмъ въ композиціонномъ, такъ какъ исторія Козлова разсказана между прочимъ, вплетаясь то въ біографію Райскаго, то орнаментируя и аккомпанируя развитіе драматическаго сюжета въ эпизодѣ о Вѣрѣ и лицахъ, причастныхъ къ ней.

Самые замѣтные образцы эпизодовъ, выдѣленныхъ также и въ композиціонномъ смыслѣ и оттого особенно для насъ интересныхъ, представляютъ, безъ сомнѣнія, исторіи Софьи и Вѣры. Въ ихъ составъ входитъ всего больше лицъ, вещей, положеній и событій. Къ нимъ наиболѣе прикосновененъ и Райскій. Въ объемномъ отношеніи они также значительны,—они составляютъ три четверти романа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, построенные весьма различнымъ образомъ, эти эпизоды даютъ прекрасный матеріалъ для сужденія о разныхъ композиціонныхъ схемахъ и принципахъ. По всему этому, остановимся на нихъ, начавъ съ эпизода о Софьѣ.

* *
*

Въ его составъ входятъ много элементовъ. Но *здѣсь* мы можемъ учесть эти элементы только по ихъ наиболѣе замѣтнымъ представителямъ, по группамъ. Намѣчаются три группы: назовемъ ихъ, соотвѣтственно, группами nature morte, тетушекъ и— Софьи. Бросимъ на нихъ общій взглядъ.

Въ первой группѣ мы находимъ, напр., „старый длинный домъ тетушекъ"; въ немъ—„безконечную анфиладу обитыхъ штофомъ комнатъ", „темные, тяжелые рѣзные шкапы, съ старымъ фарфоромъ и серебромъ", „тяжелые диваны и стулья рококо"; среди всего этого,—толпа слугъ, похожихъ на вещи,—эти „лакеи пожилые и молчаливые", „женщины въ темныхъ платьяхъ и чепцахъ", швейцаръ, который „походилъ на Нептуна".

Далѣе—группа тетушекъ: и онѣ, въ сущности, отъ nature morte,—„высокія, сѣдыя, чинныя старушки, ходившія дома въ тяжелыхъ шелковыхъ темныхъ платкахъ, большихъ чепцахъ, на рукахъ со многими перстнями", съ неизмѣнными ридикюлями, съ „нѣсколькими носовыми платками и моськой, старой, всегда заспанной". Онѣ живутъ, какъ вещи, окружающія ихъ, проникнутыя механическими „началами",—человѣкообразные механизмы, у которыхъ вся „душа" наружу, цѣликомъ овеществленная, автоматизированная, ушедшая въ позу и чинъ, приличіе и привычку, такъ что „Анна Васильевна бьетъ карты своего партнера со слѣпа а Надежда Васильевна вслухъ говоритъ, съ чего пойдетъ".

Наконецъ,—группа Софьи, живущей среди вещей, какъ одна изъ нихъ, не проявляющей того произвола, который отличаетъ живое отъ неживого, только вещнаго,—красавицы, „затянутой въ латы" своего „шумящаго платья" и своихъ затверженныхъ поступковъ, мыслей и словъ, „великолѣпной картины", „отличной статуи музея", съ „глазами полными ровнаго, не мерцающаго горѣнія", въ которыхъ лишь „будто" „теплится и чувство", хотя ихъ обладательница, „кажется, не слыхала, что есть на свѣтѣ страсти, тревоги, дикая игра событій и чувствъ".

Таковы элементы эпизода. Для уразумѣнія ихъ взаимоотношенія нужно замѣтить, что эти элементы просто „существуютъ": съ ними ничего не „происходитъ". Механизированные до крайности, закованные въ разъ навсегда опредѣленный и неукоснительно проводимый строй и родъ существованія, они не измѣняются. Въ античной философіи было популярно противоположеніе бытія и бываніе, пребываніе и измѣненія: выражаясь въ этихъ терминахъ, слѣдуетъ сказать, безъ сомнѣнія, что эле-

менты эпизода, начиная отъ „длиннаго дома“ и кончая „великолѣпной картиной“ въ немъ, подлежатъ не бываню, а бытію. Какъ пребывающіе, они и важны для цѣлаго. И домъ, и шкапы съ серебромъ, и тетушки съ заспанной (непремѣнно!) моськой, и „отличная статуя музея“, Софья, все это фигурируетъ, какъ совокупность „плотныхъ и сущихъ“ вещей, монументальныхъ изваяній, разсѣкающихъ собою потокъ бываня, возносящихся надъ нимъ, какъ несокрушимые гранитные пороги среди рѣчного потока, и тамъ, въ „прекрасномъ далекѣ“, образующихъ свой міръ. Какой? Онъ опредѣляется взаимоотношеніемъ элементовъ, типомъ этого взаимоотношенія. Въ послѣднемъ замѣчаются у Гончарова двѣ черты,—*по крайней мѣрѣ двѣ*, насъ здѣсь интересующія.

Прежде всего,—и домъ, и диваны, и пожилые молчаливые лакеи и все прочее—*сосуществуютъ*, расположены внѣ другъ друга, но совмѣстно, рядомъ, одинаково вознесенные надъ всяческими измѣненіями, процессами, событіями. Содержаніе всего эпизода дано, какъ такое сосуществованіе его элементовъ. Съ начала и до конца онъ недвижимъ. Онъ написанъ, конечно, постепенно и такъ же развертывается передъ нами. Но это не касается художественнаго существа эпизода, а только нашего подхода къ нему. Разъ охвативъ его мысленнымъ взоромъ, мы держимъ его передъ собою, какъ нѣчто, данное сразу силою сосуществованія между элементами. Въ немъ ничего не развивается, а рисуется какъ бы на одной плоскости, въ разрѣзѣ остановленнаго мгновенія, въ аспектѣ чистаго пребыванія элементовъ—внѣположно и рядоположно. Мы мысленно перебѣгаемъ отъ детали къ детали, отъ части къ части, увѣренные, что, отвернувшись отъ одной, найдемъ ее затѣмъ такою же, независимо отъ порядка обозрѣнія: вѣдь здѣсь ничего не происходитъ, каждый элементъ данъ разъ навсегда; оттого, подойдемъ ли мы къ нему со стороны a, со стороны b, со стороны c, въ немъ ничего не измѣнится: онъ сосуществуетъ съ другими.

Но этотъ моментъ сосуществованія не исчерпываетъ взаимоотношенія элементовъ эпизода. Будь они сочетаны только такъ, они были бы совершенно равнодушны другъ къ другу. Дѣло идетъ не о „равнодушіи“ Софьи къ тетушкамъ, послѣднихъ—къ слугамъ и т. д. Это уже опредѣленіе того, что испытываютъ элементы эпизода другъ къ другу, поскольку представлены способными къ такому испытыванію. Мы говоримъ не объ этомъ. Беремъ элементы, какъ сосуществующія части эпизода и трактуемъ ихъ, со всѣми ихъ испытываніями, какъ отдѣльныя части; и мы говоримъ, что, какъ таковые, элементы эпизода, *не* сосуществуютъ равнодушно. Это значитъ, что элементы въ этомъ сосуществованіи сопричастны,

поскольку изъ нихъ въ эпизодѣ рисуется нѣкоторая картина. Они суть именно *части*, а не совершенно самостоятельные атомы. Ихъ сосуществованіе есть способъ выраженія нѣкотораго эффекта цѣлокупности. Домъ, слуги, тетушки, Софья и пр. даны на одной плоскости, сразу; но при этомъ они, въ своей совокупности, взаимно восполняютъ другъ друга до одного согласованнаго результата, каковымъ и является эпизодъ. Вызовемъ его передъ собою мысленно. Мы трактуемъ его элементы въ какомъ-то одномъ охватѣ. Вѣрно, что отъ Софьи мы можемъ перенестись къ старинному серебру, а можемъ—и къ моськѣ, отъ этого—къ слугамъ, отъ нихъ къ Софьѣ, къ дому, къ тетушкамъ, какъ угодно бороздя содержаніе эпизода. Но такъ же вѣрно и то, что этимъ произволомъ мы не разрушаемъ единаго эффекта отъ всего эпизода, не передѣлываемъ его, какъ цѣлое. Начнемъ ли мы съ Софьи и перейдемъ къ тетушкамъ, или—съ моськи и перейдемъ къ фарфору и диванамъ рококо, акцентъ цѣлаго сохранится, элементъ потянетъ къ элементу, сомкнутся и они воедино, какъ смыкаются створки раковины, ограждая ее извнѣ, моделлируя извнутри, знаменуя ея цѣлостность. Элементы „тянутъ“ другъ къ другу,—это не значитъ, что они активно влекутся одинъ къ другому; вѣдь они сосуществуютъ, они уже совмѣстны, и ихъ „тяготѣніе“ не присоединяется къ ихъ совмѣстности, какъ нѣчто новое, лишнее, а только выражаетъ характеръ ихъ совмѣстности, сосуществованія. Есть сосуществованіе *и* сосуществованіе. То, которое есть сразу и сопричастность совмѣстнаго, можно назвать сопричастнымъ сосуществованіемъ. Именно таково то сосуществованіе, которымъ опредѣляется взаимоотношеніе элементовъ эпизода, какъ цѣлаго. *Архитектоника послѣдняго подчинена принципу сопричастнаго сосуществованія.*

Чтобы понять этотъ принципъ и опредѣляемое имъ цѣлое, нужно, конечно, нѣкоторое усиліе мысли. Чтобы воспринять его дѣйствіе художественнымъ путемъ, достаточно отдаться бездумному созерцанію цѣлаго, построеннаго согласно съ нимъ. Для этого пригоденъ не только разсматриваемый эпизодъ Гончарова. Еще въ 50-хъ годахъ критикъ Дружининъ указывалъ, что художественные пріемы Гончарова напоминаютъ „манеру“ фламандскихъ мастеровъ. Дружининъ имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, пріемы Гончарова въ „Обломовѣ“. Но и въ „Обрывѣ“ разсматриваемый эпизодъ представляетъ образецъ фламандской манеры или, лучше, голландской, проявившейся особенно въ геніальныхъ образцахъ пейзажа и такъ называемой, технически, nature morte. Никто не былъ скромнѣе голландцевъ въ выборѣ сюжетовъ.

Они любили хрусталь и виноградъ на полотнѣ, разрѣзанную дыню, корову, пронизанную безтѣлеснымъ свѣтомъ—вечернимъ, тихія заводи, мирныя равнины, мельницы на плоскихъ плотинахъ, кабачки со спящими посѣтителями и весь міръ „вещей", просвѣтленныхъ и освященныхъ искусствомъ. Они не стыдились разставлять эти вещи на своихъ небольшихъ полотнахъ и строить изъ нихъ цѣлое, передъ которымъ стоишь бездумно, безтревожно, потому что въ немъ нѣтъ событій, нѣтъ „бурной игры страстей", а одно сопричастное сосуществованіе вещей и людей-вещей, одно застывшее „бытіе" элементовъ, ласкающихъ своимъ безкорыстнымъ сочетаніемъ. *Ихъ* „манеру" напоминаетъ композиціонный принципъ Гончарова въ разсматриваемомъ эпизодѣ, потому что и ихъ картины написаны согласно съ тѣмъ же принципомъ или категоріей сопричастнаго сосуществованія.

Это—*исключительно художественная категорія*, если обозначить этимъ именемъ типъ отношеній, характеризующихъ художественное цѣлое. Особенно ярко вскрывается эта исключительность при сопоставленіи нашей категоріи съ категоріей или принципомъ пространства.

По крайней мѣрѣ, начиная съ Лейбница, категорія пространства разсматривается въ философіи, какъ порядокъ совмѣстности, сосуществованія вещей; и обратно, вещь опредѣляется какъ нѣчто, вмѣстѣ съ другими „нѣчто" существующее, сосуществующее, и ея протяженность обозначаетъ только то, что въ этомъ порядкѣ сосуществованія данное „нѣчто" извѣстнымъ образомъ опредѣлено въ отношеніи къ другимъ сосуществующимъ нѣчто. Сосуществованіе вещей и есть ихъ соотношеніе въ пространствѣ, и пространство есть лишь порядокъ этого соотношенія in abstracto, и само это соотношеніе—in concreto. „Пространство вообще"—порядокъ сосуществованія. „Данное пространство" —соотношеніе сосуществованія между данными вещами. Въ настоящее время такое пониманіе пространства не подвергается сомнѣніямъ и не составляетъ предмета существеннаго разногласія между разными философскими направленіями. Спорятъ объ иномъ,—о происхожденіи пространства; но этотъ споръ, можетъ быть, и самъ по себѣ излишній, во всякомъ случаѣ не бросаетъ тѣни на прочно установленное положеніе, что пространство есть порядокъ сосуществованія, а пространственное соотношеніе—соотношеніе сосуществующихъ вещей.

Сопоставленіе нашего художественнаго принципа сопричастнаго сосуществованія съ пространствомъ, какъ принципомъ или категоріей сосуществованія вещей, напрашивается само собою.

Бросается въ глаза моментъ *сосуществованія* тамъ и здѣсь. Кромѣ того, мы видѣли, что сопричастное сосуществованіе есть опредѣленіе взаимоотношенія *вещей* въ эпизодѣ, изучаемомъ нами; только что мы подчеркнули, что и пространствомъ опредѣляется соотношеніе протяженныхъ *вещей*. Эти пункты сходства наводятъ на мысль, что художественный принципъ или категорія сопричастнаго существованія, въ сущности, совпадаетъ вполнѣ съ пространствомъ, какъ категоріей сосуществованія.

Въ дѣйствительности, это заключеніе преждевременно и ошибочно. Обѣими категоріями опредѣляется взаимоотношеніе *вещей*: безъ сомнѣнія, это вѣрно; но насколько? При отвѣтѣ надо учесть хотя бы то, что „вещи“ тамъ и здѣсь разныя; не будемъ входить въ обсужденіе этого обстоятельства по существу; достаточно замѣтить, что, по крайней мѣрѣ, въ разсматриваемомъ эпизодѣ, элементы соотношенія, т. е. „вещи“ опредѣляются исключительно, какъ сосуществующія, какъ пребывающія, не подверженныя „быванію“,—короче, внѣ времени. Для эпизода, какъ цѣлаго, лакеи, фарфоръ, Софья и пр. не ведутъ длящагося существованія; они тѣ же въ „концѣ“, что и въ „началѣ“, и оттого въ эпизодѣ нѣтъ ни конца, ни начала, нѣтъ исходнаго соотношенія, которое смѣнилось бы—послѣдовательно—конечнымъ, завершающимъ. Здѣсь вещи—*только сосуществуютъ*, и, не будь этого, данное цѣлое было бы разрушено. Напротивъ, вещи протяженныя, вещи въ пространствѣ опредѣляются *не только* какъ сосуществующія, но и какъ смѣняющіяся въ нѣкоторой послѣдовательности. Болѣе того: ихъ сосуществованіе немыслимо внѣ послѣдовательности въ ихъ чередованіи. Протяженная вещь есть всегда и непремѣнно вещь въ пространствѣ *и* во времени. Въ самомъ дѣлѣ, быть въ пространствѣ она можетъ непремѣнно въ нѣкоторый моментъ. Сказать, что вещь А находится въ мѣстѣ Б—недостаточно: это не опредѣляетъ ея положенія, такъ какъ и другая вещь В можетъ находиться въ мѣстѣ Б, но лишь въ другое время. Слѣдовательно, всякое пространственное опредѣленіе есть и опредѣленіе во времени. Въ уравненія и формулы механики поэтому всегда входятъ прямо или косвенно оба эти опредѣленія. Напримѣръ, въ первомъ законѣ движенія, формулированномъ Ньютономъ, легко подмѣтитъ наличность двухъ опредѣленій въ замаскированномъ видѣ. Онъ читается: „Всякое тѣло *сохраняетъ* состояніе покоя или *равномѣрнаго прямолинейнаго* движенія, *пока* дѣйствіе силъ не заставитъ его измѣнить свое состояніе“. „Сохраненіе состоянія“ опредѣляется во времени; „равномѣрное“ движеніе есть то, при которомъ тѣло проходитъ одинаковыя разсто-

нія въ равные промежутки времени; „состояніе покоя“ „сохраняется“, „пока“,—то есть до того времени, когда—тѣло будетъ изъ него выведено „дѣйствіемъ силъ“ извнѣ; „прямолинейное“ движеніе предполагаетъ нѣкоторый неподвижный пунктъ въ пространствѣ: Махъ предлагаетъ условно принять за таковой землю, Нейманъ—нѣкоторое гипотетическое „фундаментальное тѣло“, другіе—иныя;—такъ или иначе, нужна точка отсчета направленій въ пространствѣ, нулевой пунктъ системы трехъ координатныхъ осей, отвѣчающихъ тремъ измѣреніямъ пространства. Вотъ почему, въ своемъ докладѣ о „Пространствѣ и времени“ покойный Минковскій говорилъ: „Отнынѣ время по себѣ и пространство по себѣ должны сдѣлаться всецѣло тѣнями, и только особаго рода ихъ сочетаніе сохранитъ самостоятельность“. Въ этихъ словахъ, формулированныхъ, впрочемъ, довольно неосторожно, содержится признаніе того, что всякое опредѣленіе тѣла въ пространствѣ есть необходимо и его опредѣленіе во времени: это было всегда, —„отнынѣ“ характеризуетъ лишь состояніе математика, впервые подмѣтившаго фактъ.—Итакъ, повторяемъ, „вещи“ эпизода и „вещи“ протяженныя въ пространствѣ, очевидно, разнаго порядка и различіе состоитъ въ томъ, что въ первомъ онѣ *только* сосуществуютъ, въ пространствѣ же—сосуществуютъ во времени, въ извѣстное время.—Заподозрѣвъ тождество „вещей“, мы, естественно, беремъ подъ сомнѣніе и тождество отношеній между ними.

Моментъ сосуществованія общъ и эпизоду и вещамъ въ пространствѣ. Но только по отношенію къ первому онъ данъ въ чистомъ видѣ; во второмъ случаѣ онъ осложненъ моментомъ послѣдовательности. Вотъ уже различіе, и при томъ—существенное. Другое не менѣе показательно. Въ нашемъ эпизодѣ отношеніе вещей характеризуется категоріей или принципомъ *сопричастнаго* сосуществованія; взаимоотношеніе протяженныхъ вещей опредѣляется категоріей *просто* сосуществованія. Это значитъ чрезвычайно много. Сопричастное сосуществованіе вещей, какъ мы пытались показать, состоитъ не только во внѣположности и рядоположности ихъ, но и въ нѣкоторомъ ихъ стяженіи воедино путемъ внѣ-и рядоположенія. Въ разсматриваемомъ эпизодѣ элементы концентрируются въ цѣлое, и именно тѣмъ, что сосуществуютъ. Ихъ сосуществованіе есть ихъ внѣвременная сопричастность, и ихъ сопричастность есть внутренняя сторона, подлинное ядро, главный, основной нервъ и смыслъ ихъ сосуществованія. Нѣтъ двухъ отношеній, взаимно дополняющихъ другъ друга: сосуществованія *и* сопричастія. Есть лишь одно простое, выражающее сосуществованіе извнѣ и сопричастность извнутри. Упорядоченные

согласно такой категоріи, элементы эпизода тѣмъ самымъ замыкаются въ кругъ охватывающаго ихъ цѣлаго. Если воспользоваться сравненіемъ, можно сказать, что эта категорія кристаллизуетъ элементы въ окрестностяхъ нѣкотораго центра, придавая ихъ совокупности извѣстную конфигурацію и окружая ее пустотой,—выраженіемъ того, что между цѣлымъ и „внѣшнимъ“ нѣтъ архитектоническаго соприкосновенія, что цѣлое—не часть внѣшняго, а автономная сфера со своимъ „закономъ“, отличнымъ отъ закона „внѣшняго“. Эпизодъ, какъ художественное цѣлое, абсолютно самостоятеленъ. По отношенію къ нему нѣтъ мѣста комбинирующему произволу: нельзя провести его границъ то здѣсь, то тамъ, по усмотрѣнію. Онѣ проходятъ разъ навсегда тамъ, гдѣ поставлены композиціоннымъ принципомъ: въ этомъ смыслѣ онѣ безусловны, абсолютны, какъ и цѣлое, которое онѣ моделлируютъ. Сосуществованіе протяженныхъ вещей есть ихъ равнодушная внѣ-и рядоположность. Мы хотимъ сказать,—изъ ихъ сосуществованія не „вырастаетъ“ концентрирующее условіе. То, что вещи даны рядомъ, сжатыя сколь угодно тѣсно, еще не дѣлаетъ изъ ихъ совокупности цѣлаго. И потому, нашему разграничивающему произволу предоставленъ достаточный просторъ. Пользуясь тѣмъ, что въ ткани вещества есть уплотненія разной мощности, по спайкамъ которыхъ, какъ линіямъ наименьшаго сопротивленія, легче чѣмъ гдѣ бы то ни было, прорывается движеніе, своимъ распространеніемъ подчеркивая эти линіи, мы, сами существа матеріальныя и движущіяся, намѣчаемъ группировки вещей, слѣдуя этимъ подчеркивающимъ указаніямъ. Заинтересованныя лишь въ различіяхъ значительныхъ, съ послѣдствіями которыхъ такъ или иначе связаны интересы насъ самихъ, какъ движущихся и преодолѣвающихъ препятствія существъ, мы готовы видѣть границу тамъ, гдѣ встрѣчаемъ препятствіе. Поднимая руку вверхъ, я нѣкоторое время не замѣчалъ препятствія. Но вотъ движеніе задержано, я дѣлаю усиліе, его затратой опредѣляю препятствіе и заключаю: я встрѣтилъ вещь отдѣльную. По этому типу мы всегда разграничиваемъ и сочетаемъ въ относительно-замкнутыя цѣлыя вещи въ пространствѣ. Естественно, что при этомъ границъ столько, сколько ихъ продиктуетъ практика, и границы эти суть лишь измѣренія и показатели нашей слабости преодолѣть препятствія. Въ одномъ случаѣ, препятствіе непосредственно, я осязаю его рукой. Въ другомъ—оно полагаетъ предѣлъ моей зрительной способности: я глазами чувствую его. Но, учась устранять препятствія, обходить ихъ и пользоваться ими, прямо или косвенно, для своихъ цѣлей, мы рушимъ всѣ

преграды, для насъ исчезаютъ всѣ перерывы въ сплошной ткани пространственно—вещественнаго; при этомъ стираются грани, которыми мы обводили цѣлыя; послѣднія вплавляются въ единую непрерывную массу матеріальнаго міра. Лишь онъ—цѣлое, одно цѣлое. Заслуга выясненія этого принадлежитъ Декарту и Канту. Вскрытіемъ искусственности „вещей", какъ самостоятельныхъ цѣлыхъ, мы обязаны особенно Бергсону, который въ этомъ случаѣ только продолжилъ мысль Декарта и Канта. Впрочемъ, только что изложенная версія объясненія этихъ искусственныхъ цѣлыхъ значительно отличается отъ предложенной Бергсономъ.— Итакъ, сопричастное сосуществованіе обусловливаетъ возможность абсолютныхъ цѣлыхъ; категорія простого сосуществованія, простирающая свое дѣйствіе на матеріальный міръ, такой возможности не только не даетъ, но ее прямо исключаетъ. И,—такъ какъ сущность принципа или категоріи—въ ея примѣненіи, въ ея эффектѣ,—мы должны заключать, что *между принципами со столь различными категоріальными эффектами существуетъ дѣйствительное и рѣзкое различіе: это разныя категоріи.*

Категорія сопричастнаго сосуществованія оттѣняется проведеннымъ сопоставленіемъ, какъ особый, исключительно художественный композиціонный принципъ. Имъ опредѣляется архитектоника эпизода о Софьѣ, тетушкахъ и т. д., какъ художественнаго цѣлаго.

* * *

Теперь разсмотримъ композицію и принципъ другого эпизода, въ центрѣ котораго стоятъ Вѣра, бабушка, Маркъ и др. Впрочемъ, только эти липа, да еще, пожалуй, Тушинъ, участвуютъ въ развитіи эпизода существеннымъ образомъ. Остальныя расположены какъ бы на периферіи. Кромѣ лицъ, въ эпизодѣ находимъ и „вещи",—таковы старый домъ, гдѣ жила Вѣра, садъ надъ „обрывомъ", „обрывъ", бесѣдка подлѣ него и т. д.

Въ только что разсмотрѣнномъ эпизодѣ ключъ къ уразумѣнію характера его элементовъ—тоже лицъ и вещей—давали, какъ мы видѣли, вещи: въ сущности, и „лица" здѣсь были „вещами". По крайней мѣрѣ, между ними мы не замѣтили рѣзкой разницы. Въ очередномъ эпизодѣ дѣло обстоитъ отчасти такъ же, отчасти наоборотъ. Сходство въ томъ, что и въ этомъ случаѣ лица и вещи почти не отличимы. Различіе, доходящее до противоположности, заключается въ томъ, что здѣсь не лица представлены, какъ вещи, а вещи явлены, какъ лица. Въ эпизодѣ Вѣра, Маркъ и пр., въ сущности—только „лица" оказываются элементами.

Не поднимая даже труднаго вопроса о признакахъ, отличающихъ лицо отъ вещи, можно все же замѣтить, что лицо активно, тогда какъ вещь, самое бо́льшее, выступаетъ лишь, какъ пассивная точка перехода дѣйствія, его передачи. Въ понятіи активности заключается признакъ самопроизвольности, моментъ первоначальнаго толчка. Правда, въ этомъ смыслѣ активно—все живое, не одна личность. Активность послѣдней состоитъ, строго говоря, въ сознательной самопроизвольности дѣйствія; но такъ какъ степени сознательности здѣсь очень разнообразны, доходя почти до нуля сознательности, приближающей активность лица къ активности живого организма вообще (животное, растеніе и переходныя звенья между ними), то во многихъ случаяхъ лицо почти сливается съ просто живымъ, оживотвореннымъ, которое и въ свою очередь представляется тогда одухотвореннымъ. Въ отличіе отъ лица, вещь никогда не бываетъ активной,—уже потому, что она не сознательна и не жива. Когда упругое тѣло m сообщаетъ толчкомъ движеніе тѣлу m′, естествознаніе учитъ насъ искать причину этого въ третьемъ тѣлѣ M, которое, толкнувъ тѣло m, тѣмъ самымъ бросило его на m′ и привело послѣднее въ движеніе: слѣдовательно, нельзя приписать тѣлу m самопроизвольности. Разсуждая аналогичнымъ образомъ, убѣждаемся, что и тѣло M сыграло свою роль не самопроизвольно, а подтолкнутое тѣломъ μ и т. д.,—вообще, ни одна *вещь* не будетъ признана „первымъ двигателемъ“. Отлично понималъ это еще Аристотель, считая послѣднимъ Бога. Вотъ почему вещь только передаетъ дѣйствіе, не являясь никогда его источникомъ, подобно личности и всему живому вообще.

Въ эпизодѣ съ Вѣрою активны не только такія лица, какъ сама Вѣра, бабушка, Маркъ и др., но и такія вещи, какъ старый домъ, „обрывъ“, бесѣдка. Въ самомъ дѣлѣ, что такое Вѣра? Можно ли описать ее, какъ „отличную статую музея“, хотя и въ другомъ родѣ, чѣмъ Софья? Конечно, статуя эта должна быть охвачена тѣмъ напряженіемъ и движеніемъ, какое мы видимъ во многихъ мраморахъ Микель Анжело или Родэна: но и этого будетъ недостаточно. Никакой камень не передастъ этого вихря активности. Когда Микель Анжело хотѣлъ особенно потрясти активностью своихъ фигуръ, онъ прибѣгалъ къ болѣе гибкому и податливому матеріалу живописи,—и его „пророки“ и „сивиллы“, дѣйствительно, живутъ и даютъ толчекъ какимъ-то мощнымъ пертурбаціямъ вокругъ себя. Однако, и „отличной картиной“ нельзя представить себѣ Вѣру. Во всякомъ случаѣ, представленіе не будетъ адэкватнымъ. Средствами живописи трудно передать тотъ

разливающійся потокъ дѣйственности, источникъ котораго—въ Вѣрѣ. Въ фрескѣ Микель Анжело, изображающей сотвореніе Адама, мы видимъ какъ бы изліяніе силы изъ всей фигуры и протянутой руки Создателя, видимъ, какъ движеніе передается лежащему Адаму, преодолѣваетъ нѣмую скованность его фигуры, приподнимаетъ ее, заставляетъ тянуться, влечься къ источнику силы, и тамъ, гдѣ пальцы Бога и перваго человѣка почти соприкасаются, какъ будто проскакиваетъ послѣдняя искра, Адамъ пробуждается къ жизни, уже живетъ: такъ, начавъ съ фигуры Бога, сообщающаго движеніе, мы приходимъ къ фигурѣ Адама, уже воспринявшей толчекъ и затѣмъ самопроизвольно устремившейся къ источнику всякой активности, какъ родственное къ родственному. Чудесное, потрясающее изображеніе; но надо признаться, что его сюжетъ довольно простъ: здѣсь нѣтъ той сложности, какая присуща болѣе развитой жизни, особенно сознательной. Тотъ же Микель Анжело, изображая ее живописно, принужденъ былъ разбить ее на отдѣльныя фрески, дѣлая то же, что теперь дѣлаетъ—mutatis mutandis—кинематографъ. А какой потокъ моментальныхъ фресокъ понадобился бы, чтобы передать средствами живописи сложное и непрерывное изліяніе активности изъ Вѣры, —изліяніе, преобразующее все, не только вокругъ, но и въ самой Вѣрѣ, такъ что и она каждый разъ предстаетъ передъ нами только, какъ моментальный поперечный разрѣзъ своей же активности. Бабушка такова же, та же, только въ иной плоскости, въ другомъ направленіи. И вообще, наиболѣе замѣтные персонажи эпизода участвуютъ въ немъ тѣмъ, что дѣйствуютъ, и ихъ характеръ вскрывается только изъ этой ихъ функціи. Каждый изъ нихъ могъ бы имитировать слова Декарта: ago ergo sum, sum agens. То же относится и къ такимъ „персонажамъ“, какъ упомянутые старый домъ, бесѣдка и др. Домъ явленъ, какъ дѣйствующее лицо. Это не просто обиталище Вѣры, пріютъ ея дѣвичьихъ мечтаній, свидѣтель ея радостей и печалей. Онъ живетъ съ нею одною жизнью, какъ старый испытанный другъ и совѣтникъ. Такой же одинокій, замкнутый, полный тѣней прошлаго и смутныхъ грезъ о будущемъ, темный, но не безъ искръ свѣта и вспышекъ живого трепета, онъ какъ бы двойникъ Вѣры. Скрываясь въ немъ, она не одинока. Особый міръ, искусственно вызванный ею къ существованію, какъ бы обжился въ старомъ домѣ, одухотворилъ его и самъ проникся монументальной успокоенностью вещнаго обиталища. Онъ переживаетъ по своему всю исторію Вѣры. Онъ глядитъ на насъ по одному, когда она, замкнувшись въ себѣ, старается самостоятельно рѣшить выпав-

шую ей загадку жизни: тогда онъ ревниво стережетъ ея уединеніе, и такъ чуждо отдаются въ немъ шаги постороннихъ, въ родѣ Райскаго, который такъ же мало проникся поэзіей дома, какъ и Вѣры. Когда послѣдняя, скрывшись у себя въ комнатѣ, переживаетъ послѣдствія тяжелой развязки законченной драмы, домъ будто тѣснѣе сдвигаетъ свои стѣны вокругъ нея, суровѣе охраняетъ ея тайну и защищаетъ отъ постороннихъ безтактныхъ глазъ. Что такое для бабушки садъ въ тѣ дни, когда она, узнавъ о тайнѣ Вѣры, вторично переживаетъ и свою собственную, ходитъ одна по аллеямъ, чуждаясь людей, дѣлъ и всего, занимавшаго ее раньше? Развѣ этотъ садъ просто мѣсто, по которому она ходитъ? Онъ тогда для нея то же, что старый домъ для Вѣры. Или вотъ еще бесѣдка у „обрыва“. Совершенно живое лицо! И при томъ—какое! Бабушка велитъ разобрать ее, чтобы порвать живую связь между Вѣрой и Маркомъ, и послѣдній отлично почувствовалъ это, напрасно проискавъ бесѣдку на прежнемъ мѣстѣ. Для бабушки и Марка бесѣдка—символъ, позаимствовавшій жизни и дѣла у тѣхъ, кто связалъ часть своей жизни съ нею. Домъ, садъ, бесѣдка—это лица, они дѣйствуютъ, безъ нихъ не хватало бы не то, что фона, а существенныхъ звеньевъ драматическаго цѣлаго, составляющаго содержаніе эпизода. У Гончарова они живутъ, какъ жили горы, рѣки и долины въ поэтико-миѳологическомъ воспріятіи древняго грека, или какъ живутъ они, напр., на пейзажахъ Пуссэна, гдѣ nature morte исключена, и торжествуетъ во всемъ единая мощная жизнь, здѣсь моделлируя живописный изломъ горы, тамъ проявляясь колоритнымъ пятномъ въ красноватомъ тѣлѣ сатира, въ отливахъ тѣлъ стыдливыхъ нимфъ оттѣнка слоновой кости, въ прохладныхъ ручьяхъ и озерахъ и въ насыщенномъ цвѣтѣ богатой растительности вверху и внизу, въ ущельяхъ и въ долинахъ.

Всѣ участники эпизода вовлечены въ одинъ стремительный потокъ бываніе. Они не суть. Они проходятъ, переживаютъ, и въ отдѣльныхъ фазахъ бываніе, являемаго этимъ потокомъ, каждый изъ нихъ ведетъ свою особую линію, выводитъ свой мотивъ, вмѣстѣ съ другими осуществляющій цѣлое.

Однако, это не значитъ, что они замкнуты въ себѣ, что фактъ ихъ со-данности никакъ не отзывается на ихъ дѣйствіяхъ въ отдѣльности. Напротивъ, ихъ дѣйствіе состоитъ въ ихъ *взаимодѣйствіи*. Индивидуальное своеобразіе каждаго персонажа освѣщается столько же присущими ему чертами, сколько и особенностями тѣхъ, съ кѣмъ онъ взаимодѣйствіемъ. Какъ искра, высѣкаемая изъ кремня при ударѣ о сталь, принадлежитъ обоимъ,

такъ и свѣтъ, озаряющій каждую фигуру, излучается изъ всѣхъ ихъ сразу. Если еще учесть, что дѣйствіе персонажей, въ сущности, исчерпываетъ ихъ „характеры", можно понять, что взаимодѣйствіе есть сплошной потокъ, въ себѣ самомъ несущій и изъ себя, путемъ мѣстныхъ динамическихъ сгущеній и уплотненій, образующій всѣ персонажи, участвующіе въ эпизодѣ.

Въ этомъ потокѣ непрерывнаго взаимодѣйствія замѣчаемъ совершенно опредѣленное *направленіе*. Въ немъ нѣтъ повторенія. Все расположено въ линейной послѣдовательности. Фаза взаимодѣйствія смѣняется другой фазой, та—слѣдующей,—и такъ все дѣйствіе стремится докатиться до нѣкоторой заключительной фазы, которая замыкаетъ потокъ и разрѣшаетъ всѣ обостренные конфликты между лицами. Мы застаемъ взаимодѣйствіе къ тотъ моментъ, когда Райскій вторично пріѣзжаетъ къ бабушкѣ. Начиная отсюда, мы наблюдаемъ рядъ поступковъ, столкновеній, все болѣе и болѣе осложняющихся и обостряющихся. Гончаровъ ведетъ насъ къ „развязкѣ" узла, и въ движеніи дѣйствія къ этой послѣдней и состоитъ его направленность. Эпизодъ „стремится" въ направленіи къ этой развязкѣ, потому что именно въ ней сконцентрированы всѣ концы, связанные съ началами, и въ ней тѣ и другіе „разрѣшаются". Съ тѣмъ вмѣстѣ прекращается и дѣйствіе, заканчивается эпизодъ,—опускается занавѣсъ.

Стремясь къ разрѣшающей фазѣ, взаимодѣйственный потокъ обнаруживаетъ все возрастающую напряженность лицъ и положеній. Въ этомъ—особенность *хода взаимодѣйствія*. Сперва дѣйствіе течетъ лѣниво, вяло. Пріѣхавъ къ бабушкѣ, Райскій застаетъ деревенскую идиллію. Въ центрѣ ея стоитъ столь же идиллическая фигура Марфиньки. Ближе къ периферіи видимъ Татьяну Марковну, которая являетъ собою „бродильное начало" въ этой мирной жизни, душу сложную среди ея простыхъ душъ, хотя эта бродильность и эта сложность въ началѣ больше лишь угадываются и зароняютъ въ сознаніе читателя смутное предчувствіе иныхъ—не идиллическихъ—возможностей. Еще дальше на самой периферіи дѣйствія, рисуется загадочно и зовущимъ образомъ фигура Вѣры: мы знаемъ о ней только то, какою она была въ дѣтствѣ; мы замѣчаемъ, что ея отсутствіе, какъ будто, не отражается на теченіи идилліи, и предвидимъ, что и Вѣра чужда идилліи; о ней никто не говоритъ прямо и много, но лихорадочная заинтересованность Райскаго, его разспросы и лаконическіе, дразнящіе отвѣты, получаемые имъ, невольно передаются рефлексомъ на спокойную поверхность немного „болотной" жизни и вѣютъ надъ нею предчувствіемъ иныхъ настроеній. Когда появляется, по-

ближе къ центру, Вѣра, мы уже воспринимаемъ ее въ атмосферѣ, въ которой „пахнетъ грозой“. Постепенно Вѣра развертываетъ себя, сперва взаимодѣйствуя съ Райскимъ, затѣмъ—съ нимъ и Маркомъ. Темпъ дѣйствія осложняется. Вѣра страдаетъ, и въ лучахъ ея горя все вокругъ хмурится. Райскій нервничаетъ; Маркъ—играя себя и навязанную ему „обличительную“ роль „отрицательнаго характера“, „нигилиста“—мучится внутренне и учиняетъ очередныя „нигилистическія“ дѣйствія, въ нарочитой плоскости которыхъ такимъ трагическимъ силуэтомъ вырисовывается простая человѣческая душа, скованная извнутри и извнѣ и стремящаяся найти допустимый modus vivendi. Какъ разъ тогда, когда идиллія Марѳиньки достигаетъ кульминаціи, напряженность взаимодѣйствія тоже доходитъ до высшей точки. Его потрясающій трагизмъ, чисто внутренній, воспринимается на фонѣ близкой идилліи и производитъ впечатлѣніе грома. Начинается душевная гроза у Вѣры. Она держитъ дѣйствіе въ мучительной напряженности, которой не видно разрѣшенія. Но вотъ вмѣшивается и бабушка,—къ одной трагедіи присоединяется другая и обѣ сливаются воедино, такъ какъ бабушка переживаетъ „грѣхъ“ Вѣры, какъ свой, дремавшій въ глубинѣ души и теперь представшій во всемъ своемъ угрожающемъ и испепеляющемъ образѣ. Здѣсь—высшая точка сложности и интенсивности дѣйствія. Но здѣсь же—и точка, приводящая концы къ началамъ, все развязывающая и очищающая. Изъ страданій бабушки и Вѣры возникаетъ освобождающая струя, какъ дождь, которымъ разрѣшается гроза и которой очищаетъ сгущенную и душную атмосферу грозового поля дѣйствія. Этотъ ходъ взаимодѣйствія дополняетъ эффектъ цѣлости, сообщаемый взаимодѣйствіемъ всему эпизоду. Знаменуя движеніе взаимодѣйствія отъ спокойной фазы къ спокойной, черезъ рядъ лихорадочно несущихся, и при томъ—смѣняющихъ другъ друга въ совершенно опредѣленной послѣдовательности фазъ, этотъ ходъ точнѣе рисуетъ тѣ отношенія между отдѣльными фазами, благодаря которымъ всѣ онѣ смыкаются въ одно цѣлое,—цѣлое драматическое.

Это обозначеніе очень подходитъ къ нему. Ибо оно построено, какъ драматическое цѣлое, и архитектоническими, композиціонными средствами его построенія являются всѣ, только что отмѣченныя, отношенія между его элементами, которыя, въ сущности, выражаютъ одинъ опредѣленный композиціонный принципъ. Въ данномъ цѣломъ нѣтъ существованія,—его замѣняетъ моментъ взаимодѣйствія. Элементы этого цѣлаго, въ сущности, лишь фазы единаго взаимодѣйственнаго потока. О нихъ мало

сказать, что, благодаря участію въ этомъ послѣднемъ, они „сопричастны“. Безъ сомнѣнія,—это такъ: но при этомъ остается не отмѣченнымъ драматическій характеръ сопричастности. Вѣра, бабушка и др. участвуютъ въ одной драмѣ, и ихъ соотношеніе взаимодѣйствія можетъ быть при этомъ точно и однозначно опредѣлено лишь при условіи, что мы поймемъ направленность этого взаимодѣйствія и характеризующій его развитіе ходъ. *Только такое взаимодѣйствіе, которому присуще опредѣленное направленіе къ нѣкоторой завершающей фазѣ (развязкѣ), и которое осуществляется путемъ указаннаго выше хода, измѣряющаго степени приближенія дѣйствія къ послѣдней, разрѣшающей фазѣ,—характерно для драматическаго цѣлаго и является тѣмъ принципомъ, по которому оно построено именно въ своемъ качествѣ драматическаго цѣлаго.* Назовемъ этотъ композиціонный принципъ—*категоріей или принципомъ драматическаго взаимодѣйствія*, отличая ее отъ категоріи сопричастнаго сосуществованія, по которой построено ранѣе разсмотрѣнное цѣлое. Какъ въ послѣдней категоріи сосуществованіе и послѣдовательность не два элемента, а лишь одинъ, описанный двумя словами,—сопричастное сосуществованіе есть нѣчто простое,—такъ же точно и только что вскрытая новая категорія не составлена изъ элемента взаимодѣйствія и элемента драматичности, а лишь двусложно обозначена словами „взаимодѣйствіе“ и „драматическое“.

Когда рѣчь шла о категоріи сопричастнаго сосуществованія, мы пытались показать, что, въ своемъ качествѣ художественно-композиціоннаго принципа, она является самостоятельной категоріей по сравненію съ категоріей пространства, на которую она похожа, на первый взглядъ—почти до совпаденія съ нею. Можно теперь предположить, что и категорія драматическаго взаимодѣйствія самостоятельна: ни одна изъ категорій естествознанія и наукъ психологическихъ (въ широкомъ смыслѣ, включающемъ не только психологію, но и исторію, соціологію и т. д.).

Здѣсь коснемся этого вопроса лишь кратко: вопросъ труденъ и не разработанъ. Если начать съ разъясненія своеобразія нашей категоріи по сравненію съ категоріями естествознанія, ограничимся ея сопоставленіемъ съ одною естественнонаучной (она же и психологическая) категоріей,—временемъ.

Время есть категорія, выражающая отношеніе однозначной или линейной послѣдовательности явленій. Что нѣчто, въ мірѣ физическомъ, происходитъ, это мы видимъ ежедневно, ежеминутно. Но что это значитъ? Если на одну чашку вѣсовъ положить гирю, она опустится, другая поднимется: нѣчто произошло.

Что же именно? „Происшествіе“ состоитъ въ томъ, что потенціальная энергія груза „превратилась“ въ кинетическую энергію поднятія вверхъ пустой чашки вѣсовъ. Чтобы избѣжать термина „превращеніе“, не всѣми въ физикѣ принятаго, можно сказать еще, что, въ нашемъ случаѣ, произошло „компенсированіе“ одного вида энергіи—другимъ. Необходимое условіе возможности этого „происшествія“ есть существованіе различій между явленіями. Если бы не было разности въ нагруженности чашекъ, одна изъ нихъ не опустилась бы, другая бы не поднялась. Когда мы подносимъ твердое тѣло къ огню, оно сперва нагрѣвается, а затѣмъ можетъ и сгорѣть: нѣчто происходитъ. Это значитъ, что температуры огня и тѣла были очень различны; и для того, чтобы нагрѣть тѣло огнемъ или сжечь его въ послѣднемъ, необходимо устранить это различіе частью или полностью. Итакъ, всякій физическій процессъ между парой тѣлъ предполагаетъ наличіе разности въ ихъ физическихъ состояніяхъ и заключается въ устраненіи этихъ различій путемъ компенсаціи соотвѣтствующихъ формъ энергіи, или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ихъ величинъ: это зналъ уже одинъ изъ основателей ученія объ энергіи, Роб. Майеръ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Махъ. Если мы возьмемъ замкнутую систему физическихъ тѣлъ, то скажемъ, что въ ней нѣчто происходитъ, если ея элементы характеризуются различными физическими состояніями, и будетъ происходить, пока существуютъ такія различія, при чемъ, съ уменьшеніемъ различія, будетъ сокращаться и число происшествій въ ея предѣлахъ; когда всѣ разности состояній выровняются, въ системѣ не будетъ „происходить“ ничего.

Фактъ физическихъ „происшествій“ характеризуется еще одною особенностью. Дѣло въ томъ, что разные виды энергіи въ конечномъ счетѣ „превращаются“ въ тепловую, или компенсируются тепловою. Если мы возьмемъ циклъ, пробѣгаемый какимъ либо видомъ энергіи, въ данной системѣ тѣлъ, мы найдемъ, что этотъ циклъ непремѣнно окончится „переходомъ“ всего запаса соотвѣтствующей энергіи въ форму теплоты. Кинетическая энергія какой либо машины можетъ прямо служить выработкѣ теплоты. Но и въ случаѣ, когда этого нѣтъ, она непосредственно вызываетъ теплоту уже тѣмъ, что ея части, вслѣдствіе ихъ взаимнаго тренія, нагрѣваютъ другъ друга и окружающую среду; если учесть и треніе между частями машины и ея средой, „возникновеніе“ теплоты благодаря кинетической энергіи, при затратѣ послѣдней, еще болѣе очевидно. Положимъ, что машина непосредственно служитъ не произведенію теплоты, а, напримѣръ,

электрической энергіи: это, такъ называемый, генераторъ такой энергіи; и въ этомъ случаѣ, въ концѣ концовъ, получится теплота: „если генераторъ электрическаго тока не предназначенъ прямо для *нагрѣванія* проводовъ (электрическое освѣщеніе), если онъ приводитъ въ движеніе электродвигатели, т. е. сообщаетъ кинетическую энергію напр. вагонамъ трамвая, то этимъ... лишь вводится одно звено между электрическою формою энергіи и все тою же конечною формою—*теплотою*“: кинетическая энергія—посредствующее звено—либо вызоветъ теплоту прямо, либо треніемъ, либо, „превратившись“, напр. въ химическую энергію, при освобожденіи которой опять получится тепло, ибо „освобождающаяся химическая энергія обращается прямо въ тепло, какъ при сгораніи угля или цинка“ (В. К. Лебединскій „Элементарное ученіе объ энергіи“, 2-е изд., 1911, стр. 81). Пріурочивая разсмотрѣнное обстоятельство къ совокупности энергій нѣкоторой замкнутой системы тѣлъ, можемъ сказать, что *происходящіе въ ней процессы, въ конечномъ счетѣ, завершаются превращеніемъ всѣхъ энергій системы въ тепловую*. Установленію этого „принципа“ особенно содѣйствовали Р. Клаузіусъ и В. Томсонъ. Иногда этотъ принципъ формулируютъ такъ: въ замкнутой системѣ нѣтъ обратимыхъ процессовъ: это значитъ, что всѣ процессы рано или поздно превратятся въ тепловые, при чемъ тогда изъ послѣднихъ нельзя будетъ получить первыхъ при условіи, что температура всѣхъ тѣлъ системы одинакова; если же сохранятся еще разности температуръ, въ системѣ удастся воспроизвести часть прежнихъ процессовъ при обмѣнѣ теплотъ; впрочемъ, эти процессы въ свое время тоже „перейдутъ“ въ тепловые. Все тотъ же „принципъ“ выражаютъ еще формулой, что физическіе процессы въ замкнутой системѣ имѣютъ однозначное или линейное направленіе, предѣломъ котораго является осуществленіе равномѣрной нагрѣтости тѣлъ, образующихъ систему.

Итакъ, при условіи существованія различій между физическими состояніями элементовъ замкнутой физической системы, въ послѣдней происходятъ измѣненія, состоящія въ выравниваніи этихъ состояній, и въ направленіи однозначномъ, опредѣляемомъ состояніемъ равномѣрной нагрѣтости элементовъ системы; съ достиженіемъ этого уровня, всѣ процессы переходятъ въ тепловые, которые и сами должны совершаться съ величайшимъ однообразіемъ. Въ протеканіи измѣненій, слѣдовательно, вскрывается *порядокъ однозначной или линейной послѣдовательности, въ направленіи къ предѣльной фазѣ*. Иногда *обмѣнъ энергіями* между элементами замкнутой системы матеріальныхъ тѣлъ разсматриваютъ, какъ *взаимо-*

дѣйствіе между этими элементами. Это дѣлаетъ, напримѣръ, Гельмгольцъ, который, соотвѣтственно этому, озаглавилъ одну изъ своихъ статей: „О взаимодѣйствіи силъ природы“ (1854 г.). Поэтому, оставаясь, по прежнему, при точкѣ зрѣнія замкнутой системы, можно сказать, что *въ такой системѣ взаимодѣйствіе подчинено порядку однозначнаго движенія въ направленіи къ завершающей фазѣ всѣхъ системныхъ измѣненій. Этотъ порядокъ въ естествознаніи и опредѣляется, какъ время.*

Категорія драматическаго взаимодѣйствія очень напоминаетъ эту естественно-научную категорію,—по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ. Моментъ взаимодѣйствія кажется общимъ. То, что характеризуетъ это взаимодѣйствіе въ разсмотрѣнномъ эпизодѣ,—именно—направленность къ завершающей фазѣ и опредѣленный ходъ въ направленіи къ послѣдней,—какъ будто присуще и времени. Въ силу этого, напрашивается мысль—отождествить композиціонную категорію драматическаго взаимодѣйствія съ естественно научной категоріей времени.

Естествоиспытатели, занимавшіеся цикломъ энергій въ матеріальной системѣ, повидимому, совершенно неумышленно производили это отождествленіе такимъ образомъ, что этотъ циклъ въ ихъ изображеніи часто буквально драматизировался. Они дѣлали это, впрочемъ, разсматривая указанный циклъ не столько въ примѣненіи къ замкнутой системѣ въ тѣсномъ смыслѣ, сколько въ примѣненіи къ *физическому міру въ цѣломъ*, принимая его при этомъ за матеріальную систему en grand.

Для иллюстраціи остановимся бѣгло на характеристикѣ соотвѣтствующихъ воззрѣній Клаузіуса и Гельмгольца,—двухъ физиковъ, которымъ современное ученіе объ энергіи обязано чрезвычайно многимъ. Послѣдній формулировалъ принципъ сохраненія энергіи (1847), первый—изслѣдовалъ какъ разъ циклъ энергій въ матеріальной системѣ и далъ нѣсколько формулъ для выраженія тѣхъ его свойствъ, которыя мы только что разсмотрѣли (1850 г. и слѣд.); эти свойства, въ изложеніяхъ ученія объ энергіи,—въ частности—въ трудахъ по термодинамикѣ, обычно соединяются съ именемъ Клаузіуса (и Томсона). Беря воззрѣнія обоихъ физиковъ, мы впрочемъ изложимъ ихъ не полностью: изъ Гельмгольца возьмемъ то, что не совсѣмъ ясно у Клаузіуса; а то, что высказано опредѣленно послѣднимъ, раздѣляясь, въ общемъ, и Гельмгольцемъ, не требуетъ повторенія примѣнительно къ автору труда о „сохраненіи энергіи“.

Клаузіусъ говоритъ объ энергіи, содержащейся in der Welt, въ мірѣ. Выраженіе его: „вся наличная въ мірѣ энергія“ застав-

ляетъ думать, что онъ считалъ ея запасъ, хотя и большимъ, но небезконечнымъ. Ходъ его мыслей, какъ увидимъ, основанъ именно на этомъ положеніи. Совершенно ясно оно высказано Гельмгольцемъ, въ его рѣчи: „О сохраненіи силы“ („Популярныя рѣчи“, пер. подъ ред. О. Д. Хвольсона, 1896, ч. I). По его мнѣнію, „общая сумма работоспособности *во всей природѣ* при всѣхъ видоизмѣненіяхъ, происходящихъ въ ней, вѣчно остается одна и та же... *Вселенная* обладаетъ, разъ навсегда, *опредѣленнымъ* запасомъ работоспособности, которой никакой смѣной явленій не можетъ быть ни измѣненъ, ни увеличенъ, ни уменьшенъ, и который обусловливаетъ всѣ измѣненія, происходящія въ ней“ (стр. 70; курсивы наши). Конечно, невозможно говорить въ такихъ выраженіяхъ объ энергіи „въ мірѣ“, если считать ее и его безконечными.

При исходномъ положеніи, что міръ и энергія въ немъ ограничены, о мірѣ можно разсуждать далѣе, видя въ немъ особый случай замкнутой системы физическихъ тѣлъ,—понятіе, использованное выше не разъ. Клаузіусъ (за нимъ Гельмгольцъ), такъ и дѣлаетъ. Въ своемъ замѣчательномъ докладѣ: „Ueber den zweiten Hauptsatz der mechanischen Wärmetheorie“ (1867 г.), Клаузіусъ, много работавшій по соотвѣтственнымъ вопросамъ и ранѣе, развилъ въ примѣненіи къ „міру“ понятіе о послѣдовательномъ переходѣ всѣхъ формъ энергіи въ тепловую. Онъ набрасываетъ широкими штрихами, какъ постепенно, обмѣниваясь энергіями, тѣла въ мірѣ содѣйствуютъ нагрѣванію другъ друга, „стремясь“ вступить въ тепловую фазу, представляющую уже случай устойчиваго равновѣсія. Въ свою очередь, затѣмъ выравниваются и температуры. Все болѣе и болѣе онѣ „тяготѣютъ“ къ нѣкоторому предѣльному термическому равновѣсію: и „если бы это состояніе осуществилось, наконецъ, вполнѣ, то прекратились бы въ дальнѣйшемъ всѣ измѣненія, и міръ оказался бы въ состояніи мертвенной неподвижности“ (17). Наступитъ ли этотъ предѣлъ? Клаузіусъ полагаетъ, что въ порядкѣ „превращеній“ энергій въ тепловую имъ „найденъ законъ природы, позволяющій заключить съ увѣренностью, что въ мірѣ не все есть круговоротъ, но что онъ измѣняетъ свое состояніе въ извѣстномъ направленіи и, такимъ образомъ, стремится къ нѣкоторому предѣльному состоянію“. (17) Русскій физикъ, В. К. Лебединскій, формулируетъ весь этотъ строй идей такъ: „Предѣльное разсѣяніе (энергіи, Т. Р.)—картина будущаго для физическаго міра; и наоборотъ, если пойдемъ назадъ, въ прошедшее —предѣльное скопленіе энергіи, концентрація всей энергіи въ

одномъ пунктѣ—начало міра, форма его рожденія". „(Элементарное ученіе объ энергіи", стр. 130). Совершенно драматическое изображеніе! Замѣтимъ, кстати, что еще недавно (1907 г.) Бергсонъ въ Evolution crèatrice нарисовалъ эту воображаемую драму „міра" со всею силою своего описательнаго мастерства и картинности. Покойный В. Томсонъ еще раньше Клаузіуса (въ 1852 г.) высказывалъ мысль объ этой драмѣ, въ формѣ „постулята о разсѣяніи энергіи". А Пфаундлеръ дошелъ до утвержденія, что энергія стремится къ..... „вырожденію" (Entartung)! (О. Д. Хвольсонъ: „Курсъ физики", т. III, изд. 3-е 1912 г. 420—421; Лебединскій, назв. соч., стр. 85—86). Поэтому, по Пфаундлеру, „ходъ міровыхъ часовъ когда-либо остановится" (Розенбергеръ „Исторія физики", т. III, с. 422, примѣч. 3, по русскому переводу 1894 г.)

Вся эта драматизація теперь должна быть отброшена. Прежде всего, ни одинъ *физикъ* не можетъ говорить обо всемъ „мірѣ", „всей природѣ", „вселенной". Въ частности, энергетическіе законы нельзя формулировать для „всего міра". Напримѣръ, формула закона сохраненія энергіи гласитъ: „Энергія матеріальной системы, при опредѣленномъ состояніи, отнесенная къ нѣкоторому опредѣленному состоянію, какъ нулевому, есть величина постоянная" (Max Planck „Das Princip der Erhaltung der Energie", 1887 г., стр. 99). Въ этой формулѣ рѣчь идетъ необходимо о замкнутой системѣ, отграниченной извнѣ (ib. 102). Поэтому, говоря, въ частности, о механической энергіи системы, О. Д. Хвольсонъ утверждаетъ, что эта энергія „есть величина постоянная" лишь для „системы, между которой и остальнымъ міромъ нѣтъ механическихъ соотношеній", и прибавляетъ совершенно основательно: „Не слѣдуетъ распространять этой истины на весь міръ и говорить: „энергія міра постоянна", ибо о мірѣ, какъ цѣломъ, мы ничего не знаемъ..." („Курсъ физики", т. I, изд. 4-ое, 1914, стр. 119; ср. его же: „Можно ли прилагать законы физики ко вселенной"). Такое же ограниченіе необходимо ввести и относительно принципа „разсѣянія энергій": онъ относится только къ замкнутой ограниченной матеріальной системѣ (ср. О. Д. Хвольсонъ, III, 1912, стр. 435).

Впрочемъ, существуетъ взглядъ, отчасти отрицающій пріуроченность этого принципа исключительно къ замкнуто-ограниченной системѣ. Онъ высказанъ авторитетнѣйшимъ изъ представителей современной термодинамики, М. Планкомъ („Лекціи по термодинамикѣ", 1897 г., русск. пер. подъ ред. И. И. Боргмана, 1900 г., стр. 89—91). Здѣсь мы не можемъ вдаваться въ подробное изложеніе его аргументаціи. Она основана, говоря очень

коротко, на теоремѣ, касающейся соотношенія энергій, съ одной стороны—внутри данной системы, съ другой—за предѣлами послѣдней, пріурочивая это соотношеніе къ данной смстемѣ. Первая энергія стоитъ въ соотвѣтствіи съ *объемомъ* системы, вторая—съ ея *поверхностью*. Говоря словами Планка,—„внѣшнія дѣйствія суть величины того же порядка, что и поверхность, а энергія системы того же порядка, что и объемъ". Если взять *достаточно* большую систему, окажется, что энергія внѣшнихъ дѣйствій, соизмѣримая съ поверхностью (величиной *низшаго* порядка), будетъ равна лишь ничтожной части энергіи внутренней, соизмѣримой съ объемомъ (величиной *высшаго* порядка). Съ увеличеніемъ системы, эта часть будетъ все уменьшаться. Въ предѣлѣ она—quantité négligeable. *Этотъ предѣлъ будетъ отвѣчать случаю „безконечно большой системы"*. Въ такой системѣ „внѣшнія дѣйствія" не вовсе отсутствуютъ: они лишь ничтожно малы, выражаются величиной безконечно малой. Поэтому, наша безконечно—великая система все еще—замкнутая система. Ея энергія—при своей безконечности—есть величина все же строго опредѣленная, однозначная. Съ этой системой можемъ отождествить физическій міръ, какъ цѣлое. *Мы будемъ мыслить и его, какъ замкнутую систему*—условленнаго рода. Законъ „разсѣянія энергіи", говорили мы, относится къ замкнутой системѣ? Прекрасно: итакъ онъ относится и къ міру, который мы условились мыслить, какъ замкнутую систему,—къ міру физическому въ его цѣломъ. По мнѣнію Планка, это самое „очевидно, и хотѣлъ сказать Клаузіусъ", но не совсѣмъ ясно это выразилъ.

Намъ, однако, кажется, что разъясненіе Планка все-таки не опровергаетъ положенія о пріуроченности нашего принципа исключительно къ ограниченно-замкнутой физической системѣ. Безконечно—великая система, о которой онъ говоритъ, не есть, въ сущности, безконечная. Она лишь математически—безконечна; это значитъ, что она больше всякой *данной* системы; но „данная система" есть нѣчто, необходимо ограниченное; быть больше „данной системы", какъ бы ни была выбрана послѣдняя, значитъ буквально *лишь* то, что „безконечная система" именно больше данной, но тоже ограничена, замкнута,—только не тамъ, не такъ, какъ „данныя", а иначе. За ея предѣлами остается еще нѣчто; пусть его энергія есть для *нашей системы*, въ отношеніи къ ея внутренней энергіи, quantité négligeable: важно, что это нѣчто есть, что мы имъ *можемъ лишь условно* пренебречь, что поэтому и система наша не замкнутая, а стало быть—и ограниченная чѣмъ-то внѣ ея. Слѣдовательно, она—не „міръ" физическій въ

цѣломъ,—такъ, чтобы за его предѣлами уже ничто не оставалось, —а только отрѣзокъ этого міра. Но ни въ одномъ изъ такихъ отрѣзковъ принципъ разсѣянія не осуществляется, ибо нигдѣ не реализуются здѣсь условія замкнутости. Планкъ, по смерти Клаузіуса издавшій нѣкоторыя классическія работы послѣдняго, быть можетъ и знаетъ, что, „очевидно, *хотѣлъ сказать* Клаузіусъ". Но то, чтó *сказалъ* Клаузіусъ, въ такомъ случаѣ, расходится съ тѣмъ, что онъ *„хотѣлъ* сказать", а законъ разсѣянія, во всякомъ случаѣ, не реализуется in der Welt, а только въ ограниченно-замкнутыхъ системахъ.

Отсюда вытекаетъ важное слѣдствіе. Если говорить о категоріи времени въ естественнонаучномъ смыслѣ, необходимо принять, что она распространяется *на весь физическій міръ*: это доказалъ еще Кантъ. Но, разсматривая время, какъ послѣдовательность фазъ разсѣивающейся энергіи, мы не въ правѣ распространять его на весь физическій міръ, такъ какъ міръ не есть для насъ замкнутая система съ „разъ навсегда" опредѣленнымъ зарядомъ энергіи. Поэтому, или время не распространяется на весь физическій міръ, или время, распространяясь на него, не есть указанная послѣдовательность разсѣянія, или „деградаціи" энергіи. Ясно, что вѣрно первое. Въ такомъ случаѣ, *категорія времени существенно отличается отъ категоріи драматическаго взаимодѣйствія: первая исключаетъ „предѣльную фазу", вторая ее предполагаетъ*; поэтому „направленіе" времени не есть направленіе, опредѣляемое этой фазой: наоборотъ, направленіе драматическаго потока лишь ею опредѣляется. Можно ожидать, что и ходъ взаимодѣйствія, и само взаимодѣйствіе въ обоихъ случаяхъ существенно разные.

Возьмемъ энергетическую схему разсѣянія энергіи въ ограниченной замкнутой матеріальной системѣ. Здѣсь, казалось бы, есть „предѣльная фаза", а потому есть и направленность измѣненій къ ней,—какъ происходитъ это въ драматическомъ цѣломъ. Однако, это только кажимость. „Предѣльная фаза", именно тепловая, есть только гипотетическое, условное понятіе. Предѣльная фаза предполагаетъ ограниченную *замкнутую* матеріальную систему. Но развѣ таковая возможна? Если въ мірѣ физическомъ мы мыслимъ одну направляющую линію послѣдовательности, всѣ частныя послѣдовательности суть лишь ея воображаемые отрѣзки. Поэтому данная система входитъ въ міръ единаго времени и вовсе отъ міра не отграничена. *Замкнутыхъ* физическихъ системъ нѣтъ и потому, что невозможно изолированное матеріальное цѣлое: это только мысленный и условный вырѣзъ изъ сплош-

ной ткани вещества. Итакъ, въ такихъ системахъ не находимъ и предѣльной фазы. Въ процессы внутри системы всегда вторгаются процессы извнѣ и спутываютъ ихъ стройный ходъ. Отъ ихъ направленности къ предѣльной фазѣ остается только одно: *если бы* можно было осуществить изолированную систему, обмѣнъ энергіями въ ея предѣлахъ привелъ бы къ термическому равновѣсію въ ней; фактически же всегда происходитъ только самый разнообразный обмѣнъ энергіями, процессы превращенія энергіи, выравниваніе безчисленныхъ энергическихъ различій, необходимо выходящее за предѣлы всякой изолированной системы, вливающееся въ нескончаемое чередованіе явленій во времени. Эта направленность рѣшительно не та, которую констатируемъ въ драматическомъ цѣломъ.

Нѣтъ въ физической системѣ и характернаго для послѣдней хода дѣйствія. Разъ нѣтъ абсолютно-предѣльной фазы, нѣтъ и приближенія къ ней, тѣмъ болѣе—такого приближенія, которымъ бы измѣрялось возрастаніе напряженности взаимодѣйствія. *Темпъ* дѣйствія—понятіе, чуждое физикѣ. Она знаетъ только *скорость* протеканія процесса; она интересуется тѣмъ, когда начался процессъ и когда онъ завершился, а не тѣмъ, что́ *выражаетъ* здѣсь близость конца или начало или любой моментъ движенія между ними. Превращеніе энергій можетъ занимать физика, правда, и съ точки зрѣнія уясненія его конкретной картины въ данной матеріальной системѣ. Но, отмѣчая всѣ фазы процесса, физикъ не можетъ видѣть въ нихъ фазы развивающагося, *назрѣвающаго* цѣлаго, съ опредѣленнымъ *„концомъ-развязкой"*; ибо въ системѣ нѣтъ никакой развязки, какъ и завязки, впрочемъ,—какъ и развитія *отъ* послѣдней *къ* первой, наконецъ.

На дѣлѣ, *въ превращеніяхъ энергіи въ рамкахъ данной системы нѣтъ также и настоящаго взаимодѣйствія между элементами.* Происходятъ лишь превращенія. Что́ теряетъ одинъ элементъ, пріобрѣтается другимъ. При этомъ пріобрѣтатель такъ же случаенъ, какъ и тотъ, кто теряетъ. Ничто не связываетъ ихъ интимно; совершенно безразлично, отъ А ли къ В, или отъ В къ С, или отъ С къ А перейдетъ какой-либо видъ энергіи, и какой именно: порядокъ перехода не играетъ роли, ибо нѣтъ связи взаимности. Когда теплая частица сообщаетъ холодной свою теплоту, она ничего не получаетъ взамѣнъ. Сколько здѣсь „персонъ" безъ ролей, какъ бы безликихъ статистовъ!. Вотъ почему ихъ можно трактовать *статистически*, en masse, учитывая не индивидуальныя роли, а групповыя направленія и массовые эффекты. Больцманнъ, разработавшій статистическій методъ въ

примѣненіи къ такому учету, освѣтилъ очень интересно и *статистическую* картину перехода элементовъ замкнутой системы къ завершительной фазѣ термическаго равновѣсія („Der zweite Hauptsatz der mechanischen Wärmetheorie“, въ Almanach'ѣ Вѣнской Акад. Наукъ, 1886 г. стр. 225—259; впрочемъ, и Больцманнъ, подобно Клаузіусу, говоритъ не только объ ограниченно замкнутой физической системѣ, но и обо всемъ „мірѣ“ физическомъ въ его цѣломъ).* Напротивъ, взаимодѣйствіе въ драматическомъ цѣломъ требуетъ персонажей съ индивидуальными ролями, дѣйствующихъ другъ на друга, и не терпитъ просто „фигуръ“, которыя ничего не дѣлаютъ. Вспомнимъ „наперсниковъ“ старыхъ ложноклассическихъ драмъ: вотъ „холодныя частицы“, ничего не вносящія въ драму, въ ея дѣйствіе, а по преимуществу выносящія изъ нея разныя полезныя для зрителей и читателя свѣдѣнія.

Итакъ, *принципъ или категорія драматическаго взаимодѣйствія рѣшительно—не естественнонаучная категорія времени.* Но такъ какъ и психологическія науки, говоря о времени, знаютъ только эту категорію, можно напередъ сказать, что *категорія драматическаго взаимодѣйствія чужда и психической дѣйствительности.* Это не мѣшаетъ, напр., историкамъ періодизировать историческій процессъ и, въ рамкахъ отдѣльныхъ періодовъ, драматизировать его. Но методологическій анализъ вскрываетъ полную неправомѣрность этого пріема (Р. Ю. Виппер: „Очерки теоріи историческаго познанія“). Есть только одна историческая дѣйствительность, обнимающая „смѣну элементовъ, каждый изъ которыхъ занимаетъ опредѣленное положеніе во времени“. (А. С. Лаппо-Данилевскій: „Методологія исторіи“, 1910, часть I, 280). Всякая періодизація условна. Исторія не вѣдаетъ драмъ; ихъ творятъ историки-драматурги,—больше художники, чѣмъ ученые.

* * *

Мы можемъ резюмировать: *принципъ драматическаго взаимодѣйствія, по которому построенъ эпизодъ: Вѣра, Маркъ и др., такъ же самостоятеленъ, какъ и принципъ сопричастнаго сосуществованія, по которому сложенъ, какъ цѣлое, эпизодъ: Софья, тетушки и пр. Это чисто художественные принципы; соотвѣтствующія цѣлыя*

*) Къ удивленію, этотъ взглядъ и теперь встрѣчается очень часто среди физиковъ. *Даже* такой тонкій умъ, какъ покойный Пуанкаре, и тотъ къ нему присоединился....„Dernières Pensées“, 1913 г.. стр. 18, 169.

постольку можно назвать также художественными. Художественное цѣлое есть многообразіе элементовъ, соотнесенныхъ по одному изъ указанныхъ принциповъ. Нѣтъ ли иныхъ? Повидимому—нѣтъ. Но здѣсь нѣтъ нужды рѣшать этотъ вопросъ окончательно.

Подчиненность художественной композиціи указаннымъ *самостоятельнымъ* категоріямъ означаетъ также, что художественное цѣлое есть *абсолютно-замкнутое цѣлое.* О замкнутой системѣ физическихъ тѣлъ мы говорили и выше; но эта замкнутость, какъ выяснено,—условная и временная, совершенно искусственная. Замкнутость художественнаго цѣлаго состоитъ въ его вознесенности надъ міромъ физической и психической дѣйствительности, въ строеніи которой участвуютъ пространство и время, въ художественномъ цѣломъ замѣненныя иными категоріями. Эта замкнутость состоитъ и въ томъ, что всякое художественное цѣлое, построенное статически, либо драматически, какъ таковое—не предполагаетъ не только физико-психическаго міра, но и другого, художественнаго же, цѣлаго. Эпизодъ: Вѣра, бабушка и др. довлѣетъ себѣ и равнодушенъ не только къ реальному Петрограду, Волгѣ и пр., но и къ „Борису Годунову“ Пушкина, къ „Обломову“ Гончарова и *даже къ эпизоду „Обрыва“ о Софьѣ и ея кругѣ.* Категорія драматическаго взаимодѣйствія, по которой онъ построенъ, вовлекаетъ въ дѣйствіе эпизода только опредѣленные элементы и ведетъ дѣйствіе къ такому предѣльному концу, за которымъ начинается уже абсолютное небытіе этого дѣйствія, а стало быть—и эпизода, какъ цѣлаго. За этимъ концомъ можетъ быть очень многое. Но его наличность безразлична для эпизода, какъ и наоборотъ, впрочемъ. Онъ—„надъ толпами, надъ вѣками, равенъ міру и судьбѣ“. Относится это, конечно, и къ другому, разсмотрѣнному ранѣе, эпизоду „Обрыва“, да, повидимому, и ко всякому художественному цѣлому, каждый разъ—въ соотвѣтствіи съ родомъ композиціи послѣдняго.*)

* * *

Возвратимся теперь къ „Обрыву“, какъ художественному цѣлому. Кажущееся отступленіе отъ этого вопроса было, напротивъ, только углубленіемъ въ него и подготовкою его рѣшенія.

---

*) Говоря здѣсь и въ другихъ мѣстахъ о „вознесенности“, „изъятости“ и т. д. художественнаго цѣлаго по отношенію къ пространственно-временной дѣйствительности, мы *имѣемъ въ виду* мысли, будто это цѣлое выше послѣдней *по цѣнности.*

Если „Обрывъ“ есть художественное цѣлое, онъ построенъ либо по принципу сопричастнаго сосуществованія, либо по принципу драматическаго взаимодѣйствія. Другихъ принциповъ мы не знаемъ, и ихъ, повидимому—нѣтъ вовсе. Мы не утверждаемъ этого категорически; но, по основаніямъ, которыя было бы сейчасъ очень долго приводить, такое утвержденіе кажется намъ, по крайней мѣрѣ, вѣроятнымъ. Впрочемъ, мы увидимъ, что *въ настоящемъ случаѣ* совершенно безразлично, есть ли третій, четвертый и т. д. композиціонный принципъ: дѣло выяснится съ помощью двухъ, вскрытыхъ нами сейчасъ. Итакъ, „Обрывъ“ въ цѣломъ построенъ по одному изъ нихъ. По какому?—таковъ теперь нашъ вопросъ.

Части романа построены по обоимъ этимъ принципамъ. Правда, мы разсмотрѣли только двѣ изъ нихъ. Но можно было бы показать безъ труда, что всѣ остальныя организованы тоже либо статически (категорія сопричастнаго сосуществованія), либо драматически (категорія драматическаго взаимодѣйствія), конечно—проводя соотвѣтствующіе принципы болѣе или менѣе послѣдовательно, въ относительно чистомъ ихъ видѣ.

Но, построенныя по двумъ разнымъ принципамъ, части романа, т. е. его отдѣльные эпизоды, уже въ силу этого, другъ съ другомъ не связаны. Всего очевиднѣе это по отношенію къ проанализированнымъ его эпизодамъ. Ихъ и будемъ имѣть въ виду, для простоты. Художественно-статическое цѣлое эпизода: Софья и др. просто лежитъ въ романѣ рядомъ съ драматическимъ цѣлымъ эпизода: Вѣра и др. Дѣло не только въ томъ, что, напр., Софья и Вѣра не знакомы, живутъ далеко другъ отъ друга и т. д.; да и вообще, поскольку рѣчь идетъ о художественномъ цѣломъ—все это не такъ существенно. Гораздо важнѣе то, что Софья есть „вещь“ и соотнесена съ другими „вещами“ въ замыкающееся цѣлое, тогда какъ Вѣра—„личность“, соотнесенная съ „личностями“ же, какъ моментами взаимодѣйственно-драматическаго потока. Важно то, что Софья „есть“, а Вѣра „дѣйствуетъ“. Наконецъ, важно то, что застывшій міръ перваго эпизода діаметрально противоположенъ драматически-оживленному содержанію второго. Это—„ледъ и пламень“, да и тѣ не такъ различны. „Обрывъ“, какъ цѣлое, не можетъ быть, повидимому, построенъ ни статически, ни динамически, какъ нельзя соединить ледъ и пламень, не желая получить воду, романъ—воду въ нашемъ случаѣ.

Изъ этого затрудненія Гончарова выводитъ фигура Райскаго. Мы видѣли, что его роль, между прочимъ, состоитъ въ взаимодѣйствіи, прямомъ или косвенномъ, со всѣми прочими персона-

жами романа. Слѣдовательно—вовлекая въ это взаимодѣйствіе весь персоналъ романа—*Гончаровъ попытался развернуть послѣдній, какъ драматическое цѣлое.*

Но категорія драматическаго взаимодѣйствія требуетъ направленности дѣйствія къ предѣльной фазѣ, развязкѣ, и опредѣленнаго—наростающаго—хода дѣйствія въ стремленіи послѣдняго къ разрѣшающей ситуаціи. *Развязкой романа, какъ цѣлаго, у Гончарова служитъ развязка его послѣдняго—драматически построеннаго—эпизода о Вѣрѣ и др.* Это достигнуто тѣмъ, что Райскій введенъ въ послѣдній разъ именно въ этотъ эпизодъ и вовлеченъ въ его драматическую канву. Райскій живетъ сперва на берегахъ Невы; затѣмъ онъ переѣзжаетъ на Волгу: онъ увлекаетъ въ себѣ всѣ общіе моменты „Обрыва“, почему и романъ „кончается“, какъ цѣлое, тамъ, гдѣ развивается драма, приводящая къ развязкѣ. Можно сказать поэтому, что драматичность взаимодѣйствіи въ „Обрывѣ“, какъ цѣломъ, опредѣляется наличностью въ немъ завершающей фазы. Въ направленіи къ этой послѣдней и происходитъ въ романѣ взаимодѣйствіе. Оно начинается, по существу, подлѣ Софьи и ея круга.

Говоря выше о композиціи этого эпизода, мы подчеркивали ея характерно-статическій принципъ. Но теперь умѣстно добавить, что этотъ принципъ здѣсь не проведенъ въ чистомъ видѣ. Онъ только доминируетъ. Фактически, и въ мірѣ Софьи шевелится возможность дѣйствія. Сама Софья, непрестанно атакуемая Райскимъ, какъ будто начинаетъ выходить изъ своего вещняго „бытія“. Не слѣдуетъ преувеличивать всѣхъ этихъ признаковъ и предчувствій драматичности въ существенно-статическомъ цѣломъ. Въ концѣ концовъ, ничего не „происходитъ“. Софья вскорѣ застываетъ въ прежней позѣ статуи, а ея кругъ—и подавну. Однако, „признаки“ и „предчувствія“ существуютъ. Своего рода „буря“, хотя бы „и въ стаканѣ воды“, разыгрывается и здѣсь, и притомъ—при непремѣнномъ участіи Райскаго. Онъ уѣзжаетъ, „статуя музея“ остываетъ до температуры нетающаго льда,—а тамъ, на Волгѣ, дѣйствіе завязывается, развивается и разрѣшается „въ грозѣ и бурѣ“ настоящимъ жгучимъ пламенемъ сгорающихъ душъ, надеждъ и грезъ,—и все это опять при участіи Райскаго, который какъ бы продолжаетъ вить, тонкую сперва, нить общаго взаимодѣйствія. Изъ всего этого выясняется и наличность „хода“ въ романѣ, какъ цѣломъ. Взаимодѣйствіе, очень вялое, почти незамѣтное въ началѣ, впослѣдствіи наростаетъ. Статуарность міра Софьи еще продолжается въ идиллическихъ сценахъ первыхъ дней жизни Райскаго у бабушки. Мы уже про-

слѣдили, какъ, начиная отсюда, темпъ взаимодѣйствія ускоряется, драматизмъ возрастаетъ, своею силою измѣряя степень близости дѣйствія къ разрѣшающей фазѣ всего романа.

Итакъ, вслѣдствіе введенія фигуры Райскаго съ его особой ролью, а также благодаря не вполнѣ чистому примѣненію категоріи сопричастнаго сосуществованія къ композиціи эпизода о Софьѣ и др., Гончаровъ *развернулъ „Обрывъ“, какъ драматическое цѣлое.*

Однако, его совершенство очень невысоко: *драма—плохая.*

Прежде всего, учтемъ, что въ этой драмѣ совмѣщены различныя, по композиціи, цѣлыя. Въ силу этого, каждое изъ нихъ центрируется въ себѣ. Если сравнить „Обрывъ“ съ вихремъ, составленнымъ изъ соединенія нѣсколькихъ вихрей, изъ которыхъ у каждаго—своя особая скорость вращенія и которые съ трудомъ вовлекаются и удерживаются въ предѣлахъ основного вращенія, легко понять, что частные вихри—эпизоды „Обрыва“ стремятся къ самостоятельности за счетъ цѣлаго. *„Въ „Обрывѣ“ слишкомъ много центробѣжныхъ „силъ“.*

Что касается центростремительныхъ, онѣ исчерпываются вполнѣ Райскимъ и далеко не стоятъ на высотѣ задачи. Романъ течетъ, какъ нѣчто единое, благодаря тому, что Райскій взаимодѣйствуетъ со всѣми его персонажами. Но мы уже видѣли, какъ непрочно и поверхностно это взаимодѣйствіе. Его мало для приданія драматической канвѣ романа необходимой упругости и крѣпости. Нужно не мало „вникать“ въ его композицію, чтобы достигнуть воспріятія романа, какъ цѣлаго. Невольно на первый планъ выдвигается не столько цѣлое, сколько излишне автономныя части. Можно сдѣлать такой опытъ: если мы давно не читали „Обрыва“ и спрашиваемъ себя, о чемъ въ немъ рѣчь, мы всего скорѣе назовемъ драму Вѣры, потомъ, можетъ быть, вспомнимъ, что въ „Обрывѣ“ есть еще что-то, сообразимъ, что это—эпизодъ о Софьѣ; мы помнимъ не о цѣломъ, а объ его частяхъ.

Райскій еще и потому плохо несетъ центростремительную свою функцію, что онъ самъ—не изъ натуръ, у которыхъ есть „центръ“ и „линія“ поведенія въ соотвѣтствіи съ нимъ. Мы сравнивали его съ кометой, и, кажется, это сравненіе вѣрно. И вотъ,—человѣкъ безъ „центра“ и „линіи“, Райскій долженъ „вести опредѣленную линію“ всего романа, служить стержнемъ всего драматическаго дѣйствія „Обрыва“! Несомнѣнно, чувствуя всю рискованность этого порученія, возложеннаго имъ на Райскаго, Гончаровъ попытался „передѣлать“ своего героя: онъ внушаетъ намъ, что, въ концѣ романа, въ Райскомъ произошелъ какой-

то переворотъ, который какъ будто готовился всѣмъ ходомъ романа. Но читатель, понявъ кометную природу и пути Райскаго, конечно не вѣритъ этому; да, можетъ быть, и Гончаровъ не вѣритъ, такъ какъ заставляетъ Вѣру, передъ самымъ отъѣздомъ Райскаго въ Италію для „новой жизни", высказать не безосновательное сомнѣніе въ возможности наступленія этой жизни. Характеръ Райскаго такъ опредѣленно очерченъ, что легко предвидѣть его будущее: всегда и вездѣ оно будетъ повтореніемъ прошлаго.

Можно, въ заключеніе, предложить одну догадку.

Въ „Обрывѣ" мы нашли „раму". Теперь мы убѣдились, что обрамляемое цѣлое очень шатко.

Невольно напрашивается мысль: можетъ быть, именно потому Гончаровъ и потрудился надъ рамой, что понималъ, чувствовалъ неслаженность романа, какъ цѣлаго? Какъ иные живописцы или поэты тѣмъ усерднѣе заботятся о красотѣ и основательности рамы и гладкости стиха, чѣмъ сомнительнѣе художественныя достоинства картины и стихотворенія, такъ и *Гончаровъ поспѣшилъ „обрамить" свой романъ, стремясь хоть этимъ достичь эффекта цѣльности композиціи, внутренне несовершенной.*

* * *

Въ этомъ этюдѣ развиты лишь предварительно мысли, требующія еще долгой разработки. При ихъ обдумываніи встаетъ множество новыхъ вопросовъ. Одинъ изъ самыхъ интересныхъ таковъ.—Если художественное цѣлое возвышается надъ физическимъ и психическимъ міромъ, какъ примирить съ этимъ то, что каждое такое цѣлое *нуждается въ матеріалѣ, взятомъ изъ этого міра?* Не значитъ ли это, что, на дѣлѣ, художественное цѣлое входитъ въ этотъ міръ? Такое заключеніе противорѣчитъ всему предшествующему. Но обязательно ли оно? Ограничимся постановкой вопроса.

Іюль 1914 г.—Февраль 1915 г.

Т. Райновъ.

Эврологія или всеобщая теорія творчества.

(СТАТЬЯ ВТОРАЯ).

1. Предметъ Эврологіи.

Предлагаемая вторая статья дополняетъ первую статью, носящую то-же заглавіе и помѣщенную въ 5-мъ томѣ настоящаго сборника. Объ статьи вмѣстѣ даютъ болѣе или менѣе закругленный конспектъ эврологіи или, лучше сказать, ея программу, обстоятельное выполненіе которой принадлежитъ будущему. Подъ названіемъ Эврологіи мы разуемъ такую науку, которая разсматриваетъ человѣческое творчество во всемъ его объемѣ, которая ставитъ себѣ задачею истолковать, исходя изъ одной точки зрѣнія, какъ художественное творчество и техническое изобрѣтеніе, такъ и научное открытіе и волевое дѣйствіе.

Повторимъ вкратцѣ содержаніе первой статьи. Послѣ вступительныхъ словъ, перечисленъ рядъ обстоятельствъ, которыя до сихъ поръ мѣшали созданію всеобщей теоріи творчества. Первой и основной помѣхой здѣсь явилось то, что геніальность человѣческую начали изучать съ ея наименѣе доступнаго проявленія, а именно съ крупныхъ геніевъ, вмѣсто того, чтобы ее изучать въ той ея обыденной формѣ (простой догадки), которая всѣмъ намъ такъ близка. Второю помѣхой, тѣсно связанною съ первой, явился взглядъ на научное открытіе какъ на обнаруженіе чего либо, находящагося независимо отъ насъ,—взглядъ на истину, раздѣляемый и въ настоящее время весьма многими. Мы видѣли, что такой взглядъ преодолѣвается релативизмомъ, а въ частности теоріей познанія Эрнста Маха; такъ что, если принять точку зрѣнія релативизма, то открытіе (закона природы) уравнивается съ изобрѣтеніемъ (нѣкоторой умственной формулы).

Далѣе, въ первой статьѣ указанъ рядъ точекъ сближенія между созданіемъ техническимъ и художественнымъ. Оказывается, напримѣръ, что лишь условно можно говорить о томъ, будто художественное произведеніе является самоцѣлью, тогда какъ техническое изобрѣтеніе служитъ-де средствомъ: „Автомобиль есть средство къ тому, чтобы ѣхать такъ-то; Сикстинская Мадонна

есть средство къ тому, чтобы переживать то-то". Но и съ другихъ сторонъ,—со стороны-ли внѣшней, или идейной, или телеологической—тоже нѣтъ достаточныхъ основаній къ тому, чтобы устанавливать слишкомъ глубокое различіе между художественнымъ и техническимъ произведеніями. Аналогичное разсужденіе сближаетъ точно также явленія изобрѣтенія съ явленіями волевого дѣйствія до возможности разсматривать ихъ тоже какъ виды одного рода.

Въ заключеніе всѣ разсужденія первой статьи сгруппированы тамъ въ одну синоптическую таблицу, назначенную къ тому, чтобы наглядно показать возможность составить одну область человѣческаго творчества изъ его главныхъ разновидностей, какими являются: научное открытіе, художественное произведеніе, техническое изобрѣтеніе и волевое дѣйствіе.

Теперь, переходя къ тому, что намъ еще остается разсмотрѣть, спросимъ себя: чѣмъ вообще занимается и должна заниматься эврологія? Небольшое размышленіе показываетъ, что передъ нами четыре основныхъ вопроса: 1) Кто творитъ? 2) Какъ творитъ? 3) Что творится? 4) Какъ творится?... Затѣмъ ясно, что второй и четвертый вопросы только съ разныхъ сторонъ освѣщаютъ творческій процессъ. И такимъ образомъ, предметъ эврологіи слагается изъ трехъ слѣдующихъ предметовъ:

1) Субъектъ творчества,
2) Объектъ творчества,
3) Процессъ творчества.

Предметъ эврологіи былъ отчасти уже затронутъ въ первой статьѣ, а именно, тамъ мы коснулись процесса творчества и его объекта. Первымъ дѣломъ въ настоящей второй статьѣ и будетъ закончить обзоръ предмета эврологіи разсмотрѣніемъ субъекта творчества, т. е. творческой личности.

Когда мы это сдѣлаемъ, то передъ нами выяснится вопросъ: что такое человѣческое творчество. Затѣмъ, мы подойдемъ къ нашей темѣ съ другой стороны и постараемся выяснить: что такое не-творчество? Это разсмотрѣніе проведетъ насъ по границамъ нашей области.

Послѣ того у насъ въ рукахъ соберется все необходимое для того, чтобы набросать въ одной картинѣ всю систему эврологіи. И тогда читатель будетъ въ состояніи судить, насколько излагаемая здѣсь картина всеобщей теоріи творчества отвѣчаетъ его научнымъ интересамъ и основнымъ взглядамъ. Добавочнымъ матеріаломъ для рѣшенія этого послѣдняго вопроса можетъ послужить глава, трактующая о „стилѣ эврологіи".

А въ самомъ концѣ статьи мы себѣ позволимъ сдѣлать небольшую экскурсію въ область предположеній, представимъ себѣ эврологію уже возмужалою наукой, и постараемся указать ей мѣсто, какъ переходъ къ еще болѣе обширной отрасли знанія, а именно, къ ученію о человѣческой дѣятельности вообще.

Приступаемъ-же къ выполненію программы.

2. Субъектъ Творчества.

Сосредоточиваемъ наше вниманіе на творческой личности. Первымъ вопросомъ будетъ вопросъ о необходимомъ и достаточномъ составѣ творческой личности. Это значитъ, что мы задаемся слѣдующею задачей: по функціи творческой личности попытаться заключить (обратно) о ея составѣ или конституціи.

Личность мы называемъ творческою, поскольку она способна конципировать внутри себя замыслы и потомъ ихъ осуществлять на дѣлѣ. Съ біологической точки зрѣнія творческая личность это такая, которая сама себя осуществляетъ, т. е. сохраняетъ и развиваетъ въ матеріальномъ мірѣ. Разсмотрѣвъ въ первой статьѣ самую типичную изъ функцій творческой личности, а именно процессъ творчества, мы видѣли, что онъ является трехактомъ, т. е. совокупностью такихъ трехъ актовъ: интуитивнаго, дискурсивнаго и активнаго. А если такъ, то мы можемъ этими-же словами назвать и тѣ факторы личности, которые необходимымъ и достаточнымъ образомъ дѣлаютъ ее творческой. При этомъ мы, пока-что, должны стремиться лишь къ тому, чтобы по возможности менѣе предрѣшать вопросы о природѣ этихъ факторовъ. Стараясь не упускать изъ вида этой предосторожности, мы говоримъ:

Творческая личность является совокупностью трехъ слѣдующихъ факторовъ:

Интуитивнаго,
Дискурсивнаго,
Активнаго.

Фиг. 1.

Символически можно изобразить творческую личность въ видѣ треугольника И Д А (см. фиг. 1), въ которомъ вершина И изображаетъ интуитивный, Д—дискурсивный, А—активный факторъ творческой личности. Изъ этихъ трехъ факторовъ слагается личность, поскольку она способна не только чувствовать, мыслить и желать, но сверхъ

того еще и дѣйствовать, т. е. поступать сообразно своему чувству, воплощать свои мысли и достигать желаемаго [1]).

Во избѣжаніе недоразумѣній слѣдуетъ тутъ-же замѣтить, что въ личности мы, конечно, ничего треугольнаго не ищемъ, что треугольникъ И Д А назначенъ лишь къ тому, чтобы дать иллюстрацію того свойства факторовъ личности, въ силу котораго они составляютъ личность не иначе какъ только сообща, раздѣльнаго-же существованія не имѣютъ. Сотрите на чертежѣ одну изъ вершинъ треугольника, и самъ треугольникъ перестаетъ существовать. Точно также и личность всегда и вездѣ недѣлима: она вся сразу интуируетъ и размышляетъ и дѣйствуетъ. Разъ творческая личность является многообразіемъ трехъ измѣреній, то ее можно-бы символизировать и не треугольникомъ, а напримѣръ пространственнымъ тѣломъ, принявъ условно три измѣренія пространства за символы факторовъ. Это нисколько не повліяло-бы на наши дальнѣйшія разсужденія, но изображеніе на плоскости въ видѣ треугольника проще и нагляднѣе. Вотъ почему ему надо отдать предпочтеніе. Авторъ проситъ только не придавать нашему треугольнику никакого кабалистическаго значенія.

Теперь разсмотримъ факторы творческой личности поодиночкѣ.

Интуитивный факторъ И мы постольку признаемъ въ личности, поскольку она способна на починъ (иниціативу), на самоопредѣленіе. Отсюда исходитъ всякая догадка, всякое предположеніе и предчувствіе. Здѣсь коренится все то инстинктивное, что такъ безсознательно и такъ вѣрно „понимаетъ“ дѣйствительность. Въ комъ особенно силенъ интуитивный факторъ, тотъ называется смѣтливымъ, сообразительнымъ, находчивымъ, изобрѣтательнымъ, предпріимчивымъ, тотъ довѣряетъ своему чутью больше, чѣмъ логикѣ, тотъ вѣрно угадываетъ, но не всегда можетъ доказать свою мысль.

Факторъ И обращенъ наружу, онъ воспринимаетъ реальность фактической жизни. Больше того: здѣсь происходитъ прямое общеніе личности съ космосомъ: здѣсь имѣется въ личности окно, и въ это окно космосъ вливается въ личность и входитъ въ нее не какъ посторонній элементъ, но какъ необходимая интегрирующая составная часть, нѣчто въ родѣ того, какъ та мор-

[1]) Авторъ впервые изобразилъ творческую личность въ видѣ треугольника въ книгѣ подъ заглавіемъ „Техницизмъ“ (1913), составляющей 4-й вып. серіи „Философія Техники“. То разсмотрѣніе является какъ-бы подготовкой къ излагаемому здѣсь.

ская вода, которая изъ окружающаго океана нарочно накачивается въ самую нижнюю килевую пустоту парохода и служитъ такъ называемымъ жидкимъ балластомъ, безъ котораго судно не плаваетъ, но опрокидывается.

Такъ какъ въ этомъ мѣстѣ личность составляетъ одно цѣлое съ космосомъ, то очень понятно, что факторъ И видитъ вещи, какъ онѣ есть въ себѣ. Жаль только, что слово „видитъ“ здѣсь не вполнѣ приложимо: факторъ И это—слѣпой инстинктъ. Правда, онъ держитъ въ своихъ рукахъ кончикъ космоса, онъ его щупаетъ. Но здѣсь полная тьма. Вотъ почему выходитъ такъ, что хотя именно здѣсь-то и зарождаются всякія познанія, и можно думать, что зарождаются даже познанія вещей въ себѣ, но всѣ эти познанія чувственны, инстинктивны; отъ нихъ до сознанія доходятъ только отголоски, намеки, гипотезы, предположенія и предчувствія. Да, именно „и предчувствія“. Творческая личность надѣлена предчувствіемъ, и въ немъ тоже нѣтъ ничего потусторонняго. Разъ космосъ и личность составляютъ одно цѣлое, то внутри микрокосмоса личности царятъ тѣ же законы, которые управляютъ и макрокосмосомъ природы. Здѣсь, какъ бы въ малой оптической камерѣ, отражается вселенная, и не только отражается, но сама заходитъ, какъ океанъ въ малую бухту. Та цѣпь природной необходимости, которая связываетъ событія тамъ снаружи, протягивается и сквозь нашу личность. Удивительно-ли, что при такихъ обстоятельствахъ мы болѣе или менѣе удачно забѣгаемъ впередъ событій. Большая или меньшая удача (а не полная достовѣрность) здѣсь зависитъ отъ того, что въ дѣйствительности комбинируется безконечное число элементовъ.

Факторъ И первый встрѣчаетъ дѣйствительность; онъ же опредѣляетъ и позицію, которую личность должна принять при данныхъ условіяхъ. Эта позиція называется чувствомъ, чувствованіемъ, эмоціей, аффектомъ, страстью и т. д. Отъ другихъ, второстепенныхъ факторовъ личности (которыхъ мы здѣсь не разсматриваемъ) зависитъ то, что та позиція, которую для личности диктуетъ факторъ И, иногда представляется сознанію только въ видѣ смутнаго влеченія, иногда же встаетъ въ видѣ яснаго замысла, идеи, или образа.

Здѣсь умѣстно сказать о ближайшей роли фактора И въ творчествѣ. Творческая дѣятельность есть только одно изъ проявленій дѣятельности вообще: одинъ изъ частныхъ ея видовъ, опредѣляемый главнымъ образомъ тѣмъ, что извѣстный поступокъ совершается въ первый разъ. Повтореніе того же поступка называется подражаніемъ. Всякое новое условіе жизни предста-

вляется личности какъ нѣкая задача, разрѣшеніе которой и называется творчествомъ. И вотъ, первое гипотетическое или интенціонное разрѣшеніе всякой новой жизненной задачи зависитъ отъ интуитивнаго фактора И. Рѣшая задачу, онъ, однако, ничего другого не дѣлаетъ, какъ то, что было сказано, а именно: онъ только опредѣляетъ позицію личности передъ задачей... Въ самомъ дѣлѣ, пусть личность видитъ себя передъ новымъ фактомъ, непривычнымъ и непонятнымъ. Функція фактора И должна здѣсь выразиться въ томъ, что онъ подскажетъ сознанію объясненіе факта, т. е. подскажетъ такую мысль, которая связываетъ новый фактъ съ прежнимъ опытомъ. Эта разновидность творчества называется открытіемъ. Возьмемъ другой случай: личность видитъ передъ собою задачу устранить нежелательное явленіе или наоборотъ усилить, продолжить явленіе желательное, или наконецъ вызвать такое явленіе, которое личности предносится въ возможности именно благодаря вышесказанному свойству забѣгать впередъ событій. Функція фактора И въ этомъ случаѣ называется изобрѣтеніемъ, если то чувство или та потребность, которымъ ищется удовлетвореніе, относятся къ порядку утилитарному. Она же назовется художественнымъ творчествомъ или добрымъ дѣломъ, если чувство или потребность принадлежатъ къ эстетическому или этическому разряду.

Здѣсь же, въ вершинѣ И, сосредоточена и та доля геніальности, которая отъ природы бываетъ вкраплена въ каждаго человѣка, если онъ не рожденъ совсѣмъ идіотомъ, лишеннымъ всякой самости. Когда человѣка называютъ геніемъ, то этимъ констатируется не что иное какъ гипертрофія фактора И. А самая элементарная форма геніальности, безъ которой нѣтъ почти ни одного человѣка; это—простая догадка.

Дискурсивный факторъ Д всѣхъ лучше изученъ за 25 вѣковъ существованія европейской науки. Это то, что называется разумомъ, разсудкомъ, интеллектомъ. Здѣсь же сосредоточено и все знаніе, т. е. самосознаніе личности. Функція этого фактора называется мышленіемъ, составленіемъ понятій, сужденій и умозаключеній.

Мыслители выше всего цѣнятъ въ человѣкѣ факторъ Д, какъ привилегію человѣка передъ животнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя не признать за нимъ большихъ преимуществъ по сравненіи съ интуитивнымъ факторомъ И. Интуиція (догадка) своевольна: придетъ, когда вздумается, когда въ ней наибольшая нужда, а ея нѣтъ, насильно ея не вызовешь, приходится дожидаться. А мысли наши, наоборотъ, всегда съ нами. Какъ голландскія женщины, идущія на рынокъ: вынимай изъ кар-

мана спицы да пряжу и продолжай начатый чулокъ. Если некогда? прячь въ карманъ. Кромѣ того, разсудокъ оперируетъ мыслями ясными и раздѣльными, доводитъ эту ясность до какой угодно степени. А то, что даетъ интуиція, почти всегда настолько смутно, что больше похоже на чувство, чѣмъ на мысль. И, хотя несмотря на смутность интуиціи, зачастую мы отдаемъ ей всю свою дань увѣренности и готовы за нее пойти на эшафотъ, но тѣмъ не менѣе, доказать свою увѣренность передъ другими мы, обыкновенно, не можемъ. Итакъ, за дискурсивнымъ факторомъ Д надо признать два огромныхъ преимущества передъ факторомъ интуитивнымъ, а именно: онъ пускается въ ходъ и останавливается по желанію личности, и его работа протекаетъ въ полномъ свѣтѣ сознанія, такъ что можетъ быть во всякое время повторена, провѣрена, доказана или опровергнута. Мышленіе, это цѣпь съ ясно видимыми звеньями. Каждое звено можетъ быть вынуто, испытано на прочность, замѣнено другимъ, если надо. Наоборотъ, интуиція вся тутъ въ одномъ комкѣ: ее либо бери всю цѣликомъ, либо всю отвергай. Она не несетъ на себѣ признаковъ своего происхожденія, а если впослѣдствіи и допускаетъ раздѣленіе на слагающія, то это почти никогда не бываютъ тѣ, изъ которыхъ она въ дѣйствительности сложилась.

Роль разума въ жизни громадна. Когда передъ жизненной задачей молчитъ интуиція, онъ старается опредѣлить позицію личности. Онъ накопляетъ предшествующій опытъ на пользу будущему. Онъ сравниваетъ, взвѣшиваетъ, критикуетъ, провѣряетъ, производитъ выборъ между разными возможностями. Онъ опредѣляетъ годность или негодность самой интуиціи, исправляетъ ее, доказываетъ и вырабатываетъ изъ нея планъ для дѣйствія. Онъ одѣваетъ интуицію въ слова, знаки и образы, годные для передачи другимъ, понятные другимъ. Отъ разума зависитъ всякое движеніе впередъ, всякій прогрессъ (въ противоположность простой эволюціи). Взять хотя-бы самый первый принципъ разумности, принципъ экономическій, сводимый къ формулѣ „do ut des“ и къ слѣдующему разсужденію: потребности наши растутъ безгранично, а силы ограничены тѣсно. Понятно, что только при соблюденіи наивозможной экономіи, при наивозможномъ увеличеніи производительности труда, мы можемъ двигаться по пути прогресса [1]).

[1]) Этотъ взглядъ я впервые развилъ въ книгѣ „Техническій итогъ 19 вѣка“ 1898, затѣмъ въ „Dinglers Polytechn. Journal“ 1900 Bd. 315 S. 518. Онъ ложится въ основаніе истинной философіи техники, ибо подъ техникой и разумѣется совокупность того, что увеличиваетъ производительность труда на всевозможныхъ поприщахъ.

Интуитивнымъ элементомъ наша душа связана съ душею животнаго. То же надо сказать и про активный факторъ А, о которомъ рѣчь будетъ ниже. И только дискурсивный факторъ Д, какъ свѣточъ, возвышается надъ міромъ животнаго и является привилегіей человѣка. А разъ человѣкъ явился на землѣ едва ли не послѣднимъ живымъ существомъ, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что разумъ является наноснымъ, производнымъ и самымъ молодымъ образованіемъ космоса. И безъ всякаго желанія умалить значеніе разума, приходится даже сказать такъ: разумъ появился вначалѣ лишь какъ суррогатъ интуиціи, какъ ея неполный замѣститель, и появился для того, чтобы личность, передъ жизненной задачей, имѣла всегда въ распоряженіи нѣкоторый запасъ возможностей для дѣйствія. Затѣмъ, въ теченіе тысячелѣтій, значеніе этого инструмента для дѣйствія стало все расширяться: разумъ замѣтилъ, что онъ—свѣточъ космоса, а внутри личности онъ увидѣлъ себя ея хозяиномъ, вершителемъ ея судебъ. Ну, въ этомъ онъ зачастую глубоко ошибается: онъ самъ не замѣчаетъ того, какъ всякое разсужденіе, даже самое, повидимому, механически-логическое, на повѣрку оказывается сшитымъ интуиціей, почему и выходитъ, что самые наши неопровержимые доводы часто разлетаются, какъ пухъ, передъ дуновеніемъ аффекта или привычки, что какая-нибудь жужжащая муха мѣшаетъ правильно думать (Паскаль), что доказательство и убѣжденіе—вещи разныя, что иногда разумнѣе поступать наперекоръ разуму, отдаваясь житейскому инстинкту и чутью.

Тотъ человѣкъ, въ комъ дискурсивный факторъ особенно сильно развитъ и преобладаетъ надъ другими, отличается разсудочностью. Это типъ интеллектуалиста, ищущаго всему логическихъ доказательствъ и довѣряющаго только разуму. Онъ даже пренебрегаетъ фактами ради общихъ правилъ и поклоняется авторитетамъ, признаннымъ за таковые въ его группѣ. Это—гамлетовскій типъ.

Активный факторъ А лишь выполняетъ на дѣлѣ предписанія первыхъ двухъ. Самъ онъ лишенъ всякой иниціативы и выбора; это машина, которую иллюстрируютъ тѣ животныя, которымъ удалили мозговыя полушарія. Но, конечно, эта машина построена изъ живой ткани. Отъ фактора А зависитъ все то, что называется ловкостью, сноровкой, обычаемъ, традиціей, ремесломъ, рутиной. Какъ видно, функція активнаго фактора весьма разнообразна, только сводится она вездѣ къ цѣлесообразному воздѣйствію на матерію. Кромѣ того, въ этомъ мѣстѣ личности заложена и наиболѣе глубокая ея загадка: здѣсь духъ дѣйствуетъ непосредственно на тѣло; здѣсь перекинутъ между обоими мірами

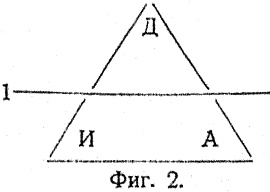
таинственный, но несомнѣнный мостъ. Напримѣръ, меня безпокоитъ муха на щекѣ, я ее прогоняю; мнѣ хочется пить, я себѣ наливаю стаканъ воды. Благодаря активному фактору я не только просто существую, но самъ осуществляю свое существованіе, укрѣпляю, защищаю, расширяю свое бытіе и становленіе. Благодаря ему я прилаживаю къ своимъ потребностямъ доступную мнѣ матеріальную обстановку.

Въ комъ преобладаетъ активный элементъ надъ другими, тотъ отличается импульсивностью, быстротой рѣшеній, но и необдуманностью ихъ. Его кипучая, подчасъ, дѣятельность проистекаетъ не изъ излишка энергіи или силы воли, а просто изъ невозможности сидѣть безъ дѣла.

То обстоятельство, что эврологическій анализъ творческой личности неминуемо приводитъ къ признанію въ ней активнаго фактора, выводитъ эврологію за границы психологіи и логики куда-то въ предѣлы психофизики и физіологіи. Правда, уже интуитивный факторъ проводитъ между эврологіей и „психологіей творчества“ глубокую грань. Въ самомъ дѣлѣ: разъ въ психологіи преобладаетъ тотъ взглядъ, что ея предметомъ можетъ быть только сознательная душа, то психологія должна отказаться отъ намѣренія исчерпать вопросъ о творчествѣ. Тогда одна только середина процесса попадаетъ въ ея кругозоръ, а начало и конецъ ускользаютъ: ускользаетъ интуитивное возникновеніе перваго замысла, ускользаетъ и конечная стадія,—матеріальное осуществленіе плана.

Повторяемъ: личность едина и недѣлима, она вся интуируетъ, мыслитъ и дѣйствуетъ. Если же мы здѣсь выдѣляемъ въ ней три фактора, интуитивный, дискурсивный и активный, то съ одинаковымъ правомъ могли бы ихъ назвать и не факторами, а потенціями, способностями, функціями, свойствами или сторонами творческой личности, какъ цѣлаго. Большей точности въ выраженіяхъ едва-ли можно достичь, и это потому, что мы стоимъ передъ невыполнимой задачей, а именно: мы хотимъ выразить въ категоріяхъ разума категоріи чувства (интуиціи) и воли. Но, вѣдь, эти категоріи, очевидно, другъ друга не покрываютъ, а иначе не было бы качественнаго различія между чувствомъ (интуиціей), разумомъ и волею.

Возращаемся къ анализу творческой личности. Пересѣчемъ треугольникъ И Д А сѣкущею 1—1 (фиг. 2). Мы отдѣлили сознательную вершину Д отъ безсознательнаго (подсознательнаго) фундамента И А.



Фиг. 2.

Сѣкущая 1—1 изображаетъ, стало быть, такъ называемый порогъ сознанія. Но эта же сѣкущая имѣетъ еще и другое значеніе, опять же чисто условное: она изображаетъ, если можно такъ выразиться, уровень космоса, механическаго и безсознательнаго, который мы теперь себѣ воображаемъ въ видѣ океана. Въ океанѣ космоса плаваетъ, какъ льдина въ морѣ, личность И Д А, причемъ ея темный подсознательный фундаментъ И А погруженъ въ космосъ, а возвышается надъ космосомъ только вершина Д, освѣщенная свѣтомъ сознанія. Послѣднюю изучаетъ психологія; а для подсознательнаго фундамента души еще нѣтъ науки. Что такое фундаментъ И А? Это область инстинкта, это космическая часть души человѣка, это то, что является нашимъ исконнымъ и первобытнымъ достояніемъ, что соединяетъ насъ съ животнымъ; это—*инстинктъ*. А его функція это—*рефлексъ*.

Вспомнимъ себя въ совершенно привычной обстановкѣ. Мы здѣсь живемъ одними рефлексами: думать не приходится; руки и ноги сами знаютъ, находятъ и дѣлаютъ то, что нужно. Чтобы одѣться, напримѣръ, приходится совершить длинный рядъ сложныхъ движеній; но у себя дома мы ихъ совершаемъ до того машинально, что въ это самое время очень крѣпко думаемъ о предстоящихъ дѣлахъ и нерѣдко вырабатываемъ цѣлый планъ на будущее. Рефлексъ есть функція только двухъ факторовъ И и А. Воспринимаетъ жизненную задачу и здѣсь точно также факторъ И и опредѣляетъ позицію личности, а фактически рѣшаетъ задачу факторъ А, производя моторный отвѣтъ на запросъ обстановки. И передача импульса отъ И къ А, нѣчто въ родѣ электрическаго разряда, проходитъ по линіи наименьшаго сопротивленія, т. е. по прямой. Какъ видно, весь процессъ рефлекса протекаетъ подъ порогомъ сознанія.

Теперь представимъ себя передъ жизненной задачей не то что болѣе трудной, а менѣе привычной. На самомъ дѣлѣ, вѣдь это одно и то же: сказать ли, что задача мнѣ трудна, или что она мнѣ непривычна. Что значитъ и то, и другое? Значитъ, что кратчайшій путь между И и А непроходимъ, а посему разрядъ поневолѣ поднимается сверхъ порога сознанія и захватываетъ область фактора Д. Это значитъ, что въ процессъ вступаетъ сознаніе и разумъ (разсудокъ, интеллектъ). Приходится обдумать поступокъ. Возьмемъ излюбленный психологами примѣръ: игру на роялѣ. Кто не страдаетъ на первыхъ урокахъ музыки отъ тѣхъ неимовѣрныхъ усилій вниманія, какихъ стоитъ исполненіе простѣйшей гаммы! Но вотъ, по мѣрѣ упражненія рукъ и усвоенія техники игры, самая игра дѣлается одновременно и болѣе пра-

вильною и болѣе легкою, такъ какъ сопровождается все меньшею и меньшею затратою сознательной работы. Все болѣе и болѣе проторяются прямые пути И—А, все большее и большее ихъ число протекаетъ подъ порогомъ сознанія, и виртуозомъ называется лишь тотъ, у кого они всѣ проходятъ ниже сѣкущей 1-1 (фиг. 2). Только при этомъ условіи исполнитель можетъ „выражать“ своей игрой. На игрѣ законченнаго виртуоза, какъ нельзя лучше, видно, какъ его душа, оставаясь единой, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, раздваивается на безсознательную и сознательную группу процессовъ: подъ порогомъ сознанія идетъ паутина сложнѣйшихъ рефлекторныхъ передачъ, а въ сознательной половинѣ идетъ интенсивная жизнь чувства, фантазіи и мысли. Вильямъ Карпентеръ прекрасно иллюстрируетъ это состояніе піаниста: „Мы должны сразу разбирать двѣ отдѣльныя строки гіероглифовъ; правая рука должна слѣдить за одной строкой, лѣвая за другой. Всѣ десять пальцевъ работаютъ съ такою скоростью, на какую они только способны. Умъ или то, что его замѣняетъ, переноситъ на черныя и бѣлыя клавиши десятки діезовъ, бемолей, и бекаровъ, четвертныя, восьмыя, тридцать вторыя, паузы и всѣ другія музыкальныя премудрости. Ноги тоже не бездѣйствуютъ: онѣ работаютъ педалями, и если вмѣсто фортепіано у насъ органъ, то задача ногъ подчасъ труднѣе задачи рукъ. И въ тоже самое время исполнитель или исполнительница,—*сознательная* исполнительница,—находится на седьмомъ небѣ артистическаго восторга отъ результата такого адскаго труда, или, можетъ быть, вся поглощена пріятной бесѣдой съ господиномъ, переворачивающимъ ноты и совершенно справедливо увѣреннымъ, что она отдаетъ ему всю свою душу“ [1]).

Тоже приходится сказать и про всякое искусство, про всякую дѣятельность: только тогда, когда техника данной дѣятельности спустилась въ подсознательную сферу, т. е. стала рефлекторной и превратилась въ ловкость, только тогда человѣкъ готовъ къ дѣятельности, готовъ къ тому, чтобы преслѣдовать духовныя цѣли и осуществлять идеалы. Отсюда слѣдуетъ, что рефлексъ есть высшая, а не низшая форма дѣятельности. Когда оказывается достаточнымъ одного только рефлекса или автоматизма (т. е. рефлекторныхъ рядовъ), то это служитъ наглядным доказательствомъ того, что личность и окружающая ее обстановка находятся въ гармоніи, въ полномъ взаимномъ приспособленіи. Въ моей первой статьѣ я привелъ согласныя съ этимъ взглядомъ слова Полана: „Автоматизмъ есть выраженіе нашей пріобрѣтенной личности... Воля отмѣчаетъ, наоборотъ, личность въ періодѣ об-

[1]) В. Карпентеръ „Физіологія ума“ § 426.

разованія". Вся первая глава его извѣстнаго труда о волѣ [1]) трактуетъ о переходахъ между автоматизмомъ и волей, причемъ воля берется въ смыслѣ „моторнаго изобрѣтенія". Для насъ, раздѣлившихъ личность порогомъ сознанія на сознательную и подсознательную части, весь вопросъ сводится къ слѣдующему: проходитъ ли разрядъ между воспринимающимъ элементомъ И и дѣйствующимъ элементомъ А въ подсознательной сферѣ по кратчайшей линіи И—А, т. е. имѣетъ ли мѣсто рефлексъ? или разрядъ поднимается въ сознательную сферу, захватываетъ элементъ Д, т. е. всю личность и въ такомъ случаѣ имѣется налицо волевое дѣйствіе, являющее полную аналогію моторному изобрѣтенію? Полянъ проводитъ еще тотъ взглядъ, что воля родится изъ автоматизма и приводитъ опять же къ автоматизму. Въ привычныхъ условіяхъ жизни пріобрѣтенная и сформировавшаяся личность дѣйствуетъ автоматически; сознаніе, а съ нимъ и воля не участвуютъ. По мѣрѣ усложненія и измѣненія обстановки или по мѣрѣ измѣненія въ запросахъ личности, автоматизма оказывается уже недостаточно. Тогда пробуждается сознаніе и принимаетъ участіе въ дѣйствіи. А это-то мы и называемъ волевымъ дѣйствіемъ. Здѣсь Полянъ тоже ссылается на примѣръ игры на рояли. Далѣе: каждый волевой поступокъ проторяетъ передаточные пути (отъ И къ А) и тѣмъ самымъ является зародышемъ новаго автоматизма, или, по Полану,—„новой организаціи личности". Вѣдь автоматическіе машинальные поступки всего вѣрнѣе и выражаютъ личность. И вотъ, когда вновь образовавшійся автоматизмъ удовлетворяетъ, то онъ замѣняетъ волю, которая опять исчезаетъ изъ даннаго района дѣятельности.

Всѣ приведенныя разсужденія и приводятъ насъ къ тому взгляду, что сознаніе есть „неполный автоматизмъ", какъ разумъ есть „неполная интуиція", что идеалъ всякой дѣятельности есть рефлексъ съ упраздненіемъ разума и сознанія. А если кому этотъ выводъ не понравится, тотъ можетъ утѣшиться: къ такому концу никогда человѣчество и дойти не можетъ, потому что это значило бы, что наступило такое однообразіе въ нашихъ потребностяхъ и одновременно въ обстановкѣ нашей жизни, что ничего новаго уже не наступаетъ. Но вѣдь повторенія существуютъ только въ теоріи, а разъ наступаетъ новое, то значитъ, автоматизма и рефлекса не достаточно, значитъ, надо подумать, придумать новый поступокъ, т. е. сотворить, изобрѣсти. Вотъ почему творчество, практически говоря, покрываетъ собою всю нашу дѣятельность; вотъ почему эврологія, т. е. теорія творчества, есть вмѣстѣ

[1]) Fr. Paulhan: „La Volonté" 1903, chap. I.

съ тѣмъ и теорія воли, теорія человѣческой дѣятельности, и въ своемъ высшемъ развитіи, *эврологія превращается во всеобщую теорію дѣятельности или „Активизмъ“*. Къ этому вопросу мы вернемся въ концѣ статьи.

Мы упомянули только объ одной сѣкущей 1—1. Но вѣдь треугольникъ И Д А можно пересѣчь еще двумя сѣкущими, проводя ихъ параллельно сторонамъ И Д и Д А. При этомъ мы раздѣлимъ творческую личность двумя различными способами, а именно: Сѣкущая, параллельная сторонѣ И Д, соединитъ интуитивный факторъ съ дискурсивнымъ и отдѣлитъ факторъ активный. Личность можно будетъ разсматривать какъ-бы раздѣленною на половины воспринимающую и дѣйствующую. Сѣкущая, параллельная Д А, раздѣлитъ личность такъ, что въ одной половинѣ останется одинъ интуитивный факторъ, а въ другую половину отойдутъ факторы дискурсивный съ активнымъ. Этихъ случаевъ мы кратко коснемся въ слѣдующей главѣ.

3. Граница творчества.

Мы знаемъ, что творчество есть явленіе трехстороннее, что оно можетъ и должно быть изучено съ трехъ сторонъ: со стороны субъекта, объекта и процесса творчества. Отсюда мы видимъ, что и границы творчества, точно такъ же, будутъ субъективныя, объективныя и процессуальныя.

Субъективныя границы. Здѣсь область творчества и ея границы опредѣляются составомъ творческой личности (см. гл. 2), которая состоитъ изъ дѣятелей: интуитивнаго, дискурсивнаго и активнаго. Такъ какъ эти три дѣятеля только сообща даютъ изобрѣтеніе, то его не будетъ тамъ, гдѣ не хватаетъ одного изъ дѣятелей. Такъ, если не хватаетъ дѣятеля интуитивнаго, то мы имѣемъ только разсудочную работу. Если въ дѣло не вступаетъ разсудокъ, то имѣется налицо рефлексъ, автоматизмъ, инстинктъ. Если не хватаетъ активнаго дѣятеля, то дѣло не доводится до конца. Такимъ образомъ, со стороны личности границы творчества бываютъ слѣдующія:

1) Когда человѣкъ лишенъ изобрѣтательности, догадки, иниціативы, то онъ можетъ быть и дѣятельнымъ, но его дѣятельность будетъ носить печать излишней разсудочности и рутины; она будетъ лишена самостоятельности, будетъ рабски придерживаться готовыхъ образцовъ и правилъ.

2) Когда въ человѣкѣ слабъ разсудочный элементъ (что особенно часто замѣчается среди женщинъ), то его дѣятельность

будетъ отличаться стихійностью; онъ не будетъ знать, почему онъ дѣйствуетъ такъ, а не иначе, но притомъ его дѣйствія могутъ быть и цѣлесообразны.

3) Когда въ человѣкѣ не хватаетъ элемента дѣятельнаго, то получается мечтатель, существо, какъ говорятъ, безвольное, которое знаетъ много и, быть можетъ, полно самыхъ лучшихъ намѣреній, но не въ состояніи проводить ихъ въ жизнь.

Объективныя границы. Здѣсь границы предмета творчества совпадаютъ съ границами культуры. Говоримъ ли мы о мірѣ человѣческихъ созданій, или о культурѣ, мы говоримъ объ одномъ и томъ же предметѣ: нѣтъ въ культурѣ ничего, что не было бы изобрѣтено, и съ другой стороны, нѣтъ изобрѣтенія человѣческаго, которое не входило бы въ составъ культуры. Подраздѣляется культура различно. Такъ, говорятъ о культурѣ матеріальной и духовной; но между обѣими существуетъ широкая пограничная полоса, гдѣ вопросъ подраздѣленія возбуждаетъ споры. Такъ, если несомнѣнно, что напр. мебель и посуда принадлежатъ къ культурѣ вещественной, а ученія религіи къ духовной культурѣ, то нельзя сказать, куда надо причислить такія изобрѣтенія, какъ напр. книгопечатаніе. Далѣе каждое матеріальное изобрѣтеніе имѣетъ неминуемо хоть нѣкоторое духовное значеніе. Возьмемъ хоть комфортъ домашней обстановки, освѣщеніе, отопленіе, вентиляцію, ассенизацію жилищъ. И наоборотъ: всякое произведеніе духовной культуры органически связано съ произведеніями вещественными и не можетъ безъ нихъ осуществиться на дѣлѣ. Возьмемъ хотя бы религію со стороны ея ученія, или кодексъ нравственности, или своды юридическихъ законовъ. Все это должно быть высказано, написано, все требуетъ для своего проведенія въ жизнь извѣстныхъ приспособленій, помѣщеній и мѣропріятій.

Но, впрочемъ, объективныя границы творчества можно проводить и иначе. Мы знаемъ, что объектъ творчества, т. е. изобрѣтеніе, имѣетъ признаками: искусственность, цѣлесообразность, неожиданность и цѣльность. Поэтому, выпаденіе каждаго изъ этихъ признаковъ точно такъ же обозначитъ границу творчества въ этомъ мѣстѣ. Такъ:

1) Гдѣ нѣтъ *искусственности*, тамъ нѣтъ и культуры, тамъ мы найдемъ только природу.

2) Гдѣ нѣтъ *цѣлесообразности*, тамъ либо нѣтъ вообще никакой цѣнности,—каковой случай насъ вовсе не интересуетъ,—либо создана цѣнность, но чисто случайно, т. е. при созданіи цѣнности не преслѣдовалось цѣли. Такой случай надо отнести къ чистымъ находкамъ, гдѣ такъ называемый „случай“ играетъ

главную роль. Только нельзя забывать того, что случай играетъ неминуемо нѣкоторую роль и во всякомъ изобрѣтеніи и открытіи. Не даромъ языкъ такъ слабо различаетъ термины „найти“ и „придумать“. А въ нѣкоторыхъ языкахъ это различіе стерто совсѣмъ. Таково италіанское „trovare“.

3) Гдѣ нѣтъ *неожиданности*, тамъ царитъ методическое мышленіе и логическое умозаключеніе, а не изобрѣтеніе и не открытіе, ибо послѣднія необходимо знаменуютъ собою нѣкоторый скачекъ черезъ логическую пропасть.

4) Гдѣ нѣтъ *цѣльности*, тамъ либо не хватаетъ существенныхъ частей для того, чтобы произведеніе было законченнымъ, либо наоборотъ, передъ нами нѣсколько изобрѣтеній, искусственно соединенныхъ воедино.

Но въ первой статьѣ (см. прилож. табл. 3-ю) мы видѣли, что изобрѣтенія подраздѣляются по формѣ своего существованія на построенія матеріальныя, существующія въ пространствѣ, построенія моторныя, существующія во времени, и построенія умственныя, существующія въ сознаніи. Эта классификація покрываетъ собою вообще все сущее, и потому, не можетъ дать мѣрила для проведенія границы человѣческаго творчества. Въ самомъ дѣлѣ: какъ мы только подумаемъ о какомъ-нибудь предметѣ, такъ онъ неминуемо окажется въ одномъ изъ только-что перечисленныхъ трехъ классовъ. Останется искать внутри каждаго изъ классовъ границы того, что есть и что не есть изобрѣтеніе, и такимъ образомъ, мы будемъ приведены къ одному изъ выше перечисленныхъ критеріевъ для опредѣленія границъ.

Процессуальныя границы. Процессъ творчества, какъ мы знаемъ, соединяетъ въ себѣ признаки какъ субъекта, такъ и объекта. Поэтому, со стороны процесса, нельзя ожидать новыхъ классификацій изобрѣтеній и новыхъ границъ. Процессъ изобрѣтенія есть трехактъ, гдѣ отдѣльные акты суть лишь функціи дѣятелей, составляющихъ творческую личность. Разныя границы творчества со стороны процесса получаются, когда выпадаетъ одинъ изъ трехъ актовъ. Такъ:

1) Когда нѣтъ перваго акта, нѣтъ догадки, интуиціи, элемента геніальности, то передъ нами обыденная разсудочная или рутинная работа, смотря потому, который изъ остальныхъ двухъ актовъ преобладаетъ.

2) Когда нѣтъ второго акта, нѣтъ сознанія и методическаго мышленія, то мы имѣемъ рефлексъ, автоматизмъ.

3) Когда не хватаетъ третьяго акта, то вещь недодѣлана, она существуетъ только въ проектѣ, изобрѣтенія нѣтъ, есть только планъ или даже одно намѣреніе.

4. Система эврологіи.

Остается теперь соединить все вышесказанное въ одну картину, и мы получимъ программу эврологіи, хотя и въ сокращенномъ, но все таки въ систематическомъ изложеніи.

Эврологія изучаетъ творчество человѣка во всѣхъ его разновидностяхъ или проявленіяхъ. Но и само творчество (въ смыслѣ совокупности всѣхъ его разновидностей или проявленій) есть лишь одна изъ разновидностей или одно изъ проявленій человѣческой дѣятельности. Другими словами: всякое творчество есть дѣятельность; но не всякая дѣятельность есть творчество. Творчество есть дѣятельность, вносящая нѣчто новое.

Всякая дѣятельность, а потому и всякое творчество, исходитъ изъ нѣкоторой потребности: послѣдняя ставитъ передъ человѣкомъ цѣль въ образѣ нѣкотораго замысла, изъ котораго вырабатывается планъ, а его выполненіе и заканчиваетъ процессъ. Безконечно разнообразны наши потребности, но всѣ ихъ можно свести на четыре основныхъ идеала: Истину, Красоту, Добро и Пользу. Эти идеалы характерны тѣмъ, что не исключаютъ другъ друга. Имъ отвѣчаютъ четыре цѣнности: научное открытіе, художественное созданіе, добродѣтель и утилитарное изобрѣтеніе... А это и суть четыре основныхъ класса человѣческихъ твореній.

Эврологи считали до сихъ поръ нужнымъ отдѣлять разновидности творчества другъ отъ друга настолько, что между ними не замѣчалось почти ничего общаго, а потому приходилось для каждой отрасли придумывать свою теорію. А если поступить наоборотъ и счесть ихъ только за разные виды одного рода—человѣческаго творчества—то мы тотчасъ же окидываемъ однимъ взоромъ всю область творчества, и ученіе о творчествѣ закругляется въ нѣкоторую систему.

Что касается до предмета эврологіи, то онъ дается формулой: „творецъ творитъ твореніе“ и, какъ видно, самъ собою распадается на субъектъ, на процессъ и на объектъ творчества...

Такимъ образомъ, эврологія подраздѣляется на три ученія: Ученіе *о субъектѣ* творчества, о творческой личности разсматриваетъ цѣли и средства творчества съ субъективной стороны. Если цѣли даются названными идеалами (Истина, Красота, Добро, Польза), то средствомъ является необходимый и достаточный составъ творческой личности, т. е. ея факторы или элементы—интуитивный, дискурсивный и активный.

Ученіе объ *объектѣ* творчества устанавливаетъ понятіе созданія человѣческаго. Содержаніе этого понятія складывается изъ

четырехъ признаковъ: искусственность, цѣлесообразность, неожиданность и цѣльность. По своей конституціи, составу или реальности созданія бываютъ: либо пространственными вещами, либо временными процессами, либо сознательными идеями. А по своей функціи, цѣнности, или эффекту, они бываютъ: либо научными идеями, либо художественными произведеніями, либо этическими дѣяніями, либо утилитарными изобрѣтеніями.

Ученіе о *процессѣ* творчества излагается субъективно и объективно, т. е. опять-таки разъ со стороны субъекта, другой разъ со стороны объекта. Въ терминахъ субъективныхъ процессъ творчества представляется лишь совокупностью функцій вышесказанныхъ трехъ факторовъ творческой личности и распадается на три акта: первый актъ интуиціи или догадки, второй актъ діалектики или методическаго мышленія и третій актъ выполненія на дѣлѣ, актъ ловкости. Съ другой стороны, процессъ творчества излагается въ терминахъ объективныхъ какъ эмбріологія, зарожденіе или онтогенезисъ созданія. При этомъ послѣдовательность актовъ выражается: для вещи словами: принципъ, схема конструкція, для процесса словами: замыселъ, планъ, осуществленіе, а для идеи словами: гипотеза, доказательство, формула.

Все сказанное даетъ канву эврологіи, но именно только канву, на которой тогда только появится рисунокъ этой науки, когда всѣ намѣченныя клѣточки будутъ заполнены подробнѣйшимъ изученіемъ дѣйствительной данности.

Но это еще не все. Вышесказаннымъ путемъ получается положительное содержаніе эврологіи, какъ науки. Его надо будетъ дополнить отрицательнымъ содержаніемъ, т. е. надо будетъ пересмотрѣть подробно, что такое не—творчество? Это разсмотрѣніе проведетъ передъ нами границы области творчества. Отрицательное разсмотрѣніе подсказано положительною частью, а именно: это послѣднее выяснило рядъ признаковъ; изъ нихъ нетрудно выбрать тѣ, которые принадлежатъ къ конституціи понятія творчества и которыхъ выпаденіе обусловитъ не—творчество въ данной точкѣ системы.

Все, что здѣсь сказано, и что, быть можетъ, представляется сложнымъ, представляется такимъ только развѣ въ словесномъ изложеніи, которое поневолѣ растягивается въ одну линію, а при этомъ ускользаютъ связи, расположенныя поперекъ этой линіи. На самомъ же дѣлѣ система эврологіи необычайно проста и прозрачна, если разгруппировать весь матеріалъ на плоскости такъ, чтобы выступили группировки по взаимно перпендикулярнымъ направленіямъ. И вотъ, прилагаемая таблица, надѣюсь, подтвердитъ эти слова.

СИСТЕМА ЭВРОЛОГІИ

ТВОРЧЕСТВО

СУБЪЕКТЪ	ОБЪЕКТЪ	ПРОЦЕССЪ
а) Цѣли (идеалы):	а) Функція (эффектъ или цѣнность):	
Истина	Научное открытіе	Во всѣхъ случаяхъ процессъ одинаковъ и распадается на Акты:
Красота	Художественное созданіе . . .	
Добро	Этическое дѣяніе	
Польза	Утилитарное изобрѣтеніе . . .	
б) Средства: конституція творческой личности, ея факторы (или элементы):	б) Конституція (составъ):	
	Вещи Пространств.: / Процессы Временные: / Идеи Сознательныя:	
Первый: Интуитивный . .	Принципъ / Замыселъ / Гипотеза .	Первый актъ: Интуировать. Догадка.
Второй: Дискурсивный . .	Схема . . / Планъ . . / Доказател.	Второй актъ: Думать. Діалектика.
Третій: Активный	Конструкція. . . . / Осуществленіе . . . / Формула .	Третій актъ: Дѣлать. Ловкость..
	в) Признаки: Искусственность Неожиданность Цѣлесообразность Цѣльность.	

НЕ—ТВОРЧЕСТВО

Граница субъективная	Граница объективная	Граница процессуальная
а) безъ элемента интуитивнаго: Недогадливый Тупой	а) безъ искусственности: Природа.	а) безъ 1-го акта: Подражаніе Рутина Ремесло
б) безъ элемента дискурсивнаго: Неосмотрительный Автоматическій	б) безъ преслѣдованія цѣли: Находка.	б) безъ 2-го акта: Догадка Рефлексъ Автоматизмъ
в) безъ элемента активнаго: Безвольный Созерцательный	в) безъ неожиданности: Логическій выводъ.	в) безъ 3-го акта Намѣреніе Планъ Мечтаніе
	г) безъ цѣльности: Неполное или Составное.	

5. Стиль Эврологіи.

Эврологія, какъ она излагается здѣсь, едва ли можетъ расчитывать на благосклонный пріемъ со стороны философовъ. Скорѣе наоборотъ. Извѣстно, что логика въ наши дни тщательно отгораживается отъ генетизма, а философія—отъ релативизма. А между тѣмъ, имено генетизмъ и релативизмъ составляютъ, кажется, неотъемлемыя принадлежности единой всеобщей теоріи творчества.

Вопросъ о *генетизмѣ* разсмотримъ на конкретномъ примѣрѣ. Пусть передъ нами странной формы осколокъ кремня, и насъ интересуетъ вопросъ: что это, природный ли осколокъ? или палеолитическое орудіе?.—Вопросъ сводится къ слѣдующему: что данный предметъ произошелъ при участіи человѣка, или безъ него?.

Предположимъ, что мы подходимъ къ анализу явленій человѣческаго творчества, заранѣе условившись (въ согласіи съ господствующимъ нынѣ теченіемъ) устранить изъ поля нашего разсмотрѣнія признакъ генетическій. Тогда для насъ дѣлается безразличнымъ: когда, какъ, для чего или почему кремень принялъ такую странную форму? тогда остается вопросъ: камень имѣлъ первоначально форму такую-то, а теперь принялъ иную. Остается только „измѣненіе“, вносимое творчествомъ, но снимается самый основной критерій творчества, который заключается въ томъ, что творческое измѣненіе есть прежде всего измѣненіе, внесенное человѣкомъ. Снимите вопросъ генетическій, и я не знаю, какъ тогда отличить изобрѣтеніе отъ игры природы?—актъ изобрѣтенія отъ простой находки?

Еще серьезнѣе вопросъ о релативизмѣ [1]). Эврологія, какъ она здѣсь излагается, релативна потому, что только при допущеніи положенія, что истина относительна, мы доходимъ до формулы „открытіе=изобрѣтенію“, каковая формула однако необходима для объединенія творческой дѣятельности во всѣхъ ея областяхъ. При этомъ ограничивается объемъ понятія истины до уравниванія этого понятія съ понятіемъ научной истины.

Извѣстно, что въ современной философіи, въ особенности въ Германіи, очень сильно движеніе противъ релативизма,

---

[1]) Релативизмомъ (или релятивизмомъ) называется то философское ученіе, согласно которому всякое наше познаніе относительно. Уже Протагоръ (человѣкъ—мѣра всѣхъ вещей) и софисты отрицали абсолютность познанія; по Канту познаніе всецѣло зависитъ отъ основныхъ законовъ самого познающаго разума; по Спенсеру сущность міра недоступна намъ (Непознаваемое).

причемъ возраженія противъ него могутъ быть приведены къ слѣдующему силлогизму:

1) Релативизмъ учитъ, что нѣтъ теорій обязательныхъ.

2) Релативизмъ самъ есть теорія.

Слѣдовательно: Релативизмъ необязателенъ.

По мнѣнію многихъ, это разсужденіе отнимаетъ у релативизма все его значеніе; но съ этимъ мнѣніемъ нетолько трудно согласиться, но даже можно доказать, что мнѣніе это, вмѣсто того, чтобы опрокинуть релативизмъ, напротивъ того, его еще болѣе укрѣпляетъ. Чтобы доказать это, постараюсь доказать еще болѣе общую, но и болѣе парадоксальную мысль, что *необязателенъ* основной логической принципъ, *принципъ противорѣчія*.

Принципъ противорѣчія гласитъ, какъ извѣстно, что изъ двухъ взаимно противоположныхъ (а потому и другъ друга исключающихъ) утвержденій можетъ быть истинымъ только одно. Положеніе это представляется до такой степени очевиднымъ, безспорнымъ и общеобязательнымъ, что принимается всѣми какъ недоступная сомнѣнію аксіома, а потому и принятъ за основной принципъ логики. И вотъ, несмотря на такое общее признаніе, приходится рѣшиться на покушеніе противъ логическаго самодержавія принципа противорѣчія...И здѣсь тоже, наивный взглядъ видитъ, „что король нагъ“. Оказывается, что если на принципъ противорѣчія посмотрѣть наивными глазами, то сразу видно, что онъ уже потому лишенъ самодержавія, что не самъ собою держится, но держится за нѣчто постороннее и даже не за общій или основной законъ всякаго мышленія, а за совершенно условное пониманіе „истинности“. Подробное развитіе выдвигаемаго здѣсь возраженія противъ всеобщности принципа противорѣчія приходится отложить до другого раза. А здѣсь мы ограничимся только иллюстраціей этого возраженія.

Преставимъ себѣ, что спорятъ двое: одинъ утверждаетъ, что истина относительна, другой признаетъ ея абсолютность. Перваго назовемъ релативистомъ, второго—абсолютистомъ. Релативистъ говоритъ: „Истины въ Вашемъ смыслѣ нѣтъ, а есть только истинность бóльшая или меньшая, а это означаетъ, что высказыванія имѣютъ бóльшую или меньшую познавательную цѣнность. Всякое знаніе есть для меня не больше какъ познаваніе, всякая истина (выраженная словами или другими знаками)—не больше какъ инструментъ для дальнѣйшаго познаванія. Поэтому, истина, по моему, относительна, временна и мѣстна“. Обратное утверждаетъ абсолютистъ: „А для меня, наоборотъ, истина абсолютна, т. е. не зависитъ ни отъ времени, ни отъ мѣста, а потому

она для всѣхъ обязательна. Изучаю я не познаваніе, но знаніе, очищенное отъ познаванія (и даже отъ мышленія)".

Насъ не интересуетъ здѣсь исходъ спора абсолютиста съ релативистомъ, интересна только разница въ позиціи того и другого. Вникнемъ же въ позиціи обоихъ. Нетрудно видѣть, что не абсолютистъ, но релативистъ занимаетъ наиболѣе выгодную, даже абсолютную позицію. Это вотъ почему: абсолютистъ вынужденъ отрицать высказываніе своего противника, между тѣмъ какъ релативистъ свободенъ отъ такой необходимости. Этимъ я хочу сказать вотъ что: Возьмите на выдержку любое ученіе (философему, доктрину, критерій, взглядъ, направленіе, принципъ, школу, точку зрѣнія), постройте этому ученію прямую противоположность и представьте себя въ необходимости выбрать одно изъ двухъ. Не ясно ли, что принятіе одного ученія неминуемо сопряжено съ отрицаніемъ противоположнаго ему. Конечно. Но вотъ исключеніе: отъ сказаннаго принужденія (принять одно и отказаться отъ другого) свободенъ релативизмъ; для релативизма не обязателенъ принципъ противорѣчія. Это сейчасъ увидимъ яснѣе на примѣрѣ.

Возвращаемся къ нашему воображаемому спору абсолютиста съ релативистомъ. Абсолютистъ долженъ сказать своему противнику: „Я не могу принять Вашего взляда уже по тому одному, что, принявъ его, долженъ отказаться отъ своего". А релативистъ скажетъ абсолютисту: „А я Вашъ взглядъ принять могу и въ то-же время могу не измѣнять своему взгляду. Въ самомъ дѣлѣ. Вѣдъ что я утверждаю? Я утверждаю, что любое высказываніе тѣмъ истиннѣе, чѣмъ оно цѣлесообразнѣе въ познавательномъ отношеніи для даннаго лица. Разъ Вамъ удобно абсолютное толкованіе истины, разъ оно помогаетъ Вамъ прогрессировать въ познаніи, то я противъ него ничего не имѣю, ибо Вы съ Вашимъ взглядомъ вполнѣ входите въ мою формулу".

Изъ приведеннаго разсужденія явствуетъ, что релативизму принадлежитъ позиція, совершенно исключительная по прочности, даже, можно сказать, неуязвимая. Въ самомъ дѣлѣ: изъ всѣхъ отдѣльныхъ ученій релативизмъ едва ли не единственное въ томъ отношеніи, что не обязано отрицать своего отрицанія, а потому и само послѣднимъ не отрицается.

Вотъ эту-то выгодную позицію релативизма мы и принимаемъ и постараемся теперь ее опредѣлить подробнѣе. Тѣмъ самымъ опредѣлится и стиль эврологіи.

Эврологіей должна быть такая наука, которая изучаетъ и толкуетъ по одному плану всю область человѣческаго творчества. Область эта подраздѣляется на четыре крупныхъ отдѣла, а именно:

научное открытіе, художественное созданіе, техническое изобрѣтеніе и практическое дѣйствіе, причемъ въ послѣдній отдѣлъ включается и нравственное поведеніе. Чтобы можно было подступиться къ этимъ четыремъ отдѣламъ съ однимъ толкованіемъ, необходимо прежде всего выбрать такую точку зрѣнія, при свѣтѣ которой эти отдѣлы являются лишь видами одного рода. Такой взглядъ и даетъ релативизмъ. Онъ объединяетъ открытіе съ изобрѣтеніемъ настолько, что одинаково пріемлемо дѣлается: либо назвать открытіе изобрѣтеніемъ, либо изобрѣтеніе назвать открытіемъ. Что до остальныхъ разновидностей творчества, до художественнаго и практическаго съ этическимъ, то здѣсь родовое сходство съ изобрѣтеніемъ замѣчается безъ всякихъ вспомогательныхъ пріемовъ. Итакъ, наша позиція отличается взглядомъ на „истину“ лишь какъ на „истинность“ высказываній, (какъ на инструментъ для познаванія), причемъ истинность бываетъ тѣмъ большая, чѣмъ болѣе данное высказываніе (про которое истинность утверждается) способствуетъ познаванію. Вотъ что мы утверждаемъ, становясь на точку зрѣнія релативизма. Но отсюда вовсе не вытекаетъ для насъ необходимости отрицать противоположный намъ взглядъ абсолютизма, утверждающаго, что истина вѣчна и едина и т. д. Все равно, взглядъ абсолютизма тоже не утверждаетъ, будто мы овладѣли хоть въ какой-нибудь мѣрѣ абсолютной истиной: онъ говоритъ лишь о приближеніи къ истинѣ, какъ къ предѣлу. Абсолютистъ говоритъ объ единой и вѣчной истинѣ только тогда, когда восходитъ въ область чистаго „знанія“; а тогда, когда онъ спускается въ доступную намъ область „познаванія“, то его высказыванія уже ни въ чемъ не противорѣчатъ высказываніямъ релативиста.

Вотъ каковъ стиль Эврологіи.

6. Активизмъ.

Въ заключеніе дозволимъ себѣ нѣкоторую игру ума и, заглянувъ впередъ исторіи, представимъ себѣ, что имѣемъ вполнѣ выработанную теорію творчества, причемъ для насъ теперь безразлично, получилась ли такая теорія дальнѣйшимъ развитіемъ той программы, которая здѣсь намѣчена подъ названіемъ эврологіи, или же теорія творчества вылилась совсѣмъ въ другую форму. Все равно; мы предполагаемъ только, что наконецъ-то находимся въ обладаніи такой теоріи, которая съ достаточной полнотой, ясностью и законченностью освѣщаетъ всѣ разновидности человѣческаго творчества. И теперь, спрашиваемъ себя:

каковъ будетъ предположительно слѣдующій шагъ? какъ можно думать, слѣдующимъ шагомъ будетъ расширеніе теоріи творчества въ теорію (человѣческой) дѣятельности, каковую теорію мы, для краткости, назовемъ *Активизмомъ*. Попытаюсь привести нѣсколько соображеній въ пользу активизма.

Расширеніе области изслѣдованія явится само собою потому, что вѣдь вся творческая дѣятельность есть не болѣе какъ половина дѣятельности вообще, такъ какъ наша дѣятельность, очевиднымъ образомъ, складывается изъ *творчества и подражанія*. Что касается до подражанія, то оно представляетъ менѣе темныхъ сторонъ, чѣмъ творчество съ его интуитивнымъ (спонтаннымъ) зарожденіемъ замысла. Поэтому, подражаніе уже и изучено полнѣе. Назвать хотя бы монографію о подражаніи Тарда. Но мы не останавливаемся на содержаніи ученія и сосредоточиваемъ вниманіе на границахъ новаго предмета изслѣдованія. Спрашивается: Каковъ составъ того предмета, который мы называемъ человѣческой дѣятельностью? Посмотримъ.

Здѣсь намъ является на помощь Аристотель со своимъ дѣленіемъ человѣческой дѣятельности на теоретическую, практическую и творческую (или пойетическую). А такъ какъ, съ другой стороны, отъ Аристотеля до насъ не дошло точнаго опредѣленія этихъ трехъ отраслей дѣятельности, то мы имѣемъ въ этомъ нѣкоторый просторъ, которымъ и пользуемся. Теоретическую дѣятельность толкуемъ въ согласіи со взглядомъ Маха (см. статью 1-ю) какъ приспособленіе мыслей къ фактамъ (и мыслямъ), творческую дѣятельность понимаемъ какъ обратное первому приспособленіе фактовъ къ мыслямъ, а практическую—какъ приспособленіе фактовъ къ фактамъ. При такомъ толкованіи, мы вправѣ соединить обѣ послѣднія дѣятельности—практическую съ творческой—въ одну группу, въ которой факты приспособляются нами къ нашимъ мыслямъ (и фактамъ). Слова „и къ фактамъ“ потому могутъ быть заключены въ скобки, т. е. быть поставлены на второй планъ, что вѣдь понятно, что подъ „фактомъ“ приходится разумѣть не что иное, какъ наше представленіе о фактѣ, стало быть, опять-же нашу мысль.

И вотъ, передъ нами выяснился тотъ предметъ, который изслѣдуется активизмомъ и который есть, въ сущности, область нашей дѣятельности. Дѣятельность распадается на два обширныя поля. Въ первомъ мысль приспособляется къ фактамъ (и мыслямъ), во второмъ, наоборотъ, фактъ приспособляется къ мыслямъ (и фактамъ). Первое поле дѣятельности называемъ дѣятельностью *субъективирующею*, второе называемъ дѣятельностью *объек-*

тивирующею. Дѣятельность перваго рода назовемъ еще дѣятельностью теоретическою, а дѣятельность второго рода—дѣятельностью практическою. Не гоняясь за особенной точностью выраженій (такъ какъ мы, все равно, вращаемся теперь въ области предположеній), и кромѣ того, не боясь моднаго нынѣ упрека въ психологизмѣ, мы можемъ достигнуть еще большей краткости, если отожествимъ первую дѣятельность (теоретическую) съ мышленіемъ, какъ дѣйствіемъ нематеріальнымъ, а вторую (практическую)—съ дѣйствіемъ матеріальнымъ, причемъ отличительнымъ признакомъ послѣдней является механическая—мускульная—работа.

И вотъ, окончательно, мы подраздѣляемъ всю нашу дѣятельность на *1) Мышленіе и 2) Матеріальное дѣйствіе.*

Остановимся здѣсь на минуту, чтобы выяснить слѣдующій вопросъ: которая изъ двухъ отраслей человѣческой дѣятельности больше привлекла вниманіе мыслителей и подверглась болѣе подробному изслѣдованію? На этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: со времени эллинскихъ мудрецовъ и вплоть до нашихъ дней мыслители почти исключительно отдались изученію мышленія (и его результата—знанія), и почти не удѣляютъ вниманія практическому дѣйствію. Почему это такъ вышло?—Быть можетъ, причина этому отчасти такая. Въ классическомъ мірѣ вся культура, общество и государство держались какъ надстройки на томъ реальномъ фундаментѣ жизни, который строился „самъ собой“ незамѣтнымъ и безплатнымъ физическимъ трудомъ рабовъ. На долю интеллигенціи оставалась въ то время только слѣдующая чисто умственная дѣятельность: направлять жизнь политикою и правомъ, улучшать этикой, украшать искусствомъ и истолковывать наукой. Но совсѣмъ не то мы видимъ въ наше время. Теперь мы всѣ являемся строителями матеріальной жизни. Нѣтъ болѣе незамѣтнаго и безплатнаго труда: всякій трудъ учитывается и оплачивается, т. е. теперь ни одинъ трудъ не считается равнымъ нулю, какъ рабскій трудъ въ древности. Всякій трудъ заявляетъ теперь свои права, и впервые возникло новое понятіе: *трудъ*, понятіе, едва ли не центральное во всей современной общественности.

Мы вовсе не собираемся толковать терминъ „трудъ“ въ томъ узкомъ смыслѣ, при которомъ онъ покрываетъ собой лишь трудъ физическій, или даже хозяйственный. Нѣтъ, этимъ терминомъ мы покрываемъ весь трудъ человѣка, въ томъ числѣ и трудъ умственный.

Возвращаясь къ нашей темѣ, мы говоримъ такъ: мыслители

до сихъ поръ исключительно отдавались лишь изученію труда умственнаго и теоретическаго, оставляя въ сторонѣ трудъ физическій и практическій. Здѣсь намъ могутъ замѣтить, что философія занимается и практикой; назвать хотя бы одного Канта съ его „Критикой практическаго разума“. Но это замѣчаніе, вмѣсто того, чтобы намъ возражать, говоритъ за насъ и ведетъ къ еще болѣе точному выясненію выдвигаемаго здѣсь положенія, что мыслители дарятъ все свое вниманіе теоріи въ ущербъ практикѣ. Въ самомъ дѣлѣ. Что такое „практическій“ разумъ у Канта? Это разумъ, направленный на выработку нормъ поведенія, но не на практическое выполненіе этихъ нормъ. Стало быть, и здѣсь разсматривается не дѣятельность, но приготовленіе къ дѣятельности, разсматривается выработка нормъ, т. е. опять-таки работа умственная, тогда какъ послѣдняя стадія—исполнительная, физическая, техническая—оставляется въ сторонѣ.

Сказанное приложимо и къ эстетикѣ, какъ теоріи художественной дѣятельности, и здѣсь тоже все изслѣдованіе останавливается на нормативной, подготовительной стадіи дѣятельности, а именно: на выработкѣ нормъ. Остальное все, подъ названіемъ техники разныхъ искусствъ, исключается изъ обобщеннаго разсмотрѣнія.

И вотъ мы, кажется, дошли до возможности опредѣлить съ наивозможной точностью тотъ предметъ, который такъ хотѣлось-бы рекомендовать вниманію мыслителей теперь, сейчасъ, сію минуту. Споконъ вѣковъ человѣкъ изучался только со стороны одной изъ его функцій, стороны мыслительнаго труда, т. е. лишь какъ homo sapiens, существо мыслящее. Никто не оспариваетъ законности такого изслѣдованія, не оспариваетъ и необходимости продолжать его. Вопросъ лишь въ томъ, что не настало ли время подойти къ человѣку еще и съ другой стороны и заняться его изученіемъ со стороны практической, беря его въ качествѣ Бергсоновскаго homo faber, или, нѣсколько съ другимъ оттѣнкомъ,— homo technicus? Вотъ въ чемъ вопросъ. Вопросъ, стало быть, въ томъ, чтобы приступить къ изученію объективирующей дѣятельности, т. е. такой, гдѣ матерія приспособляется человѣкомъ къ его мыслямъ. Вотъ эту-то предположительную отрасль знанія мы и называемъ Активизмомъ.

Не предаваясь гаданіямъ о содержаніи активизма, какъ ученія, мы тѣмъ не менѣе позволимъ себѣ привести на выдержку нѣсколько вопросовъ, съ которыми неминуемо встрѣтится изслѣдователь на новомъ пути.

Передъ лицомъ того факта, что творческая личность вопло-

щаетъ въ матеріи зародившіяся внутри нея идеи, возникаютъ слѣдующіе вопросы:

Вопросъ 1-й: Какъ происходитъ внутри личности переходъ отъ нематеріальной идеи къ матеріальному (мускульному) дѣйствію, такому, которое воплощаетъ идею?

Вопросъ 2-й: Какъ вообще можетъ нѣчто матеріальное соотвѣтствовать нематеріальному и наоборотъ? Въ чемъ состоитъ приспособленіе идеи къ явленію и явленія къ идеѣ?

Вопросъ 3-й: Какія ограниченія слѣдуетъ придать казавшемуся прежде столь всеобъемлющимъ принципу causa equat effectum передъ лицомъ техническаго принципа аккумуляціи, а также и въ тѣхъ многочисленныхъ и даже заурядныхъ случаяхъ жизни, когда ничтожная причина вызываетъ дѣйствіе, несоразмѣрно большое?

Вотъ на выдержку три случайно попавшіеся на глаза вопроса активизма... Они даютъ нѣкоторое предварительное понятіе о своеобразности и новизнѣ тѣхъ соотношеній, которыя ожидаютъ изслѣдователя въ области активизма; мы видимъ, что вопросы эти затрагиваютъ весьма глубокіе интересы мыслителя. Послѣднее еще болѣе подтверждается тѣмъ, что намъ еще хочется сказать.

Активизмъ, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, можетъ, кажется, внести даже въ формальную логику существенное дополненіе въ сторону мышленія телеологическаго.

Извѣстный технологъ Эрнстъ Гартигъ (1836—1900) многолѣтній членъ германскаго Патентамта, отстаивалъ въ своихъ сочиненіяхъ настоятельную надобность въ логической чисткѣ тѣхъ понятій и отношеній между ними, которыя возникли въ области техники чисто эмпирическимъ путемъ. При этомъ онъ утверждалъ, что и самой логикѣ будетъ чему поучиться у технологіи. Въ качествѣ иллюстраціи къ этой мысли Гартигъ указывалъ на слѣдующее: Логика знаетъ только одну форму подчиненія понятій, а именно, подчиненіе по степени общности и отвлеченности. А между тѣмъ, технологія признаетъ еще и другое подчиненіе: въ ней можно привести массу случаевъ, гдѣ технологъ не задумается признать одно понятіе подчиненнымъ такому другому, которое вовсе не является по отношенію къ первому ни понятіемъ болѣе общимъ и отвлеченнымъ ни даже охватывающимъ первое. Правда, въ технологіи замѣчается множество случаевъ и обычнаго логическаго подчиненія понятій. Въ такой зависимости стоитъ напримѣръ понятіе „портландскій цементъ“ къ понятію „цементъ“. Но есть и подчиненіе другого рода. По мнѣ-

нію Гартига, мы имѣемъ одно изъ такихъ своеобразныхъ *технологическихъ подчиненій* между понятіемъ даннаго способа производства и понятіемъ тѣхъ орудій, которыя служатъ для осуществленія этого способа. Такимъ образомъ, по Гартигу, понятіе кузнечной ковки является высшимъ и подчиняющимъ по отношенію къ понятіямъ молотокъ, наковальня, горнъ. Приходится только высказать сожалѣніе, что Гартигъ, въ оставленныхъ имъ сочиненіяхъ, самъ очень мало выяснилъ эту интересную мысль.

Мнѣ кажется, что то, что Гартигъ называетъ подчиненіемъ технологическимъ, есть въ сущности подчиненіе *телеологическое*. Разсматривая аналитическое сужденіе и подготовительную къ нему работу, логика выдѣляетъ то соотношеніе между понятіями, при которомъ они бываютъ включены другъ въ друга. Такое мышленіе, какъ сказано, имѣетъ мѣсто и въ технологіи, когда дѣло касается классификаціи готовыхъ человѣческихъ твореній. Но очень естественно, что эта точка зрѣнія является мало примѣнимой тамъ, гдѣ дѣло идетъ о созданіи новыхъ, еще несуществующихъ вещей и категорій. Естественно ожидать, что здѣсь потребуется другая логика, которая будетъ отличаться отъ Аристотелевской приблизительно такъ же, какъ въ механикѣ отличается динамика отъ статики. Естественно, что въ технологическомъ, или телеологическомъ мышленіи все направлено впередъ на конечный результатъ и что понятіе или представленіе результата и является здѣсь главнымъ (или, если хотите, высшимъ), а потому и подчиняетъ себѣ понятія или представленія средствъ, ведущихъ къ нему. Но конечно, какъ объясненія Гартига, такъ и слова, только что приведенныя, далеко не рѣшаютъ вопроса о технологическомъ или телеологическомъ подчиненіи понятій; они его только ставятъ.

Вопросъ 4-й: Въ чемъ состоитъ и какія формы принимаетъ технологическое или телеологическое подчиненіе понятій? Вопросъ этотъ имѣетъ общее значеніе и касается далеко не одной техники, какъ таковой, но касается всей дѣятельности человѣка.

Мы коснулись телеологическаго соотношенія понятій; теперь надо коснуться и телеологическаго умозаключенія. Ибо и оно представляетъ нѣкоторый интересъ новизны. О такомъ умозаключеніи говоритъ извѣстный соціологъ Тардъ въ своей „Соціальной логикѣ“ [1]). Онъ тоже противоставляетъ двѣ науки о мышленіи: логику и телеологію, приписывая первой задачу направлять наше знаніе, а второй—управлять волею; такъ что логика смотритъ ввысь, въ сторону отвлеченій, а телеологія глядитъ

[1]) G. Tarde: „La Logique Sociale“, 2-me éd. 1898.

впередъ и мало интересуется отвлеченіями потому, что всегда стремится къ чему либо единичному и конкретному. Мы проходимъ мимо очень любопытныхъ разсужденій Тарда о томъ, что обычная логика предполагаетъ, что всякій силлогизмъ составляется изъ посылокъ, одинаково и вполнѣ достовѣрныхъ; а между тѣмъ въ житейской дѣйствительности всѣ наши предпосылки бываютъ лишь болѣе или менѣе достовѣрны; въ подтвержденіе этого Тардъ разсматриваетъ разные случаи, когда степень достовѣрности въ заключеніи возрастаетъ, когда убываетъ.

Переходимъ къ телеологическому силлогизму Тарда. Это такой силлогизмъ, который управляетъ нашими поступками. Онъ имѣетъ слѣдующую конструкцію:

1) Первая посылка: *цѣль*;
2) Вторая посылка: *средство*;
3) Заключеніе: *долженствованіе.*

Если мнѣ предписана нѣкоторая цѣль, и я знаю средство, то я долженъ осуществить средство, чтобы достигнуть цѣли. Практическая цѣнность телеологическаго силлогизма опредѣляется, по Тарду, степенью довѣрія и желанія, съ нимъ связанныхъ такъ, что долгъ будетъ ощущаться тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе желается цѣль и чѣмъ большее довѣріе внушаетъ средство. Нетрудно видѣть, что телеологическій силлогизмъ отлично объясняетъ обычное явленіе,—обращеніе средства въ цѣль: желая достиженія извѣстной цѣли, я долженъ желать наступленія средства, какъ условія наступленія желаемаго. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что вся наша практическая дѣятельность представляетъ изъ себя такой рядъ (или такіе ряды) средствъ, превращенныхъ въ цѣли. Вы видите, какъ много вопросовъ и предметовъ для размышленія даетъ наша область во всякой точкѣ своей площади.

Что касается до заключенія изъ телеологическаго силлогизма, т. е. до выведеннаго долга (долженствованія), то Тардъ раздѣляетъ его на два вида: есть долгъ людей практики, долгъ условный, утилитарный, и есть долгъ людей чести, долгъ абсолютный, нравственный. Далѣе, онъ разъясняетъ, что надо еще различать два случая: когда цѣль мнѣ предписана извнѣ и когда она зародилась во мнѣ. О долгѣ въ полномъ смыслѣ слова можно говорить только въ первомъ случаѣ, потому что тогда, когда мнѣ самому хочется достигнуть нѣкоторой цѣли, то и средство относится не къ долгу, а къ моей волѣ.

Теперь отойдемъ отъ Тарда и разсмотримъ аналогичныя

высказыванія Бона [1]); а потомъ сопоставимъ мысли обоихъ и сдѣлаемъ нѣкоторые выводы. Бонъ логически анализируетъ значеніе терминовъ долга и добра. Мы коснемся только перваго. Въ терминѣ долга (долженствованія) Бонъ выдѣляетъ два значенія: долгъ категорическій и долгъ гипотетическій. Эти двѣ разновидности мы можемъ, въ полномъ согласіи съ Бономъ, назвать долгомъ нравственнымъ и долгомъ техническимъ. Къ познанію перваго ведетъ, по Бону, вопросъ: „Что я долженъ дѣлать?“. Здѣсь спрашивающій интересуется общимъ направленіемъ своей дѣятельности, своего поведенія. Отвѣтомъ на этотъ вопросъ будетъ, по Бону, нѣкоторое приказаніе, заповѣдь или завѣтъ, а смыслъ такого завѣта раскрывается слѣдующими предложеніями: „Ты долженъ дѣлать то, что тебѣ приказываютъ“, или: „Ты долженъ дѣлать то, что служитъ къ удовлетворенію интереса того, кто приказываетъ“. Совокупность всѣхъ такихъ приказаній приводитъ, по Бону, къ „Философіи Нормики“, которая отличается отъ этики только нѣсколько большимъ объемомъ, но которая вся тоже построена на „категорическомъ императивѣ“.

Переходимъ ко второму значенію термина долга, значенію гипотетическому или техническому. Оно дается вопросомъ: „Что я долженъ дѣлать, чтобы достигнуть нѣкотораго опредѣленнаго результата?“ Здѣсь спрашивающій имѣетъ въ виду нѣкоторую опредѣленную цѣль и спрашиваетъ о средствѣ къ ея достиженію. Отвѣтомъ является здѣсь не приказъ, не завѣтъ, а совѣтъ. Приказъ я долженъ выполнить безусловно,—почему тамъ и признанъ императивъ категорическій. А совѣтъ я могу и принять и нѣтъ;—здѣсь императивъ гипотетическій. Совокупность всѣхъ подобныхъ вопросовъ ведетъ, по Бону, къ „Философіи Техники“.

Теперь сдѣлаемъ нѣсколько выводовъ изъ высказываній Тарда и Бона, столь родственныхъ другъ съ другомъ. Вспомнимъ себя въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ жизни, когда намъ приходилось обсуждать напередъ свое поведеніе. Для такихъ-то случаевъ и назначается телеологическій силлогизмъ: онъ имѣетъ ту функцію, чтобы перевести нѣкоторое средство въ (ближайшую) цѣль, которая тѣмъ самымъ превращается въ долгъ, долженствованіе, обязанность... Разумѣется, всякое долженствованіе имѣетъ, кромѣ качественной стороны, еще и сторону количественную, другими словами, долженствованіе можетъ имѣть всѣ степени интенсивности, начиная отъ полной факультативности и кончая полнымъ принужденіемъ или полной необходимостью поступить такъ-то. Можно-ли относить всю факультативность на долю тех-

[1]) Fred Bon: „Über das Sollen und das Gute“, 1898.

ники, а всю принудительность—на долю этики, это еще требовало-бы, кажется, болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія. Правда, на сторонѣ такого распредѣленія стоитъ авторитетъ Канта; но вопросъ въ томъ: не допускаетъ-ли телеологическая область еще и другихъ, новыхъ точекъ зрѣнія?

Выше мы брали цѣль и средство, какъ логическія категоріи. Но вѣдь и то, и другое имѣетъ, въ дѣйствительной жизни, еще и психологическую сторону. Пусть представитель чистой логики намъ скажетъ, что психологическія соображенія не вліяютъ на соотношенія логическія; но по отношенію къ телеологіи еще большой вопросъ: можетъ-ли область телеологіи вообще быть вполнѣ отдѣлена отъ психологіи?

Простое и наивное наблюденіе будетъ такое: Положимъ, я имѣю нѣкоторую цѣль и знаю къ ней средство... Спрашивается: достаточно-ли одного чистаго знанія цѣли и средства для выведенія отсюда долженствованія? Едва ли. Принужденіе начинается повидимому съ первой посылки, т. е. съ первоначальной цѣли. Телеологическій силлогизмъ Тарда говоритъ въ сущности вотъ что: „если я желаю цѣли, то желаю желать и средства“. А все то различіе, на которое указываетъ Бонъ, мнѣ кажется, сводится къ слѣдующей дилеммѣ:

Вопросъ въ томъ: что я желаю цѣли какъ частное лицо? или какъ членъ общества? Въ первомъ случаѣ я желаю того, что мнѣ лично пріятно, удобно или вообще, что устраиваетъ меня безъ всякаго соображенія объ интересѣ другихъ. Во второмъ случаѣ я желаю того, что отвѣчаетъ нѣкоторымъ идеаламъ, среди которыхъ важную роль играютъ интересы моихъ ближнихъ. Всякіе этическіе мотивы попадаютъ, разумѣется, во вторую группу моихъ желаній. И вотъ кажется, что по отношенію къ этой второй группѣ желаній возможны два взгляда. По одному выходитъ, что и все моральное принужденіе этическаго императива сливается, психологически, съ моимъ желаніемъ, а по другому приходится все-таки отличать желаніе спонтанное, выросшее изъ глубины личности, отъ навязаннаго извнѣ приказанія: ременный кнутъ, занесенный надъ рабомъ и моральный кнутъ совѣсти— вещи разныя. А въ промежуткѣ между тѣмъ и другимъ стоитъ гипотетическій императивъ Бона... Предоставляю другимъ углубляться дальше въ затронутую область интересныхъ и вовсе не заѣзженныхъ вопросовъ. А то, что по поводу ихъ сказано, резюмирую такъ:

Вопросъ 5-й: Что такое изъ себя представляетъ телеологическій силлогизмъ? Какіе моменты опредѣляютъ мѣру должен-

ствованія, которое представляетъ изъ себя непрерывную цѣпь отъ чистой факультативности до чистой принудительности?

Но это не все. Телеологическій силлогизмъ принадлежитъ, очевидно, къ сужденіямъ синтетическимъ, такъ какъ обѣ посылки—цѣль и средство—являются вполнѣ внѣшними другъ къ другу. Дальнѣйшее и ближайшее разсмотрѣніе этого рода силлогизмовъ выяснитъ, вѣроятно, что такіе силлогизмы появляются почти всегда группами. Этимъ мы хотимъ подчеркнуть тотъ всѣмъ такъ хорошо знакомый фактъ, что одно слѣдствіе вызывается, почти всегда, нѣсколькими разными причинами, а посему и къ одной цѣли ведутъ обыкновенно разныя средства. А отсюда выходитъ то, что когда въ дѣйствительности передъ нами ставится цѣль, то обыкновенно извѣстно и нѣсколько разныхъ средствъ, чтобы ея достигнуть, а потому, передъ нами встаетъ не одинъ, а цѣлый рядъ телеологическихъ силлогизмовъ, ставящихъ передъ нами такой же рядъ долженствованій, конкуррирующихъ между собой на положеніе того одного долга, который опредѣлитъ нашъ поступокъ въ качествѣ мотива. Вотъ какую интересную форму принимаетъ тотъ средній членъ „взвѣшиванія“, который психологія выдѣляетъ въ явленіяхъ воли. Попутно, здѣсь зарождается слѣдующій вопросъ:

Вопросъ 6-й: Въ какомъ соотношеніи стоитъ множественность причинъ даннаго слѣдствія, къ множественности мотивовъ къ данному поступку, а также къ множественности средствъ при наличности данной цѣли? Какъ происходитъ отборъ между такими конкуррентами? Какъ строится тотъ телеологическій силлогизмъ который въ концѣ концовъ направляетъ дѣйствіе?

Всѣ разсужденія Активизма вращаются около терминовъ: дѣйствіе, дѣятельность, активность, поступокъ и т. п. Термины эти очень мало разсчищены логикой, они неопредѣленны и многозначны. Въ особенности терминъ „дѣйствіе“ означаетъ вещи разныя. Дѣйствуетъ электрическій токъ на магнитную стрѣлку, дѣйствуетъ луна на морскіе приливы, орудійная стрѣльба на дождевыя тучи, удобреніе на урожай, мышьякъ на организмъ и притомъ разныя дозы качественно различно. Дѣйствуетъ погода на расположеніе духа, дѣйствуетъ гипнозъ, дружба, любовь, увѣщаніе (иногда въ діаметрально противоположную сторону), молитва, лесть, подкупъ, субсидія, тарифная ставка, обложеніе, законъ, обычай, привычка, предразсудокъ, вѣра, познаніе. Другими значеніями „дѣйствіе“ переходитъ въ „дѣятельность“ и сливается съ этою послѣднею. Въ этомъ смыслѣ говорятъ объ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ человѣка, о томъ, что онъ началъ дѣйствовать; здѣсь

„дѣйствіе“ дѣлается синонимомъ „поступка“. Но „дѣйствіе“ (поступокъ) человѣка, и „дѣйствіе“ тока на магнитъ, это двѣ вещи настолько различныя, что является вопросъ: каково логическое ядро, общее въ обоихъ случаяхъ? Подобныхъ детальныхъ вопросовъ встрѣтится много. Разумѣется, надо прослѣдить и проанализировать всѣ отдѣльныя значенія подлежащихъ терминовъ. Здѣсь-же мы ограничиваемся лишь бѣглымъ очеркомъ Активизма въ его главныхъ чертахъ. Попутно не упускаемъ изъ вида и то мѣсто, которое, въ общей системѣ Активизма, принадлежитъ Эврологіи.

Занимаясь упомянутыми терминами, надо будетъ заняться и ихъ антитезами, напримѣръ, разсмотрѣть такія пары: слушать и слышать, смотрѣть и видѣть, щупать и ощущать, нюхать и обонять, гнѣвъ и страхъ, нападеніе и защита и т. д.

Изъ этого эмпирическаго матеріала извлечетъ Активизмъ свои понятія и категоріи, выдѣляя вездѣ элементъ дѣятельный, активный, которому принадлежитъ починъ, начало, первое появленіе, творчество въ самомъ широкомъ смыслѣ. Заманчивое поле для мыслителей свѣжихъ и самостоятельныхъ! Но, конечно, для разработки Активизма, какъ философской системы, мало одной оригинальности мышленія, мало точно также простого огульнаго отрицанія прошлаго. Требуется такая сила мысли, которая подробно освоится съ прошлымъ и все-таки не потеряетъ свою оригинальность, которая сумѣетъ вплести свое новое слово въ ткань старыхъ философскихъ словъ... Вотъ для такого ума Активизмъ представляетъ значительное и многообѣщающее поле дѣятельности. Вотъ какіе умы должны приняться за логическую чистку подлежащихъ понятій.

Но здѣсь невольно встаетъ вопросъ: можетъ ли такой умъ ограничиться одной только логической чисткой понятій? Едвали. Философемы, вообще говоря, имѣютъ то сходство съ газами, что стремятся къ неограниченному расширенію. Поэтому, можно думать, что и Активизмъ расширится въ нѣкоторое міровоззрѣніе. И при всей осторожности, къ которой обязываетъ прогнозъ въ подобныхъ случаяхъ, можно позволить себѣ рискъ указанія хотя-бы на общее направленіе такого міровоззрѣнія. Исходною точкой будетъ здѣсь *примат активности*, т. е. мысль, что человѣку всего нужнѣе дѣйствовать. А неограниченное расширеніе этого взгляда будетъ достигаться его неуклоннымъ проведеніемъ, т. е. строгимъ приложеніемъ критерія дѣйственности ко всякому отдѣльному вопросу...

Активизмъ подходитъ къ вопросу о дѣятельности съ біоло-

тической стороны, т. е. исходя изъ того основного взгляда, что надъ всѣми императивами, даже самыми категорическими, царитъ наиболѣе категорическій: *„живи!“*. Надо условиться въ слѣдующемъ. Всѣ цѣли человѣка сходятся въ одной точкѣ: „чтобы жить“. Надъ всякимъ Добромъ, Истиной, Красотой, Пользой царитъ Жизнь, недобрая, неистинная, некрасивая и неполезная и даже неразумная въ томъ смыслѣ, что жизнь не покрывается категоріями разума. Жизнь фактична.

Далѣе: для человѣка жить и дѣйствовать, это одно и тоже. Нѣтъ жизни внѣ дѣйствія т. е. дѣятельности. А дѣятельность подраздѣляется на субъективирующую и объективирующую. Первая представлена наукой, вторая искусствомъ (вообще). Первая стремится: понять, объяснить, растолковать, идеализовать, вторая: сдѣлать, построить, воплотить, матеріализовать, осуществить. Первая приспособляетъ мысли къ фактамъ, вторая, наоборотъ, приспособляетъ факты къ мыслямъ. И тотъ и другой результатъ достигается человѣкомъ лишь активно, такъ что лишь условно можно говорить о дѣятельности „рецептивной“ въ смыслѣ воспріятія внутрь извнѣ. Ближе къ стилю Активизма подходитъ современная теорія *вчувствованія*, по которой книга, статуя, картина (да почему-бы и не слово?) не то—что переливаютъ въ насъ переживанія авторовъ, а только будятъ нашу душу. Здѣсь мы касаемся новаго и еще темнаго вопроса о *творчествѣ подъ внушеніемъ*. Что это такое?—И вотъ еще благодарная задача для изслѣдователей.

По нѣкоторымъ признакамъ можно думать, что общая тенденція Активизма не встрѣтитъ принципіальнаго предубѣжденія въ средѣ современныхъ мыслителей. Общее направленіе, повидимому, и идетъ въ сторону признанія активности даже за простой перцепціей, не говоря уже о послѣдующихъ психическихъ актахъ. Только тезисъ: „открытіе равно изобрѣтенію“ встрѣчаетъ, какъ сказано, вражду. Но вѣдь безъ коллизіи понятій дѣло никогда не обходится при новыхъ взглядахъ. Махъ давно уже установилъ, что такая коллизія необходимо сопровождаетъ всякое нововведеніе мысли и въ свою очередь она-то и приводитъ къ устраненію коллизіи. Надо надѣяться, что такъ будетъ и съ Активизмомъ...

П. Энгельмейеръ.

ОРГАНИЗМЪ, КАКЪ ТВОРЧЕСТВО.

Творчество обнаруживается въ искусствѣ, въ техникѣ; оно проявляется также въ созданіи языка и государства, и психологическіе законы его мы можемъ изучать въ произведеніяхъ генія или,—что было бы, конечно, раціональнѣе,—изслѣдовать основные элементы творчества въ творчествѣ ребенка, въ дѣтскихъ играхъ, напримѣръ.

Появилось ли, однако, творчество только съ человѣкомъ, и нѣтъ ли творческихъ проявленій также и у животныхъ? Натуралистъ, изучая постройки животныхъ, неминуемо придетъ къ многозначительнымъ сравненіямъ, но,—если идти дальше, къ самымъ основамъ творчества,—онъ не остановится и на этихъ проявленіяхъ—творческаго инстинкта, и задастся вопросомъ, изслѣдованію котораго посвящена настоящая работа,—не проявляется ли творчество и въ построеніи живого тѣла, которое издавна любили сравнивать съ машиной.

Или сходство здѣсь только кажущееся и основано на многосторонности самаго понятія творчества?

Шопенгауэръ, *Тревиранусъ*, *Іог. Мюллеръ*, *Гартманъ* знали уже, что процессы организаціи могутъ быть сравниваемы съ инстинктами. Чтобы доказать неслучайность этой аналогіи, необходимо опредѣлить самыя основныя свойства процесса творчества и прослѣдить, повторяются ли, какъ въ построеніи органовъ, органогенезѣ, такъ и въ высшихъ проявленіяхъ творчества, однѣ и тѣже закономѣрности. *Бергсонъ* [1]) и *Сеаль* [2]) удѣлили этому вопросу немало вниманія въ то время, какъ зоологи и ботаники, въ погонѣ за матеріалистическимъ міровоззрѣніемъ, не заинтересовались такой идеей, и вопросъ о примѣнимости психологіи творчества къ про-

[1]) *А. Бергсонъ*. Творческая эволюція. Русск. переводъ, изд. „Русск. Мысли", 1914 г.

[2]) *Seailles, G.* Essai sur le genie dans l'art. Paris, 1902.

блемамъ формообразованія у животныхъ и растеній остается, такимъ образомъ, до сихъ поръ не изслѣдованнымъ. Такое изслѣдованіе дало бы многое біологамъ, но результаты его могли бы расширить кругозоръ и филолога-психолога и привели бы къ единому цѣльному міровоззрѣнію.

Приступая къ изложенію тѣхъ мыслей, которыя постепенно созрѣвали у меня и привели меня къ такому единому міровоззрѣнію, я затрудняюсь лишь однимъ: эти мои мысли рождались при изслѣдованіи спеціально зоологическаго матеріала, совершенно чуждаго филологамъ, и привели къ результатамъ, чуждымъ біологамъ. Кто будетъ моимъ читателемъ? Если бы я далъ общія мои заключенія, не подтверждая ихъ опытами и данными біологіи,—эти заключенія, конечно, имѣли бы минимальную цѣну; съ другой стороны, я понимаю, что не біологу не легко будетъ понять многое въ моемъ изложеніи. Какъ бы то ни было, но я не считаю себя въ правѣ, ради популяризаціи, не проникать до глубины проблемы. Филологъ, строя философскія обобщенія, могъ пренебрегать данными описательной и сравнительной зоологіи и ботаники, но съ созданіемъ особой дисциплины—общей біологіи, онъ неминуемо долженъ будетъ познакомиться съ основными данными ученія о наслѣдственности и экспериментальной біологіи, если хочетъ быть послѣдовательнымъ и убѣдительнымъ въ своихъ философскихъ выводахъ и обобщеніяхъ,—и чѣмъ скорѣе онъ это сдѣлаетъ, тѣмъ лучше.

I.

Психологическій методъ въ морфологіи.

Въ ученіи о хромозомахъ (красящихся элементахъ клѣтки) и въ результатахъ скрещиваній, по законамъ Менделя, мы имѣемъ начало и конецъ процесса наслѣдственности и формообразованія. Нѣтъ недостатка въ теоріяхъ, которыя пытаются связать эти два момента и установить связь сложнаго дифференцированнаго организма съ развивающейся въ немъ половой клѣткой. Что такая связь дѣйствительно существуетъ,—доказывается передачей по наслѣдству пріобрѣтенныхъ свойствъ. Оставимъ пока безъ вниманія ту часть круга развитія, гдѣ происходитъ внѣдреніе въ половую клѣтку наслѣдственныхъ свойствъ, и обратимся къ тому періоду, когда потенціи реализуются и изъ зачатковъ образуется готовый организмъ. Даже подробнѣйшіе учебники о наслѣдственности не говорятъ ни слова объ этой части процесса развитія и ограничиваются лишь констатированіемъ факта зависимости между зачаткомъ или носителемъ наслѣдственности и готовымъ

организмомъ. Очевидно, что только самый ходъ процесса развитія могъ бы объяснить намъ до извѣстной степени природу носителей наслѣдственности, совершенно гипотетичныхъ. Насколько я знаю, только работы *Земона* [1]), *Гурвича*, [2]) *Бехера* [3]) и одна моя статья пытаются хотя отчасти выяснить этотъ вопросъ. Эти идеи мои настолько связаны съ міровоззрѣніемъ въ цѣломъ и въ своемъ сцѣпленіи заходятъ настолько далеко за предѣлы зоологіи, что я рѣшился выпустить мою книгу въ обще-философскомъ изданіи. Мнѣ простятъ и поймутъ меня, если я предлагаю мои воззрѣнія, какъ истину. Гёте въ одномъ письмѣ къ Цельтеру говоритъ: „Jch habe bemerkt, das ich den Gedanken für wahr halte, der für mich fruchtbar ist, sich meinen übrigen Denken anschliesst und zugleich mich fördert; nun ist es mich allein möglich, sondern natürlich, dass sich ein solcher Gedanken dem Sinn des anderen nicht anschliesse, ihn nicht fördere, wohl gar hindere, und so wird er ihn für falsch halten; ist man hiervon rechtgründlich überzeugt, so wird man nie kontrowertiren". *) Несмѣлый тонъ мой будетъ вполнѣ понятенъ, если я познакомлю съ моей задачей.

Проблема, которую мы желаемъ изслѣдовать—проблема формообразованія, морфологія. Эта проблема, по моему воззрѣнію, не разрѣшима безъ помощи психологіи и потому мы отважимся трактовать ее, какъ психологическую морфологію. Такой методъ въ морфологіи до сихъ поръ считался настолько недопустимымъ и совершенно безполезнымъ, что я долженъ доказать его право на существованіе.

Міръ состоитъ изъ психическаго и физическаго и, если быть даже строгимъ параллелистомъ, нельзя назвать полнымъ пониманіе, въ которомъ психическая сторона просто игнорируется

---

[1]) *Semon*, Die Mneme, als erhaltendes Prinzip im Wechsel des organischen Geschehens, 3 Aufl. Leipzig 1911.

[2]) *A. Gurwitch*, Die Vererbung als Verwirklichungsvorgang. Biolog. Centralblatt, XXXII Bd., 1912.

[3]) *Becher, J.*, Über doppelte Sicherung, heterogene Induktion und assoziativen Induktionswechsel. Zool. Iahrb., Suppl. 15, 1912.

*) Я замѣтилъ, что считаю ту мою мысль истинной, которая для меня плодотворна, согласуется съ моими остальными мыслями и вмѣстѣ съ тѣмъ является для меня побудительнымъ толчкомъ; при этомъ не только возможно, но естественно, что такая мысль можетъ не согласоваться съ образомъ мыслей другого человѣка, не только не помогать ему, но даже мѣшать, такъ что онъ счёлъ бы её поэтому за ложную; если быть въ этомъ убѣжденнымъ, никогда не будешь спорить.

въ то время, какъ она дана намъ непосредственно, а физическая открывается для насъ лишь непрямымъ путемъ. Не физическій космосъ, а психофизическій образуетъ цѣлое. Механисты называютъ ихъ способъ мышленія послѣдовательнымъ и чистымъ, и это справедливо, но что, если не параллелизмъ окажется правымъ, а взаимодѣйствіе. Нынѣ ни одно изъ этихъ міровоззрѣній не доказано окончательно и оба трудно поддаются представленію потому что, какъ вѣрно замѣчаетъ *Клейнъ*—„die Vergleiche der Identitats—Hypothese haben nicht die Klarheit des Begriffes, sondern das trugerische des Bildes". *) Но если параллелистическія теоріи не вѣрны,—и эту возможность не можетъ не допустить самый убѣжденный параллелистъ,—то послѣдовательный и чистый способъ мышленія механистовъ, не желающихъ пользоваться психологическими понятіями, исключаетъ полноту познанія. Что этотъ послѣдовательный способъ мышленія недостаточенъ для познанія многаго, зналъ уже Платонъ. Такъ Сократъ въ Федонѣ говоритъ о тѣхъ, которые „не хотятъ приписать разуму никакого причиннаго значенія въ распорядкѣ вещей". Сократъ говоритъ далѣе, что такой человѣкъ, „если бы онъ пытался подыскать причину всему, что я дѣлаю, прежде всего говорилъ бы, что я сижу здѣсь потому, что мое тѣло состоитъ изъ костей и жилъ и что кости крѣпки и отдѣлены другъ отъ друга суставами, а жилы устроены такъ то и т. д..... Равнымъ образомъ было бы то же самое, если бы онъ пытался привести другія подобныя причины для этого нашего разговора, именно звуки, воздухъ и слухъ и тысячи другихъ вещей, но совершенно оставилъ бы безъ вниманія истинную причину, а именно ту, что я предпочелъ остаться здѣсь, потому что аѳинянамъ было угодно меня осудить. Однако, если бы кто-либо сказалъ, что безъ подобнаго (жилъ, костей и что еще во мнѣ есть) я не былъ бы въ состояніи сдѣлать то, что мнѣ нравится, онъ былъ бы правъ. Ибо въ каждой вещи нѣчто другое есть причина, и нѣчто иное, безъ чего причина не можетъ быть причиной".

Шеллингъ[1]) выражаетъ ту же мысль, когда говоритъ: „Selbst aberwenn von Seiten des Mechanismus jede Erscheinung vollkommen durch die Erklarung begriffen wurde, bliebe der Fall derselbe, wie wenn jemand den Homer oder irgendeinen Autor so erk-

---

*) Сравненія гипотезы идентичности имѣютъ не ясность понятія, но обманчивость образа.

[1]) *Schelling,* Vorlesungen über die Methode des akademischen Studiums Tübingen. 1803

lären wollte, dass er anfinge, die Form der Drucklettern begreiflich zu machen, dann zu zeigen, auf welche Weise sie zusammengestellt und endlich abgedruckt worden und wie endlich jenes Werck daraús entstanden sei“.*)

Не иначе обстоитъ дѣло съ исторіей; напомню примѣръ, приведеный *Буссэ*, о Наполеонѣ[1]) (если мы хотѣли бы изложить механистически битву при Аустерлицѣ и при этомъ должны были бы описать движеніе и звуки, но не планъ Наполеона, который теперь становится яснымъ для насъ благодаря указанной битвѣ).

Такая историческая наука ничего не могла бы намъ дать и не представила бы никакого интереса. Исторія и гуманитарныя науки возможны лишь съ точки зрѣнія теоріи взаимодѣйствія. Одинаковымъ образомъ и поступки другого человѣка мы можемъ понимать лишь психологически. Механистическое познаніе состояло бы въ знаніи раздражителя, на который человѣкъ отвѣчаетъ опредѣленнымъ образомъ и, пользуясь этимъ знаніемъ, мы могли бы побудить опредѣленную личность къ опредѣленному поступку, не занимаясь психологіей. Но сказать, что мы понимаемъ поступокъ другого человѣка, мы можемъ лишь въ психологическомъ смыслѣ. Если формообразованіе поступокъ или творчество, то быть можетъ и оно становится вполнѣ понятнымъ только въ томъ случаѣ, если трактовать его психологически; въ тѣхъ случаяхъ, когда мы исключаемъ всякую психологію ради чистоты метода или вслѣдствіе невозможности войти въ психологію ниже насъ стоящихъ организмовъ, мы, быть можетъ, тѣмъ самымъ отказываемся навсегда отъ полнаго пониманія. Можетъ быть и въ естественныхъ наукахъ необходимъ поэтъ, какъ онъ необходимъ для исторіи, ибо недаромъ Аристотель думалъ, что „φιλοσοφώτερον καὶ σπουδαιότερον ποιήσις ἱστορίας ἐστὶν“ [2]). Имѣетъ ли такое „психологическое познаніе“ эвристическое значеніе, т. е. можно ли, основываясь на немъ, ставить все новые и новые вопросы, этого рѣшать я не берусь. Цѣль познанія—пониманіе, а не возбужденіе и удовлетвореніе любопытства ученаго; да и какъ цѣль жизни познаніе можетъ удовлетворять насъ лишь

[1]) Даже въ томъ случаѣ, если бы каждое явленіе было совершенно разъяснено съ точки зрѣнія механизма,—это было бы тоже самое, какъ если бы кто-либо хотѣлъ объяснить Гомера или другого какого-либо автора такимъ образомъ, что началъ бы объяснять форму печатныхъ буквъ и затѣмъ показывать, какъ онѣ составлены и отпечатаны и какъ, наконецъ, благодаря этому возникло всё произведеніе.

[2]) *Büsse*, Geist und Körper, Seele und Leib.

[3]) Поэзія философичнѣе и важнѣе исторіи.

постольку, поскольку оно связано съ творчествомъ въ самомъ, конечно, широкомъ смыслѣ слова.

Если бы теорія взаимодѣйствія оказалась невѣрной, то все-таки исторія и гуманитарныя науки должны были бы строиться на фикціи взаимодѣйствія, какъ мы строимъ на фикціи атомовъ химію и на фикціяхъ же рядъ другихъ научныхъ дисциплинъ и, въ концѣ концовъ, и всякое познаніе вообще, какъ это недавно еще доказалъ *Вайингеръ*[1]). Механистическій способъ представленія былъ бы примѣнимъ, плодотворенъ и достаточенъ въ біологіи лишь въ томъ случаѣ, если бы біологія была только практической наукой безъ теоретическихъ претензій, какой ее хочетъ сдѣлать *Лёбъ*.

Значительное сходство морфологическихъ процессовъ съ поступками и невозможность понять поступокъ чисто механистически, ибо онъ (поступокъ) можетъ интересовать насъ только съ точки зрѣнія психологіи, приводитъ къ убѣжденію, что суть морфологическихъ процессовъ становится понятной для насъ лишь въ томъ случаѣ, если мы подходимъ къ нимъ съ той же фикціей, съ тѣмъ же „какъ бы“, какъ мы это дѣлаемъ въ исторіи. Такая общая морфологія относилась бы къ естественной исторіи, какъ исторія къ архивнымъ изслѣдованіямъ. Такимъ образомъ, если бы теорія взаимодѣйствія и не выдерживала бы критики, ее пришлось бы ввести, какъ фикцію. Исключать все психическое цѣликомъ и вездѣ невозможно уже по одному тому, что всякая реальность и всякій процессъ есть психическая реальность и психическій процессъ. „Unter allen Verirungen des menschlichen Geistes“, говоритъ такой авторитетъ механистовъ, какъ *Лотце*, „ist mir immer als die Seltsamste erschienen, dass es dahin kommen konnte, sein eigenes Wesen, welches er allein unmittelbar erlebt, zu bezweifeln, oder es sich als Erzeugnis einer äusseren Natur wieder schenken zu lassen, die wir nur aus zweiter Hand, nur durch das vermittelnde Wissen eben des Geistes kennen, den wir leugneten“.*) Безнадежность всѣхъ чисто механистическихъ конструкцій, искусственность ихъ, особенно бросаются въ глаза всѣмъ намъ біологамъ, которымъ приходится знакомиться ежегодно все съ новыми и новыми гипотезами въ этомъ направленіи въ то

[1]) *Vaihinger*, Die Philosophie des „Als—Ов.“

[2]) Среди всѣхъ заблужденій человѣческаго духа наиболѣе страннымъ мнѣ всегда казалось то, что доходятъ до сомнѣнія въ его собственной сущности, которая одна только переживается непосредственно, или же принимаютъ его, какъ произведеніе внѣшней природы, которую мы знаемъ лишь изъ вторыхъ рукъ, лишь посредствомъ знанія того самаго духа, который мы отрицали. (*Lotze*, Mikrokosmos, Bd I)

время, какъ еще ни одна малѣйшая часть жизненнаго процесса не объяснена чисто механически. Въ этомъ отношеніи еще сегодня вполнѣ справедливы слова *Лотце*: „All der vorgeschabene Spektakel von Ganglien und Nervenfasern, Stromketten und Strömungen ist durchaús nicht geeignet zu imponiren oder die principielle Schwäche dieser Meinungen zu verdecken. Ihre Taktik besteht einfach darin, auf einen noch ungerichteten Wirwarr in Tatsachen hinzuweisen, dessen Unklarheit uns gewissermassen dafür bürgen soll, dass er noch viel Aufschlüsse verbirgt, während doch die Unmöglchkeit dessen, was man in ihm zu finden hafft, sich von vornherein beweisen laüt. Wenn jemand behauptet, es sei unmöglich, dass eine Dampflokomotive ohne Führer seine Wege wähle und zu bestimmten Stunden bald hier, bald dorthin reise, so könnte mit gleichem Recht ein anderer uber die naive Dreistigkeit dieser Behauptung erstaunen und ihm entgegnen, er solle doch die Menge Räder, Kolben, Balanciers, Nägel und Schrauben betrachten, ob in dieser Fülle und Mannigfaltigkeit der Hilfsmittel nicht noch gar vieles stecken könnte, was wir freilich noch nicht aûf bestimmte mechanische Grundlagen zurückzuführen verstehen". *)

Но если того или иного изслѣдователя удовлетворяетъ механистическое объясненіе жизни, пока онъ занимается нормальной физіологіей, анатоміей или эмбріологіей, и если проблема телеологіи кажется такому изслѣдователю искуственной при изученіи нормальныхъ процессовъ, то всякое механистическое объясненіе становится для него невозможнымъ, лишь только онъ наталкивается на атипическіе процессы. Какъ психологія можетъ обходиться безъ души, пока мы изучаемъ лишь рефлексы, такъ думали обходиться безъ психики и въ морфогенезѣ, пока знали лишь нормальный морфогенезъ. Но, какъ въ психологіи мы на-

[1]) Вся эта выставленная картина гангліевъ, нервныхъ волоконъ, токовъ вообще не можетъ произвести импонирующаго впечатлѣнія или же прикрыть принципіальную слабость этихъ мнѣній. Ихъ тактика состоитъ попросту въ томъ, чтобы указать на неразобранную еще путанницу въ фактахъ, неясность которыхъ могла бы до извѣстной степени служить для насъ залогомъ того, что эта путанница таитъ въ себѣ еще много откровеній, въ то время какъ невозможность того, что надѣются въ ней найти, можетъ быть доказана съ самаго начала. Если кто-либо утверждаетъ, что невозможно, чтобы локомотивъ самъ безъ проводника выбиралъ свой путь и къ опредѣленному часу прибывалъ туда или сюда, то съ равнымъ правомъ другой могъ бы удивляться наивной смѣлости такого утвержденія и возразилъ бы, что въ массѣ колесъ, поршней, балансировъ, гвоздей и гаекъ слѣдуетъ обратить вниманіе еще на то, нѣтъ ли въ этой полнотѣ и сложности вспомогательныхъ средствъ еще многаго, что мы не можемъ, еще свести къ извѣстнымъ механическимъ основамъ. (*Lotze*, Medicinische Psychologie)

талкиваемся на поступки, понятные намъ лишь психологически едва только наши опыты становятся продолжительными, такъ и въ морфогенезѣ мы неизбѣжно приходимъ къ проблемамъ телеологіи и индивидуализаціи, какъ только измѣнимъ нормальныя условія развитія. Телеологически направленные процессы извѣстны намъ непосредственно лишь въ нашихъ поступкахъ и въ поступкахъ нашихъ ближнихъ, т. е. изъ психологическихъ процессовъ. Въ нихъ послѣдствіе становится своей собственной причиной тѣмъ путемъ, что оно предрѣшается представленіемъ и направляетъ дѣйствіе. То же самое *Коссманъ* [1]) принимаетъ и для морфогенеза и ставитъ въ зависимости отъ третьяго члена логической схемы, соотвѣтствующаго представленію. Этотъ третій членъ—предшествующій, а не послѣдующій и—благодаря этому —изъ понятія телеологіи исчезаетъ видимое противорѣчіе. Это предшествующее можетъ отпечатлѣваться въ сознаніи, какъ представленіе и соотвѣтствуетъ энграммѣ по терминологіи Земона. Зависимость отъ третьяго члена, которую мы называемъ стремленіемъ къ цѣли, мы находимъ ясно выраженной лишь у живыхъ существъ, т. е. у такихъ, которые воспринимаютъ впечатлѣнія и имѣютъ ощущенія, чтобы по этимъ впечатлѣніямъ производить волевыя дѣйствія, руководимыя представленіями. Безъ этихъ свойствъ,—ощущенія, представленія и воли,—повидимому, не происходитъ саморегулирующагося стремленія къ цѣли. Что ощущенія, ассоціаціи и телеологически приспособленныя реакціи организма, т. е. поступки, хотя и безсознательные, свойственны не только организмамъ, имѣющимъ нервную систему, доказываютъ опыты надъ простѣйшими (*Дженнингсъ*[2]), *Метальниковъ*[3]) и др.) и надъ растеніями *(Фрэнсисъ Дарвинъ и др.)*, такъ что у насъ нѣтъ основанія отказывать яйцевой клѣткѣ до появленія нервной системы въ этихъ психическихъ свойствахъ. Самымъ удивительнымъ мнѣ кажется, что такъ называемые дарвинисты не приписываютъ психикѣ причиннаго значенія въ то время, какъ съ другой стороны они же утверждаютъ, что чувство боли возникло путемъ естественнаго отбора. Забавныя страницы читаемъ мы, напримѣръ, у *Циглера* [4]), который выдаетъ себя за строгаго монпста и пишетъ цѣлую главу о вліяніи идей. Видно, настолько

[1]) *P. N. Cossman*, Elemente der empirischen Teleologie, Stuttgart, 1899.

[2]) *Iennings*, Das Verhalten der nied. Thier ünter normal. ünd experim. Beding. Leipzig, 1911.

[3]) *Метальниковъ*, Къ физіологіи внутриклѣточнаго пищеваренія у простѣйшихъ. П-ргр. 1910.

[4]) *Zigler*, Der Begriff des Instinktes einst únd jetzt. Iena, 1910.

затруднительна для автора психологія безъ души. Дарвинистъ историкъ, *Гельвальдъ*, говоритъ о развитіи полезныхъ „иллюзій“ путемъ естественнаго отбора. По существу однако правы такіе психологи, какъ *Джемсъ*, указывающіе на приспособленіе души противъ разрушающихъ вліяній, на сходство комбинацій ума съ результатами цѣлесообразныхъ движеній. Когда мы создаемъ духовное твореніе, оно въ принципѣ не отличается отъ тѣлеснаго. Къ чему приспособленіе психики, тупая невоспріимчивость и отсутствіе представленія въ случаяхъ сильныхъ душевныхъ потрясеній, нежеланіе додумать до конца различныя мысли, которыя въ своемъ конечномъ итогѣ разрушительны и вообще все нелогичное, нераціональное нашей психики столь практично приспособленной къ жизни? Къ чему все это? Вѣдь чисто психическое разстройство съ точки зрѣнія механистовъ не должно бы быть опаснымъ для организма, имѣть вещественныя послѣдствія. Все это было бы понятно, если бы психическое и физическое были связаны и первое было бы не только побочнымъ явленіемъ (эпифеноменомъ) второго, такъ какъ послѣдствіе не можетъ быть опаснымъ для причины. Такая, такъ называемая „эмпирическая цѣлесообразность“ психическихъ функцій была открыта уже *Гербартомъ*, а сравненіе психическихъ процессовъ съ органическими функціями мы находимъ у *Штейнталя*[1]). Я не буду подробно останавливаться на извѣстномъ примѣрѣ телеграммы, который былъ предложенъ *Лангомъ* и приводится *Буссэ*, *Эргардтомъ* и въ послѣднее время *Дришемъ*[2]): одна буква можетъ совершенно измѣнить смыслъ и или разрушить другую жизнь, или очень мало ее коснуться („*Dein* (*mein*) Sohn ist gestorben“). Если психическое, наконецъ, передается по наслѣдству, какъ матеріальное, а матеріальное (какъ мы увидимъ далѣе), какъ способъ реакціи, то и здѣсь мы видимъ тѣсное сплетеніе механическаго и психическаго, и возникаетъ вопросъ, что изъ нихъ мы должны считать первичнымъ. Я знаю, что намъ слѣдуетъ обходить вопросъ о сознаніи, но это не мѣшаетъ намъ заниматься психологіей, такъ какъ сознаніе, повидимому, лишь освѣщаетъ психическіе процесы, но не измѣняетъ ихъ. Изучая дѣйствія животныхъ, мы знаемъ, гдѣ примѣнимъ психологическій способъ изслѣдованія, такъ какъ имѣемъ объективные признаки—ощущенія, цѣлесообразность, ассоціаціи и т. д. Эти же критеріи могутъ быть установлены и для морфогенеза.

Если мы сравнимъ дѣйствіе съ морфогенезомъ, намъ бро-

[1]) *Steinthal*, Einleitung in Psychologie und Sprachwissenschafft. Bd I, Berlin.
[2]) *Driesch*, Philosophie des Organischen.

сится въ глаза та разница, что поступокъ проявляется въ движеніяхъ, т. е. въ сокращеніяхъ мышцъ, приводимыхъ въ дѣйствіе посредствомъ нервовъ, а формообразованіе—въ ростѣ, группировкѣ клѣтокъ и дифференцировкѣ ихъ. Это различіе однако не принципіальное, такъ какъ и у животныхъ существуютъ движенія, зависящія не отъ сокращенія мышцъ, а отъ другихъ причинъ, какъ это мы видимъ, напр., въ подниманіи и опусканіи сифонофоръ, въ скольженіи грегаринъ и т. д. Съ другой стороны движенія растеній зависятъ отъ роста и набуханія (тургоръ) и, тѣмъ не менѣе, принципіально мало отличаются отъ движенія животныхъ; достаточно вспомнить хотя бы движенія насѣкомоядныхъ растеній. Кинематографическіе снимки движенія растеній даютъ впечатлѣнія быстрыхъ животныхъ движеній и все растеніе пріобрѣтаетъ характеръ животности. Если бы нашъ глазъ былъ построенъ какъ микроскопъ, говоритъ *Пфефферъ*[1]), то онъ увидѣлъ бы, что растущіе стебли и корни производятъ ощупывающія движенія и во всякомъ растеніи обнаружилъ бы быстро пробѣгающія реакціи раздраженія. Нѣтъ сомнѣнія, что такія впечатлѣнія дали бы намъ основанія приписать раздражимость и впечатлительность всѣмъ растеніямъ. Вспомнимъ, наконецъ, что у простѣйшихъ нѣтъ нервовъ и тѣмъ не менѣе движенія ихъ обнаруживаютъ характеръ рефлексовъ, попытки и заблужденія, и въ ихъ поступкахъ замѣтна ассоціація, какъ у высшихъ животныхъ.

Аналогіи между поступками и формообразованіемъ очень многочисленны, и это даетъ намъ право трактовать проблему морфогенеза, какъ психологическую. Конечно, нашу гипотезу о принципіальномъ тождествѣ психическихъ и морфогенетическихъ процессовъ мы будемъ считать доказанной лишь въ томъ случаѣ, если намъ удастся показать, что и тѣ и другіе процессы въ существенныхъ пунктахъ не обнаруживаютъ принципіальнаго различія.

II.

Формообразованіе, какъ поступокъ.

Форма—результатъ инстинктивныхъ дѣйствій и выраженіе безсознательнаго представленія.

Формообразованіе осуществляется различными путями: ростомъ, дифференцировкой, выдѣленіемъ, странствованіемъ клѣтокъ, разрушеніемъ и т. д. Для всѣхъ этихъ путей, однако, есть нѣчто общее, что является сущностью самого процесса, и это общее проявляется

[1]) *Pfeffer*, Die Reizbarkeit der Pflanze. Verh. Gen. Deutschen Natur forsch. und Aerzte. 1893.

въ томъ, что процессъ, направленный по любому изъ путей, вступаетъ въ дѣйствіе подъ вліяніемъ опредѣленнаго раздражителя и приводитъ къ опредѣленному результату, творитъ нѣчто опредѣленное, стремится къ нему, несмотря на нарушенія, т. е. является процессомъ цѣлесообразнымъ. Въ этомъ отношеніи поступокъ и морфогенезъ сходны.

У человѣка мы различаемъ рефлексы, инстинктивныя дѣйствія и свободно комбинированные поступки. Формообразованіе, повидимому, должно быть отнесено къ сферѣ инстинктивной дѣятельности. Инстинктъ мы лучше всего можемъ опредѣлить съ *Гартманомъ*, какъ цѣлесообразное дѣйствіе безъ сознанія цѣли. Объективно онъ обнаруживается сравнительнымъ постоянствомъ и неизмѣняемостью процесса; однако же, эта неизмѣняемость является лишь относительной въ сравненіи со свободой сознательнаго поступка. Неизмѣняемость инстинктивнаго дѣйствія очень относительна, такъ какъ въ конечныхъ продуктахъ, какъ и въ процессахъ, инстинктъ обнаруживаетъ значительныя отклоненія: любое гнѣздо, любая паутина приспособлены къ условіямъ, въ которыхъ они сдѣланы. Разница между сознательнымъ поступкомъ и инстинктивнымъ также лишь относительна. Если паукъ, никогда не видѣвшій паутины своихъ родителей, строитъ, тѣмъ не менѣе, точно такую же,—невольно напрашивается объясненіе этого удивительнаго явленія прирожденными идеями; когда въ морфогенезѣ свободно странствующія мезенхиматозныя клѣтки выстраиваютъ опредѣленно очерченное образованіе—мы имѣемъ явленіе, совершенно аналогичное приведенному выше. Трудно, конечно, представить себѣ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ представленіемъ, которое, вѣроятно, безсознательно передается въ готовой формѣ родителями яйцу,—представленіе тогда еще отсутствуетъ. Однако, лишь только структура дочерняго организма достигнетъ высоты и специфичности дифференцировки организма материнскаго, и лишь только подѣйствуетъ тотъ же самый раздражитель—неминуемо должно возникнуть и въ данномъ случаѣ то же самое представленіе, что и у материнскаго организма, и въ этомъ смыслѣ оно передается по наслѣдству. Раздражитель передается прямо по наслѣдству—онъ преформированъ, представленіе же эпигенетично,—эпигенетична, слѣдовательно, и форма.

Такимъ образомъ, съ нашей точки зрѣнія, форма является результатомъ инстинктивныхъ дѣйствій и выраженіемъ безсознательнаго представленія. Въ этомъ отношеніи бросается въ глаза поразительное сходство результатовъ формообразованія въ орга-

низмѣ и продуктовъ инстинктивнаго творчества—построекъ: сходство обнаруживается даже въ одинаковыхъ филогенетическихъ законностяхъ, въ равной степени пригодныхъ для классификаціи въ обоихъ случаяхъ (между коллекціей раковинъ, напримѣръ, и этнографической коллекціей нѣтъ принципіальной разницы; въ другомъ мѣстѣ [1]) я развилъ это сравненіе подробнѣе).

Итакъ, чѣмъ ближе мы изслѣдуемъ инстинктъ и морфогенезъ, тѣмъ болѣе поразительными становятся аналогіи между ними. Не забудемъ, однако, что обобщенія, построенныя на аналогіяхъ между двумя областями, могутъ быть опровергнуты однимъ единственнымъ принципіальнымъ различіемъ. Принципіальное соотвѣтствіе между инстинктивнымъ поступкомъ и морфогенезомъ намъ никогда не удастся доказать иначе, какъ путемъ аналогій—тѣмъ строже должны мы отнестись къ изслѣдуемому вопросу и тѣмъ тщательнѣе обратить вниманіе на характеръ и сущность различій между обоими аналогами, если, конечно, такія различія обнаружатся.

Морфогенетическіе процессы и инстинктивные поступки при нарушеніи нормальныхъ условій.

Чрезвычайный интересъ представляютъ нарушенія нормальнаго органогенеза. Здѣсь одинъ изъ аналоговъ измѣняется, и намъ небезразлично будетъ узнать, сопровождаются ли эти измѣненія процессами, подобными тѣмъ, которые мы наблюдаемъ при нарушеніи результатовъ инстинктивныхъ поступковъ. Если отрѣзать ящерицѣ хвостъ, то онъ снова выростаетъ; если отнять у птицы гнѣздо, она выстраиваетъ новое. Операцію можно производить многократно, и гнѣздо также можно отнимать нѣсколько разъ—и результатъ получается прежній. Подобные же опыты можно продѣлать съ паутиной извѣстныхъ жуковъ и гусеницъ. Объ этомъ многое зналъ уже и *Аутенритъ* [2]). Регенеративная способность, какъ это удалось доказать *мнѣ* и *Пржибраму*, часто проявляется и тамъ, гдѣ въ природѣ поврежденія почти никогда не замѣчаются и гдѣ, слѣдовательно, эта способность не могла быть пріобрѣтена естественнымъ отборомъ, какъ то полагаетъ *Вейсманнъ*. Въ этомъ отношеніи интересны опыты *Реомюра* [3]) надъ жилищемъ, построеннымъ однимъ жукомъ изъ листьевъ вяза: при разрушеніи жилище реставрируется, хотя, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ *Аутенритъ*, до Реомюра едва ли кто-нибудь отрѣзывалъ конецъ жилища паука ножницами. Быть можетъ, этотъ примѣръ и недостаточно доказа-

[1]) *E. Schültz*, Prinzipien der rationellen vergleichenden Embryologie.
[2]) *Autenrieth I.*, Ansichten über Natur und Seelenleben. Stuttgart, 1836.
[3]) *Reaumur*, Memoires pour servir a l'histoire des Insectes. T. III.

теленъ—я умышленно беру его изъ болѣе древней литературы, чтобы напомнить, сколько остроумныхъ наблюденій и глубокаго пониманія скрыто въ этой литературѣ, характерной для міровоззрѣнія, которому дарвинизмъ не оставилъ мѣста для развитія.

Вотъ еще одно наблюденіе *Резеля фонъ-Розенгофа* [1]): гусеницы, паутину которыхъ разрушалъ этотъ естествоиспытатель, работали дальше и закрывали отверстіе въ своихъ постройкахъ заново до тѣхъ поръ, пока не теряли въ силѣ такъ много, что не были уже въ состояніи продѣлать метаморфозъ. Нѣчто аналогичное наблюдалъ *Спалланцани* [2]) при повторной регенераціи. Регенератъ образуется все заново, пока животное не погибаетъ отъ истощенія. Недавно *Тарнгіеръ* и др. описали явленіе суперрегенераціи, т. е. регенерацію чрезмѣрнаго числа конечностей или другихъ какихъ-либо частей. Нѣчто подобное мы находимъ въ раковинахъ брюхоногихъ моллюсковъ, образующихъ зачастую при регенераціи два отверстія. И для даннаго случая мы имѣемъ аналогичное явленіе въ постройкахъ животныхъ. Такъ, *Вл. Вагнеръ* [3]) описываетъ случай образованія двухъ отверстій въ гнѣздѣ ласточекъ послѣ разрушенія части его.

Сходство повторной регенераціи съ повторяющимся поступкомъ.

Если всякая работа или всякій повторяющійся поступокъ съ каждымъ разомъ совершается быстрѣе до наступленія утомленія, когда продуктивныя силы сразу падаютъ, то и при регенераціи *Дришу и мнѣ* [4]) удалось видѣть нѣчто подобное. Эпителій, соскобленный съ уха кролика, возстанавливается тѣмъ скорѣе, чѣмъ чаще повторяется операція (*Гурвичъ* [5]).

Однако, существуетъ извѣстный предѣлъ, за которымъ наступаетъ утомленіе, характеризующееся быстрымъ и неминуемымъ упадкомъ продуктивности. У червя Amphiglena при повторной регенераціи передней половины тѣла процессъ протекаетъ съ каждымъ разомъ быстрѣй, но подъ конецъ возникаютъ лишь неправильныя образованія. Разумѣется, сравненіе этихъ морфогенетическихъ явленій съ повторяющимся поступкомъ можетъ показаться искусственнымъ. Утомленію подвержены мышцы, органы чувствъ, железы, однимъ словомъ, концевые органы, въ то время какъ нервное вещество признается неутомимымъ (*В. Веденскій*). Однако, если признать вмѣстѣ съ *Кюльпэ* [6]), что чисто „душев-

[1]) *Rösel v. Rosenhof*, Monatliche Insektenbelùstigùng. T. I.

[2]) *Spallanzani*, Prodromo. etc.

[3]) *Вл. Вагнеръ*, Городская ласточка.

[4]) *E. Schultz*, Regeneration und Ubung. Arch. f. Entwickl. Mech.

[5]) *Gurwitsch*. Centralbl. f. Anat. VII.

[6]) *Külpe*, Grundriss der Psychologie, 1893.

ное утомленіе" состоитъ „въ ослабленіи способности ассоціаціи и репродукціи" и что оно не лежитъ въ центральныхъ ощущеніяхъ, какъ таковыхъ, но проявляется лишь въ нарушеніи порядка и связи ихъ, то возможно будетъ и здѣсь провести глубокую аналогію между душевными процессами, инстинктами, поступками и явленіями морфогенеза. При одномъ изъ моихъ опытовъ, при повторныхъ ампутаціяхъ регенерата, я получилъ въ концѣ концовъ частью ненормальныя, частью незаконченныя образованія, чрезвычайно напоминавшія тѣ несовершенства въ рисункахъ, которыя получаются, если заставить кого-нибудь безъ перерыва все заново перерисовывать одно и то же, или же ошибки, которыя обычно возникаютъ при задаваніи все новыхъ, но сходныхъ задачъ.

Въ обоихъ случаяхъ мы получаемъ совершенно сходныя кривыя: быстрота репродукціи растетъ съ каждымъ разомъ, чтобы падать затѣмъ подъ острымъ угломъ.

„Опытъ и заблужденіе" въ проявленіяхъ инстинкта и морфогенезѣ.

Въ измѣненныхъ противъ нормальныхъ условіяхъ явленія морфогенеза и проявленія инстинкта даютъ много въ высокой степени интереснаго матеріала для сравненія ихъ. Какъ инстинктъ, какъ говорятъ, „заблуждается" и творитъ нецѣлесообразные поступки въ измѣненныхъ условіяхъ (напр., высиживаніе чужихъ яицъ), такъ и сами по себѣ цѣлесообразныя реакціи организма въ ненормальныхъ условіяхъ приводятъ къ образованію уродствъ.

Послѣ блестящихъ и въ то же время чрезвычайно простыхъ и легко повторяемыхъ опытовъ *Дженнингса* [1]) становится все болѣе вѣроятнымъ, что такъ наз. тропизмы и привычки отвѣчать на опредѣленное раздраженіе опредѣленнымъ способомъ пріобрѣтены большей частью путемъ опыта и заблужденія. Эти опытъ и заблужденіе въ одинаковой степени могутъ быть показаны и для многоклѣточныхъ животныхъ и для лишенныхъ нервной системы простѣйшихъ и, разъ и этотъ способъ реакціи не обязательно связанъ съ нервной системой, мы можемъ ожидать встрѣтить его и въ морфогенезѣ.

Однако, именно этотъ родъ поступковъ въ морфогенезѣ обнаруживается такъ-же рѣдко, какъ и въ инстинктахъ, вѣроятно потому, что періодъ, во время котораго организмъ реагируетъ опытомъ и заблужденіемъ, обыкновенно коротокъ и очень скоро замѣняется болѣе опредѣленными реакціями. Такъ *Дарвинъ* объясняетъ происхожденіе инстинкта у осы Pompilius, которая сперва,

[1]) *Jennings*, Verhalten der niederen Organismen unter natürlich. und experiment. Bedingungen.

вѣроятно, какъ попало прокалывала личинокъ, чтобы отложить въ нихъ яйца, но затѣмъ остановилась на опредѣленныхъ мѣстахъ. Способъ реакціи, названный *Дженнингсомъ* „опытъ и заблужденіе“, когда организмъ испытываетъ все и останавливается на самомъ лучшемъ, въ морфогенезѣ мы должны ожидать тамъ, гдѣ организмъ попадаетъ въ необычныя условія. Съ этой точки зрѣнія можно разсматривать несовершенныхъ регенератовъ у ракообразныхъ, которые при слѣдующей линькѣ замѣняются лучшими и болѣе совершенными. Впрочемъ, и вообще говоря, повидимому, всякій органъ лишь путемъ постоянныхъ исправленій и корректуръ получаетъ свою окончательную форму.

Примѣровъ этого мы встрѣчаемъ особенно много тамъ, гдѣ органъ образуется странствующими и свободно группирующимися мезенхиматозными клѣтками. Здѣсь проявляется нѣчто въ родѣ чувства формы или „морфэстезія“, какъ ее называетъ *Нолль*, чувство идеи или плана. Въ эмбріональномъ развитіи опытъ и заблужденіе сказываются во всѣхъ корреляціяхъ роста, такъ какъ при общемъ ростѣ эмбріона происходитъ постоянное исправленіе невѣрныхъ пропорцій (*Фишель* [1]).

При эмбріональномъ развитіи индивида мы сталкиваемся съ чрезвычайно знаменательнымъ явленіемъ, а именно, что въ теченіе нѣсколькихъ часовъ проходятся стадіи, которыя въ развитіи вида длились тысячелѣтіями. При этомъ не только самое развитіе идетъ быстрѣе, но отдѣльныя стадіи пропускаются,—развитіе, какъ бы шагаетъ черезъ нихъ, избирая кратчайшую дорогу. Аналогію этому мы можемъ найти въ опытахъ *Джеркса* [2], который заставлялъ лягушекъ и крабовъ ползать отъ одной станціи къ другой по опредѣленнымъ примѣтамъ, причемъ въ началѣ они дѣлали большіе круги, но затѣмъ научались находить болѣе короткій путь.

Въ формообразованіи не малую роль играютъ функціональныя приспособленія, теорію которыхъ съ большой глубиной, добросовѣстностью и талантомъ разработалъ *Ру*. *Ру* удалось объяснить такія функціональныя структуры, какъ расположеніе костнаго вещества, соединительнотканныхъ волоконъ, кровеносныхъ сосудовъ и т. д., только допущеніемъ, что интенсивнѣе

[1]) *A. Fischel*, Ueber Variabilität und Wachsthum der embryonelen Körpers, Morph. Jahrb. Bd. XXIV, 1896.

[2]) *R. Jerkes*, Habit formation in the green Crab, Carcinus granulatus, Biol. Bull. Woods Hall Mass, Vol. III.

— Id. The instincts, habits and reactions of the Frog. Harvard Psych. Studies v. I, 1903.

функціонирующія клѣтки получаютъ и бо́льшее питаніе, въ то время, какъ клѣтки, принимающія слабое участіе въ данномъ процессѣ, гибнутъ. Какъ это ни странно, но и инстинктивные процессы обнаруживаютъ аналогичныя функціональныя приспособленія. Таковы, напримѣръ, закручиваніе листьевъ, паутинныя постройки гусеницъ, въ особенности же сѣть паука-крестовика, по расположенію нитей совершенно напоминающая барабанную перепонку. Въ обоихъ случаяхъ—въ морфогенезѣ и въ инстинктивныхъ процессахъ—функціональныя приспособленія, повидимому, передаются по наслѣдству. Такъ, сочлененія костей, соединительнотканные тяжи въ хвостѣ дельфина и концентрическое расположеніе соединительной ткани въ барабанной перепонкѣ появляются въ развивающемся организмѣ раньше, чѣмъ возникаетъ соотвѣтственная функція. Одинаковымъ образомъ и сѣть паука-крестовика, на основаніи унаслѣдованнаго инстинкта, выстраивается концентрично и точно по законамъ графической статики раньше, чѣмъ она вступаетъ въ функцію. И въ данномъ случаѣ можетъ имѣть мѣсто опытъ и заблужденіе. Мы можемъ предположить, что такая сѣть первоначально закладывалась безпорядочно; тогда сперва должны были рваться тѣ нити, гдѣ натяженіе оказывалось наиболѣе сильнымъ, т. е. тѣ траэкторіи, которыя остались. Чтобы понять дальнѣйшую эволюцію этой паутины приходится допустить, что паукъ усиливалъ тѣ нити, которыя наиболѣе натягивались, а впослѣдствіи уже и выстраиваетъ только ихъ. Къ постройкѣ такого математически-точнаго произведенія искусства, какимъ теперь намъ представляется сѣть паука,—мы можемъ это допустить,—привели продолжительные опыты и заблужденія. Что касается морфологическихъ образованій, то и для нихъ вполнѣ допустимо такое же объясненіе; первоначально, путемъ опыта и заблужденія, а затѣмъ путемъ пропуска отдѣльныхъ звеньевъ послѣдовательнаго ряда ассоціацій эти образованія получили, въ концѣ концовъ, математически-точную и цѣлесообразную структуру, которая почти не нуждалась уже въ корректурѣ со стороны функціи. Когда заблужденіе устранено, прекращаются постепенно и опыты, и въ результатѣ получается извѣстная экономія, тахигенезъ, прямая и опредѣленная реакція. Здѣсь аналогія между инстинктомъ и морфогенезомъ особенно тѣсна.

„Морфологическіе рефлексы“.

Будучи во многихъ отношеніяхъ очень сходными съ проявленіями инстинкта, явленія морфогенеза въ другихъ отношеніяхъ, однако же, скорѣе напоминаютъ рефлексъ. Въ то время какъ свободные волевые поступки кажутся довольно независимыми отъ физическаго склада организма, ин-

стинктивный поступокъ обычно такъ тѣсно связанъ съ организаціей, что часто кажется отраженіемъ или результатомъ ея; инстинктъ—какъ бы, ничто иное, какъ вступленіе въ дѣйствіе опредѣленнаго органа. Формообразованіе и инстинктъ приводятся въ дѣйствіе опредѣленными раздраженіями, и часто даже одинъ и тотъ же раздражитель вызываетъ какъ морфологическій процессъ, такъ и инстинктивный поступокъ. Такъ, мы знаемъ, что вторичные половые признаки самца по большей части зависятъ отъ выдѣленій опорныхъ клѣтокъ половыхъ железъ, но тѣ же половыя клѣтки заставляютъ птицу строить гнѣздо. Кастрированная птица гнѣзда не строитъ,—и кастрація же препятствуетъ развитію шпоръ и гребня. Многія образованія, происходящія у однихъ животныхъ путемъ формообразованія, могутъ быть замѣнены у другихъ продуктами инстинктивной дѣятельности; такъ, напримѣръ, выводковые мѣшки—гнѣздами. У пластинчато-жаберныхъ моллюсковъ въ слуховыхъ пузырькахъ обычно находится известковый шарикъ—оттолитъ, образующійся путемъ выдѣленія. Въ группѣ Nuculidae, однако, каждый пузырекъ соединенъ съ наружной средой каналомъ и вмѣсто известковаго шарика воспринимаются песчинки извнѣ. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ мы еще разъ находимъ подтвержденіе родства инстинктивныхъ поступковъ и морфогенетическихъ явленій, но, съ другой стороны, не должны забывать, что инстинктъ, какъ это доказалъ *Морганъ* [1]), не является чисто механическимъ слѣдствіемъ организаціи и, во всякомъ случаѣ, болѣе свободенъ отъ раздражителя и проявляется въ болѣе широкихъ комбинаціяхъ, чѣмъ формообразованіе. Своей строгой связанностью морфогенезъ, такимъ образомъ, во многихъ отношеніяхъ скорѣе напоминаетъ рефлексъ. Насколько я знаю, о рефлексахъ у животныхъ, лишенныхъ нервной системы, первый заговорилъ Дженнингсъ. Если мы характеризуемъ физіологическій актъ, какимъ является рефлексъ, физіологическими, а не анатомическими признаками, какъ мы это дѣлаемъ для питанія, дыханія, выдѣленія и т. д., то у насъ нѣтъ основанія называть во всѣхъ случаяхъ движенія, являющіяся точнымъ отвѣтомъ на раздраженіе, проявляющіяся постоянно въ одинаковомъ духѣ, иначе, какъ рефлексами, такъ какъ морфологическія гомологіи и строеніе органовъ не могутъ опредѣлять физіологическихъ понятій. Тамъ, гдѣ морфологическій процессъ является точнымъ и однообразнымъ отвѣтомъ на опредѣленный раздражитель, мы можемъ говорить о морфологическихъ рефлексахъ. *Икскюль* такіе рефлексы безъ нервной системы называетъ антитипами.

[1]) *Morgan*, Instinkt und Bewohnheit.

Примѣнимость закона Вебера-Фехнера для явленій морфогенеза.

Итакъ, всякое формообразованіе съ нашей точки зрѣнія должно разсматриваться какъ результатъ ощущеній или, кого это успокаиваетъ, какъ энграммы и отвѣтныя реакціи ихъ. Если такая точка зрѣнія правильна, то и для формообразованія долженъ найти примѣненіе основной законъ ощущеній—законъ Вебера-Фехнера. Мы знаемъ, что этотъ законъ примѣнимъ для хемотропическихъ, геліотропическихъ и геотропическихъ движеній бактерій и грибовъ и антерозоидовъ папоротниковъ, мховъ и явнобрачныхъ (*Пфефферъ*), и поэтому очень вѣроятно, что и въ морфогенезѣ онъ примѣнимъ, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ органъ образуется странствующими клѣтками. Суммированіе раздраженій доказано для водоросли Nitella и для мимозы. Законъ Вебера-Фехнера, слѣдовательно,—не законъ нервной системы и центровъ, но законъ протоплазмы вообще и ея способности отвѣчать на раздраженія.

На чисто морфогенетической почвѣ этотъ законъ еще не изслѣдовался.

Мы видимъ, что, трактуя организмъ, какъ поступокъ, мы проливаемъ свѣтъ на нѣкоторыя особенности формообразованія, и эти особенности становятся болѣе понятными для насъ или, по крайней мѣрѣ, могутъ быть подведены подъ правила общія съ явленіями психологіи—и, вслѣдствіе этого, у насъ есть надежда объяснить ихъ когда-нибудь физіологіей или психологіей, если подъ объясненіемъ понимать то, что подъ нимъ понимаетъ *Махъ* —экономію мысли.

Явленіе гомологіи въ поступкахъ и органогенезѣ.

Какъ примѣръ такихъ особенностей можно привести явленіе повторенія, въ которомъ до сихъ поръ не видѣли проблемы. Подъ явленіемъ повторенія я подразумѣваю повторяемость сходныхъ образованій, безразлично, возникаютъ ли они, какъ метамеры, или же образуются заново послѣ удаленія, или появляются на новыхъ, необычныхъ мѣстахъ. Искать объясненіе этому явленію въ матеріальныхъ зачаткахъ безплодно, такъ какъ такія образованія, которыя мы можемъ назвать гомономными, возникаютъ изъ различныхъ центровъ и изъ различнаго матеріала, причемъ они сходны только по плану, т. е. принципіально. Впервые на явленіе гомологіи обратилъ вниманіе, насколько я знаю, *Гете*; это понятіе разработано въ его „Метаморфозахъ растеній“. И *Гете*, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ *Кольбругге*, [1]) никоимъ образомъ не предполагалъ, что разнообразныя формы боковыхъ органовъ растенія, кото-

[1]) *Kohlbrugge*, Historisch-kritische Studien über Goethe als Naturforcher. Zool. Annal. Bd. v. 1912.

рыя онъ сводитъ къ типу листа, какъ первоначальной формѣ, всѣ когда-то были листьями. *Кольбруге* критикуетъ эту точку зрѣнія, вытѣсненную позднѣйшими морфологическими воззрѣніями, интересующимися вопросомъ родства формъ; незамѣченной она осталась и до сихъ поръ и лишь теперь вновь получаетъ подтвержденіе для извѣстныхъ случаевъ. Въ этой проблемѣ мы въ сущности имѣемъ два вопроса: вопросъ о повторяемости и вопросъ, почему повторяется принципіально то же самое, почему опредѣленные метамеры построены по одному типу (органы растенія—по типу листьевъ, общій типъ—для позвонковъ, зубовъ и т. д.). Вездѣ мы находимъ общую основную схему и спеціализаціи этой схемы. Переднія и заднія конечности, напримѣръ, гомономны другъ другу, построены подобнымъ образомъ, одно или дву-осны. Гомономны висцеральныя дуги. Можно было бы говорить объ эквипотенціальныхъ метамерныхъ зачаткахъ, и *Бѣлоголовый* [1]) еще недавно указалъ, что у близкихъ формъ птицъ и пресмыкающихся затылочное сочлененіе можетъ образоваться между различными сегментами. Сюда же относится вопросъ о сходствѣ органовъ лѣвой—правой половины у двусимметричныхъ животныхъ и, быть можетъ, къ этой же категоріи слѣдуетъ отнести появленіе въ необычныхъ мѣстахъ образованій, нормально принадлежащихъ другой части тѣла (замѣна задняго крыла переднимъ у насѣкомыхъ и т. д.),—явленіе, для котораго *Бэтсонъ* [2]) предложилъ названіе гомэозиса. Сходныя явленія описаны подъ названіемъ гетеротипіи, и къ подобнымъ же явленіямъ, можетъ быть, относится сходство въ строеніи первой пары щупалецъ (antennulae) со второй (antennae) у ракообразныхъ, хотя щупальца эти и не гомономны. Существуетъ, наконецъ, много особенностей, не только присущихъ одному какому-либо сегменту или органу, но повторяющихся въ гомономныхъ органахъ, если существуетъ тенденція къ ненормальнымъ образованіямъ. Такова, напр., рудиментарная, правда, гипердактилія на крыльяхъ у цыплятъ съ тенденціей образовывать большее противъ нормальнаго число пальцевъ на ногахъ.

Всѣ приведенные примѣры трудно объяснимы теоріями, построенными лишь на зачаткахъ или идантахъ. Конечно, эти процессы не становятся болѣе понятными при сравненіи ихъ съ поступками, но для поступковъ мы знаемъ, по крайней мѣрѣ, что, если человѣкъ творитъ нѣсколько разъ подобныя вещи и каждый

[1]) *Бѣлоголовый*, Сегментальное положеніе границы черепа у Sauropsida, Москва 1911.

[2]) *Bateson*, Studies of variations, 1894.

разъ творитъ ихъ принципіально подобнымъ образомъ,—это явленіе мы должны объяснить общей его организаціей и его „характеромъ“, но не новыми каждый разъ зачатками и носителями формы. Аналогичныя явленія мы находимъ и въ искусствѣ.

Лермоліевъ, [1]) изслѣдуя законы индивидуальнаго стиля живописцевъ, приходитъ къ заключенію, что характерныя для такого стиля черты въ рисункѣ рукъ, уха, черепа и т. д. повторяются все снова въ различныхъ картинахъ. И въ данномъ случаѣ передъ нами явленіе гомологіи, сущность которой, по моему мнѣнію, не можетъ быть объяснена специфическими носителями наслѣдственности, но чѣмъ-то общимъ всему организму, опредѣляющимъ его характеръ. Вотъ еще примѣръ: одинъ больной позабылъ языкъ, который изучалъ, и свои стихотворенія, когда-то имъ написанныя; когда этотъ больной снова началъ писать стихи, онъ сочинилъ почти дословно тѣ-же, что были написаны имъ раньше. (*Леманъ* [2]). Это—проявленіе гомономіи въ творчествѣ. Если при письмѣ лѣвой рукой или ногой, почеркъ въ обоихъ случаяхъ сохраняетъ свои характерныя черты, это—проявленіе все той-же гомономіи. Принявъ эту точку зрѣнія, морфологи, быть-можетъ, окажутся вынужденными измѣнить нѣкоторыя изъ своихъ воззрѣній. Такъ, напримѣръ, ротовое отверстіе позвоночныхъ животныхъ, которое, по мнѣнію строгихъ морфологовъ, было когда-то жаберной щелью, съ точки зрѣнія гомономіи придется признать не измѣнившимся функціонально, а лишь построеннымъ по типу жаберной щели.

Явленіе конвергенціи.

Хочу отмѣтить еще другое явленіе, родственное гомономіи, именно конвергенцію.

Природа, строго говоря, никогда не творитъ дважды то же самое, и не даромъ всѣмъ наблюдателямъ всегда бросалось въ глаза многообразіе и различіе формъ въ природѣ. Это многообразіе приводило въ восторгъ и изслѣдователей и поэтовъ, особенно, если дѣло касалось живыхъ формъ. Поэтому можетъ показаться очень парадоксальнымъ, если я буду утверждать обратное, а именно, большое однообразіе, какъ формообразовательныхъ, такъ и психическихъ реакцій. Это однообразіе при очень поверхностномъ знаніи развитія видовъ (филогенеза) могло объясняться близкимъ родствомъ соотвѣтствующихъ видовъ, но при болѣе близкомъ знакомствѣ съ вопросомъ оказывается, что весьма сходно

---

[1]) J. Lermolieff, Die Verke italienischer Meister in den Galerien von München, Dresden und Berlin. Leipzig, 1880.

[2]) *Lehmann*, Ueber Wiedererkennen.. Philos. Studien heraûsgeg. v. Wundt, Bd. V.

построенные органы встрѣчаются иногда у животныхъ не родственныхъ другъ другу, такъ что сходство въ строеніи не можетъ быть объяснено родственнымъ отношеніемъ ихъ. Такіе случаи получили названіе конвергенцій, и *Фридманъ* [1]) собралъ много примѣровъ ихъ. Возникаютъ не только почти одинаково построенные органы, но даже одинаковыя тканевыя структуры и секреты, какъ, напримѣръ пепсинъ у животныхъ и насѣкомоядныхъ растеній. Очевидно, конечно, что существованіе идентичныхъ тканевыхъ структуръ различнаго химическаго состава не можетъ быть объяснено химически или механически и понятно лишь какъ творчество. Очень показательнымъ примѣромъ могутъ служить глаза, пріобрѣтенные въ различныхъ животныхъ групахъ самостоятельно и все же обнаруживающіе очень сходную гистологическую структуру, причемъ это сходство становится все болѣе разительнымъ, чѣмъ подробнѣе мы ее изслѣдуемъ (*Заварзинъ*). Таковы, напримѣръ, глаза головоногихъ моллюсковъ, построенные аналогично глазамъ позвоночныхъ. „Почему“,—спрашиваетъ *Радль* [2])—„организму такъ легко создать діоптрическій органъ зрѣнія и почти невозможно построить органъ зрѣнія по принципу вогнутаго зеркала или малаго отверстія?“. На этотъ вопросъ мы можемъ отвѣтить лишь, какъ *Гете*, указаніемъ на единство плана. Сумчатое животное Notoryctes въ Австраліи наружнымъ видомъ и волосянымъ покровомъ, отливающимъ металлическимъ блескомъ, почти до смѣшного похоже на насѣкомоядное Chrysochloris (*Карльсонъ*). *По Абелю* [3]) типъ крота возникаетъ самостоятельно въ двухъ подклассахъ млекопитающихъ, въ четырехъ отрядахъ и семи семействахъ. Конвергенція во всемъ наружномъ обликѣ у крота и у медвѣдки (Gryllotalpa) сразу бросается въ глаза и явственно говоритъ за то, что сходныя задачи почти всегда разрѣшаются совершенно сходнымъ образомъ. Жгутиковый организмъ Craspedotella pileolus построенъ сходно съ медузой. Сходно строеніе конечностей у кенгуру и тушканчика (Dipus). Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ мы замѣчаемъ очень неожиданную конвергенцію способовъ реагировать на сходныя условія; эта конвергенція настолько постоянна, что почти даетъ намъ возможность предсказать морфологическія измѣненія и приспособленія въ случаѣ измѣненія внѣшнихъ условій. Эта конвергенція, повторяемъ, непонятна чисто морфологически, и мы вновь находимъ параллель къ ней въ инстинктивныхъ дѣйствіяхъ и въ поступкахъ. Хорошимъ при-

[1]) *Friedmann*, Die Konvergenztheorie.
[2]) *Radl*, Neue Lehre von Nervensystem. Leipzig, 1912.
[3]) *Abel*, Palaeobiologie der Wirbeltiere.

мѣромъ конвергенціи можетъ служить сходство истинктовъ термитовъ и муравьевъ, принадлежащихъ, какъ извѣстно, къ двумъ различнымъ, не родственнымъ, отрядамъ. Та же конвергенція даетъ возможность предсказывать многое и въ человѣческихъ поступкахъ и даже въ поступкахъ массовыхъ, конечно, если мы хорошіе психологи. Сходствомъ психическаго субстрата и процессовъ творчества вообще объясняются и тѣ характерныя параллели въ развитіи не близко родственныхъ народовъ, которыя привели *Гегеля* къ установленію метафизическихъ законностей и къ философіи исторіи.

Морфогенезъ—условіе каждаго поступка.

Еще одно обстоятельство сближаетъ формообразованіе съ поступкомъ. Морфогенезъ, конечно, является необходимымъ условіемъ каждаго поступка,—форма животнаго даетъ отпечатокъ поступку,—но этимъ не ограничивается связь. Каждому новому поступку многоклѣточнаго животнаго предшествуетъ, повидимому, морфогенетическій процессъ. Если поступокъ основанъ на ассоціаціяхъ такимъ образомъ, что раздраженіе протекаетъ по чувствительнымъ нервамъ и переносится въ спинной или головной мозгъ на опредѣленные двигательные ганглій съ ихъ нервами, то соединеніе между этими двумя нервными путями, во всякомъ случаѣ, есть актъ морфогенеза,—и въ способѣ этого соединенія, но не въ потокѣ раздраженія, который, какъ реакція рефлекторная, самъ по себѣ физически объяснимъ, лежитъ сущность явленія. Для каждаго поступка приготовляется нервный аппаратъ. Вся загадка лежитъ въ способѣ реакціи—и въ томъ случаѣ, когда мы представляемъ себѣ ростъ нерва, какъ движеніе протоплазмы (какъ полагаетъ *Гаррисонъ* [1]) и какъ и я раньше это предполагалъ) и когда этотъ ростъ мы относимъ за счетъ увеличенія объема. Этологія (образъ жизни) животнаго потому и характерна и достойна изученія въ равной мѣрѣ, какъ и строеніе и развитіе этого животнаго, что по существу она отъ нихъ не отличается. Амеба сто разъ подъ рядъ заново образуетъ органъ движенія и разрушаетъ его. Глазъ путемъ аккомодаціи сперва создаетъ себѣ аппаратъ, чтобы воспринимать опредѣленныя ощущенія. Въ фасетчатыхъ глазахъ членистоногихъ мы наталкиваемся на явленіе странствованія пигмента. Воспріятіе раздраженія, слѣдовательно, и цѣлесообразное проведеніе его устраивается актомъ формообразованія, имѣющимъ, какъ большинство актовъ морфогенеза, телеологическій характеръ.

[1]) R. *Harrison*, The ontgrowth of the nerve fiber as a mode of protoplasmatic movement. Journ. exper. Zool. v. IX, 1910.

Значеніе изслѣдованія явленій морфотенеза для установленіязаконовъ творчества вообще.

Мнѣ казалось бы интереснымъ отмѣтить попутно одно обстоятельство, которое можетъ имѣть значеніе для интересующихся вопросами творчества. Анализъ творчества въ значительной степени выясняетъ и освѣщаетъ вопросы формообразованія, но, съ другой стороны, многія характерныя черты творчества—находятъ параллель въ морфогенезѣ и становятся болѣе понятными при сравненіи съ явленіями формообразованія. Такъ, прогрессъ техники и предметовъ ежедневнаго обихода обнаруживаетъ всѣ особенности филогенеза (исторія развитія вида). Мы видимъ, что и здѣсь, какъ и въ филогенезѣ, происходитъ постепенная дифференцировка, и рядомъ съ ней идетъ редукція всего лишняго. Характерныя черты въ экипажахъ, обуви, одеждѣ и т. д. сразу бросаются намъ въ глаза, какъ приспособленія къ опредѣленнымъ цѣлямъ. И въ творчествѣ, какъ и въ эмбріологіи, можно установить дѣйствіе закона тахигенеза, т. е. быстрѣйшаго способа изготовленія, ведущаго прямо къ цѣли, безъ окольныхъ путей. Еще поразительнѣе представляется здѣсь явленіе атавизма, т. е. проявленіе нецѣлесообразныхъ образованій, имѣвшихъ прежде цѣлесообразное назначеніе.

Таковы, напр., пуговицы на рукавахъ мужской одежды, не имѣющія теперь никакого смысла, но являющіяся рудиментомъ изъ того времени, когда обшлага отворачивались и пристегивались, чтобы не опадали. *Монтеліусъ* установилъ такіе-же атавизмы въ археологіи, и его, такъ называемый, типологическій методъ находитъ широкое примѣненіе. Еще недавно *Шмарзовъ* [1]) примѣнилъ этотъ методъ при изслѣдованіи германскихъ животныхъ орнаментовъ IV—IX столѣтій. Многое, на первый взглядъ безсмысленное, въ такомъ освѣщеніи получаетъ извѣстный смыслъ, становится понятнымъ при изслѣдованіи его исторіи, какъ и смыслъ рудиментарныхъ органовъ выясняется филогенезомъ.

Во всѣхъ родахъ и формахъ человѣческихъ поступковъ сравненіе ихъ съ явленіями морфогенеза способствуетъ выясненію ихъ сущности и характерныхъ проявленій. И тамъ, гдѣ человѣкъ творитъ духовно, какъ въ искусствѣ и наукѣ, мы замѣчаемъ медленное развитіе, постепенное приспособленіе, медленную ассимиляцію вещества; шаги къ совершенству въ искусствѣ особенно медленны въ тѣ времена, когда съ особой силой сказывается традиція,—и это характерно для всѣхъ эпохъ высокой культуры. Мы находимъ тѣ же мотивы, тѣ же фигуры, зачастую отличаю-

[1]) *Aug. v. Schmarsow*, Entwickelungsphasen der germanischen Tierornamenten. Jahrb. Königl. Preuss. Kunstsamml. 1912.

щіеся другъ отъ друга только въ оттѣнкахъ, которые имъ даетъ индивидуальность художника, у цѣлыхъ рядовъ художниковъ, пока, наконецъ, данный мотивъ не найдетъ наилучшаго выраженія у какого-нибудь одного художника. Вспомнимъ для примѣра картины Благовѣщенія, Обрученія Маріи у Пинтуриччіо, Перуджино, Рафаэля и др. Уже одно это послѣдовательное развитіе формъ въ такихъ областяхъ, гдѣ на первый взглядъ фантазія можетъ развиваться свободно и индивидуально, напоминаетъ морфологическіе ряды. И въ искусствѣ мы находимъ, съ одной стороны, индивидуальныя черты, выражающіяся въ стилѣ художника, а съ другой стороны видовыя черты,—если можно такъ выразиться,—выражающіяся въ общемъ стилѣ эпохи. Какъ въ искусствѣ, такъ и въ формообразованіи мы достигаемъ совершенства лишь тамъ, гдѣ индивидуальное выступаетъ, какъ усовершенствованіе или дополненіе общаго достиженія. Лишь тамъ, гдѣ художникъ продолжаетъ работу десятилѣтій или столѣтій, лишь тамъ онъ достигаетъ завершенія, какъ Леонардо, Рафаэль, готика, какъ античное искусство. Сегодня каждый ищетъ свой—стиль въ методѣ. Я напоминаю слова *Фрагонара*: „Pretendre se distinguer par l'habit, quand on ne se distingue en rien par la personne, est une pauvre et vaine facon de prouver qu'on est quelqu'un.“ [1]) Какъ въ органогенезѣ форма не можетъ развиваться дальше послѣ ея завершенія, такъ и въ искусствѣ данной эпохи не можетъ быть дальнѣйшаго развитія, когда оно достигло совершенства въ лицѣ Рафаэля, Микель-Анджело, Рембрандта или Рубенса. Такіе художники не годятся въ учителя, т. е. въ ихъ направленіи уже невозможенъ дальнѣйшій прогрессъ. Никогда геній не былъ ученикомъ другого генія.

Лермоліевъ говоритъ: „Die Geschichte der einzelnen Kunstschulen wird man nur so richtig verstehen lernen, dass man, wie schon gesagt, diese als ein lebendiges Ganze betrachtet und studirt, gleich einem Organismus, welcher vom Keime an bis zu seinem Ersterben seine Entwickelung hat“. И дальше (стр. 127): „Leider ist man gewohnt, die Ausubung der Kùnst als etwas zufalliges, ausserliches, als etwas ganz unabhangiges von dem spezielle Charakter des Volkes, in dem dieselbe ausgeubt wird, zu betrachten und übersieht dabei die organischen Gesetze, nach denen das Leben der Kunst

[1]) Тщиться выдѣлиться одеждой, когда ни въ чемъ не выдѣляешься какъ личность,—жалкій и пустой способъ доказывать, что ты представляешь изъ себя нѣчто.

sieh entwickelt, zu einem in bestimmten Grenzen sich bewegenden Organismus sich gestaltet". [1]).

Я въ свое время доказалъ [2]), что въ формообразованіи возможно обратное развитіе. Точно такъ же и въ искусствѣ въ періоды культурнаго регресса, какъ въ ранніе средніе вѣка, замѣчался регрессъ формъ. Рисунокъ въ это время постепенно вновь принялъ характеръ рисунковъ первобытныхъ народовъ; всѣ достиженія вновь утрачивались въ обратной послѣдовательности, утратилось чувство единства мѣста, снова появился контурный рисунокъ, лишь заполняемый краской. Въ скульптурѣ обратное развитіе во многихъ случаяхъ дошло до фронтальнаго стиля. Искусство, слѣдовательно, лишь продолжаетъ природу. Оно—творчество, какъ всякая жизнь. Его задача—давать матеріи форму, дѣлать ее своей слугой—задача одинаковая съ органогенезомъ.

Конечно, я не хочу утверждать, что искусство не имѣетъ своихъ индивидуальныхъ законовъ развитія. Задача историковъ искусства—представить не только зависимость искусства отъ духа эпохи, но и дать исторію, какъ таковую, т. е. развитіе формъ и стиля, и отыскать общіе морфологическіе законы, какъ это недавно сдѣлано *Верманомъ* и *Геддономъ* [3]); наиболѣе цѣнные результаты, однако, и здѣсь, какъ въ органическомъ формообразованіи, дало бы сравненіе ближайшихъ видовъ. Будетъ задачей музея представить не только исторію развитія отдѣльныхъ художниковъ (онтогенію), но и филогенезъ—развитіе цѣлыхъ эпохъ.

Если законы творчества въ искусствѣ освѣщаются полнѣе при сравненіи съ явленіями органогенеза, то и по отношенію къ творчеству въ области государственныхъ формъ мы приходимъ къ тому же заключенію.

Соціологи (*Спенсеръ*, *Шеффле*, *Фуллье* и друг.) нашли аналогію между государствомъ и организмомъ и вывели изъ этого слѣдствіе, что государство должно разсматриваться, какъ сумма гражданъ, а организмъ, какъ сумма клѣтокъ. И государство и организмъ, по этому мнѣнію,—ассоціаціи, и сходство между ними

---

[1]) Научиться правильно понимать исторію отдѣльныхъ школъ искусства можно лишь въ томъ случаѣ, если разсматривать и изучать ихъ какъ живое цѣлое, подобно организму, который развивается отъ зародыша и до смерти. Къ сожалѣнію, привыкли разсматривать произведеніе искусства какъ нѣчто случайное, внѣшнее, какъ нѣчто независимое отъ характера народа, въ которомъ оно проявилось; при этомъ не замѣчаютъ органическихъ законовъ, по которымъ жизнь искусства развивается и складывается въ движущійся въ опредѣленныхъ границахъ организмъ.

[2]) *Е. Шульцъ*, Наблюденія надъ обратимыми процессами развитія.

[3]) *Heddon*, Evolution in Art, London 1895.

объясняется законами ассоціаціи. Въ свое время я старался доказать, что организмъ не государство, но и государство не организмъ [1]). Если и бросается въ глаза аналогія между ними, то она основана на томъ, что поступокъ не мѣняетъ существенно своего характера, имѣемъ ли мы дѣло съ однимъ индивидомъ или съ ассоціаціей. И въ творчествѣ не имѣетъ значенія, участвуютъ ли въ немъ многіе, какъ и единство поступка не теряется отъ того, что нѣсколько пчелъ, напримѣръ, работаютъ надъ одной и той же ячейкой, или много человѣкъ участвуютъ въ постройкѣ одного зданія.

Итакъ, наша точка зрѣнія состоитъ въ томъ, что всякое формообразованіе подчинено однимъ и тѣмъ же законностямъ, проявляется-ли оно въ построеніи нашего тѣла, въ искусствѣ, въ государствѣ и т. д. Эта точка зрѣнія бросаетъ нѣкоторый свѣтъ и на забытую область физіономики. Нѣтъ сомнѣнія, что лицо и внѣшній обликъ человѣка настолько же выражаютъ его характеръ, какъ его стиль въ искусствѣ, его творчество и поступки.

Одно замѣчаніе я хотѣлъ бы сдѣлать здѣсь же. Если морфогенезъ имѣетъ тотъ же источникъ, что и поступки, а поступки наши не объясняются естественнымъ отборомъ, какъ и совершенствованіе техники (хотя непригодныя изобрѣтенія и гибнутъ), то у насъ имѣются основанія скептически смотрѣть на всемогущество естественнаго отбора въ морфогенезѣ. Это скептическое отношеніе вполнѣ оправдывается при изслѣдованіи чисто морфологическихъ процессовъ.

Роль представленія въ морфогенезѣ. Затрудненіе при сравненіи не только морфологическихъ, но и инстинктивныхъ процессовъ съ поступками представляетъ различіе ихъ въ степени сознательности. Объективно, однако, это различіе не замѣтно, и у насъ нѣтъ ни одного критерія, по которому мы принуждены были бы признать психическій актъ у другого животнаго сознательнымъ или безсознательнымъ. Вѣдь, и у насъ самихъ одни и тѣ же дѣйствія, ассоціаціи идей, умозаключенія и поступки могутъ быть сознательными или безсознательными и, все-таки, протекать одинаково.

Что представленіе можетъ быть безсознательнымъ, не станетъ отрицать ни одинъ психологъ. Получить идею—значитъ быть уже подъ ея властью и ее совершить (Imaginer un mouvement c'est deja l'accompliг, говоритъ *Сеаль*). Принудительный характеръ представленій особенно ясно сказывается при душевныхъ

[1]) *E. Schultz,* Ueber Jndividualität, etc.

болѣзняхъ. Представленія направляютъ морфологическіе процессы, и это можно доказать почти съ математической точностью. Такъ, *Гурвичъ* доказалъ нематеріальность плана, лежащаго въ основѣ формы, и, конечно, самое вѣроятное—идентифицировать этотъ нематеріальный факторъ съ представленіемъ. Въ прирожденныхъ строительныхъ инстинктахъ животныхъ, въ инстинктивныхъ поступкахъ, которые, вѣроятно, безсознательны, ясно выступаетъ господство идеи или представленія. Въ постройкахъ, выстраиваемыхъ, сплошь и рядомъ, изъ различнаго матеріала, постоянными остаются только форма и идея. Мы упоминали уже о безсознательномъ чувствѣ формы, морфэстезіи, обнаруженной Ноллемъ у одноклѣточной водоросли Bryopsis. Аналогичное явленіе отмѣчаетъ *Гурвичъ* при формообразованіи хрящей, гдѣ нервное вліяніе, повидимому, исключено или объясняетъ очень мало, такъ какъ органъ строится изъ свободныхъ странствующихъ клѣтокъ. Подобное же выстраиваніе формы изъ свободно расположенныхъ въ общей полости клѣтокъ мы видимъ при развитіи губокъ послѣ прикрѣпленія личинки, при регенераціи губокъ и кишечнополостныхъ изъ отдѣльныхъ свободныхъ клѣтокъ, соединяющихся въ одну группу. Во всѣхъ этихъ случаяхъ передъ нами все то же старое, установленное еще Аристотелемъ отношеніе между матеріей (ὕλη) и представленіемъ (εἶδος), между causa materialis и causa finalis среднихъ вѣковъ (carysa materialis и causa formalis мы оставляемъ въ сторонѣ). Какимъ образомъ форма возникаетъ изъ матеріи до извѣстной степени иллюстрируетъ сравненіе съ магнитными полюсными полями, которыя предсуществуютъ раньше, чѣмъ мы ихъ обнаруживаемъ разбрасываніемъ стальныхъ опилокъ *(Гурвичъ)*. Вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи это ученіе о вліяніи представленій или энграммъ на формообразованіе находится къ ученію Ламарка о потребностяхъ, мы оставляемъ открытымъ; замѣтимъ только, что изъ ощущеній не сразу возникаютъ потребности.

Проблема индивидуальности и мнемоническая теорія наслѣдственности.

Мы подошли къ центральной проблемѣ всякого біологическаго изслѣдованія—проблемѣ индивидуальности. Мнемоническая теорія наслѣдственности, основанная *Герингомъ*, *Бетлеромъ* и *Земономъ*, глубже другихъ проникаетъ въ эту проблему, не рѣшая ея, правда, исчерпывающе—и эта теорія чисто психологическая, хотя въ ней терминъ „впечатлѣніе“ замѣненъ равнозначнымъ терминомъ „энграмма“. Она ничего не теряетъ отъ того, будемъ ли мы разсматривать ее виталистически или механистически; образованіе энграммъ и экфорія ихъ все равно не поддаются предста-

вленію. Ученіе объ энграммахъ—важная часть психологической морфологіи, но оно не исчерпываетъ ее, какъ и въ психологіи ученіе объ ощущеніяхъ не составляетъ всей психологіи. Къ психологіи присоединяются новые вопросы: какъ изъ ощущеній возникаютъ представленія, изъ представленій—объекты; въ морфологіи выплываетъ забытый вопросъ, какъ изъ энграммъ или менделевскихъ генъ можетъ возникнуть нѣчто совершенно иное, чѣмъ эти гены. Ни менделевскимъ анализомъ, какъ бы важенъ онъ ни былъ, ни ученіемъ о хромозомахъ не разрѣшена загадка формообразованія.

Связь между геномъ (единицей наслѣдственности) и готовымъ органомъ до сихъ не поддавалась представленію, и не было даже попытокъ въ этомъ направленіи. Рядомъ съ этимъ возникаетъ и другой вопросъ: если допустить даже, что готовый органъ, какъ бы кристаллизуется изъ гена, то не будетъ ли и въ данномъ случаѣ положеніе такимъ же, какъ, если бы мы при анализѣ алгебраической формулы обратили вниманіе только на буквы или ихъ цифровыя значенія, но не приняли бы въ расчетъ знаки дѣйствій и изученіе ихъ считали бы излишнимъ. Въ самомъ дѣлѣ, у насъ имѣются лишь отдѣльные признаки, но мы не интересуемся процессами, соединяющими ихъ. Нѣчто подобное мы имѣли бы, если бы при переводѣ съ иностраннаго языка пренебрегли бы всѣми союзами и предлогами и, составивъ предложеніе безъ нихъ, хотѣли бы понять его смыслъ. И въ теоріи наслѣдственности и въ морфологіи важно не только знать имена существительныя—единицы наслѣдственности, но и разобраться, соединены ли они черезъ *и* (корреляція), черезъ *или* (полиморфизмъ) или другимъ какимъ-нибудь союзомъ; надо знать, кромѣ того, и глаголы и наклоненія, которыя опредѣляютъ смыслъ предложенія и даютъ ему индивидуальность и внутреннее значеніе. Это сравненіе мнѣ кажется не безплоднымъ, и менделистамъ, которые хотятъ строить предложеніе изъ однихъ существительныхъ, не мѣшало бы надъ нимъ задуматься.

Энграммы живутъ своей собственной жизнью: они не возвращаются неизмѣненными, какъ предметы, которые мы укладываемъ въ ящикъ и вынимаемъ черезъ много лѣтъ, но самостоятельно комбинируются и этимъ создаютъ новыя образованія. Точно такъ же воображеніе создаетъ все новыя представленія. Сознаніе, по крайней мѣрѣ, не воспринимаетъ внѣшнихъ раздражителей, не измѣняя ихъ, и въ безсознательныхъ процессахъ, повидимому, происходитъ то же самое.

Можетъ-ли ученіе объ энграммахъ воспринять въ себя всѣ

эти элементы, не переходя къ витализму, это, конечно, вопросъ, но безъ этого расширенія оно—„simplisme“, искусственное упрощеніе, всегда опасное тѣмъ, что отвлекаетъ изслѣдователей отъ основныхъ вопросовъ, какъ будто они не существуютъ.

Психическіе элементы не могутъ стать умозаключеніями безъ субъекта. Отдѣльные морфологическіе процессы не могутъ слиться въ одну энтелехію безъ индивида, который больше, чѣмъ ихъ сумма. Цѣлое было раньше частей—это положеніе Аристотеля, которое я въ свое время старался доказать для морфологіи, имѣетъ значеніе и для психологіи. Ассоціаціи въ душѣ инфузорій, доказанныя недавно, повидимому, столь же едины, какъ и тѣло инфузорій. Съ единствомъ индивида, которое можно доказать филогенетически и онтогенетически, становится вѣроятнымъ и единство психики, но это предположеніе требуетъ еще доказательства. *Содль*, напримѣръ, принимаетъ единство личности, но отрицаетъ единство психики. Мы знаемъ раздвоеніе личности въ психологіи; ассоціаціонныя группы, соединенныя въ одно, цѣлое, могутъ сразу распадаться на два и, быть можетъ, большее число комплексовъ. Такимъ образомъ, единое тѣло можетъ быть носителемъ двухъ душъ; обратное, конечно, исключено. Мы знаемъ, однако, что и опредѣленные комплексы органовъ ведутъ, какъ бы самостоятельную жизнь въ тѣлѣ и трудно поддаются вліянію со стороны цѣлаго.

Итакъ, не слѣдуетъ забывать важнѣйшую проблему морфологіи,—какимъ образомъ организмъ, въ своей физіологически—морфологической цѣльности, можетъ быть больше, чѣмъ сумма его частей; въ одинаковой степени и въ психологіи мы имѣемъ аналогичный вопросъ,—какимъ образомъ вся психика индивида представляетъ собой не продуктъ сложенія, но единство. Положеніе Аристотеля о первичности цѣлаго передъ частями, которое легко доказать для формы, можетъ быть доказуемо и для души, если не ограничиваться только „анализомъ ощущеній“.

III.

О явленіяхъ наслѣдственности.

Съ только что изложенной точки зрѣнія,—что организмъ сравнимъ съ поступкомъ и творчествомъ,—я приступаю къ изслѣдованію явленій наслѣдственности.

Унаслѣдованіе пріобрѣтенныхъ свойствъ.

Однимъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ наслѣдственности является вопросъ объ унаслѣдованіи пріобрѣтенныхъ свойствъ. Непосредственно

мы знаемъ лишь одинъ способъ пріобрѣтенія полезныхъ измѣненій—путемъ упражненія даннаго органа во время жизни индивида. Совершенно справедливо удивленіе *Кона*, что при допущеніи неодарвинистическихъ теорій единственный, намъ извѣстный способъ пріобрѣтенія полезныхъ измѣненій исключенъ изъ органическаго развитія. Пріобрѣтенныя во время жизни индивида свойства наслѣдуются; доказательства этого собирались неоднократно и не только накопляются ежегодно, но и самая постановка вопроса становится все болѣе точной и опредѣленной, особенно послѣ классическихъ работъ *Тоуэра* [1]), благодаря которымъ мы знаемъ, что соматическіе раздражители воспринимаются половыми клѣтками во время ихъ созрѣванія.

Самое сильное косвенное доказательство въ пользу наслѣдованія пріобрѣтенныхъ свойствъ я вижу въ унаслѣдованіи функціональныхъ приспособленій. Вотъ нѣсколько мало извѣстныхъ, но очень показательныхъ случаевъ. По *Вудланду*, форма иголъ губокъ зависитъ отъ натяженія и давленія; *Минчинъ*, однако, указываетъ, что у Leucoselenea liberkühni скелетъ и гастральные лучи оріентируются раньше, чѣмъ начнется циркуляція тока воды. Еще болѣе доказателенъ слѣдующій случай. Губчатое вещество кости, какъ это доказываютъ пересаженные куски, располагается, въ силу функціональнаго приспособленія, по линіямъ наибольшаго давленія и натяженія; но расположеніе губчатаго вещества костей эмбріоновъ, по *Р. Шмидту* [2]), является прототипомъ расположенія у взрослаго животнаго,—и это въ то время, когда мышцы еще не сокращаются. Мы упоминали уже о характерномъ строеніи барабанной перепонки, при развитіи которой главные соединительно-тканные тяжи располагаются концентрично по траэкторіямъ наибольшаго натяженія раньше, чѣмъ звуки достигаютъ уха. И хвостовые плавники дельфина получаютъ свои типичные и функціонально приспособленные соединительнотканные тяжи, изслѣдованные *Ру*, раньше, чѣмъ хвостъ начинаетъ функціонировать *(Кюкенталь)*. Удаленіе зачатковъ конечностей, по *Брауcу*, доказываетъ, что форма плечевого пояса и дистальныя части скелета уже предустроены. Что во всѣхъ этихъ случаяхъ мы, дѣйствительно, имѣемъ органы, приспособленные самой функціей, не только очень вѣроятно, но и доказано экспериментально для соединительной ткани, кровеносной системы и сочлененій.

---

[1]) *Tower, W. L.* An investigation of evolution in chrysomid beetles of the genus Leptinotarsa. Carnejie Inst. Publ. 48,—1906.

[2]) R. *Schmidt.* Zeitschr. f. wiss. Zool. Bd. Lxv. 1199.

Мы не рѣшаемъ здѣсь вопроса, какимъ образомъ во время функціи органа структура его совершенствуется и приспособляется—путемъ ли борьбы частей въ организмѣ *(Ру)*[1]), или другимъ, намъ еще неизвѣстнымъ способомъ. Сейчасъ насъ интересуетъ вопросъ, какимъ образомъ тотъ самый органъ, которому его характерныя черты придала функція, въ слѣдующихъ поколѣніяхъ появляется, какъ отвѣтъ на новое раздраженіе и при новыхъ условіяхъ формируется не функціей, но для функціи; какъ, напримѣръ, и глазъ и ухо строятся для функцій зрѣнія и слуха раньше, чѣмъ процессы зрѣнія или слуха начались? Въ этой способности организма выстраивать какія-либо образованія для опредѣленной цѣли лежитъ самая типичная черта наслѣдственности; въ ней обнаруживается какъ-бы предвидѣніе, кажущееся довольно таинственнымъ, но въ дѣйствительности не столь необъяснимое и непонятное, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Въ данномъ случаѣ для насъ важно только установить фактъ унаслѣдованія пріобрѣтенныхъ свойствъ и выяснить, какимъ образомъ этотъ процессъ происходитъ.

Если мы хотимъ замкнуть кругъ между самой высшей стадіей развитія и началомъ его,—мы можемъ достигнуть этого двумя путями. Первый изъ этихъ путей—допустить обратное развитіе уже дифференцированныхъ элементовъ до начальной стадіи и дальнѣйшее развитіе изъ нея дифференцированнаго организма; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, въ циклѣ простѣйшихъ такая дедифференцировка, дѣйствительно, имѣетъ мѣсто. Подробнѣе этотъ вопросъ мною разработанъ въ моей диссертаціи—„Наблюденія надъ обратимыми процессами развитія“. Второй путь —искать зачатки, изъ которыхъ развивались бы органы дифференцированнаго организма. Связь развитого и дифференцированнаго органа съ зачаткомъ въ половой клѣткѣ до сихъ поръ не поддавалась представленію,—и именно это обстоятельство такъ долго мѣшало признанію унаслѣдованія пріобрѣтенныхъ свойствъ.

Хромозомы, какъ „носители наслѣдственности“.

Въ качествѣ „носителей наслѣдственности“ — въ половыхъ клѣткахъ обычно принимаются хромозомы. Играютъ ли еще роль, кромѣ хромозомъ, и другія частицы, какъ, напримѣръ, такъ называемые митохондріи въ плазмѣ, съ нашей точки зрѣнія, не имѣетъ большого принципіальнаго значенія.

Было-бы очень интересно знать, хотя бы для характеристики дарвинистической біологіи, какъ представляютъ себѣ различные

[1]) *Roux.* Der Kampf der Theile im Organismus.

ученые этихъ носителей наслѣдственности. Къ несчастью, большинство замалчиваетъ этотъ вопросъ.

Конечно, мы должны оставить надежду, что хромозомы при болѣе сильномъ увеличеніи обнаружатъ сложную структуру, соотвѣтствующую сложности будущаго организма. Врядъ-ли и форма ихъ можетъ имѣть значеніе для формообразованія. Остается заключить, что хромозомы могутъ имѣть значеніе лишь, какъ химическія вещества. Отношеніе химическаго вещества къ формообразованію можетъ быть троякимъ. Во-первыхъ,—отношеніемъ насыщеннаго раствора къ кристаллу; однако, какъ ни пылка фантазія многихъ біологовъ, врядъ-ли они рѣшились бы разсматривать формообразованіе у животнаго или растенія, какъ кристаллизацію или какъ сумму кристаллизацій опредѣленныхъ веществъ. Во-вторыхъ,—мы можемъ смотрѣть на химическое вещество съ точки зрѣнія формообразованія, какъ на средство, необходимое для постройки опредѣленнаго органа; въ этой роли, однако, хромозомы могутъ образовать лишь химическій субстратъ опредѣленныхъ органовъ, само же формообразованіе и структура этимъ не объясняются. Въ-третьихъ, наконецъ, для химическаго вещества можно принять роль раздражителя; конечно, отмѣтимъ это здѣсь же, раздражитель не объясняетъ характера морфологическаго процесса, но лишь причину возникновенія процесса. Рядъ опытовъ и изслѣдованій доказываетъ, что химическія вещества могутъ играть роль такихъ именно формообразовательныхъ раздражителей, такъ что напрашивается мысль считать хромозомы такими раздражающими веществами или, какъ ихъ называютъ, гормонами. Мы не имѣемъ права понимать хромозомы иначе, такъ какъ было бы болѣе чѣмъ наивно вкладывать въ зачатокъ все то, что мы знаемъ о готовомъ организмѣ, и потомъ удивляться соотвѣтствію между ними.

Итакъ, структура хромозомъ можетъ имѣть значеніе лишь постольку, поскольку она помогаетъ намъ узнавать хромозомы и поскольку опредѣляетъ распредѣленіе гормоновъ. Наблюденіе, что хроматинъ можетъ выходить изъ ядра, соотвѣтствуетъ идеѣ активированія раздражителя.

Мы не можемъ касаться здѣсь всей громадной литературы о хромозомахъ и отмѣтимъ лишь, что на основаніи этой литературы можно считать доказанными сравнительное постоянство вещества, дѣйствующаго, какъ раздражитель, и его изолированную передачу (индивидуальность хромозомъ). Существуетъ много пунктовъ несогласныхъ съ принятыми воззрѣніями на носителей наслѣдственности; многіе изъ этихъ воззрѣній довольно наивны.

Наша точка зрѣнія на хромозомы, какъ специфическіе раздражители, не стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ общимъ ученіемъ о хромозомахъ. Въ самомъ дѣлѣ, неоднократно уже указывалось на то, напримѣръ, что матеріальныхъ зачатковъ въ ядрѣ яйца не достаточно для полигибридовъ, для которыхъ потребовались бы сотни тысячъ вещественныхъ носителей наслѣдственности. Мы скоро вернемся къ этому вопросу и увидимъ, что, благодаря сцѣпленію признаковъ и корреляціи органовъ часто одинъ первоначальный раздражитель достаточенъ для образованія многихъ органовъ. Таковы, напримѣръ, гормоны опорныхъ клѣтокъ половыхъ железъ, присутствіе которыхъ обусловливаетъ полное развитіе выводныхъ протоковъ половыхъ железъ и вторичные половые признаки. Такимъ образомъ, раздражители, необходимые для образованія вторичныхъ половыхъ признаковъ, напримѣръ, роста гортани, бороды, и органовъ совокупленія у мужчины могутъ находиться не непосредственно въ половой клѣткѣ. Достаточно одной, опредѣляющей полъ хромозомы, которая обусловливаетъ косвенно всѣ характерные признаки самца или самки, стимулируя образованіе органа, вырабатывающаго опять-таки новый гормонъ, дѣйствующій, какъ новый носитель наслѣдственности. Мы видимъ уже здѣсь, что носители наслѣдственности, т.-е. раздражители могутъ лежать не только въ хромозомахъ.

Многихъ изслѣдователей удивляетъ странное несоотвѣтствіе въ числѣ хромозомъ у различныхъ животныхъ. Такъ, напримѣръ, у низко организованныхъ животныхъ хромозомъ часто бываетъ больше, чѣмъ у очень сложно построенныхъ и дифференцированныхъ. Первая задача изслѣдователей хромозомъ состоитъ, такимъ образомъ, въ томъ, чтобы догадаться на основаніи косвенныхъ доказательствъ, въ какомъ отношеніи находится число хромозомъ къ особенностямъ строенія организма. И въ данномъ случаѣ сравненіе близкихъ видовъ дало бы намъ много указаній. По нашему воззрѣнію, хромозомъ должно быть столько, сколько стимуловъ или раздраженій нужно организму для образованія опредѣленныхъ органовъ. Животныя, приспособляемость которыхъ очень незначительна (и, слѣдовательно, не прибавляются новые гены), и развитіе которыхъ представляетъ нѣчто цѣльное, развивающееся въ строгой корреляціи, при которой одна часть обусловливаетъ другую, по нашему мнѣнію, могутъ довольствоваться немногими хромозомами.

Постоянство реакціи при измѣненіи раздражителя.

Не разъ указывалось, что трудно понять, какимъ образомъ хроматинъ, если мы въ немъ ищемъ специфичныя энзимы, не измѣняется во

время дѣленія и всѣхъ химическихъ измѣненій, которымъ онъ подвергается. Съ точки зрѣнія нашей теоріи, мы можемъ спокойно допустить эти измѣненія. Мы увидимъ, что вслѣдствіе способности къ ассоціаціи, присущей, вѣроятно, протоплазмѣ и доказанной, по крайней мѣрѣ, для инфузорій и растеній, раздражитель можетъ постепенно мѣняться, не вліяя на характеръ реакцій. Мы можемъ спокойно допустить переходъ одного раздражителя къ другому. По крайней мѣрѣ, проводя по прежнему нашу параллель относительно инстинктовъ, мы знаемъ, что ихъ раздражители мало специфичны и индивидуализованы, почему и происходятъ частыя заблужденія инстинкта. Этотъ фактъ измѣненія раздражителя я описалъ ранѣе какъ принципъ, причемъ процессъ и результатъ постоянны, въ то время какъ раздражитель является перемѣннымъ. Фактъ регенераціи хромозомъ, т.-е. фактъ, что количество хроматина постоянно увеличивается и поэтому не можетъ оставаться абсолютно неизмѣннымъ, также не представляетъ съ этой точки зрѣнія затрудненія, такъ какъ химическій раздражитель можетъ постепенно мѣняться и вызвать все-таки тотъ же рефлексъ или инстинктивное дѣйствіе, если измѣненіе происходитъ медленно.

Хроматинъ не совершенно индентиченъ у всѣхъ организмовъ, и, такъ какъ акцессорныя хромозомы красятся иначе, чѣмъ остальныя, то, повидимому, и хромозомы одной и той же клѣтки химически не идентичны. Количество нуклеиновой кислоты и бѣлка колеблятся у различныхъ животныхъ. Если бы даже хроматинъ былъ принципіально сходенъ у большинства животныхъ, то и это обстоятельство не говорило бы противъ него, какъ носителя наслѣдственности (если подъ этимъ терминомъ понимать раздражителя), такъ какъ мы знаемъ, что одинъ и тотъ же раздражитель дѣйствуетъ различно въ разное время и на разныя стадіи развитія; такъ, напримѣръ, на сытый организмъ раздражитель дѣйствуетъ иначе, чѣмъ на голодный, на ребенка иначе, чѣмъ на взрослаго. Этимъ объясняется, почему раздражитель дѣйствуетъ только въ опредѣленное время и на опредѣленной стадіи, и все временное въ отогенетическомъ процессѣ.

Роль носителей наслѣдственности въ органогенезѣ.

Носители наслѣдственности, которые мы приравниваемъ къ раздражителямъ, не идентичны съ геномъ *Іогансена*[1]). По Іогансену, генъ—неизмѣняемая единица наслѣдственности, соотвѣтствующая опредѣленному признаку; онъ не идентиченъ съ понятіемъ зачатка. Этотъ

[1]) *W. Iohansen.* Elemente der exakten Erblichkeitslehre. 2. Aufl. 1913.

генъ обладаетъ очень неопредѣленными признаками: то онъ—химически дѣйствующее вещество, то—единица жизни, то—опредѣленіе времени и мѣста процесса или элементъ структуры, необходимой для реализаціи. Въ немъ нѣтъ ничего конкретнаго и ничего абстрактнаго. По нашему мнѣнію, такой генъ можно было бы приравнять къ энграммѣ въ смыслѣ *Земона*, или, выражаясь иначе, къ способу реакціи; однако же, не реакція зависитъ отъ раздражителя, но только возникновеніе ея.

И такъ, по нашему воззрѣнію, носитель наслѣдственности не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ химическимъ веществомъ и, какъ таковое, долженъ играть роль раздражителя. Какъ раздражитель, онъ обусловливаетъ лишь наступленіе процесса, но не его характеръ.

При такой постановкѣ вопроса, образованіе органовъ является суммой отдѣльныхъ инстинктивныхъ поступковъ организма или,—для кого это звучитъ лучше,—процессовъ. Раздѣленіе всей проблемы на рядъ вопросовъ относительно образованія отдѣльныхъ частей не дѣлаетъ болѣе понятнымъ для насъ образованіе каждой отдѣльной части. Въ образованіи каждой части обнаруживаются три фазы, точное изученіе которыхъ необходимо для выясненія вопроса въ цѣломъ: раздраженіе, процессъ развитія и завершеніе этого процесса—достиженіе готовой формы.

Для всѣхъ существующихъ комплексовъ образованій достаточно принять такое же количество различныхъ „носителей наслѣдственности“ (подъ комплексомъ образованій я подразумѣваю части, связанныя прямой корреляціей). Такъ, для опредѣленія всѣхъ половыхъ отличій, какъ мы говорили выше, достаточно имѣть въ половой клѣткѣ одного носителя наслѣдственности, т. е. одну хромозому, что и соотвѣтствуетъ наблюденію *Вильсона* и др. Въ данномъ случаѣ раздражитель опредѣляетъ, вѣроятно, образованіе мужскихъ или женскихъ половыхъ железъ; выдѣленіе промежуточныхъ клѣтокъ сѣменниковъ вызываетъ развитіе половыхъ протоковъ, внѣшнихъ половыхъ органовъ и вторичныхъ половыхъ признаковъ. Развитіе же млечныхъ железъ у млекопитающихъ, decidua (оболочки, облекающія зародышъ въ маткѣ) и, можетъ быть, многіе другіе морфологическіе процессы, связанные съ половой дѣятельностью зависятъ отъ новыхъ раздражителей (выдѣленій зародышей и выдѣленія corpus luteum—такъ называемыхъ „желтыхъ тѣлъ“, образующихся въ яичникѣ на мѣстѣ опорожненнаго Граафова пузырька). Мы видимъ здѣсь, какъ преформація и эпигенезъ подаютъ другъ другу руку: въ самомъ дѣлѣ, непосредственно изъ одного поколѣнія въ другое

передается раздражитель, вызывающій образованіе органа,—этотъ органъ въ свою очередь образуетъ новые раздражители, подъ вліяніемъ которыхъ возникаютъ новые процессы.

Возникновеніе зачатковъ органовъ.

Является вопросъ, какимъ образомъ возникаютъ зачатки, гены или энграммы, какъ возникаютъ носители наслѣдственности. Насколько мнѣ извѣстно ученіе о хромозомахъ ни разу не пыталось дать отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Говоря о зачаткахъ, мы должны точнѣе опредѣлить это, понятіе, такъ какъ оно можетъ вызвать большія недоразумѣнія, если мы будемъ называть этимъ названіемъ и хромозомы. Хромозомы суть раздражители, зачатки же — недифференцированные комплексы клѣтокъ, обособляющихся раньше или позже для для образованія опредѣленыхъ органовъ. Съ этой точки зрѣнія, бластомеры—зачатки, но хромозомы не могутъ быть названы зачатками.

Возникновеніе зачатковъ мы можемъ наблюдать лучше всего при дѣленіи и почкованіи нѣкоторыхъ животныхъ. *Ф. фонъ-Вагнеръ* отличаетъ у животныхъ дѣленіе съ послѣдующей регенераціей, которую онъ называетъ архитоміей, отъ образованія регенерата до дѣленія—паратоміи. При архитоміи дѣленіе, разъединеніе, очевидно, является раздражителемъ, вызывающимъ регенерацію; при паратоміи регенерація наступаетъ раньше, чѣмъ произошло дѣленіе. У близкихъ видовъ животныхъ мы часто находимъ переходъ отъ архитоміи къ паратоміи. Такъ, напримѣръ въ то время какъ у червя Ctenodrilus pardalis новые органы образуются послѣ дѣленія, у Ctenodrilus parvulus образованіе головной лопасти, зачатка надглоточнаго ганглія, полости тѣла, передней и задней кишки происходитъ до дѣленія. Ctenodrilus branchiatus въ этомъ отношеніи занимаетъ среднее мѣсто: сперва образуется перетяжка, а затѣмъ уже только зона почкованія, хотя полное отдѣленіе еще и не наступило (*Соколовъ*)[1]. Такое же явленіе мы можемъ наблюдать въ различныхъ градаціяхъ у червей Syllideae, у которыхъ голова часто регенеруетъ до отдѣленія. Подобную же паратомію мы находимъ и у кишечнополостныхъ: такъ, напримѣръ, у Gonactinia кольцо щупалецъ образуется на мѣстѣ будущаго дѣленія. Примѣромъ перехода отъ архитоміи къ паратоміи можетъ служить процессъ у плоскаго червя Microstomum, у котораго въ мѣстѣ дѣленія образуется соединительнотканная оболочка, послѣ чего уже начинается новообразованіе органовъ.

[1]) *Sokolow* Zeitschr. f. wiss. Zool. Bd. 97. 1911.

Здѣсь дѣленіе все-таки еще является до извѣстной степени прямой причиной явленій регенераціи. Нѣчто подобное представляетъ и линька змѣй, начинающаяся образованіемъ новаго рогового слоя; иногда нѣсколько такихъ зачатковъ заложены другъ подъ другомъ. Наконецъ, и у растеній извѣстны аналогичныя явленія. Мексиканское Sedum stahlii легко теряетъ мясистые листья, соединенные со стеблемъ мелкоклѣточной тканью. Это непрочное прикрѣпленіе является приспособленіемъ къ автотоміи, такъ какъ регенеративная способность у этихъ растеній велика. Во всѣхъ данныхъ случаяхъ мы наблюдаемъ перемѣну раздражителя. Раздражитель, исходящій отъ раны, не является больше причиной регенераціи, и зачатокъ образуется раньше, чѣмъ появилась рана. Передъ нами перенесеніе раздражителя внутрь —импликація.

Зачатокъ, повторяемъ, только матеріалъ для органа, и хромозома съ этой точки зрѣнія—не зачатокъ.

Ассоціація между раздражителями.

Мы можемъ представить себѣ процессъ такимъ образомъ,—и здѣсь мы попадаемъ въ самую сущность проблемы наслѣдственности,—что благодаря ранѣ, на которую организмъ отвѣтилъ процессомъ регенераціи, произошло измѣненіе во всѣхъ клѣткахъ, въ томъ числѣ и въ половыхъ, или же отложилось вещество, образовавшееся, какъ послѣдствіе раны. Благодаря одновременности этихъ явленій, произошла ассоціація между пораненіемъ и упомянутымъ веществомъ; впослѣдствіи процессъ могъ возникнуть и въ томъ случаѣ, если и раны уже не было,—лишь бы присутствовалъ одинъ раздражитель. Этотъ раздражитель можетъ быть веществомъ, попавшимъ въ хромозому. Что такое вещество дѣйствуетъ только въ опредѣленное время и въ опредѣленныхъ условіяхъ, совпадаетъ съ закономъ, по которому организмъ отвѣчаетъ на опредѣленный раздражитель въ опредѣленномъ „настроеніи“.

Приведенныя выше строки—остовъ моего ученія, и я изложилъ его здѣсь въ общихъ чертахъ для того, чтобы отдѣлить понятіе хромозомы, носителя наслѣдственности, раздражителя,— отъ понятія зачатка.

Если мы допустимъ возможность упомянутой ассоціаціи между раздражителями, для насъ будетъ безразлично, происходитъ ли унаслѣдованіе пріобрѣтенныхъ свойствъ путемъ соматической индукціи (т. е. отъ клѣтокъ тѣла къ клѣткамъ половымъ) или путемъ параллельной индукціи (одновременное вліяніе и на тѣлесныя и на половыя клѣтки). Ассоціація можетъ установиться между самыми различными раздражителями. Условіе унаслѣдо-

ванія состоитъ лишь въ томъ, чтобы вообще было вызвано измѣненіе въ организмѣ, вынашивающемъ половую клѣтку, лишь въ томъ, чтобы сома (тѣло) реагировало вообще какъ-нибудь. Опыты *Каммерера* [1]) вполнѣ доказываютъ это положеніе, и Каммереръ самъ говоритъ, что не должно существовать динамическаго равновѣсія тамъ, гдѣ внѣшнія вліянія стремятся вызвать измѣненія. „Rühende Eigenschaften, die keinen Farbe—oder Form verändernden Reiz mehr auf ihre engere oder weitere Umgebung und daher auch auf der Keim ausüben—остаются неизмѣнными. Съ нашей точки зрѣнія это понятно само собой, такъ какъ безъ раздражителя нѣтъ ощущенія, а, слѣдовательно, и носителю наслѣдственности не за что, такъ сказать, „зацѣпиться".

Унаслѣдованіе инстинкта.

Необходимо отмѣтить и здѣсь, что инстинкты относятся, какъ морфологическіе признаки—передаются по наслѣдству и даже подчиняются закону Менделя. Въ этомъ—еще одно доказательство ихъ сходства по существу. Но инстинктъ не можетъ быть результатомъ одной только структуры. Гнѣздо птицы, структура паутины ни въ какомъ случаѣ не являются результатомъ нервныхъ соединеній, какъ и подчиняющійся закону Менделя признакъ у лягушки Alytes — наматываетъ-ли самецъ себѣ на ноги яйцевые шнуры или нѣтъ. Передается по наслѣдству способъ реакціи, признакъ, какъ результатъ реакціи, и раздражитель. Только послѣдній можетъ идентифицироваться съ хромозомами. Полное соотвѣтствіе между передачей по наслѣдству морфологическихъ признаковъ и поступковъ можно установить лишь въ томъ случаѣ, если принять, что морфологическій признакъ является результатомъ поступка. Передается по наслѣдству, слѣдовательно, раздражитель и способъ реакціи, способность реагировать опредѣленнымъ образомъ на раздражитель. Раздражитель можетъ и долженъ быть чисто матеріальнымъ, но способъ реакціи обнаруживаетъ телеологическія черты, мало понятныя матеріалистически. Каждому понятно, что для инстинктовъ не можетъ существовать зачатковъ, если только не принимать за таковые представленія, которыя мы врядъ-ли рѣшились бы идентифицировать съ хромозомами.

Измѣняемость раздражителя, процесса и результата реализаціи.

Установивъ понятіе носителя наслѣдственности и зачатка, мы можемъ вернуться къ нашей первоначальной темѣ. Каждая реализація, такъ называемаго, прирожденнаго характера или органа, какъ мы говорили выше, состоитъ изъ трехъ частей: раз-

[1]) *Kammerer* Verhandl. d. Zool.-Botan. Gesellsch. in Wien. Jahrg. 1911.

дражителя, процесса и результата. Какая изъ этихъ частей наиболѣе постоянна? Всѣ три—раздражитель и процессъ образованія и результатъ,—т. е. послѣдніе шаги этого процесса,—способны варіировать Мы можемъ принимать, по очереди, двѣ изъ этихъ ступеней за постоянныя, чтобы судить о третьей. Во многихъ случаяхъ раздражитель и способъ развитія мы можемъ принять за сравнительно постоянныя величины, а результатъ—за перемѣнную и способную приспособляться часть. Большая часть приспособленій передается по наслѣдству, если они совпадаютъ со временемъ созрѣванія половыхъ клѣтокъ, и намъ, такимъ образомъ, слѣдуетъ принять, что въ такихъ случаяхъ происходитъ импликація. Въ чемъ можетъ состоять эта импликація, мы не знаемъ и даже не имѣемъ объ этомъ представленія. Я думаю, что при такихъ приспособленіяхъ или вслѣдствіе ихъ происходятъ какія-нибудь физико-химическія измѣненія и въ половыхъ клѣткахъ; эти измѣненія не могутъ имѣть ничего общаго съ морфологическимъ процессомъ, кромѣ того лишь, что возникаютъ одновременно съ нимъ. Вся тайна наслѣдственности заключается въ этой связи между опредѣленно направленнымъ процессомъ и измѣненіемъ, которое происходитъ, допустимъ, въ ядрѣ яйцевой клѣтки. Мнѣ кажется, каждый согласится, что здѣсь не можетъ быть другой связи, кромѣ одновременности. Соединять совершенно гетерогенные процессы, не имѣющіе ничего общаго между собою, въ одно цѣлое можетъ лишь представленіе, лишь ассоціація ощущеній. Какъ только достигнута стадія развитія, на которой произошло приспособленіе, это измѣненіе или опредѣленное вещество, являющееся какъ бы замѣстителемъ этого приспособленія, снова вызываетъ то же приспособленіе только тѣмъ, что представленіе о процессѣ приспособленія и ощущеніе химическаго раздражителя ассоціированы. Итакъ, намъ слѣдуетъ принять, что, когда организмъ достигъ извѣстной стадіи развитія, новый процессъ можетъ быть вызванъ „замѣстителемъ“ или эквивалентомъ этого процесса.

Гибкость и приспособляемость эквифинальнаго развитія при постоянномъ раздражителѣ.

На основаніи только что изложеннаго мы могли бы придти къ чисто механической теоріи наслѣдственности, если бы средній путь, т. е. способъ образованія органа, дѣйствительно, былъ бы такъ постояненъ, какъ мы это принимали. Однако, въ дѣйствительности это не такъ. Намъ извѣстны очень различно протекающіе процессы развитія не только у близкихъ видовъ, но часто даже у одного и того же вида, какъ, напримѣръ, у рачка Palaemonetes varians, развивающагося совершенно различно въ

прѣсной водѣ и въ морской. Это явленіе *Жіаръ* назвалъ пецилогеніей. Такое явленіе, т. е., что пути часто бываютъ разнообразнѣе, чѣмъ результаты, къ которымъ они ведутъ, мы знаемъ лишь въ поступкахъ и инстинктивныхъ дѣйствіяхъ, т. е. въ процессахъ, сопровождающихся представленіемъ, и, какъ только что указано, вновь встрѣчаемся съ ними въ явленіяхъ формообразованія. Такіе процессы принято называть финальными.

Постоянное приспособленіе къ цѣли, регуляція во время процесса развитія доказывается и изслѣдованіями *Фишеля*. Большинство органогенетическихъ процессовъ принадлежитъ именно къ этой категоріи и обнаруживаетъ типъ развитія, пути котораго при постоянной цѣли и постоянномъ раздражителѣ протекаютъ различно. „Чувство формы“—морфэстезія Нолля, о которой мы уже упоминали, постоянный контроль, проявляется въ большинствѣ случаевъ во время развитія органа болѣе или менѣе замѣтно. Но планъ, или вѣрнѣе—чувство формы, которымъ контролируется развитіе, мы знаемъ только какъ представленіе.

Сознательно выражаясь виталистически, мы можемъ сказать, что наслѣдственность состоитъ въ возникновеніи раздражителя, вызывающаго представленіе, которымъ направляется дальнѣйшее образованіе органа. Чѣмъ инымъ, какъ не представленіями, хотя и безсознательными, могутъ быть отвлеченныя математическія формы, направляющія ростъ животныхъ и растеній? *Гурвичъ* очень наглядно показалъ, что такіе планы при развитіи точно доказуемы статистически и математически.

Морфэстезія при постройкѣ органа можетъ быть основана на ощущеніяхъ различнаго характера. Мы могли бы до извѣстной степени представить себѣ это чувство, если бы сравнили его съ тѣмъ, которое возникаетъ у насъ при исполненіи музыкальнаго произведенія, гдѣ также выстраивается формальное единство,—гдѣ мелодія дана цѣликомъ. Морфэстезія замѣчаетъ здѣсь всѣ несоотвѣтствія между представленіемъ и осуществленіемъ—и исправляетъ ихъ постоянно или въ извѣстные періоды. Въ этомъ отношеніи часто помогаетъ само функціонированіе. Такъ, при косой перерѣзкѣ хвоста головастика регенератъ растетъ вначалѣ перпендикулярно къ плоскости разрѣза, т. е. подъ угломъ къ оси головастика, но затѣмъ начинается регуляція и хвостъ получаетъ, въ концѣ концовъ, нормальное направленіе. Такое же явленіе я наблюдалъ при регенераціи тѣла многощетинковыхъ червей. Это функціональное исправленіе у плавающихъ головастиковъ происходитъ раньше, чѣмъ у не плавающихъ. Но тотъ

фактъ, что такое исправленіе наблюдается и у неплавающихъ, доказываетъ, что не одна функція является строительницей органа, но и морфэстезія.

Къ проблемѣ реализаціи *(Гурвичъ)*, измѣненія которой при постоянномъ раздражителѣ и постоянной цѣли мы сейчасъ изслѣдуемъ, относится и проблема пространственной локализаціи, съ механистической точки зрѣнія объяснимой только строгой мозаичной работой. Однако, мозаичная работа при нарушеніяхъ нормальнаго процесса все-таки часто даетъ, въ концѣ концовъ, нормальную картину и, такимъ образомъ, передъ нами, безъ сомнѣнія, регуляторная локализація. Остается открытымъ вопросъ, почему образованіе возникаетъ въ опредѣленномъ мѣстѣ, въ опредѣленное время и въ опредѣленной оріентировкѣ, особенно тамъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, при регенераціи линзы, недостаточны одни лишь носители наслѣдственности. Безчисленные опыты доказываютъ, что способность локализаціи никоимъ образомъ не можетъ быть вложена въ хромозому.

Какъ въ эмбріональномъ процессѣ, такъ и при чисто мышечныхъ движеніяхъ результаты и раздражители часто болѣе постоянны, чѣмъ пути. Рефлексъ при одинаковомъ раздраженіи и одинаковомъ результатѣ можетъ быть замѣненъ другими нервными путями.

При наблюденіи инстинктовъ вопросъ становится еще яснѣе. Въ инстинктахъ мы не находимъ абсолютнаго постоянства реакціи. *Дюпонъ-Немуръ* [1]) описываетъ слѣдующій интересный случай. Канарейка снесла яйцо на землю; послѣ этого самецъ принесъ запасъ травы, мха, ваты, шерсти, волосъ и т. д. и все это подсунулъ подъ яйцо, т.-е. создалъ обычную обстановку совсѣмъ необычнымъ путемъ. И въ данномъ случаѣ мы видимъ, что одинъ и тотъ же результатъ можетъ достигаться различными путями. Такихъ примѣровъ можно было бы привести очень много. *Прейеръ*, напримѣръ, описываетъ переворачиваніе морской звѣзды, если ее положить на спину: это переворачиваніе не всегда происходитъ однимъ и тѣмъ же путемъ. И здѣсь раздражитель остается постояннымъ, и различный ходъ реализаціи—эквифиналенъ. Рядомъ съ этими, сравнительно незначительными, варіаціями въ процессѣ формообразованія существуютъ, повидимому отклоненія въ развитіи самыхъ первыхъ стадій при неизмѣняющихся раздражителѣ и конечномъ результатѣ. Сюда можетъ быть отнесено сокращеніе цикла развитія, которое можно подвести подъ поня-

---

[1]) *Dupont-Nemours.* Quelques memoires sur differents sujets. Paris, 1813.

тіе тахигенеза *Перье*. Объ этомъ явленіи я упоминалъ уже въ предыдущей главѣ. Явленіе состоитъ въ томъ, что нѣкоторыя стадіи выпадаютъ изъ цикла развитія. Первоначально редуцирующійся органъ еще закладывается и развивается дальше и затѣмъ атрофируется. Впослѣдствіи этотъ путь сокращается; многія части органа больше уже не закладываются. Для примѣра достаточно указать на редукцію жаберныхъ щелей.

Вездѣ въ формообразовательныхъ процессахъ мы видимъ экономію, аналогичную съ экономіей движенія въ поступкахъ. Особенно характерно выпаденіе метаморфоза. Сложный путь развитія укорачивается „Der Organismus der zuerst theoretisch bestand, wird jetzt praktisch“ *(Гегенбауръ)*. Я думаю, ни одинъ морфологъ не сомнѣвается, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ гибкостью и приспособляемостью эквифинальнаго развитія при постоянномъ, вѣроятно, раздражителѣ.

Концентрація и дисперсія зачатковъ.

Я хочу выдѣлить еще группу измѣненій хода развитія при постоянной конечной формѣ, которыя мы могли бы подвести подъ понятіе концентраціи или дисперсіи зачатковъ.

Дришъ въ одномъ мѣстѣ сравниваетъ поведеніе мезенхиматозныхъ клѣтокъ при построеніи личиночнаго скелета морскихъ ежей съ поведеніемъ рабочихъ при постройкѣ моста. Если предположить, что каждый рабочій можетъ строить весь мостъ, то для конечнаго результата безразлично, надъ какими частями моста этому рабочему приходится работать въ данномъ случаѣ. Результатъ остается тѣмъ же и въ томъ случаѣ, если одинъ изъ рабочихъ умретъ, или рабочіе перегруппируются. Часто и въ эмбріогенезѣ одна часть принимаетъ на себя работу другой подобно тому, какъ и мы сами въ извѣстныхъ случаяхъ можемъ получить тотъ же результатъ, работая правой или лѣвой рукой или даже ногой. Радіальные (пищеварительные) каналы медузы не происходятъ теперь путемъ сліянія противоположныхъ частей первоначальной энтодермальной пластинки, какъ они, по всѣмъ признакамъ, произошли когда-то, но путемъ образованія складокъ энтодермальной (кишечной) трубки, вырастающей въ видѣ четырехъ выступовъ. Мы видимъ въ приведенныхъ случаяхъ, что дѣятельность однихъ клѣтокъ переносится на другія. Подобное явленіе мы наблюдаемъ и тамъ, гдѣ непарное образованіе, никогда не бывшее парнымъ, закладывается парно. Примѣромъ этого можетъ служить грудная кость (Praesternum, Mesosternum Xiphosternum), которая у большинства млекопитающихъ закладывается парно, а у китообразныхъ и морской коровы непарно.

Еще лучше и демонстративнѣе приведенная мысль иллюстрируется тѣми эквифинальными процессами, при которыхъ зачатки разбросаны и не являются продуктомъ дѣленія одной клѣтки, но группируются, собираясь изъ различныхъ мѣстъ, чтобы образовать опредѣленный органъ. Такъ, почки губки Tethya образуются путемъ скопленія индифферентныхъ клѣтокъ, происходящихъ изнутри губки. Въ данномъ случаѣ, передъ нами съ самаго начала множество клѣтокъ не монофилетическаго происхожденія. Я предложилъ бы обозначать образованія, происшедшія дѣленіемъ одной клѣтки, какъ моноэнергетическія; въ такомъ случаѣ, для Tethya мы имѣли бы образованіе полиэнергетическаго происхожденія. Почки различныхъ губокъ изъ отряда Hexactinellidae также полиэнергетическаго происхожденія, какъ и геммулы или зимнія почки прѣсноводныхъ губокъ, образующіяся изъ разбросанныхъ первоначально клѣтокъ. Известковыя тѣльца, такъ называемые амфидиски, окружающіе геммулу, по *Ивенсу* [1]), не возникаютъ здѣсь же, но выдѣляются особыми клѣтками—склеробластами, и ими переносятся въ клѣтку. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что, при образованіи геммулъ, клѣтки, какъ таковыя, собираются изъ различныхъ мѣстъ для образованія зачатка. Удивительный и совершенно парадоксальный для насъ, привыкшихъ наблюдать развитіе изъ одной клѣтки—половой, опытъ *Вильсона*, по которому отдѣльныя клѣтки губокъ или даже гидроидныхъ полиповъ, протертыхъ черезъ рѣшето, могутъ вновь собираться и выстраивать новый организмъ, является особенно демонстративнымъ примѣромъ того же способа развитія путемъ полиэнергидовъ, которое мы наблюдаемъ при развитіи геммулъ. Не является необходимостью, чтобы для образованія цѣлаго соединялись именно изолированныя клѣтки; могутъ соединяться и комплексы клѣтокъ или части организма, какъ напримѣръ, при сліяніи многихъ кусковъ губокъ въ одну колонію (*Маасъ*). Сюда же относится и сліяніе различныхъ индивидовъ коралла Pennaria (*Серфонтенъ*) и образованіе одного недѣлимаго изъ двухъ изолированныхъ и первоначально далеко отстоящихъ другъ отъ друга почекъ у асцидій Diplosomidae, причемъ одна изъ этихъ почекъ образуетъ жаберный мѣшокъ, а другая абдоменъ. Къ этой же категоріи можно отнести явленіе, при которомъ органъ закладывается изъ различныхъ частей или центровъ: образованіе

---

[1]) *Evans*, R. A. description of Ephydatia blembingia, with ar account of the formation and structure of the gemmulae. Quart. Journ. Micr.-Sc. Vol. 44. 1901.

одной кости изъ нѣсколькихъ точекъ окостенѣнія; образованіе иголъ губокъ (spiculae) то изъ одной клѣтки, то изъ нѣсколькихъ; явленіе, при которомъ лучи трехосевыхъ иголъ известковыхъ губокъ часто закладываются отдѣльно и лишь впослѣдствіе соединяются *(Минхинъ)*; образованіе четырехъ-лучевыхъ иголъ у губки Sycon, которое происходитъ такимъ образомъ, что четвертый лучъ прикрѣпляется къ мѣсту соединенія трехъ остальныхъ *(Маасъ)* и т. д. Развитіе въ видѣ суммированія частей обнаруживаетъ и иммиграція половыхъ клѣтокъ изъ одного недѣлимаго въ другое у Tunicata, мшанокъ и гидроидовъ. Къ этой же таинственной области индивидуализаціи относится присоединеніе частей, функціонировавшихъ въ другомъ направленіи, къ новому индивидууму. Такъ, *Чайльдъ* перерѣзывалъ рѣсничнаго червя Stenostomum во время его нормальнаго дѣленія такимъ образомъ, что переднее, уже почти отдѣлившееся животное, оставалось соединеннымъ съ переднимъ концомъ задняго животнаго—и эта часть передифференцировывалась и присоединялась къ задней части передняго животнаго. Это наблюденіе я самъ могъ провѣрить на разрѣзахъ, а *В. В. Куколь-Яснопольскій* въ моей лабораторіи обнаружилъ ту же особенность у малощетинковаго червя Nais. Присоединеніе чужихъ частей при трансплантаціи и всѣ случаи, когда организмъ пользуется частями, которыя не онъ продуцировалъ,—относятся сюда же.

Вспомнимъ, что одинъ и тотъ же организмъ, одинъ и тотъ же видъ можетъ образоваться путемъ развитія изъ одной яйцевой клѣтки, безъ оплодотворенія или съ оплодотвореніемъ, или же, наконецъ, изъ многоклѣтнаго зачатка, какъ это бываетъ при почкованіи или регенераціи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ конечная цѣль остается неизмѣнной. Если сознательно стать на психологическую точку зрѣнія, можно сказать, что здѣсь планъ или представленіе—все.

М. Нуссбаумъ [1]) приводитъ много интересныхъ фактовъ, говорящихъ за перенесеніе задачъ на другія части тѣла. Такова —различная иннервація musculus sartorius у амфибій и у человѣка, различное происхожденіе мускулатуры діафрагмы у крокодила и у млекопитающихъ. Всѣ эти факты указываютъ на то, что одинъ и тотъ же органъ можетъ образоваться на различной почвѣ.

Вездѣ здѣсь мы наталкиваемся на понятіе индивидуальности, т.-е. на цѣлое, которое больше, чѣмъ сумма частей, на планъ или, какъ я бы это назвалъ, пользуясь опредѣленіемъ

[1]) *M. Nussbaum.* Mutationserscheinungen bei Tieren. Bonn, 1906.

Аристотеля,—на παράδειγμα (парадигма), которую нельзя всегда искать въ отдѣльныхъ зачаткахъ, такъ какъ она выходитъ за ихъ предѣлы и можетъ быть переведена на другіе зачатки.

Нѣчто аналогичное мы имѣли бы въ соціологіи, если бы и тамъ можно было доказать „Gesammtbewusstsein“ (общую волю), по терминологіи *Вундта*, которая „не была бы вещественна, но все-таки реальна“. Продуктомъ этой общей воли являлось бы государство, въ которомъ единство было бы обусловлено представленіями, общими многимъ [1]). Часто, правда, говорятъ о народной душѣ, обнаруживающейся, напримѣръ, въ непрерывности психическаго развитія при постоянной гибели его индивидуальныхъ носителей. Является ли, однако, здѣсь связь чѣмъ-то большимъ, чѣмъ суммой—мнѣ кажется спорнымъ. *Брюннеръ* справедливо указываетъ, что врядъ-ли возможна ассоціація между содержаніемъ сознанія двухъ личностей А и В. Нигдѣ, мнѣ кажется, не удалось доказать, что въ исторіи обнаруживается эквифинальность, не впадающая въ сознаніе хотя немногихъ отдѣльныхъ гражданъ [2]). Съ другой стороны, нельзя совершенно и принципіально отрицать надъиндивидуальную парадигму, и, такимъ образомъ, весь вопросъ остается пока еще открытымъ.

Измѣненія раздражителя при постоянныхъ цѣли и процессѣ.

Итакъ, мы можемъ считать доказаннымъ, что конечная, неизмѣняющаяся цѣль при постоянномъ же раздражителѣ можетъ быть достигнута различными путями. Можно поставить вопросъ иначе, а именно допустить, что цѣль и процессъ выполненія какого-нибудь образованія остаются постоянными въ то время, какъ раздражитель измѣняется. Изъ области поступковъ и инстинктивныхъ проявленій у насъ достаточно примѣровъ, доказывающихъ эту возможность, и на ней основано все, что мы называемъ заблужденіями инстинкта. Для разрѣшенія проблемы наслѣдственности было бы важно узнать, какая изъ этихъ трехъ частей—процессъ, цѣль и раздражитель—передается по наслѣдству и какъ. Ни одна теорія наслѣдственности не можетъ считаться исчерпывающей, если она основывается лишь на ученіи о хромозомахъ—трактуются-ли онѣ, какъ средство формообразованія, какъ необходимыя химическія вещества или какъ раздражители. Кромѣ раздражителя, существуетъ еще самый процессъ образо-

---

[1]) Сравн. насчетъ этого вопроса *W. Brunner*, Zur Theorie der kollektiv-psichische Erscheinungen. Zeitschr. f. Philos. und Phil. Krit. Bd. 141 Heft 1, 1912.

[2]) Сравн.—*Th. Lindner*, Geschichtsphilosophie. 2 Aufl. Stuttgart-Berlin. 1904.

ванія, необъяснимый этимъ раздражителемъ. Необходимо искать объясненія и для процесса и для парадигмы. Понятно всякому, что это объясненіе невозможно получить ни химическимъ, ни цитологическимъ анализомъ.

Приступая къ изслѣдованію измѣняющихся раздражителей, мы касаемся области, вполнѣ доступной опыту, такъ какъ раздражитель всегда—нѣчто чисто химическое или механическое. Хорошее опредѣленіе раздражителя даетъ *Ру* [1]): „Раздражителемъ мы называемъ силу, дѣйствующую на тѣло, реагирующее на нее способомъ, который зависитъ единственно отъ состоянія этого тѣла, причемъ, однако, величина реакціи зависитъ отъ силы воздѣйствія". *Ру* отличаетъ раздражитель отъ понятія „Auslösung", которое онъ понимаетъ, какъ толчокъ, дѣйствующій подобно раздражителю, но не опредѣляющій величину реакціи. Для обоихъ этихъ понятій я сохраняю здѣсь, однако, названіе раздражителя, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ мы не можемъ еще опредѣлить, имѣемъ-ли дѣло съ толчкомъ или раздражителемъ. Изслѣдуя вопросъ о наслѣдованіи, я буду говорить главнымъ образомъ о функціональныхъ и формативныхъ раздражителяхъ; нутритивные раздражители имѣютъ въ данномъ случаѣ второстепенное значеніе.

Формативными раздражителями могутъ быть и внѣшнія силы, лежащія внѣ организма. Особенно часто возникаютъ такіе внѣшніе раздражители въ развитіи растеній; у животныхъ они гораздо болѣе рѣдки. Примѣромъ дѣйствія этихъ раздражителей могутъ служить яйца съ остановкой развитія на болѣе или менѣе опредѣленныхъ стадіяхъ. Такъ, яйца рачка Artemia останавливаются въ развитіи на стадіи бластулы, съеживаются и выбрасываются на берегъ; дальнѣйшее развитіе вызывается лишь новымъ набуханіемъ. Конечно, и внѣшніе раздражители могутъ дѣйствовать не непосредственно, и *Клебсъ*, быть можетъ, правъ, приписывая свѣту, теплотѣ, сырости и питанію значеніе для формообразованія лишь постолько, посколько они вліяютъ на внутреннія условія, такъ какъ только внутреннимъ измѣненіямъ онъ приписываетъ значеніе формативныхъ раздражителей.

Способы взаимодѣйствія между частями организма.

Не признавая существенной разницы между движеніемъ и морфогенезомъ, а, слѣдовательно, и въ ученіи о раздражителяхъ—между физіологіей и морфологіей, мы, быть можетъ, имѣемъ право принять теорію о трехъ путяхъ физіологическаго взаимодѣйствія между

[1]) *Roux*, Terminologie der Entwickelungsmechanik. 1912.

органами и для теоріи наслѣдственности. Это взаимодѣйствіе происходитъ или 1) черезъ нервныя волокна (рефлексъ), лишь изрѣдка играющія роль въ морфогенезѣ; или 2) черезъ кровь, раздражающую какимъ-нибудь веществомъ центральную нервную систему (такъ, напримѣръ, центръ дыханія раздражается увеличеніемъ количества углекислаго газа); или, наконецъ,—3) безъ посредства нервной системы—гормонами. Такъ, соляная кислота заставляетъ тонкія кишки выдѣлять гормонъ (секретинъ) въ кровь; этотъ гормонъ вмѣстѣ съ кровью попадаетъ въ поджелудочную железу и вызываетъ ея секрецію. Адреналинъ вызываетъ сокращеніе сосудовъ и увеличеніе кровяного давленія, причемъ $^1/_{1000000}$ гр. уже дѣйствительна.

Морфологическій примѣръ второго способа взаимодѣйствія (черезъ нервную систему) мы находимъ въ опытахъ *М. Нуссбаума:* у самца лягушки кастрація ведетъ къ недоразвитію мозолей на большихъ пальцахъ переднихъ конечностей, служащихъ при рефлексѣ обниманія; если кастрированной лягушкѣ трансплантировать кусокъ сѣменниковъ другой лягушки, то этотъ мозоль развивается, но лишь въ томъ случаѣ, если не перерѣзанъ нервъ конечности. Примѣромъ третьяго способа взаимодѣйствія могутъ служить корреляціи между половыми железами и вторичными половыми признаками. Подобнымъ же образомъ половыя железы вліяютъ и на рядъ связанныхъ съ ними инстинктовъ.

Если въ гормонахъ мы находимъ вещества, присутствіе которыхъ въ невѣроятно незначительномъ количествѣ достаточно, чтобы вызвать обширные физіологическіе процессы,— мы въ правѣ принять, что и вещества, занимающія мѣсто не больше, чѣмъ хромозомы, могутъ быть дѣйственными. Съ этой точки зрѣнія весьма вѣроятно разсматривать хромозомы, какъ резервуары гормоновъ.

Аналогіи между процессами—раздражитель—движеніе и раздражитель—морфогенезъ.

Если морфологическія реакціи, дѣйствительно, могутъ быть сравниваемы съ движеніями, возникающими подъ вліяніемъ раздражителей, то намъ слѣдуетъ ожидать, что между процессами—раздражитель—движеніе и раздражитель—формообразованіе найдутся болѣе глубокія аналогіи.

Вызываніе движеній дѣйствіемъ опредѣленныхъ раздражителей можетъ быть подведено подъ Веберовскій законъ ощущеній. Но, какъ намъ уже приходилось упоминать, этотъ законъ не связанъ непремѣнно съ нервной системой. Опыты *Страсбургера* надъ зоогонидіями и *Дженнингса* надъ инфузоріями достаточно доказываютъ это утвержденіе. Весьма вѣроятно поэтому, что и

тамъ, гдѣ органъ образуется соединеніемъ свободныхъ клѣтокъ —для этихъ клѣтокъ примѣнимъ законъ Вебера. Конечно, не легко рѣшить въ высшей степени важный вопросъ, обнаруживается ли этотъ законъ и въ морфогенетическихъ процессахъ. Если бы это было такъ, мы были бы въ правѣ ожидать отъ морфогенетическихъ раздражителей, что они дѣйствуютъ на организмъ не безпрерывно, но лишь въ опредѣленное время вступаютъ въ силу, какъ мы это знаемъ для гормоновъ половыхъ железъ, или же, что органъ становится воспріимчивымъ къ раздражителю только въ опредѣленный моментъ.

Относительно эффектовъ раздраженія, выражающихся въ движеніяхъ, мы знаемъ, что при повторныхъ раздраженіяхъ достаточно меньшаго раздражителя, чтобы вызвать тотъ же эффектъ. Рачки Daphnia реагируютъ на свѣтъ при повторномъ освѣщеніи уже при $^1/_4$ первоначальной свѣтовой силы [1]). Въ морфологическихъ процессахъ мы находимъ очень яркую аналогію съ указаннымъ явленіемъ, такъ какъ и эти процессы обнаруживаютъ такую же „проторенность пути“ (Eingefahrenheit): развитіе аксолотля до амблистомы происходитъ въ слѣдующихъ поколѣніяхъ все легче и легче *(Каммереръ)*; червь Amphiglena при повторной регенераціи съ каждымъ разомъ регенерируетъ быстрѣе *(Е. Шульцъ)*.

Важно было бы обнаружить, происходитъ ли и при формативныхъ раздражителяхъ суммированіе раздраженій. Къ сожалѣнію, объ этомъ у насъ нѣтъ даже намековъ.

Такъ же интересно и важно было бы установить, обнаруживаютъ ли и формативныя раздраженія тѣ же особенности, которыя мы наблюдаемъ при явленіи, когда организмъ, реагируя движеніями на измѣненія, не вліяющія на него непосредственно ни полезно, ни вредно, но обычно предшествующія полезному или вредному вліянію,—въ силу ассоціаціи, соединяющей эти раздраженія, не отвѣчаетъ больше на послѣднее раздраженіе, но лишь на предшествующее. Мы можемъ представить себѣ, что въ данномъ случаѣ раздражитель вызываетъ какія-нибудь физическія или химическія измѣненія въ тѣлѣ, и организмъ „узнаетъ“ эти измѣненія—такъ какъ „впечатлѣнія органовъ чувствъ—не изображенія объектовъ, но знаки“ *(Гельмгольцъ)*—и реагируетъ на нихъ. Нѣчто подобное можно допустить и для формативныхъ раздраженій.

Рядомъ съ этимъ намъ слѣдовало бы изслѣдовать вопросъ о существованіи тормозящихъ формативныхъ раздражителей.

---

[1]) *Davenport-Cannon.* On the Determination of the direction and rat of movement of organisms by light. Journ. of Physiol. V. XXI, 1897.

Какъ извѣстно, головной мозгъ является органомъ, тормозящимъ рефлексы. Возможно, что и въ дѣйствіяхъ формативныхъ раздражителей мы нашли бы аналогичныя явленія.

Весьма вѣроятно, что во всѣхъ этихъ, еще не изслѣдованныхъ вопросахъ, мы найдемъ достаточныя данныя для установленія полнаго соотвѣтствія между процессами—раздражитель—реакція движенія и раздражитель—морфогенезъ.

Съ этой точки зрѣнія, развитіе представляется намъ какъ рядъ процессовъ, приводимыхъ въ движеніе и поддерживаемыхъ раздражителемъ. Количествомъ комплексовъ, зависящихъ другъ отъ друга процессовъ, изъ которыхъ складывается развитіе, опредѣляется и большее или меньшее число носителей наслѣдственности. Одинъ и тотъ же раздражитель, кромѣ того, можетъ вызывать совершенно различныя образованія въ различныхъ органахъ. Та же единица наслѣдственности, которая у кролика вызываетъ окраску дикаго прародителя, обусловливаетъ и бѣлое брюшко. Нераздѣльны признаки волосатости листьевъ и окраски цвѣтовъ. Все это говоритъ за то, что мы можемъ ограничиться тѣмъ небольшимъ числомъ носителей наслѣдственности, которое мы имѣемъ въ хромозомахъ. Что одинъ и тотъ же раздражитель можетъ вызывать различнѣйшіе процессы, намъ хорошо понятно и извѣстно изъ физіологіи. Съ другой стороны, однако, мы наталкиваемся на противоположную особенность, а именно, что одинъ признакъ, какъ, напримѣръ, опредѣленная окраска цвѣтовъ, зависитъ не отъ одной только, но отъ многихъ единицъ наслѣдственности [1]). Въ этомъ формативные раздражители сходны съ инстинктивными, гдѣ различные раздражители также часто соединяются, чтобы вызвать одинъ опредѣленный эффектъ. При соединеніи раздражителей, послѣдніе какъ бы индивидуализируются и, чѣмъ больше раздражителей соединяется вмѣстѣ, тѣмъ индивидуальнѣе становится формативный раздражитель, а индивидуальный раздражитель, по *Дришу* [2]), является характерной особенностью поступка.

Локализація раздражителей. Если смотрѣть на носителей наслѣдственности лишь какъ на раздражители, то становится очевиднымъ, что принципіально безразлично, приходятъ ли эти раздражители извнѣ или образуются въ самомъ организмѣ или передаются ему отцовскимъ или материнскимъ организмомъ. Послѣдніе два способа образованія раздражителей, конечно, самые надежные. У растеній раздражители развитія лежатъ внѣ органи-

[1]) Сравни *Baur.* Vererbungslehre.

[2]) *Driesch.* Die Seele als elementerer Naturfaktor.

зма гораздо чаще, чѣмъ у животныхъ. У животныхъ часто лежатъ внѣ организма слѣдующіе формативные раздражители: раздражитель развитія, перенесенный въ яйцо оплодотвореніемъ; часто, вѣроятно, и раздражитель, вызывающій метаморфозъ [1]); въ нѣкоторыхъ случаяхъ, набуханіе (у животныхъ, яйца которыхъ обнаруживаютъ остановку развитія, какъ у рачка Artemia salina), или холодъ, какъ у паукообразныхъ Phalangidae или, быть можетъ, нагрѣваніе — для яицъ, зимующихъ на опредѣленной стадіи развитія. Часто внѣ организма лежитъ и раздражитель, обуславливающій полъ, какъ мы это видимъ у гидры, коловратки Hydatina senta, червя Dinophilus и, быть можетъ, у тлей—афидъ (причемъ благопріятныя условія вызываютъ появленіе самокъ, неблагопріятныя, какъ холодъ и голодъ—самцовъ). У высшихъ животныхъ этотъ раздражитель лежитъ въ самомъ организмѣ и можетъ быть сведенъ, по крайней мѣрѣ, у насѣкомыхъ къ одной хромозомѣ—хорошій примѣръ импликаціи раздражителя. Какъ въ физіологическихъ процессахъ, такъ и въ морфологическихъ крайніе раздражители дѣйствуютъ, быть можетъ, сходнымъ образомъ, какъ, напримѣръ, жара и холодъ и т. д. Это вполнѣ понятно съ точки зрѣнія физіологіи раздраженія, но совершенно непонятно химически.

Трудно предположить, чтобы формативные раздражители образовывались только въ опредѣленный моментъ. Если они связаны съ опредѣленными хромозомами (какъ раздражитель, опредѣляющій полъ у многихъ животныхъ), то они присутствуютъ во время всего развитія. „Соматизація ядра“ состоитъ въ переходѣ гормона въ плазму. Конечно, результатъ зависитъ отъ того, на что дѣйствуетъ это вещество—на железистыя ли клѣтки, на мышечныя или другія. Такимъ образомъ, время дѣйствія раздражителя зависитъ отъ него самого меньше, чѣмъ отъ степени развитія органа, воспринимающаго этотъ раздражитель; организмъ долженъ достигнуть стадіи, на которой онъ становится воспріимчивымъ къ данному раздражителю.

Локализація источника раздраженія не такъ важна. Раздражитель можетъ придти извнѣ или изнутри, онъ можетъ быть химическимъ или физическимъ, передаваться кровью или черезъ нервную систему. Для каждаго даннаго случая важно, конечно, опредѣлить раздражитель; этимъ, однако, еще не исчерпывается вопросъ. Мы только что видѣли, напримѣръ, что изученный наиболѣе полно раздражитель, опредѣляющій полъ, у многихъ жи-

[1]) У насѣкомыхъ онъ вызывается энзимомъ внутри организма *(Метальниковъ)*.

вотныхъ лежитъ еще внѣ тѣла, въ то время какъ у другихъ созрѣваніе половой железы опредѣляется двояко, какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ раздражителемъ—внутренней періодичностью, которую мы не въ состояніи проанализировать глубже. Такую двоякую зависимость мы встрѣтимъ не разъ при изслѣдованіи явленій морфогенеза; впервые о ней заговорилъ, насколько я знаю, *Ру*, учитывающій для развивающагося на извѣстной стадіи органа вліяніе какъ унаслѣдованнаго, такъ и функціональнаго раздражителя.

Гормонъ, профермент или ферментъ—специфическое вещество, впервые возникшее, по нашему мнѣнію, случайно при какомъ-нибудь процессѣ, передается по наслѣдству. Что половыя клѣтки весьма легко проницаемы для всякаго рода веществъ, доказываютъ опыты кормленія животныхъ Sudanroth; поколѣніе, происшедшее изъ окрашеннаго яйца, оказывалось совершенно желтымъ. Еще интереснѣе опытъ *Эрлиха*, по которому мыши, если имъ давать очень незначительныя дозы рицина, становятся невоспріимчивыми къ этому яду. Эта невоспріимчивость распространяется на всѣ клѣтки тѣла, въ томъ числѣ и на половыя, и затѣмъ передается по наслѣдству. Приведенные примѣры показываютъ, какимъ образомъ могутъ возникать новыя единицы наслѣдственности. Передача по наслѣдству пріобрѣтенныхъ свойствъ можетъ при этомъ происходить такимъ образомъ, что подвергающійся воздѣйствію организмъ окажется уже не въ состояніи измѣниться (взрослыя насѣкомыя), но слѣдующее поколѣніе на болѣе ранней и пластичной стадіи развитія можетъ отвѣтить на передавшійся, очевидно, по наслѣдству раздражитель (у жука Leptinotarsa по *Тоуэру*).

Особенность многихъ, до сихъ поръ изслѣдованныхъ, процессовъ наслѣдственности, заключается въ томъ, что они съ одной стороны, повидимому, зависятъ отъ раздражителя, но съ другой —обыкновенно еще „настраиваются“ или подготовляются къ реакціи какимъ-нибудь химическимъ веществомъ. Примѣромъ можетъ служить образованіе оболочки decidua, которая, по *Л. Лёбу* вызывается механическимъ раздраженіемъ матки, но лишь тогда, когда ткань подготовлена инфильтраціей жидкости лопнувшаго фолликула. Такихъ примѣровъ можно привести много. Смыслъ ихъ становится яснымъ, если вспомнить, что одинъ раздражитель, находящійся въ хромозомахъ, постоянно освобождается. Локализація во времени дѣлается возможной благодаря тому, что сталкиваются по крайней мѣрѣ два раздражителя, изъ которыхъ одинъ возникаетъ лишь на опредѣленной стадіи развитія.

„Перемѣна раздражителя“ и способность къ ассоціаціи.

Принявъ, какъ было условлено выше, способъ реакціи за постоянную и обративъ все вниманіе на раздражителя, мы замѣчаемъ, что этотъ раздражитель не только различенъ у близкихъ видовъ животныхъ, но и во время развитія одного и того же животнаго не можетъ оставаться постояннымъ и долженъ претерпѣвать нѣкоторыя химическія измѣненія. Этотъ фактъ я въ свое время назвалъ „перемѣной раздражителя“. *Бехеръ* [1]) пришелъ къ той же идеѣ и говоритъ о „Inductionswechsel“.

Разнообразнѣйшіе раздражители, какъ мы видимъ, часто вызываютъ одинъ и тотъ же результатъ. Нельзя говорить во всѣхъ случаяхъ о настоящихъ ассоціаціяхъ, такъ какъ это повело бы къ большимъ заблужденіямъ: всѣ дѣйствующіе въ опредѣленномъ случаѣ раздражители могли бы быть отнесены въ одну какую-нибудь группу не индивидуализированныхъ раздражителей, такъ что ассоціація могла бы оказаться результатомъ несовершенства и неспособностью различія. Для примѣра можно взять партеногенетическое развитіе, вызываемое не только тѣми веществами, которыя Лебъ разсматриваетъ, какъ разстворители лецитина, но и уколомъ. Причиной этого часто является то обстоятельство, что, какъ въ случаѣ раздражителей, вызывающихъ развитіе яйца, длинный рядъ раличныхъ вліяній тотчасъ вызываетъ въ организмѣ измѣненія, на которыя индивидъ реагируетъ, какъ на знакъ. Вѣдь, именно такъ организъ реагируетъ на всѣ ощущенія *(Гельмгольцъ)*. Ассоціація, на основаніи сходства, быть можетъ, вовсе не активно психическій процессъ, но лишь недостатокъ органовъ ощущеній (рецепторовъ).

Напротивъ того, способность ассоціаціи при одновременности двухъ или большого числа ощущеній—признакъ психичности. Критерій психическаго: какъ по *Лебу*, такъ и по *Бону* [2]): La mémoire associative.

Этотъ второй родъ ассоціаціи могъ доказать *Дженингсъ* [3]) для инфузуріи Stentor и *Метальниковъ* для Paramaecium. У меня также имѣются нѣкоторыя, не опубликованныя еще наблюденія, доказывающія то же самое. *Фр. Дарвинъ* [4]), наконецъ, доказалъ

---

[1]) *Becher.* Ueber doppelte Sichegung, heterogene Induction nnd associative Inductionswechsel. Zool. Jahrb. Bd. XV (Festschr f. Spengel), 1912.

[2]) *Bohn.* La naissanse de l'intellingence.

[3]) *Jennings.* Das Verhalten der niederen Organismen unter natürlichen und experimentel. Bedingungen.

[4]) *Francis Darwin.* Lecturs on the physiologie of movement in plants. Associated stimul. the New Phytologist. Vol. V, 9, № 1906.

способность къ ассоціаціи у растеній. Намъ приходилось уже говорить, что на основаніи этихъ данныхъ можно считать способность къ ассоціаціямъ не связанной непремѣнно съ нервной системой, какъ таковой, но особенностью протоплазмы вообще, такъ что мы можемъ ее приписать, быть можетъ, и бластомерамъ и вообще всѣмъ клѣткамъ.

Ассоціація въ нѣкоторыхъ случаяхъ приводитъ къ тому, что организмъ измѣняетъ способъ реакціи. Инфузорія Stentor, обычно реагирующая положительно на слабый токъ воды, т. е. широко раскрывающая рѣсничатое околоротовое кольцо и ротовое отверстіе (цитостомъ), научается реагировать на такой токъ воды отрицательно, т. е. закрывать ротовое отверстіе и даже уплывать, если къ току примѣшаны зерна кармина. На Stentor'а—съ такимъ личнымъ опытомъ—и токъ воды, безъ примѣси кармина, дѣйствуетъ отрицательно (*Дженнингсъ*). Мои опыты были направлены на то, чтобы не измѣнять реакцію, но только мѣнять постепенно раздражителя. Если измѣнять весьма постепенно растворъ, уменьшая одно вещество и прибавляя другое, то инфузоріи, въ концѣ концовъ, отвѣчаютъ положительно на такое раздраженіе, къ которому раньше онѣ относились отрицательно,—стремятся къ нему. Передъ нами снова принципъ перемѣны раздражителя, выступающій очень ясно въ инстинктахъ высшихъ животныхъ. Оса пріучается ежедневно прилетать къ тарелкѣ съ медомъ; если по истеченіи нѣкотораго времени замѣнить тарелку съ медомъ пустой тарелкой,—оса все-таки прилетаетъ къ ней (*Форель* [1]). Паукъ Attus arcuatus не трогаетъ муху, смоченную скипидаромъ, но затѣмъ не беретъ и обыкновенныхъ мухъ (*Даль* [2]). Извѣстенъ подобный же опытъ *Мебіуса* со щукой, которая была отдѣлена въ акваріумѣ отъ другихъ рыбъ стеклянной перегородкой. Щука стукалась рыломъ въ стекло каждый разъ, какъ собиралась схватить рыбу; когда стекло было затѣмъ удалено, щука не трогала больше рыбъ. Различныя лягушки научались избѣгать дождевыхъ червей, если схватываніе ихъ сопровождалось электрическимъ ударомъ (*Шеффферъ* [3]). Мы наталкиваемся здѣсь на процессъ узнаванія, при которомъ вспоминаются сопровождающія обстоятельства [4]). Что эти сопровождающія обстоятельства прежде могли быть восприняты безсознательно и, тѣмъ не менѣе, впослѣдствіе вспоминаться,—для человѣка доказано давно.

---

[1]) *Forel.* Sinnesleben der Insekten. 1910.

[2]) *Dahl.* Vierteljahrschr. f. wiss. Philosophie. 1885.

[3]) *Asa Schaeffer.* The Journ. of animal Behavior. I., 1911.

[4]) Сравни—*Lehmann.* Ueber Wiedererkennen. Philos. Studien Wundt. Bd. V.

Способность къ ассоціаціямъ, доказанную, какъ мы упоминали, для одноклѣточныхъ животныхъ и, повидимому, растеній, въ морфогенезѣ можно было бы обнаружить въ томъ случаѣ, если бы, какъ отвѣтъ на какое-нибудь раздраженіе, начались такіе морфологическіе процессы, которые раньше вызывались другимъ раздражителемъ, возможно, дѣйствовавшимъ на организмъ одновременно съ этимъ раздраженіемъ.

Эта перемѣна раздражителя доказана для физіологическихъ процессовъ: я имѣю въ виду, такъ называемые, условные рефлексы *Павлова* и его школы. Для морфологическихъ процессовъ такіе рефлексы можно доказать только косвеннымъ путемъ. Косвенное доказательство можно видѣть въ фактѣ перемѣны внѣшняго раздражителя на внутренній. Такъ, напримѣръ, хрусталикъ у лягушки Rana fusca развивается въ строгой зависимости отъ глазного пузыря, въ то время какъ у Rana esculenta,—обычно независимо отъ него. Измѣненія, вызываемыя во время развитія вида (въ филогенезѣ) внѣшними вліяніями—при развитіи индивидуума (въ онтогенезѣ) вызываются внутренними раздражителями. Проблема формы—это проблема опредѣленныхъ движеній, являющихся, какъ отвѣтъ на мѣняющіяся раздраженія. Напомню, что на разнообразіе раздражителей, вызывающихъ представленія, въ психологіи давно обращено вниманіе.

Способность отыскивать, если можно такъ выразиться, новые раздражители и этимъ создавать новыя комбинаціи и разрушать старыя, конечно, распространена неравномѣрно. Прочныя связи возникаютъ въ длинныхъ филогенетическихъ рядахъ. „Свободная воля“—безъ традицій и легко мѣняетъ направленіе. Мы знаемъ, какъ легко у человѣка тотъ же самый раздражитель можетъ вызвать различныя представленія, отчего и реакція можетъ протекать очень разнообразно. Вотъ примѣръ: мы закрываемъ глаза, и чья-то рука гладитъ нашу щеку; этотъ раздражитель можетъ соединяться съ различными представленіями, и въ зависимости отъ представленія—о нашей матери, женѣ, ребенкѣ или чужомъ человѣкѣ—будетъ наша реакція.

Раздражитель, слѣдовательно, вызываетъ представленіе; это представленіе—слѣдующее и т. д. Каждому представленію соотвѣтствуетъ морфологическій процессъ. *Эббингаусъ* доказалъ, что ассоціація устанавливается не только между двумя ближайшими слѣдующими другъ за другомъ представленіями, но и между болѣе отдаленными, хотя такая ассоціація и слабѣе. Въ пропусканіи стадій, которое обнаруживается при сравненіи всякаго эмбріональнаго развитія съ филогенетическимъ, а также съ болѣе

медленнымъ и подробнымъ развитіемъ близкихъ группъ, мы имѣемъ морфологическій коррелятъ этого способа ассоціаціи съ пропусканіемъ промежуточныхъ звеньевъ.

Ассоціація представленій, какъ основа теоріи наслѣдственности.

Наша теорія наслѣдственности основана, какъ мы видимъ, на способности ассоціаціи представленій. Эти представленія связаны съ извѣстными ощущеніями, которыя вызываются извѣстными раздражителями. Раздражители могутъ мѣняться, но ощущенія при этомъ могутъ оставаться неизмѣненными (перемѣна раздражителя, условные рефлексы Павлова). Съ этой точки зрѣнія, совершенно отпадаетъ одинъ вопросъ, раздѣляющій всѣхъ теоретиковъ ученія о наслѣдственности на два лагеря—вопросъ объ импликаціи раздражителя или параллельной индукціи. Если, какъ результатъ раздражителя, произойдетъ, положимъ, какое-нибудь вещественное измѣненіе, то, съ нашей точки зрѣнія, совершенно безразлично, образуется ли это химическое вещество, этотъ гормонъ, прямо въ половыхъ клѣткахъ и соматическихъ одновременно или переносится изъ соматическихъ клѣтокъ въ половыя. Безразлично также, идентично-ли измѣненіе, вызванное въ половыхъ клѣткахъ, съ измѣненіемъ, вызваннымъ въ клѣткахъ соматическихъ. Измѣненія всегда могутъ вступить въ ассоціацію съ одновременными соматическими раздраженіями.

Если въ слѣдующемъ поколѣніи опять возникаетъ механизмъ такой же или сходной структуры, какъ въ родительскомъ организмѣ, то вполнѣ естественно, что новый организмъ, если унаслѣдованъ раздражитель, реагируетъ на него подобнымъ же образомъ, какъ и родительскій; новымъ раздражителемъ вызываются тѣ же ощущенія и представленія. Парадигма, такимъ образомъ, эпигенетична.

Импликація раздражителя.

Первый шагъ унаслѣдованія состоитъ, слѣдовательно, въ томъ, что раздражитель имплицируется. Эта импликація происходитъ, по моему мнѣнію, такимъ образомъ, что внѣшній раздражитель ассоціируется съ внутреннимъ измѣненіемъ, и впослѣдствіи это внутреннее измѣненіе одно уже вызываетъ морфологическій процессъ. Въ данномъ случаѣ передъ нами условный рефлексъ въ смыслѣ ученія *Павлова*. Въ этомъ смыслѣ я говорилъ и о принципѣ перемѣны раздражителя. Образованіе, вызванное раздражителемъ, остается сравнительно неизмѣннымъ, такъ какъ оно сопровождается, если можно такъ выразиться, парадигмой,—и извѣстная морфэстезія исправляетъ неровности процесса.

Примѣровъ такой импликаціи—раздражителя существуетъ

достаточно. Такъ, *Стонпель* доказалъ, что ритмическое открываніе цвѣтовъ въ однихъ случаяхъ обусловливается внѣшними раздраженіями, въ другихъ же автономно и, слѣдовательно, зависитъ, вѣроятно, отъ внутреннихъ раздражителей. У насъ самихъ мы знаемъ движенія, происходящія отъ внѣшнихъ и внутреннихъ причинъ. Съ формообразовательными процессами дѣло обстоитъ не иначе. Лемминги мѣняютъ осенью шерсть на бѣлую; если ихъ держать въ тепломъ помѣщеніи, то эта перемѣна шерсти не наблюдается, но она происходитъ, если подвергать лемминговъ дѣйствію холода (капитанъ *Россъ*). Арктическій заяцъ, однако, становится бѣлымъ даже въ томъ случаѣ, если не подвергать его дѣйствію холода и держать въ помѣщеніи съ ровной температурой. Я упоминалъ выше о дѣленіи нѣкоторыхъ червей, при которомъ для регенераціи сперва необходима рана, какъ внѣшній раздражитель, въ то время, какъ у близкихъ видовъ регенерація начинается раньше, чѣмъ наступаетъ дѣленіе, т. е. является отвѣтомъ на другой—внутренній раздражитель. Галлы на растеніяхъ часто образуются раньше, чѣмъ личинка покинетъ яйцевую оболочку, въ то время какъ обыкновенно они возникаютъ вслѣдствіе поврежденій, производимыхъ личинкой въ тканяхъ растеній. Хорошимъ примѣромъ импликаціи можетъ служить и опытъ *Брауса*, касающійся вопроса о прорывѣ такъ называемаго orgeculum у головастика, черезъ которое просовывается передняя конечность; вѣроятно, первоначально этотъ прорывъ произошелъ отъ надавливанія локтя, но теперь онъ образуется и тогда даже, когда вся конечность удалена. Характерно и приведенное *Ноллемъ* самостоятельное образованіе щелей въ галлахъ для выпусканія насѣкомаго.

Нѣчто подобное мы находимъ и въ инстинктахъ. Инстинктъ внутренне подготовленъ; чтобы вызвать его проявленіе, необходимъ внѣшній раздражитель; такъ, напримѣръ, для материнскаго инстинкта—ребенокъ. Такіе внѣшніе раздражители въ иныхъ случаяхъ могутъ переноситься внутрь, какъ, напримѣръ, при постройкѣ гнѣзда пауковъ; быть можетъ, и для нихъ имѣется въ ядрѣ хромозома, вызывающая проявленіе инстинкта, но, конечно, не опредѣляющая характера его.

Внутреннимъ расположеніемъ объясняется время появленія морфологическаго процесса. Въ онтогенезѣ, поэтому, признакъ можетъ появиться лишь тогда, когда организмъ опять находится въ томъ состояніи, въ которомъ этотъ признакъ былъ пріобрѣтенъ имъ въ родительскомъ организмѣ; раньше раздражи-

тель не можетъ дѣйствовать, хотя онъ, какъ вещество, передаваемое отъ родителей, все время присутствуетъ въ организмѣ. Такое воззрѣніе объясняетъ непонятную на первый взглядъ локализацію процессовъ во времени. Носители наслѣдственности, если ихъ не разсматривать, какъ раздражители, не могутъ объяснить эту локализацію.

Если носителей наслѣдственности видѣть въ хроматинѣ, то это вещество должно выходить изъ ядра и не оставаться въ немъ постоянно, какъ въ сосудѣ. Это всегда происходитъ между двумя дѣленіями клѣтокъ. Хроматинъ, кромѣ того, можетъ принимать участіе въ секреціи: частицы хроматина превращаются въ зернистый секретъ и выдѣляются въ тѣло клѣтки.

Говоря о законахъ раздраженія, необходимо имѣть въ виду и слѣдующее. Постоянное раздраженіе перестаетъ дѣйствовать. Глазъ воспринимаетъ картину лишь въ томъ случаѣ, если она не слишкомъ долго дѣйствуетъ на сѣтчатку. Такое же правило мы знаемъ и для всѣхъ рецепторныхъ органовъ. Можно предполагать, поэтому, что раздражитель заключенъ въ ядрѣ и что вещество, являющееся раздражителемъ, періодически выступаетъ изъ ядра, благодаря росту и дѣленію клѣтокъ. Можетъ быть, если совершенно предаваться гипотезамъ, отсюда происходитъ и періодичность и одновременность клѣточныхъ дѣленій.

Если два раздражителя одного рода дѣйствуютъ одновременно на какой-нибудь центръ, то эти раздражители слагаются. Быть можетъ, поэтому, дѣятельность, а, слѣдовательно, и ростъ органа вызываетъ сильное выдѣленіе раздражающихъ веществъ въ плазму и, какъ результатъ, образованіе опредѣленныхъ органовъ, какъ мы это видимъ, напримѣръ, въ корреляціи половыхъ железъ со вторичными половыми признаками.

Съ другой стороны, можно допустить существованіе тормозящихъ раздражителей. Мы знаемъ, что потенція клѣтокъ (проспективная потенція) больше, чѣмъ ихъ назначеніе (проспективное значеніе). Часто допускаютъ, что потенціи удерживаются въ границахъ ихъ назначенія такими особыми тормозящими раздражителями. И въ данномъ случаѣ вопросъ могло бы выяснить сравненіе съ психо-физіологическимъ закономъ, по которому два или нѣсколько раздражителей, дѣйствующихъ одновременно на различные нервные центры, тормозятъ другъ друга. Можетъ быть, такое же явленіе происходитъ и въ томъ случаѣ, когда различные раздражители дѣйствуютъ на одинъ и тотъ же центръ.

Обсудивъ локализацію раздражителей по времени и по мѣсту, мы хотѣли бы разсмотрѣть затронутый нами вопросъ объ

импликаціи раздражителей, немного подробнѣе, хотя съ точки зрѣнія перемѣны раздражителей на основаніи ассоціаціи, этотъ процессъ, казавшійся весьма таинственнымъ всѣмъ изслѣдователямъ, не заслуживаетъ особаго вниманія въ каждомъ данномъ случаѣ. Изъ опытовъ *Павлова* и его учениковъ мы знаемъ, что любой раздражитель можетъ привести къ условному рефлексу; такъ, обонятельные раздражители, шумы, холодъ, боль, вызванная ущипленіемъ, оптическія впечатлѣнія могутъ вызвать отдѣленіе слюны. По *Бехтереву*, подобные условные рефлексы возникаютъ и при движеніяхъ. Мы видимъ и здѣсь, что выдѣленія, которыя можно разсматривать, какъ дифференцировки, относятся подобно движеніямъ, т. е. подчинены тѣмъ же самымъ психологическимъ законамъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что и въ этой области морфогенетическіе процессы относятся, какъ инстинкты, тѣмъ болѣе, что раздражители найдены и для морфологическихъ процессовъ. Условные рефлексы для инстинктовъ, конечно, такъ распространены, что я не считаю нужнымъ останавливаться на нихъ.

Съ этой точки зрѣнія, само собой разумѣется, что при передачѣ по наслѣдству функціональныхъ приспособленій функціональные и онтогенетическіе раздражители могутъ быть неоднородными. Они могутъ быть совершенно гетерогенными; достаточно только одновременнаго дѣйствія ихъ, чтобы быстрѣе или медленнѣе, крѣпче или свободнѣе образовать ассоціацію, такъ что функціональный раздражитель при унаслѣдованіи можетъ быть замѣненъ любымъ внутреннимъ. Природа или химическій составъ хромозомъ, какъ носителей наслѣдственности, съ этой точки зрѣнія не представляютъ существеннаго интереса, такъ какъ разгадка проблемы наслѣдственности не лежитъ ни въ физическомъ, ни въ химическомъ характерѣ хромозомъ, но въ способѣ реакціи, не опредѣляемой, а лишь вызываемой раздражителемъ.

Что касается отношенія къ морфологическимъ раздражителямъ, то растенія, какъ мы отмѣтили выше, отвѣчаютъ больше на внѣшнія раздраженія, обнаруженныя въ большомъ числѣ замѣчательными трудами *Клебса*. То обстоятельство, что внѣшнее раздраженіе часто или почти всегда дѣйствуетъ одновременно со внутренними при окончательной формировкѣ органа, имѣетъ, быть можетъ, смыслъ направляющаго руководства и согласованнаго дѣйствія при каждомъ новомъ онтогенезѣ. Такъ, расположеніе листьевъ, образованіе вѣтвей, волосатость, форма листа, по *Клебсу*, зависятъ отъ внутреннихъ условій, регулируемыхъ, однако, внѣшними вліяніями. Такое двойное вліяніе *Ру* давно уже уста-

новилъ для функціональнаго формообразованія и описалъ для періода, когда унаслѣдованный и функціональный морфогенезъ идутъ еще рука объ руку, какъ двояко обусловленный процессъ. Что два или большее число раздражителей могутъ обсусловливать инстинктивный процессъ, понятно само собой.

Новыя ощущенія могутъ ассоціироваться такъ же хорошо съ движеніемъ, какъ и съ выдѣленіемъ или съ чисто морфологическимъ процессомъ. У растеній, напримѣръ, имѣющихъ лишь движенія, основанныя на морфологическихъ процессахъ *Фр. Дарвинъ* доказалъ ассоціативную безсознательную память; соединеніе между раздражителемъ и отвѣтомъ на него у растенія существенно не отличается отъ движеній у человѣка (органъ чувствъ —проводитель—импульсъ—эффектъ).

Если принять приведенную выше теорію, можно представить себѣ въ совсѣмъ иномъ свѣтѣ, чѣмъ это принято, и вопросъ о происхожденіи видовъ. Скачки при измѣненіяхъ слѣдуютъ изъ закона Вебера; эти скачки необходимы, чтобы измѣненія были ощущаемыми. Варіаціи, которыя не являются результатомъ раздраженія и флюктуируютъ, не могутъ вызвать ощущеній и поэтому не могутъ передаться по наслѣдству. Измѣненіе скачкомъ можетъ уже вызвать „энграмму“ или ощущеніе и такимъ образомъ создать первое условіе унаслѣдованія. Это воззрѣніе подтверждается опытами *Тоуэра* надъ жучкомъ Leptinotarsa, у котораго раздражитель вызываетъ измѣненіе только въ слѣдующемъ поколѣніи. Какъ существуютъ ощущенія безъ сопровождающихъ ихъ движеній (потому что въ данный моментъ они не могутъ вызвать полнаго движенія), такъ существуютъ и ощущенія, которыя, не будучи въ состояніи вызвать морфологическій процессъ, вызываютъ его лишь въ слѣдующемъ поколѣніи.

Тѣсная корреляція частей вызывается двойной, по крайней мѣрѣ, зависимостью морфологическихъ процессовъ; эта сложная зависимость является условіемъ корреляціи, и мы можемъ представить ее себѣ, какъ зависимость отъ функціи путемъ внутренней секреціи, черезъ нервное раздраженіе и органообразовательныя вещества. Изъ наблюденій *Петера* мы знаемъ, что варіаціи въ величинѣ отдѣльныхъ органовъ сглаживаются при дальнѣйшемъ развитіи. Независимо отъ большей или меньшей противъ нормы величины индивида пропорціи сохраняются постоянными подобно тому, какъ нашъ почеркъ не измѣняется въ пропорціяхъ, когда мы пишемъ большими или маленькими буквами. Трудно, слѣдовательно, допустить, что вторичные половые признаки зависятъ исключительно отъ первичныхъ половыхъ же-

лезъ; это не подтверждается и новѣйшими изслѣдованіями (срав. *Камерреръ*). Такъ изъ опытовъ *Штейнаха*[1]) мы знаемъ, что мозоли на пальцахъ лягушки періодически увеличиваются и послѣ кастраціи. Корреляція между двумя какими-либо органами часто бываетъ сильнѣе, чѣмъ между другими частями, такъ что разъединеніе корреляціи путемъ скрещиванія становится труднымъ. У Lathyrus odoratus форма тычинокъ и окраска цвѣтка такъ тѣсно связаны, что они не отвѣчаютъ правилу Менделя. Тѣсная корреляція, повидимому, вызывается тѣмъ, что имѣется одинъ генъ или раздражитель для двухъ совершенно различныхъ процессовъ.

Я не думаю, разумѣется,—и я это подчеркиваю—чтобы раздражителями могла быть объяснена вся пропорціональность и замкнутость образованій. Передъ нами снова морфэстезія, мелодія, части которой такъ тѣсно связаны, что каждая включаетъ въ себѣ цѣлое.

Корреляціи между частями во время филогенетическаго развитія не неразрывны. Недавно еще мы узнали, что зависимость глазного пузыря отъ линзы, характерная для лягушки Rana fusca, нарушена у Rana palustris и Rana esculenta, у которыхъ глазной пузырь и линза закладываются самостоятельно и независимо другъ отъ друга. Возможно, что независимость развитія вторичныхъ половыхъ признаковъ отъ половыхъ железъ у бабочекъ произошла вслѣдствіе такого нарушенія корреляціи; можетъ быть, впрочемъ, въ данномъ случаѣ это состояніе является болѣе первичнымъ, такъ какъ половые признаки, повидимому, первоначально возникаютъ, какъ видовые. Если это такъ, то корреляція между половыми железами и вторичными половыми признаками вездѣ пріобрѣтена вторично. Наоборотъ, намъ слѣдуетъ принять, что мышцы развивались въ филогенезѣ въ строгой зависимости отъ нервовъ,—у кишечнополостныхъ онѣ образуютъ еще одно цѣлое. Въ эмбріональномъ развитіи и при регенераціи эта связь нарушается и мышечныя клѣтки закладываются самостоятельно, хотя для полнаго развитія ихъ все же необходимо присутствіе нервной системы.

Ученіе объ энграммахъ. Приведенныя данныя даютъ основаніе признать, что энграммы, въ смыслѣ Земона или представленія, говоря терминами психологіи, какъ таковыя, не передаются по наслѣдству, но возникаютъ эпигенетически, будучи вызваны унаслѣдованными раздражителями. При такой постановкѣ вопросъ о сохраненіи энграммъ отпадаетъ. Вѣдь, и регу-

[1]) *Steinach.* Centralbl. f. Physiol. Bd. 24, 1910.

лятивная способность яйцевой структуры доказываетъ, что она не можетъ быть сложной и, вѣроятно, состоитъ лишь изъ матеріала для постройки (ὕλη) и смѣси энзимовъ. Новое возникновеніе не нуждается въ складѣ, гдѣ сохранялись бы всѣ впечатлѣнія. Вопросъ, такимъ образомъ, пріобрѣтаетъ тотъ же смыслъ, что и вопросъ одинаковаго способа реакціи при повторныхъ поступкахъ. Преформированъ раздражитель,—эпигенетична реакція, обусловленная эпигенетично возникающей парадигмой.

Представленіями или парадигмой объясняется принципіальная сторона совпаденія онтогенеза съ филогенезомъ, регенераціи съ онтогенезомъ, повторенія филогенеза инстинктомъ и многое другое. Характерное представленіе обнаруживается именно въ томъ, что процессы протекаютъ принципіально сходно, но не тождественно,—что они какъ-бы слѣдуютъ общей схемѣ, которая измѣняется здѣсь и тамъ, приспособительно къ данному случаю.

Воспоминаніе связано, слѣдовательно, съ раздражителями, которые мы можемъ назвать репрезентативными,—они являются признаками для узнаванія. Для виталиста здѣсь соприкасается психика съ матеріей, для параллелиста онѣ лежатъ здѣсь тѣсно другъ возлѣ друга. Характеръ раздраженія, самъ по себѣ, безразличенъ, если раздражитель лишь ассоціированъ или является представителемъ другого. Творчество для виталиста лежитъ въ психикѣ, создающей міръ изъ раздраженій, и по времени совпадаетъ съ подготовкой къ поступку.

Все ученіе объ энграммахъ построено на аналогіяхъ съ функціей нервной системы. И въ мозгу, вѣроятно, впечатлѣніе остается въ нервной клѣткѣ въ видѣ физическаго или химическаго измѣненія, и это нѣчто—съ точки зрѣнія ассоціаціи совершенно безразлично, что это такое—служитъ признакомъ. Тѣсная зависимость памяти отъ процессовъ питанія говоритъ за то, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ скопленіемъ матеріи. Тѣльца Ниссля исчезаютъ изъ клѣтокъ при усиленной работѣ.

Если мы примемъ ученіе объ энграммахъ, мы въ правѣ ожидать, что нервныя клѣтки обнаруживаютъ морфологическія аналогіи съ половыми. Сравненіе структуры гангліозныхъ клѣтокъ и половыхъ дѣлалось неоднократно, правда, съ совершенно иной точки зрѣнія или, вѣрнѣе,—и это имѣетъ для насъ еще большее значеніе,—безъ всякой точки зрѣнія, такъ какъ напрашивалось само собой. Такъ, напримѣръ, *Роде* указалъ, что половыя и гангліозныя клѣтки самыя большія клѣтки человѣческаго тѣла. Заслуживаетъ вниманія и тотъ фактъ, что какъ половыя клѣтки, такъ и гангліозныя содержатъ много жировыхъ веществъ

(лецитинъ и др.). Какъ извѣстно *Лебъ*, принимаетъ, что въ этихъ веществахъ какъ бы находятся представленія, такъ какъ всѣ, растворяющія жиръ, вещества дѣйствуютъ наркотически и вызываютъ потерю памяти. Весьма замѣчательно, что яйца морского ежа, по еще неопубликованнымъ опытамъ *В. Половцевой*, подъ вліяніемъ эфира теряютъ всякую направленность развитія и дѣлятся и дифференцируются безъ всякаго порядка и, какъ бы, безъ всякаго управленія. Не растворены ли, быть можетъ, и въ нихъ временно репрезентативныя вещества, служащія знаками, за которыя, такъ сказать, зацѣпляется ассоціація?

Ученіе Бетлера, Геринга и Земона объ энграммахъ и аналогіи, которыя я изложилъ въ настоящей работѣ, вмѣстѣ образуютъ остовъ новаго ученія. Мы не будемъ, однако, впадать въ ошибку тѣхъ теоретиковъ, которые, какъ вейсманисты, менделисты, дарвинисты и ламаркисты, часть истины принимаютъ за цѣлое. И при нашемъ способѣ разсмотрѣнія остаются неразрѣшенными нѣкоторыя проблемы, которыя, быть можетъ, являются самыми важными въ вопросахъ жизни. Такимъ, напримѣръ, представляется вопросъ объ индивидуальности, которая разрушается всякимъ анализомъ, какъ таковая. Выше мы коснулись уже вопроса о томъ, какимъ образомъ изъ отдѣльныхъ генъ или признаковъ создается цѣлое. При этомъ сами признаки берутъ начало изъ двухъ различныхъ источниковъ; т. н. „начало частей“ разъединено,—одно лежитъ „въ мужскомъ, другое въ женскомъ сѣмени“, какъ выражался уже Эмпедоклъ. Амфимиксисъ, т. е. половое размноженіе соединяетъ живую природу, дѣлаетъ то, что новоприобрѣтенное не погибнетъ и распространяется далѣе въ новыхъ комбинаціяхъ.

Недостаточность менделевскихъ законовъ для объясненія вопросовъ наслѣдованія.

Мы должны сознаться, что надежда объяснить менделевскими законами весь вопросъ наслѣдованія сильно преувеличена. Менделизмъ оперируетъ съ варіаціонными различіями, и эти признаки, повидимому, опредѣляются хромозомами. Мы имѣемъ, напримѣръ, цѣльнокрайные или зубчатыя листья, но самый листъ, все растеніе, какъ цѣлое, животное въ главныхъ своихъ чертахъ? Все это не менделируетъ, и мнѣ кажется, поэтому, весьма вѣроятнымъ, особенно, если вспомнить опыты *Годлевскаго* надъ скрещиваніемъ очень далекихъ другъ отъ друга семействъ (морской ежъ и морская лилія), что главная форма тѣла не зависитъ отъ хромозомъ, но отъ плазмы. Намъ безразлично, откуда исходитъ источникъ раздраженія, но, благодаря гистологическимъ изслѣдованіямъ, становится все болѣе

понятнымъ, что признакъ, образующійся, какъ отвѣтъ на раздражитель, исходящій изъ хромозомы или при помощи хромозомы, менделируетъ, въ то время какъ признакъ, зависящій цѣликомъ отъ внѣшняго раздражителя или отъ раздражителя, исходящаго изъ другого органа или вообще изъ плазмы, гдѣ нѣтъ такого правильнаго дѣленія и распредѣленія вещества, какъ въ ядрѣ, не можетъ менделировать (расщепляться).

Хочу сдѣлать еще слѣдующее общее замѣчаніе. Гаметы и носители наслѣдственности и реализованныя остаются лишь предметами, но жизнь (какъ и мысль) есть движеніе. Ученіе о генахъ имѣетъ то общее съ ученіемъ объ ассоціаціяхъ въ психологіи, что оно не можетъ намъ объяснить, почему существующій генъ или воспоминаніе употребляется и реализуется именно въ опредѣленное время. Развитіе во времени нельзя расчленить на мѣстную послѣдовательность. Правда, я самъ сдѣлалъ выше попытку объяснить развитіе во времени, но я не думаю, что она исчерпываетъ вопросъ. Организмъ въ такой же малой степени выстраивается изъ отдѣльныхъ, рядомъ стоящихъ генъ, какъ и ассоціація изъ не сливающихся, стоящихъ рядомъ воспоминаній; какъ существуетъ одно господствующее воспоминаніе, свѣтлая точка, вокругъ которой остальныя образуютъ какъ бы туманъ (Берсонъ), такъ дѣло обстоитъ и съ морфогенезомъ.

Мы видимъ, остается еще достаточно вопросовъ для выясненія и для анализа и опасно насильственно, не обращая вниманія на противорѣчивые факты, приводить все къ одному уравненію. Мы знаемъ, какъ много намъ объясняетъ функціональное приспособленіе, но если бы мы хотѣли свести къ нему всякую структуру, мы разочаровались бы очень скоро. Какъ объяснить, напримѣръ, всѣ тормазы въ сочлененіяхъ, какъ въ крылѣ пингвина, гдѣ возникаетъ кость, служащая задвижкой, и многое другое. Въ этихъ случаяхъ и ламаркизмъ, какъ ученіе о приспособленіи, совершенно недостаточенъ.

Мы пытались объяснить формообразованіе психологически, сравнивая его съ инстинктами и поступками; я вполнѣ сознаю, конечно, что не всякое формообразованіе можно разсматривать такимъ образомъ. Если у растеній, какъ реакція на укусъ различныхъ насѣкомыхъ, т. е., какъ отвѣтъ на различные раздражители, возникаютъ галлы различной формы,—здѣсь трудно, принять направленный, телеологически понятный процессъ, такъ же, какъ и при часто довольно характерныхъ опухоляхъ человѣка.

Намъ нужно помнить, наконецъ, что наши разсужденія со-

вершенно не затрагиваютъ вопросъ о веществѣ организма, о томъ, что Аристотель называлъ ὕλη.

Я привелъ многіе вопросы, которые остаются загадочными и невыясненными и при психо-физическомъ анализѣ; я не думаю, однако, что вопросъ индивидуальности становится яснѣе отъ примѣненія другихъ теорій наслѣдственности. Эти теоріи обычно умалчиваютъ о встрѣченныхъ затрудненіяхъ; вопросы, подобные приведеннымъ выше, обходятся, и если этотъ обходъ удался, ихъ считаютъ разрѣшенными. *Кайзерлингъ* [1]) справедливо замѣчаетъ: „Mann könnte geradezu behaupten, dass zu den unzweideutigsten Merkmalen unserer Epoche die Virtuosität gehört, mit der sie die Probleme zu umgehen weiss; weswegen die Welt auch kaum zu einer Zeit verständlicher erschien, als gerade heute... Kein Problem wird dadurch gelöst, dass seine problematische Natur verkannt wird; was nie in Frage gestellt wird, bleibt ewig dunkel“ [2]).

Вопросъ о происхожденіи видовъ.

Вопросъ о происхожденіи видовъ, къ которому мы приходимъ вновь, заканчивая эту главу о явленіяхъ наслѣдственности, въ послѣднее время сводятъ къ двумъ процессамъ: мутаціи и прямымъ приспособленіямъ, передающимся по наслѣдству. Послѣднія анализируются все подробнѣе; что же касается мутацій, то здѣсь почти все еще спорно. Число примѣровъ невелико и можетъ ли вообще мутація сочетаться съ пріобрѣтеніемъ новыхъ свойствъ или только съ ихъ утратой,—вопросъ еще открытый *(Бауръ)*.

Мы имѣемъ случаи приспособленій, происходящихъ подобно мутаціямъ, т. е. имѣющихъ то общее съ мутаціями, что они образуются опредѣленно съ самаго зачатка, а не возникаютъ лишь съ ходомъ развитія. Многіе изъ этихъ случаевъ имѣютъ характеръ предвидѣнія. Таково, напримѣръ, образованіе солнечныхъ и тѣневыхъ листьевъ, по *Нордгаузену* [3]). Листья дерева имѣютъ различное строеніе, смотря потому, растутъ ли они на свѣту или въ тѣни. Свѣтовые листья бука, напримѣръ, имѣютъ два ряда палисадныхъ клѣтокъ, тѣневые только одинъ. Но строеніе листа

[1]) *Kaiserling.* Unsterblichkeit.

[2]) Можно было бы прямо утверждать, что къ несомнѣннымъ признакамъ нашей эпохи относится виртуозность, съ которой она умѣетъ обходить проблемы; почему и міръ врядъ ли казался въ какое либо другое время болѣе понятнымъ, чѣмъ теперь... Никакая проблема не разрѣшается тѣмъ, что игнорируется ея проблематическая природа; то, что никогда не ставится подъ вопросомъ остается вѣчно темнымъ.

[3]) *Nordhausen, M.* Ueber Sonnen-und Schattenblätter. Ber. deutsch. Botangesellsch. Bd. 21. 1903.

опредѣляется уже въ почкѣ (лѣтомъ) для органа, развивающагося лишь въ будущую весну. Здѣсь организмъ отвѣчаетъ на раздраженіе, дѣйствующее, какъ индикаторъ. По *Матузе*, такимъ индикаторомъ служитъ питаніе. Подобнымъ же образомъ слѣдуетъ, вѣроятно, объяснить образованіе различно приспособленныхъ поколѣній ракообразныхъ Cladocera; вѣроятно, и здѣсь имѣется такой индикаторъ, и *Вольтерекъ* даже открылъ его въ питаніи, но объясняетъ приспособленную къ концентраціи воды форму рачка иначе, а именно, какъ прямой результатъ худого или хорошаго питанія. Мы можемъ и въ данныхъ случаяхъ прибѣгнуть къ сравненію ихъ съ движеніями (какъ мы избѣгаемъ, напримѣръ, опасность, узнавая ее по признакамъ, но не чувствуя еще боли).

Неприспособленная мутація или сальтація, вѣроятно, вызывается главнымъ образомъ прямымъ воздѣйствіемъ на половыя клѣтки. Характеръ раздраженія при этомъ безразличенъ; создается новый источникъ раздраженія,—„on affale la plante“, какъ выражаются французскіе ботаники. Быть можетъ, и возникновеніе новаго инстинкта основано на опредѣленной ассоціаціи идей, возникающей неожиданно. Въ этихъ случаяхъ, когда образуется такъ много неприсобленнаго—нецѣлесообразнаго, можетъ содѣйствовать и отборъ. Какъ труденъ анализъ видообразованія, если мы хотимъ придти къ общимъ выводамъ, видно изъ того, что всё находится въ движеніи,—и все-таки существуетъ морфологія, что неудержимо дѣйствуетъ метаболизмъ и единственно постояннымъ кажется измѣненіе или, чтобы не казаться парадоксальнымъ, возвращеніе становленій, и что все-таки въ результатѣ получается постоянство формы. Вѣдь, каждая клѣтка въ организмѣ и ея структура есть образованіе—разрушеніе. Внутренняя организація животнаго находится въ постоянномъ движеніи и въ постоянномъ морфологическомъ приспособленіи. При голоданіи рептилій во время зимней спячки разрушаются нервныя клѣтки, чтобы потомъ опять возродиться, не говоря уже о тѣхъ громадныхъ разрушеніяхъ, которыя мнѣ удалось видѣть у гидры и планаріи [1]). Если мы обращаемъ вниманіе на этотъ метаболизмъ, наша точка зрѣнія можетъ быть названа физіологической: „все, что творитъ извѣстную работу, существуетъ ради этой работы“ (Аристотель). Рядомъ съ этимъ я думаю все же, что правъ и *Радль*, который требуетъ строгую морфологію въ сторонѣ отъ физіологіи и филогеніи.

[1]) *Евг. Шульцъ*. Наблюденія надъ обратимыми процессами развитія. Тр. С. П. Общ. Ест.

IV.

Біологія и этика.

Мы пришли къ концу нашихъ разсужденій. Сознательно смѣшивая психическое и механическое, что обычно такъ тщательно стараются разъединить, мы дѣлали это не по наивности. Въ самомъ дѣлѣ, если бы наша задача исчерпывалась тѣмъ, къ чему стремятся многіе изслѣдователи, а именно властвованіемъ надъ природой[1]), мы могли бы работать дальше по принятымъ методамъ; но если мы желаемъ познавать, удивляться и понимать, то это невозможно безъ помощи психологіи.

Существуютъ, можетъ быть, и живыя машинныя формы, которыя, будучи однажды образованы витально, могутъ функціонировать дальше безъ регуляціи. Существуютъ и другія, которыя, какъ многія машины, нуждаются въ помощи механика въ опредѣленный моментъ, и третьи, наконецъ, нуждающіяся въ постоянномъ присутствіи механика.

Мы допускали витализмъ, какъ фикцію въ смыслѣ *Вайнгера*. Фикція допустима, если она полезна, т. е. если она имѣетъ эвристическое значеніе. Вспомнимъ слова Вайнгера: „Eine Fiction kann niemals etwas erklären, erklären kann nur eine Hypothese; dagegen kann und soll sie rein theoretisch und gedanklich Zusammenhänge mit einem anderen Gedanken so begründen, dass mit Hilfe dessen die Berechnung des Wirklichen möglich ist“ [2]).

Оказывается, что даже самые строгіе параллелисты въ біологіи при своихъ изслѣдованіяхъ всегда спрашиваютъ о цѣли, какъ они дѣлаютъ это, когда изслѣдуютъ органъ, исходя изъ предпосылки, что въ организмѣ, вѣроятно, нѣтъ ничего нецѣлесообразнаго. Они смотрятъ, такимъ образомъ, на организмъ съ той же точки зрѣнія, что на инстинктъ или поступокъ. Этотъ методъ примѣняетъ всякій біологъ, будь онъ анатомъ или физіологъ.

Каждый біологъ, слѣдовательно, смотритъ на свой объектъ, какъ на творчество. Но и при болѣе глубокомъ анализѣ всѣ процессы жизни обнаруживаютъ характеръ творчества. Даже тамъ, гдѣ на первый взглядъ мы имѣемъ дѣло съ пассивнымъ

[1]) Интересно, какъ думали о такой цѣли истинные культурные народы, какъ греки, обвинявшіе Архимеда въ томъ, что онъ столь божественную науку, какъ математика унижалъ для цѣлей машиностроительства и до практическихъ цѣлей.

[2]) Фикція никогда не можетъ что-либо объяснить, объяснить можетъ лишь гипотеза; напротивъ, она можетъ и должна чисто теоретически и логически обосновать связь съ другой какой-либо мыслью такимъ образомъ чтобы съ ея помощью было возможно подысканіе истины.

воспріятіемъ, обнаруживается творческая сила, какъ, напримѣръ, въ зрѣніи, гдѣ въ матеріальномъ актѣ мы имѣемъ, какъ упомянуто выше, морфогенетическій поступокъ, въ психическомъ— созданіе представленія. Мы можемъ сказать: какъ субъектъ строитъ себѣ свое тѣло и органы чувствъ, такъ онъ создаетъ себѣ и внѣшній міръ, и, какъ наши органы построены и функціонируютъ цѣлесообразно, такъ и мысль функціонируетъ логично, органично и телеологично. И въ психикѣ обнаруживается принципъ наименьшей траты силы, т. е. движеніе протекаетъ все болѣе стройно и экономно. Вся психическая машина, говоритъ *Вайингеръ*, должна быть разсматриваема, какъ машина, вложенная въ организмъ для экономіи силы, какъ устройство, помогающее организму совершать движенія наиболѣе цѣлесообразно, т. е. быстро, стройно и съ наименьшей тратой силы, такъ какъ цѣль мышленія всегда — дѣйствіе. И элементарныя ощущенія суть признаки, по которымъ мы измѣряемъ измѣненія внѣшней среды. Изъ такихъ разсужденій слѣдуетъ витализмъ, какъ фикція. Иной способъ мышленія всегда будетъ такъ искусствененъ, что практически мы не сможемъ имъ воспользоваться.

Изъ нашего воззрѣнія на жизнь, какъ на творчество и на развитіе, какъ на поступокъ, вытекаетъ міровоззрѣніе, ищущее силу развитія уже не внѣ организма, какъ дарвинисты, но внутри его. Эта точка зрѣнія можетъ подвести подъ общіе законы морфогенезъ и технику, искусство и соціологію и даже филологію. Полное соотвѣтствіе между психикой и формой (на этомъ допущеніи построено искусство) получаетъ глубокій смыслъ. Что такое соотвѣтствіе существуетъ, не будетъ отрицать ни одинъ художникъ и ни одинъ знатокъ человѣческой души. Напомню разговоръ между *Гзеллемъ* и Родэномъ [1]): *Гзелль*—„Mais n'arrive-t-il point parfois que le visage soit en désaccord avec l'âme?— *Родэнъ*—„Jamais?“ [2]).

---

[1]) Я долженъ здѣсь, чтобы избѣгнуть недоразумѣній, замѣтить, что дарвинизмъ и ученіе Дарвина не совсѣмъ идентичны, потому что Дарвинъ не провелъ свое ученіе о естественномъ отборѣ послѣдовательно до конца; лишь *Вейсманъ* довелъ его до абсурда, и въ этомъ его громадная заслуга, потому что додумывать мысль до крайняго ея предѣла не легко и дается немногимъ. Такъ Дарвинъ пишетъ въ письмѣ къ *Морицу Вагнеру* въ 1880 году: „По моему мнѣнію, моей крупнѣйшей ошибкой было, что я придавалъ слишкомъ мало значенія прямымъ воздѣйствіямъ окружающей среды, питанія, климата и т. д. независимо отъ естественнаго отбора“. (По Kassowitz, Allgemeine Biologie. Bd. II. стр. 258—259. 1899).

[2]) Но не случается ли иногда, что лицо не гармонируетъ съ душой?— Никогда.

Изъ моего міровоззрѣнія вытекаетъ этика, какъ вытекала таковая и изъ дарвинизма[1]). Я не могу отказаться отъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія этого вопроса, хотя многимъ ученымъ, привыкшимъ, по мѣткому выраженію *Карпова*, дѣлить міровоззрѣніе на столько частей, сколько существуетъ каѳедръ при университетѣ, это покажется неумѣстнымъ.

Дарвинизму соотвѣтствуетъ этика, такъ какъ всякое законченное ученіе всегда вѣнчается этикой. Правда, эта этика не та, которую *Каррьеръ* выставилъ однажды въ своей „Этикѣ дарвинизма“. *Каррьеръ* воспользовался лишь идеей развитія, какъ таковой, и назвалъ ее дарвинизмомъ, не обращая вниманія на естественный отборъ. Однако, теперь практическій дарвинизмъ, т. е теорія селекціи, создалъ свою этику.

Можно представить себѣ, не обладая большой фантазіей, какое заключеніе составятъ будущіе вѣка о дарвинистической этикѣ, сравнивая ее съ этикой Платона, буддизма, христіанства или стоицизма. Наше время не могло выставить иной этической философіи, чѣмъ восхваленіе побѣды приспособленнаго; оно изгнало этику изъ политики и создало „реальную политику“, и все это увѣнчало внѣшней цивилизаціей, построенной за счетъ внутренняго человѣка. Если это—результатъ познанія истины, то мы должны будемъ погибнуть отъ этой истины такъ же безвыходно, какъ прежнія поколѣнія гибли отъ заблужденія[2]).

Я говорю, какъ эволюціонный теоретикъ, убѣжденный въ справедливости идеи эволюціи. Въ чемъ главное значеніе науки для человѣка? Съ точки зрѣнія эволюціониста, конечно, лишь въ томъ, насколько наука можетъ способствовать дальнѣйшему развитію. Дальнѣйшее развитіе, однако, должно быть внутреннимъ, т. е. касаться самого человѣка, его тѣла, его личности, а не техники или построекъ; лишь тогда наука пріобрѣтаетъ дѣйствительное значеніе. Съ этой точки зрѣнія, судилъ о ней и Толстой, и слишкомъ малая симпатія, съ которой онъ къ ней относился, объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что онъ говорилъ съ учеными, которые были воспитаны въ плоскихъ ученіяхъ дарвинизма и понимали его такъ же мало, какъ и онъ ихъ. Съ такой индивидуалистической, какъ мы можемъ ее назвать, точки зрѣнія всегда неблагополучно будетъ ученіе, не могущее создать глубокой этики, такъ какъ этика—олицетвореніе отвлечен-

---

[1]) *Rodin*, L'art. Paris, 1912.

[2]) Эти слова были написаны мною за годъ до войны, и все изложенное здѣсь написано не подъ вліяніемъ военныхъ переживаній.

ныхъ ученій, и лишь, какъ олицетвореніе ученій, имѣетъ значеніе подобно тому, какъ и христіанство наивысшее свое значеніе имѣло въ личности Христа, но не въ познаваніи, а тѣмъ менѣе— въ догмахъ.

Этика, созданная дарвинизмомъ, врядъ ли заслуживаетъ этого имени. Дарвинизмъ воспользовался великой идеей становленія—Werden (достаточно вспомнить, чѣмъ была эта идея для Гете) и соединилъ ее съ идеей переживанія приспособленнаго.

Этической безплодностью дарвинизма объясняется то обстоятельство, что первое освободительное слово иного міровоззрѣнія, которое, конечно, вышло не отъ профессоровъ зоологіи или ботаники, имѣло небывалый успѣхъ. Благодаря ученію *Бергсона*, біологія можетъ со временіемъ стать этикой, такъ какъ въ природѣ вещей, чтобы ученіе о жизни учило бы, какъ слѣдуетъ жить и указывало бы, въ чемъ значеніе жизни для растенія, животнаго и человѣка.

Дарвинъ выражаетъ этику, вытекающую изъ его ученія, въ положеніи: „Размножайтесь и измѣняйтесь; сильные пусть будутъ посвящены жизни, слабые—смерти“. Я не знаю, въ состояніи ли многіе вдуматься въ то настроеніе, въ которомъ жилъ первобытный человѣкъ и въ которомъ живутъ еще и теперь некультурные народы. Мы находимъ намеки на это настроеніе въ „Ноа—Ноа“ *Гогена* и въ романѣ *Лаурица Бруна* „Счастливые дни фонъ—Санта“. Это постоянная боязнь передъ страшной, произвольной и капризной судьбой, не поддающейся расчету. Всѣ религіи вначалѣ обнаруживаютъ этотъ характеръ, какъ еврейская религія[1]), напримѣръ. Точка зрѣнія дарвинизма, который все рѣшающее переводитъ за индивидъ, а самый индивидъ представляетъ себѣ происшедшимъ, какъ игра случая, и по игрѣ случая подверженнымъ смерти или расцвѣту—эта точка зрѣнія въ психическомъ отношеніи переноситъ насъ къ первобытнымъ временамъ. И мнѣ кажется неслучайнымъ, что какъ разъ наше время предается поверхностному эстетизму, который не желаетъ выражать что-нибудь или выражаетъ ужасъ (*Мункъ* и др.), создаетъ образы, сходные съ богами негровъ и малайцевъ. Если *Пуанкарэ*[2]) еще недавно видѣлъ главное значеніе науки въ томъ, что она освобождаетъ насъ отъ боязни передъ капризами божества, то признаніе случая высшимъ закономъ снова приводитъ насъ къ міровоззрѣнію первобытныхъ временъ, такъ какъ

---

[1]) Сравни: *Renan*, L'histoire du peuple d'Israel.

[2]) *Пуанкарэ*, Наука и гипотеза.

случай въ своей капризности, въ томъ, что онъ не поддается расчету, не отличается отъ такого божества.

Мальтузіанская основа дарвинизма, какъ и все ученіе *Мальтуса*, оказалась ошибочнымъ. Сама плодовитость—явленіе приспособленія, а не приспособленіе—результатъ плодовитости [1]). *Бентамъ* основалъ ученіе о государствѣ на предпосылкѣ, что поступки людей всегда опредѣляются ихъ личными эгоистическими интересами. И *Смитъ* исходилъ изъ той же предпосылки, и *Гоббсъ* конструируетъ „bellum omnium contra omnes". Ту же предпосылку сдѣлалъ и *Дарвинъ*. Въ этомъ мы видимъ особенность англійскаго характера, всегда придававшаго большое значеніе соревнованію. Мы должны признать, однако, что эгоизмъ, какъ мотивъ поступка, и *Бентамомъ*, и особенно *Смитомъ* выставляется, какъ фикція; какъ фикція эта предпосылка, быть можетъ, имѣетъ значеніе и въ дарвинизмѣ; какъ гипотеза, она не выдерживаетъ критики.

Здѣсь не мѣсто заниматься критикой дарвинизма; ею занималось такое большое число естествоиспытателей, начиная *Вигандомъ* и кончая *Вольфомъ*, что трудно прибавить къ ней что-нибудь новое. Экспериментально дарвинизмъ опровергнутъ *Іогансеномъ*. Исторія вліянія дарвинизма на этическія міровоззрѣнія, однако, еще не писана, и на этомъ вопросѣ хотѣлось бы остановиться. Въ соціальныхъ наукахъ вліяніе дарвинизма велико, въ гуманитарныхъ замѣтенъ запоздалый расцвѣтъ его, въ то время какъ спеціально въ біологіи это вліяніе уменьшается. Часто прибѣгали къ отбору для объясненія историческихъ фактовъ. Такъ, чтобы привести лишь одинъ примѣръ, *Зекъ* [2]) пытается объяснить причины паденія римской имперіи, слѣдуя теоріи Дарвина. Силу еврейства онъ объясняетъ борьбой за существованіе, такъ какъ пережили, по его мнѣнію, самые сильные. Въ дѣйствительности, конечно, пережили непринимавшіе участія въ войнѣ, т. е., какъ и при всякой войнѣ, слабые и болѣзненные. Римскіе императоры, по мнѣнію того же Зека, уничтожили лучшихъ гражданъ въ римской имперіи; но, какъ вѣрно замѣчаетъ *Линднеръ*, богатѣйшіе наврядъ ли были и наилучшими. Въ соціологіи подобныя же легкомысленныя разсужденія мы находимъ въ книгѣ, вышедшей уже вторымъ изданіемъ и получившей премію; я имѣю въ виду трудъ *Шальмейера* [3]). Дѣйстви-

[1]) Сравни: *Goldscheid*, Höherentwicklung und Menschen-ekonomie. Phil.-Sociol. Bücherei, 10, 8, 1911.

[2]) *Seck*, Geschichte des Unterganges der antichen Welt I. Berlin, 1895.

[3]) *W. Schallmayer*, Vererbung und Auslese. 2 Aufl. 1910.

тельнымъ утѣшеніемъ, поэтому, является книга *Гольдшейда*, которая доказываетъ непримѣнимость и необоснованность дарвинизма въ соціологическихъ вопросахъ и отнимаетъ этимъ почву у „просвѣщенныхъ реакціонеровъ", которые такъ любятъ основываться на данныхъ отбора, чтобы безпрепятственно восторгаться успѣхомъ и идеализировать право сильнаго.

Я не сомнѣваюсь, что біологія постепенно придетъ къ разрѣшенію вопроса жизни, т. е. къ неизвѣстнымъ или, вѣрнѣе, къ неподдающимся представленію понятіямъ, которыя она должна будетъ разъ на всегда опредѣлить и назвать именемъ, сознавая, что эти неизвѣстныя должны быть приняты, какъ таковыя. Что это рѣшеніе будетъ рѣшающимъ и для жизни личности, что оно дастъ ей настроеніе и основной тонъ, въ этомъ нельзя сомнѣваться. По природѣ своей, біологія будетъ вѣнчаться этикой и перестанетъ оставаться „чистой наукой" и, какъ таковая, безопасной для государства и общества.

Въ современной біологіи, поскольку она дѣлаетъ практическіе выводы, мы можемъ отличить два направленія. Первое изъ этихъ направленій въ настоящее время господствуетъ. Оно исходитъ изъ менделизма, изъ положенія о чистотѣ гаметъ, отвергаетъ передачу по наслѣдству пріобрѣтенныхъ свойствъ и соединяется съ дарвинизмомъ этически, разсматривая организмъ, какъ слѣпую игру случая. Отвергая унаслѣдованіе пріобрѣтенныхъ свойствъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пользу воздѣйствія на индивидъ для потомства, это направленіе желаетъ заниматься искусственнымъ отборомъ. Оно создало уже практическую науку—евгенетику. Смыслъ послѣдней видѣнъ, напримѣръ, изъ слѣдующихъ словъ настоящаго дарвиниста, выдававшаго себя за ученика Геккеля и занявшаго его каѳедру: „Къ воспитательнымъ средствамъ, навѣрное, принадлежитъ и страхъ передъ наказаніемъ, особенно передъ смертной казнью, не говоря уже о томъ, что человѣчество имѣетъ право и даже обязано защищаться отъ дикихъ звѣрей въ образѣ человѣка. И искусственная кастрація, путемъ перерѣзанія сѣмяпроводовъ, какъ она практикуется уже въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки, безъ сомнѣнія, дозволена, чтобы уберечь человѣчество отъ инфекціи дурными зачатками" [1]). Мы видимъ, какъ тѣсно связано ученіе о непередачѣ по наслѣдству пріобрѣтенныхъ свойствъ и неодарвинизмъ съ практическимъ ученіемъ, восхваляющимъ искусственный отборъ. Если вспомнить, что вліяніе государства

[1]) *Plate*, Vererbungslehre. Leipzig, 1913, стр. 5.

все увеличивается и что, какъ консервативныя, такъ и либеральныя партіи стараются усилить власть государства надъ личностью[1]), то нельзя не отнестись достаточно серьезно къ опасности, грозящей человѣчеству отъ дарвинизма. Вѣдь перешли уже къ практикѣ. Евгенетическое движеніе все разрастается, созываются конгрессы и выносятся резолюціи. Благодаря тому, что это движеніе, какъ современное, свободно отъ „гнилаго идеализма“ и представляетъ собою реальную политику и, кромѣ того, еще научно, оно имѣетъ успѣхъ у юристовъ, которые всегда легко слѣдовали недоказаннымъ біологическимъ теоріямъ. Достаточно вспомнить аналогію между организмомъ и государствомъ, ученіе Ломброзо и т. д. Что основы такой точки зрѣнія еще не установлены,—ихъ не смущаетъ, что унаслѣдованіе пріобрѣтенныхъ свойствъ доказывается все болѣе и болѣе точно рядомъ съ безнадежностью отбора, — и это неважно, если дѣло идетъ о такихъ побѣдахъ науки и знанія, какъ кастрація и смертная казнь.

Плате приводитъ длинные списки преступниковъ, потомковъ одной босячки Ады Юксъ, умершей въ 1740 году. *Пельманъ* собралъ относительно этого потомства, насчитывающаго 834 человѣка, 700 архивныхъ справокъ, которыя показываютъ, что 106 человѣкъ было рождено внѣ брака, 142—нищіе, 64 поддерживались приходами, 181 были проститутками и 76 преступниками, въ томъ числѣ 7 убійцъ. По мнѣнію Плате, всего этого можно было бы избѣгнуть, если бы во время казнили или, по крайней мѣрѣ, кастрировали Аду Юксъ. Никто, однако, не станетъ утверждать, что этотъ списокъ говоритъ о безполезности вліянія внѣшнихъ условій на признаки упомянутой семьи. Повидимому, ни одинъ членъ этой семьи не былъ извлеченъ изъ нищеты и не подвергался облагораживающимъ вліяніямъ. Конечно, проще уничтожать все „неприспособленное“, какъ выражается другой евгенетикъ, *Донкастеръ*, чѣмъ воспитывать и помогать.

Мы замѣчаемъ съ тревогой, что евгенетика увеличиваетъ сомнительность будущаго, такъ какъ ненадежность государства создается въ меньшей степени тѣмъ, что индивидуальнымъ поступкамъ дается слишкомъ большой просторъ, чѣмъ слишкомъ большой властью государства, способнаго задушить въ зародышѣ всѣ проблески дальнѣйшаго развитія, разъ они покажутся ему сомнительными.

Что это не случайно, что именно *Плате*, какъ настоящій дарвинистъ, увлекается евгенетикой, доказываетъ вышеупомятое

---

[1]) Сравни: *Spencer*, L'individe contre l'etat.

сочиненіе *Шальмейера*, чистѣйшаго селекціониста. Онъ видитъ выгоду всякой культуры въ евгенетикѣ, въ непосредственномъ и косвенномъ вмѣшательствѣ государства въ „соціальную и генеративную гигіену".

Донкастеръ прямо говоритъ о предпочтеніи приспособленныхъ и о недопущеніи къ размноженію неприспособленныхъ. Вспомнимъ, однако, что съ древнѣйшихъ временъ всѣхъ самодовольныхъ, благонадежныхъ и благомыслящихъ гражданъ удивляло, что не они оказываются солью земли, но другіе, со школьной скамьи, да и въ дальнѣйшей своей жизни совсѣмъ не приспособленные, страждущіе, безпокойные умы. Или, быть можетъ, Толстой, Достоевскій, Шекспиръ, Байронъ, Шелли, Микель Анджело, чтобы назвать лишь немногихъ, были приспособлены къ жизни? Такъ приспособлены, какъ оказался г-нъ Плате? Не они ли именно тѣ плоды, которымъ онъ не желаетъ дать зрѣть, которымъ въ будущемъ государствѣ, какъ неприспособленнымъ, не дадутъ развиваться? Но что для насъ Германія безъ Гете или Канта, или Англія безъ Шекспира? „La statue seule survit à la cité". Это—оцѣнка государства въ потомствѣ.

Очень поучительна, для евгенетиковъ работа *Мейера (Meyr)* о психическихъ особенностяхъ расъ. Мейеръ доказываетъ, что предѣлы варіацій душевныхъ свойствъ у европейцевъ шире, чѣмъ у цвѣтныхъ расъ; у послѣднихъ очень способные и очень дефектные индивиды встрѣчаются весьма рѣдко. *Фелингеръ* [1]), реферирующій работу Мейера, держится того мнѣнія, что предѣлы психической варіаціи темнокожихъ суживались благодаря уничтоженію отклоняющихся отъ нормы варіацій. Наблюденія путешественниковъ доказываютъ, что въ большинствѣ общинъ темнокожихъ всѣ анормальные уничтожаются безпрекословно. Такой практикой они отрѣзали себѣ дорогу для дальнѣйшаго развитія. Среди дикарей, слѣдовательно, мы находимъ практическихъ евгенетиковъ,—и результаты на лицо.

Искусственный отборъ и у культурныхъ народовъ практиковался и практикуется. Интересно было бы знать, какіе признаки воспитывались въ Германіи, Англіи, Россіи?

Мы не входимъ дальше въ разсмотрѣніе этихъ вопросовъ. Ужасъ охватываетъ человѣка при мысли, куда приведетъ государство эта новая власть надъ личностью. Дарвинизмъ, безсильный создать этику, получитъ власть, которая, безъ сомнѣнія, приведетъ къ нивеллировкѣ и громадной приспособленности и безъ того же уже слишкомъ легко приспособляющагося и практическаго европейца.

[1]) *Fehlinger*, Neues von der Volkerpsychologie. Naturw. Wochenschr. 1912.

Какъ эволюціонистъ, и я признаю значеніе прогресса науки, искусства и культуры, главнымъ образомъ въ томъ, что онъ поможетъ сдѣлать человѣка болѣе дифференцированнымъ, организованнымъ и благороднымъ. Если бы евгенетика ставила себѣ такія задачи, то было бы странно бороться противъ нея. Но я хотѣлъ бы спросить евгенетиковъ, почему въ эпоху древней Греціи или Возрожденія могли возникнуть типы высшаго человѣка, несмотря на безпорядки, войны, соціальныя неблагоустройства, въ то время какъ въ благоустроенныхъ государствахъ, среди общаго благоденствія гражданъ, царитъ все заглушающая посредственность? Пусть укажутъ тотъ методъ, при помощи котораго будутъ узнавать и воспитывать неприспособленныя, талантливыя и глубокія натуры. Христосъ и наиболѣе глубокій ученикъ его, Достоевскій, любили униженныхъ и оскорбленныхъ, „неприспособленныхъ“, не потому, что они находили даже и въ нихъ проблески божественнаго, но потому, что именно въ нихъ это божественное иногда обнаруживается наиболѣе совершенно.

Мы должны были бы судить совершенно иначе, если бы могли доказать народное сознаніе, если бы государство было цѣлымъ индивидомъ. Если оно—не индивидъ, то значеніе его можетъ состоять лишь въ созданіи условій болѣе широкой и совершенной жизни.

Евгенетика—единственная этическая цѣнность, созданная дарвинизмомъ; во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ дарвинизмъ, благодаря отсутствію всякой этической идеи и идеальнаго содержанія, нигдѣ не сумѣлъ вызвать энтузіазмъ. Быть можетъ, благодаря своему антиклерикальному направленію, въ нѣкоторыхъ странахъ онъ и имѣлъ культурное значеніе. Но въ политикѣ онъ насквозь не либераленъ, какъ и ученіе Мальтуса.

Конечно, дарвинизмъ никогда и не пытался создать этику. Современныя системы вообще не стремятся къ этой цѣли и даже видятъ въ ней нѣчто, способное ихъ компрометировать. Дарвинизмъ хотѣлъ быть суммой отдѣльныхъ проблемъ и чистой наукой, т. е.—внѣ человѣка. Онъ не стремился къ единству системы и никогда не старался проникнуть въ глубины философіи.

Дарвинизмъ, конечно, не причина характера нашей эпохи, скорѣе наоборотъ, онъ наряду съ другими признаками характеризуетъ наше время.

Наша эпоха гордится тѣмъ, что она достигла якобы высшей ступени, благодаря своему познанію природы и власти надъ нею. Но, какъ справедливо замѣчаетъ *гр. Кейзерлингъ* [1]), мы „въ со-

[1]) *Keyserling*, Unsterblichkeit. 2 Auff. 1911.

ціально-этическомъ отношеніи отстали отъ народовъ далекаго Востока, въ спекулятивномъ отношеніи выше насъ стояли древніе индусы, въ художественномъ—эллины". „Болѣе чѣмъ вѣроятно", говоритъ далѣе Кейзерлингъ, „что современная культура стоитъ на болѣе низкой ступени, чѣмъ культура классической древности". Что касается познанія природы, то властвовать надъ природой не значитъ еще понимать ее, и, мнѣ кажется, что Францискъ Ассизскій обладалъ бо́льшимъ пониманіемъ природы, чѣмъ многіе современные изслѣдователи; познаваніе природы заключаетъ въ себѣ сочувствіе, пониманіе и удивленіе, чего не знаетъ современная наука.

Мнѣ часто бросалось въ глаза, что, если мы желаемъ сравнить нашу современную культуру съ какой-нибудь культурой прошедшихъ вѣковъ, чтобы вѣрно ее оцѣнить, то ни одна не обнаруживаетъ такого сходства съ ней, какъ вѣкъ эллинизма [1]). И этотъ вѣкъ былъ полонъ отвлеченныхъ теорій и учености; и онъ не зналъ философскаго мышленія, берущаго начало изъ благоговѣнія, но лишь мышленіе ученое, принимавшее, что всѣ явленія поддаются пониманію. И тогда книга была—все, и все давало литературный осадокъ. И въ эту эпоху, какъ въ нашу, человѣкъ не сталкивался уже со многими жизненными силами; большая часть того, что составляетъ жизнь, была устранена отъ него; человѣкъ спеціализировался въ своихъ занятіяхъ и шагъ за шагомъ освобождалъ свою духовную жизнь отъ всѣхъ сильныхъ чувствъ. Какъ и въ наши дни, нѣкоторыя отрасли жизни становились односторонними и разростались, теряя въ силѣ и во внутреннемъ значеніи.

Замкнутая такимъ образомъ личность изнѣживалась, жизнь становилась для нея слишкомъ великой и суровой. Скептицизмъ привелъ къ уничтоженію личности.

Философскія направленія были представлены психологіей и релятивизмомъ, эклектизмомъ и скептицизмомъ. Человѣкъ предавался минутнымъ впечатлѣніямъ и жилъ для минуты. Настроеніе этого времени характеризуется эпидеміями самоубійствъ, какъ, напримѣръ, въ Александріи. Въ результатѣ—передъ нами культура, бѣдная идеями, но богатая техническими усовершенствованіями въ широкомъ смыслѣ, пустая, какъ наша. Вѣрнѣе, получилась цивилизація, но не культура. Подъ цивилизаціей я подразумѣваю всякій технической прогрессъ въ широкомъ смыслѣ слова, не связанный непремѣнно съ дальнѣйшимъ развитіемъ

---

[1]) Сравн.: 1) *Kaert*, Geschichte des hellenistischen Zeitalters, Bd II. I Hälfte—Das Wesen des Hellenismus. 2) *Wundt*, Griechische Ethik. Bd. II.

человѣка, какъ такового. Культура же—индивидуализированный прогрессъ. Съ этой точки зрѣнія, такой глубокій художникъ, какъ *Родэнъ*, слѣдующимъ образомъ судитъ о нашемъ времени: „Mais l'ésprit, mais la pensée, mais le rêve, il n'en est plus question. L'art est mort. L'humanité veut jouir physiquement. Les hautes et les profondes vérités lui sont indifferents: il lui suffit de contenter ses appétits corporels: l'humanité présente est bestiale.“ [1]).

Современные ученые занимаются наукой и смѣются надъ этикой; они сочли бы наивнымъ наше требованіе этическихъ послѣдствій отъ ихъ ученій. Сравненіе съ прежними временами объяснитъ мое положеніе. Въ древніе вѣка различно смотрѣли на душу животныхъ. *Аристотель* признавалъ существенную разницу между anima intellectualis и anima sensitiva и приписывалъ животнымъ лишь послѣднюю; вслѣдствіе этого, онъ не запрещалъ убивать животныхъ и питаться ихъ мясомъ. Тѣ школы, однако, которыя приближали душу животныхъ къ человѣческой, какъ *Эпикуръ*, *Плутархъ*, *Порфирій*, *Сенека*, запрещали ѣсть мясо. Въ древнія времена міровоззрѣніе было связано съ жизнью и давало культуру. На сколько я знаю, ни одинъ сторонникъ эволюціонной теоріи не выставлялъ вегетаріанство, какъ логическое и этическое послѣдствіе этой теоріи.

Нашъ анализъ привелъ насъ къ воззрѣніямъ, которыя, если они окажутся справедливыми, должны сильно воздѣйствовать на міровоззрѣніе и этику и не могутъ остаться чистой, невинной теоріей. Одно изъ этихъ воззрѣній—признаніе индивидуальности за нѣчто реальное, другое—унаслѣдованіе пріобрѣтенныхъ свойствъ и третье, наконецъ,—самопроизвольность всякаго развитія.

Элементъ единственнаго присущъ каждому организму, а потому и каждому поступку. Строго говоря, никогда ничто не дѣлается два раза.

Развитіе—дифференцировка; дифференцировка—выработка различій. Чѣмъ ярче сказалась личность въ какомъ-нибудь продуктѣ творчества, тѣмъ болѣе онъ цѣненъ. Значеніе нераздѣльности, цѣльности въ личности и въ произведеніи искусства дѣлаютъ ихъ личностью и искусствомъ. Особенно внушительно и просто это сознано изъ внутренней природы *Аристотелемъ* въ его этикѣ. *Аристотель* часто находилъ самое вѣрное, отыскивая са-

---

[1]) Но разумъ, но мысль, но грёза, о нихъ больше нѣтъ рѣчи. Искусство умерло. Человѣчество хочетъ наслаждаться жизнью физически. Высокія и глубокія истины ему безразличны: ему достаточно удовлетворить свои тѣлесные аппетиты: современное человѣчество—животно.

мое прекрасное и гармоническое. Самое прекрасное явленіе было для него и самымъ вѣрнымъ.

Мы не будемъ касаться здѣсь очень сложнаго вопроса объ отношеніи индивида къ обществу, государству и т. д. Вопросъ этотъ рѣшался бы легко, если бы мы, дѣйствительно, могли бы доказать „народную душу“, „народное сознаніе“, „духъ времени“, если бы народъ, государство были больше, чѣмъ сумма, если бы они обнаруживали энтелехію, но до сихъ поръ всѣ старанія обнаружить ее не удались. До тѣхъ поръ остается въ силѣ изреченіе *Штирнера*: „Народъ такъ же мало имѣетъ „я“, какъ одиннадцать планетъ вмѣстѣ имѣютъ „я“, хотя онѣ и кружатся вокругъ общаго центра“. Самое высшее этическое понятіе, наконецъ, безъ котораго этика теряла бы всякій смыслъ—это свобода, будетъ ли она фикціей или нѣтъ, и свобода въ индивидѣ обнаруживается въ формѣ эквифинальности.

Я знаю, что дѣйствительность такъ же мало слѣдуетъ этическимъ законамъ, какъ и логическимъ; но она слѣдуетъ законамъ творчества.

Все развитіе—есть творчество. Всѣ добродѣтели суть лишь условія и только, когда онѣ превращаются въ дѣйствіе, онѣ становятся живыми. Смыслъ всего органическаго—поступокъ и дѣйствіе; и если мы спросимъ самихъ себя, къ чему мы больше всего стремимся, то это—творить вокругъ своей личности какъ можно шире и больше. Мы любимъ жизнь за силы, которыя мы можемъ въ ней развивать. Творчество обнаруживается уже въ категоріяхъ, въ представленіяхъ, и самой высшей ступени оно достигаетъ въ искусствѣ. Тождество искусства и органогенеза познанъ уже *Аристотель*.

Наше біологическое міровоззрѣніе признаетъ, слѣдовательно, съ одной стороны, значеніе личности (принципъ индивидуализаціи), но съ другой—и стремленіе этой личности за ея предѣлы. Въ этомъ обнаруживается особенность всякой жизни.

Мы должны признать унаслѣдованіе пріобрѣтенныхъ свойствъ; какъ логическое слѣдствіе изъ этого признанія вытекаетъ, что воздѣйствіе на сому не можетъ быть безполезнымъ для потомства. Въ противовѣсъ стремленію—заниматься искусственнымъ отборомъ гаметъ, путемъ разрушенія неприспособленнаго,—мы имѣемъ всѣ основанія думать, что благотворныя вліянія на индивидъ не проходятъ безслѣдно и для потомства.

Причину того, что идея развитія не имѣла значительнаго этическаго вліянія, я вижу въ соединеніи ея съ имморальными элементами, какъ мальтузіанизмъ и искусственный отборъ. Сама

по себѣ, идея эволюціи приводитъ насъ къ сознанію нашего родства со всѣмъ живымъ, къ сознанію тождества нашей сущности съ сущностью всего живого. Понимать что-нибудь живое, значитъ понимать его психологически, какъ и понимать другого человѣка, значитъ понимать его психологически. Понимать психологически—значитъ любить.

Нынѣ господствуетъ противоположное воззрѣніе, утверждающее, что мы можемъ понимать психологически лишь самихъ себя и что даже это пониманіе несовершенно. Мнѣ кажется, если изслѣдовать цѣлыя филогенетическіе ряды, что психологическое—самое постоянное во всѣхъ органическихъ процессахъ. Это мнѣ кажется вѣроятнымъ потому, что вездѣ мы находимъ его механическій эквивалентъ, а этотъ эквивалентъ весьма разнообразенъ по происхожденію. Я убѣжденъ, что чувство любви, ненависти, материнское чувство, боязнь, боль, память, ощущеніе, ассоціація, воля, присущи всякой живой протоплазмѣ.

Этически мы живемъ еще въ воззрѣніяхъ среднихъ вѣковъ, которые вырыли пропасть между природой и человѣкомъ; эту пропасть уничтожилъ уже *Францискъ Ассизскій*, и его жизнь для насъ, эволюціонистовъ, можетъ служить основой этики. Будемъ читать о его жизни, если мы хотимъ знать, какое положеніе по отношенію къ природѣ долженъ занимать эволюціонистъ. Болѣе современной этики не можетъ дать и наиболѣе современная біологія. Эта этика совпадаетъ съ тѣмъ, чему учила индусская мудрость: *tat twam asi* (это-ты). Она учила обо всемъ существующемъ. „И паденіе листа, и поклонъ проходящаго будутъ для тебя важнѣе, чѣмъ мудрость всѣхъ книгъ, когда-либо писанныхъ —и этой книги“ (*Карпентеръ*).

Періоды, въ которые не говорятъ о религіи въ этомъ широкомъ смыслѣ слова, не могутъ быть плодотворными, но они не могутъ быть также и продолжительными.

Проклъ опредѣлялъ Бога, какъ „ἀναιτίως αἴτιον“, т. е. мотивомъ—энтелехіей. Это можетъ стать вѣрой и біолога—не матеріалиста.

Заканчивая мою статью, я вижу, какъ, впрочемъ, и предполагалъ, что она не легка, а въ иныхъ своихъ частяхъ, быть можетъ, и вовсе непонятна для читателя не-біолога. Мой товарищъ, В. Е. Геркевичъ, который принималъ участіе въ редактированіи статьи,—пользуюсь случаемъ выразить ему мою благодарность,—редактировалъ ее, по моей просьбѣ, именно въ направленіи возможной популяризаціи. Это, однако же, не всегда оказывалось

возможнымъ, такъ какъ, повторяю, я не считалъ себя въ правѣ, ради популяризаціи не проникать до глубины затронутыхъ мною вопросовъ. Съ другой стороны, многіе термины, понятія и, тѣмъ болѣе, теоріи не могли быть объяснены въ текстѣ, такъ какъ это отвлекло бы слишкомъ далеко въ сторону отъ основной темы,— объясненіе ихъ, конечно, самое краткое, читатель найдетъ въ добавленіи къ статьѣ, любезно составленномъ моимъ ученикомъ, В. А. Водяницкимъ; объясняемые термины расположены въ алфавитномъ порядкѣ.

Ев. Шульцъ.

Біологическіе термины,

встрѣчающіеся въ статьѣ Е. Шульца „Организмъ, какъ творчество". *)

Автотомія. Способность многихъ животныхъ и растеній отбрасывать отдѣльные свои органы, благодаря чему, при нападеніи врага, они могутъ, пожертвовавъ однимъ своимъ органомъ, спастись сами.

Антерозоиды папоротниковъ и мховъ.—Мужскія половыя клѣтки, соотвѣтствующія сперматозоидамъ животныхъ.

Бластомеръ. Яйцо, начавшее развиваться, дѣлится путемъ каріокинеза (см.) на двѣ клѣтки, которыя снова дѣлятся и т. д. Каждая изъ этихъ клѣтокъ наз. бластомеромъ. Послѣ многократныхъ дѣленій, клѣтки располагаются по шарообразной поверхности, сначала въ видѣ одного слоя, потомъ въ видѣ двухъ слоевъ, такъ что получается наружный слой клѣтокъ, **эктодерма**, и внутренній слой, **энтодерма**. Раздѣленіе на эти два слоя можетъ происходить различнымъ образомъ. Между эктодермой и энтодермой образуется потомъ еще одинъ слой, **мезодерма**. Тамъ же могутъ появиться отдѣльныя группы клѣтокъ, которыя не образуютъ опредѣленнаго слоя. Они составляютъ **мезенхиму**. Изъ каждаго слоя и мезенхимы развиваются опредѣленные ткани и органы взрослаго организма.

Висцеральныя дуги. Черепъ позвоночныхъ животныхъ раздѣляется на черепную коробку, заключающую мозгъ, и висцеральную часть, охватывающую собой переднюю часть кишечника. У низшихъ позвоночныхъ животныхъ висцеральный скелетъ представляетъ рядъ хрящевыхъ или костныхъ дугъ, образующихъ скелетъ рта и подпирающихъ жаберный аппаратъ. Эти дуги появляются также въ теченіе эмбріональнаго развитія высшихъ позвоночныхъ, но потомъ видоизмѣняются.

Галлы. Наросты, образующіеся на растеніяхъ вокругъ откладываемыхъ въ нихъ яицъ насѣкомыхъ. Таковы, напр., общеизвѣстные чернильные орѣшки на листьяхъ дуба.

Гангліозныя клѣтки—нервныя клѣтки.

---

*) Въ настоящій словарь вошли далеко не всѣ термины, встрѣчающіеся въ статьѣ. Многіе изъ нихъ объяснены въ текстѣ, другіе понятны этимологически. Болѣе или менѣе полное изложеніе біологическихъ теорій въ словарѣ, конечно, невозможно. Заинтересовавшійся читатель можетъ обратиться къ популярной литературѣ.

Гомологія. Сходства органовъ по происхожденію. Съ этой точки зрѣнія, могутъ быть сравниваемы органы въ различныхъ организмахъ (напр. плавательный пузырь рыбы и легкое другихъ позвоночныхъ), отдѣльные органы въ одномъ и томъ же организмѣ, (напр. правая и лѣвая рука) и отдѣльныя части одного органа, (напр. пальцы руки). Послѣдній случай называется **гомономіей**.

Дарвинизмъ. Теорія происхожденія видовъ, разработанная Ч. Дарвиномъ. Число организмовъ, появляющихся на землѣ, значительно больше, чѣмъ дѣйствительно можетъ просуществовать. Вслѣдствіе этого, между организмами происходитъ постоянная борьба за существованіе, т.-е. соревнованіе въ добываніи всего необходимаго для жизни, а зачастую и активная борьба между собою. Такъ какъ нѣтъ совершенно сходныхъ индивидуумовъ, и даже потомки однихъ родителей нерѣдко различаются между собою существенными признаками, то въ борьбѣ за существованіе берутъ верхъ оказавшіеся по своимъ признакамъ болѣе приспособленными. Признаки эти могутъ оказаться наслѣдственными и передаться потомству, среди котораго, благодаря „естественному отбору", снова выживутъ наиболѣе приспособленные. Такимъ образомъ, въ теченіе ряда поколѣній могутъ развиться одни признаки и исчезнуть другіе. Самъ Дарвинъ не отрицалъ возможности другихъ способовъ видообразованія, но неодарвинизмъ считаетъ естественный отборъ исключительнымъ факторомъ видообразованія.

Каріокинезъ. При дѣленіи клѣтки протоплазма (т. е. вещество, изъ котораго состоитъ клѣтка) перешнуровывается или же дѣлится на двѣ части, благодаря врастанію снаружи къ серединѣ перегородки. Каждая изъ дочернихъ клѣтокъ получаетъ половину ядра материнской клѣтки. Въ нѣкоторыхъ, немногихъ случаяхъ, передъ дѣленіемъ плазмы клѣтки ядро ея перетягивается и получаются ядра дочернихъ клѣтокъ. Такой простой случай дѣленія клѣтки называется прямымъ дѣленіемъ. Въ большинствѣ случаевъ, въ ядрѣ, при дѣленіи, происходитъ рядъ сложныхъ процессовъ, направленныхъ, повидимому, къ тому, чтобы отдѣльныя составныя части ядра были раздѣлены опредѣленнымъ образомъ между дочерними ядрами. Особенно подробно прослѣжены измѣненія, происходящія съ хроматиномъ. Въ ядрѣ клѣтки, начавшей дѣлиться, хроматинъ, бывшій до того разсѣяннымъ въ видѣ отдѣльныхъ, иногда очень мелкихъ, зернышекъ, собирается въ нить, которая вскорѣ распадается на опредѣленное число частей, называемыхъ **хромозомами**, каждая изъ которыхъ дѣлится продольно на двѣ части. Образовавшіяся такимъ образомъ половины расходятся въ разныя стороны по направленію къ двумъ **центрозомамъ**—зернышкамъ, окруженнымъ лучистостью, которыя какъ бы притягиваютъ къ себѣ по одной хромозомѣ изъ каждой пары. Такимъ образомъ получаются два ядра, центрозомы перестаютъ быть видимыми и плазма перешнуровывается. Дѣленіе, связанное съ подобными процессами, наз. каріокинезомъ или непрямымъ дѣленіемъ.

Карреляція. Опредѣленная и постоянная зависимость признаковъ различныхъ органовъ между собою. Напр. форма тычинокъ и окраска лепестковъ въ цвѣткѣ, длинные зубы у длинношерстныхъ собакъ, глухота у бѣлыхъ кошекъ съ голубыми глазами и т д.

Ламаркизмъ. Теорія происхожденія видовъ животныхъ и растеній, основанная французскимъ ученымъ Ж. Б. Ламаркомъ. Основнымъ

факторомъ видообразованія Ламаркъ признавалъ наслѣдственность признаковъ, пріобрѣтенныхъ въ теченіе жизни индивидуума благодаря упражненію или неупражненію органовъ и непосредственному вліянію среды. Ламаркъ поднялъ также вопросъ о вліяніи психическихъ процессовъ на формообразованіе.

Лецетинъ. Жировое вещество, входящее въ составъ клѣточной оболочки.

Мезенхима, мезодерма см. бластомеръ.

Менделизмъ. Теорія наслѣдственности, разработанная первоначально монахомъ Грегоромъ Менделемъ, на основаніи его опытовъ скрещиванія близкихъ формъ растеній. При этомъ оказалось, что при скрещиваніи, напр., разновидностей душистаго горошка, отличающихся формой какой-либо части или окраской цвѣтка, въ потомствѣ признаки эти расщепляются и комбинируются опредѣленнымъ образомъ, такъ что является возможность при скрещиваніи заранѣе предсказать, пользуясь такъ наз. **законами Менделя,** признаки потомства и относительное число индивидуумовъ съ опредѣленной комбинаціей признаковъ. Это дало основаніе предположить, что опредѣленному признаку взрослаго организма соотвѣтствуетъ носитель **(генъ)** этого признака въ половыхъ клѣткахъ, изъ которыхъ этотъ организмъ развился.

О признакахъ, которые подчиняются законамъ Менделя, говорятъ, что они менделируютъ. Для уясненія явленій наслѣдственности и теоріи Менделя необходимо обратиться къ популярной литературѣ, имѣющейся въ достаточномъ количествѣ на русскомъ языкѣ. (Пеннетъ, Корренсъ, Донкастеръ въ изданіи „Біосъ", статьи въ журналѣ „Природа". Болѣе полныя сводки: Гольдшмидтъ, Ученіе о явленіяхъ наслѣдственности, Богдановъ, Менделизмъ).

Морфогенезъ. Развитіе организма или частей его.

Мутація. Внезапное появленіе признака, способнаго передаваться по наслѣдству.

Метамеры. Однородныя (гомологичныя) части организма, слѣдующія одна за другою, напр. членики кольчатыхъ червей и позвонки у позвоночныхъ животныхъ.

Нуклеиновая кислота. Сложное органическое соединеніе, входящее въ составъ хроматина.

Органогенезъ. Развитіе органовъ.

Партеногенезъ. Развитіе яицъ безъ оплодотворенія—встрѣчается нормально у многихъ животныхъ и растеній, но иногда можетъ быть вызвано и искусственно.

Регенерація. Возстановленіе утраченныхъ частей.

Секреты. Разнообразныя вещества, выдѣляемыя клѣтками различныхъ органовъ тѣла. Вещества эти не предназначены для удаленія изъ тѣла, но обычно имѣютъ опредѣленное физіологическое значеніе.

Сома.—Тѣло,—въ противоположность клѣткамъ половымъ, называемымъ генеративными.

Созрѣваніе половыхъ клѣтокъ. Рядъ процессовъ, дѣлающихъ половыя клѣтки способными къ соединенію. Клѣтки послѣдовательно дѣлятся два раза, причемъ, вслѣдствіе своеобразнаго измѣненія каріокинетическаго процесса дѣленія ядра, каждая изъ четырехъ образующихся клѣтокъ получаетъ только половину числа хромозомъ, бывшаго въ не-

зрѣлой клѣткѣ (*редукціонное дѣленіе*). При созрѣваніи женскихъ половыхъ клѣтокъ одна изъ четырехъ клѣтокъ, образующихся послѣ двухъ дѣленій, получаетъ большую часть протоплазмы и превращается въ готовое къ оплодотворенію яйцо, остальныя три малы и называются полярными или направительными тѣльцами. При созрѣваніи мужскихъ половыхъ клѣтокъ, всѣ четыре клѣтки равнозначны и превращаются въ сперматозоиды. При оплодотвореніи ядра половыхъ клѣтокъ соединяются и получается клѣтка съ нормальнымъ для соматическихъ клѣтокъ количествомъ хроматина.

Тропизмы. Опредѣленныя движенія организмовъ, происходящія подъ вліяніемъ различныхъ раздражителей. Тропизмы наз. положительными, если движеніе направлено въ сторону раздражителя, и отрицательными, если отъ раздражителя. Въ зависимости отъ раздражителя, различаютъ нѣсколько родовъ тропизмовъ: хемотропизмы, подъ вліяніемъ химическихъ веществъ, геліотропизмъ—подъ вліяніемъ свѣта, геотропизмъ—подъ вліяніемъ силы тяжести, электротропизмъ и т. д.

Тѣльца Ниссля. Зернышки, находящіяся въ нѣкоторыхъ нервныхъ клѣткахъ.

Флюктуація. Появленіе признака, не передающагося по наслѣдству. Флюктуированіе—колебаніе признаковъ около нѣкоторой средней величины. Флюктуація не можетъ служить матеріаломъ для видообразованія. Таковымъ является мутація.

Фолликулъ. Въ яичникѣ человѣка каждое яйцо окружается особой тканью, которая отдѣляетъ его отъ другихъ яицъ. Вокругъ яйца выдѣляется водянистая жидкость, само же яйцо остается прикрѣпленнымъ совнутри къ стѣнкѣ образовавшагося фолликула. По достиженіи фолликуломъ зрѣлости, онъ лопается и яйцо выходитъ въ полость таза.

Хроматинъ. Одна изъ форменныхъ составныхъ частей ядра клѣтки, бѣлковаго состава. Особенно явственно хроматинъ выступаетъ при дѣленіи клѣтки (см. каріокинезъ). Для хроматина чрезвычайно характерно его свойство окрашиваться опредѣленными красками, употребляемыми въ микроскопической техникѣ

Эктодерма, энтодерма см. бластомеръ.

Эпигенетичный—появляющійся въ теченіе индивидуальной жизни, не унаслѣдованный—самъ по себѣ.

Эпителій. Ткань, состоящая изъ расположенныхъ одна около другой клѣтокъ, выстилающая наружную поверхность тѣла (т. е. составляющая верхній слой кожи) и поверхность внутреннихъ органовъ, напр. пищеварительнаго тракта.

НАУКА и НРАВСТВЕННОСТЬ.

Статья Анри Пуанкаре.

Авторъ этой статьи, Анри Пуанкаре, родился въ 1854 году, въ Нанси. Своими замѣчательными изслѣдованіями по математикѣ и математическому естествознанію онъ стяжалъ себѣ извѣстность величайшаго изъ представителей этихъ наукъ въ послѣднюю четверть XIX и въ началѣ XX в.в. Въ послѣдній періодъ своей дѣятельности онъ выступалъ и какъ философъ. Во многихъ статьяхъ и четырехъ книгахъ: La science et l'hypothese, La valeur de la science, Science et methode и Dernières pensées (посмертный сборникъ статей)—Пуанкаре занимался выясненіемъ основъ, методовъ и цѣнности науки, по преимуществу въ тѣхъ ея областяхъ, надъ которыми трудился самъ. Онъ скончался въ іюлѣ 1912 года.

Заслуги Пуанкаре передъ наукой и философіей необыкновенно велики. Несовершенную, но все же цѣнную, попытку измѣрить ихъ сдѣлали четыре автора-француза, въ сборникѣ L'oeuvre d'Henri Poincarè, 1913 г. (сентябрьская книга журнала Revue de metaphysique et de morale за этотъ годъ). Совершенною такая попытка не можетъ быть потому, что она преждевременна: Пуанкаре не только не отошелъ еще въ исторію,—онъ не оказалъ еще и всего того вліянія, на какое былъ способенъ и какого заслужилъ. Еще долго въ разныхъ областяхъ будутъ жить его богатымъ наслѣдіемъ и не скоро отойдутъ отъ него достаточно для исторически-безпристрастной оцѣнки. Впрочемъ, современная оцѣнка можетъ здѣсь грѣшить не столько переоцѣнкой, сколько недооцѣнкой.

Онъ былъ настоящимъ титаномъ научной мысли. Взгляды такого человѣка на отношенія науки къ нравственности не могутъ не представлять величайшаго интереса. Предлагаемая статья, излагающая эти взгляды, взята изъ упомянутаго сборника Dernières pensées.

Для пониманія статьи Пуанкаре, необходимо знать: I, что такое, по его мнѣнію, наука и II, что такое „гармонія міра".

I.

Взгляды Пуанкаре на сущность науки и научнаго творчества.

1. Взгляды свои по этому вопросу Пуанкаре сталъ излагать въ началѣ 1900-хъ годовъ. Но, вѣроятно, они сложились у него значительно раньше, въ восьмидесятыхъ и началѣ девяностыхъ годовъ. Уже въ 80-хъ годахъ онъ былъ ученымъ съ европейскимъ именемъ. Къ этому времени онъ успѣлъ сдѣлать значительную часть своихъ открытій въ математикѣ, астрономіи и физикѣ. Работая надъ ними, онъ не могъ не думать и о множествѣ общихъ вопросовъ, связанныхъ съ ними и особенно ясныхъ для умовъ широкихъ и глубокихъ, къ какимъ принадлежалъ Пуанкаре. Можетъ быть, тогда же онъ и пришелъ къ своимъ взглядамъ на науку. Излагая ихъ позднѣе, онъ всегда развивалъ ихъ въ тѣсной связи съ разными конкретными вопросами математики и математическаго естествознанія. Это даетъ основаніе думать, что и складывались его взгляды въ этой именно связи и въ соотвѣтствіи съ вопросами, какіе она выдвигала. Этимъ обстоятельствомъ объясняется многое въ нихъ,—все то, по чему можно узнать, что ихъ авторъ—математикъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, обнимающемъ „чистую“ и „прикладную“ математику.

Что касается философской атмосферы, вліявшей на образованіе понятій Пуанкаре о наукѣ, ее пока трудно учесть. Онъ не имѣлъ привычки цитировать своихъ предшественниковъ, и имена философовъ въ его философскихъ сочиненіяхъ встрѣчаются рѣдко и случайно. Конечно, отсюда не слѣдуетъ, что у Пуанкаре не было предшественниковъ. Внимательное изслѣдованіе, вѣроятно, легко вскрыло бы замѣтные слѣды ихъ вліянія. Мы ограничимся здѣсь немногимъ, нужнымъ для выясненія происхожденія излагаемыхъ взглядовъ Пуанкаре.

Прежде всего, несомнѣнно, что Пуанкаре испыталъ на себѣ *общее* вліяніе традиціонной французской философіи второй половины XIX в.—позитивизма. Не нужно думать, чтобы имъ былъ непремѣнно позитивизмъ Контовскій. Это былъ, такъ сказать, „позитивизмъ вообще“, въ которомъ встрѣчались на общей почвѣ: Контъ, Литтрэ и ихъ сторонники, Тэнъ и его единомышленники, чтившіе Спинозу и Гегеля,—даже Ренанъ, насчитывавшій не мало поклонниковъ,—наконецъ, многіе преподаватели Политехнической Школы, этого разсадника точныхъ наукъ и связанной съ ними склонности къ „позитивному вообще“. Въ томъ же направ-

леніи въ 50—80-хъ г.г. развивалась „неокритическая философія“ Renouvier, насаждавшая позитивизмъ уже въ окраскѣ Канта. Что это былъ за „позитивизмъ вообще“! Конечно, никто не сумѣлъ бы развернуть его въ „систему“. Но у него было нѣсколько общихъ положеній, пара прекрасныхъ лозунговъ, а особенно—то специфическое „настроеніе“, которымъ сопровождается высокая оцѣнка науки, научности и которое съ успѣхомъ и часто съ пользою замѣняетъ у многихъ „настоящую“ философію, т. е. болѣе или менѣе развитое ученіе. Изъ этихъ положеній отмѣтимъ два. Они плохо мирятся другъ съ другомъ; но объ этомъ тогда—часто и теперь—не очень заботились, вѣроятно, просто не замѣчая затрудненія и покрывая его „паѳосомъ“. Одно изъ нихъ гласитъ, что намъ доступны только „явленія“, въ видѣ нашихъ ощущеній; въ отрицательной формѣ, бывшей очень популярной, это положеніе говорило, что намъ недоступны „вещи въ себѣ“; умы, склонные къ „критицизму“, прибавляли къ этому: мы даже не знаемъ, существуютъ ли „вещи въ себѣ“. Второе положеніе сводилось къ мысли, что наука объективна; это имѣло очень расплывчатый смыслъ; кажется, всего замѣтнѣе при этомъ звучалъ мотивъ: она себя доказываетъ общеобязательнымъ образомъ и потому не зависитъ отъ произвола отдѣльныхъ лицъ; очень часто отсюда дѣлался скачекъ, приводившій къ утвержденію, что наука занимается объективною реальностью, за предѣлами которой остается только область субъективно-фантастическаго: выраженное такъ, это положеніе плохо согласовалось съ первымъ; однако, повторяемъ, этого сплошь и рядомъ не подозрѣвали. Изъ „лозунговъ“ упомянемъ самый популярный: если философія возможна, она научна; одни выводили отсюда заключеніе, что философія есть совокупность наукъ и, слѣдовательно, философіи нѣтъ; другіе, менѣе радикальные, успокаивались на мысли, что философія есть особая наука о самой наукѣ, т. е., по преимуществу, о математикѣ и математическомъ естествознаніи; такъ или иначе, лозунгомъ провозглашалась „научность“ философіи—то, что позднѣе стали называть „сціентизмомъ“ (отъ science наука). Пуанкаре, безъ сомнѣнія, испыталъ на себѣ вліяніе „позитивизма вообще“ и усвоилъ довольно прочно указанныя его положенія, лозунгъ и настроеніе. Еще два фактора, повидимому, укрѣпили его увѣренность въ солидности обоихъ главныхъ положеній „позитивизма вообще“.

Одинъ изъ нихъ вліялъ на Пуанкаре въ сторону перваго положенія и велъ къ его переработкѣ, приближающей его ко второму. Этимъ факторомъ были воззрѣнія Э. Маха. Его имя встрѣ-

чается у Пуанкаре очень часто,—сравнительно часто. Еще чаще находимъ слѣды его взглядовъ въ изложеніи собственныхъ мыслей Пуанкаре. „Анализъ ощущеній“ Маха вышелъ въ 1886 году; нѣсколько раньше появилась его знаменитая „Механика въ ея развитіи, историко-критически изложенная“. Въ 1882 году была произнесена имъ составившая, своего рода, эпоху рѣчь: „Экономическая природа физическаго изслѣдованія“. Еще къ 1872 году относится его работа: „Исторія и корень принципа сохраненія энергіи“. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ Махъ исходилъ изъ мысли, что намъ доступны только явленія, слагающіяся изъ ощущеній; онъ присоединилъ къ этому положеніе, что наука, стремясь овладѣть необозримымъ матеріаломъ ощущенія, вынуждена пользоваться средствами, экономизирующими затрату силъ; употребленіе этихъ средствъ даетъ наукѣ возможность подняться надъ субъективностью нашихъ ощущеній, такъ какъ наиболѣе экономное средство стремится стать всеобщимъ достояніемъ, устраняя менѣе экономныя (вліяніе мысли объ естественномъ отборѣ): въ этомъ смыслѣ точка зрѣнія Маха приводила къ приближенію перваго положенія „позитивизма вообще“ ко второму, указывавшему на объективность науки. Конечно, въ свое время Пуанкаре жадно воспринималъ идеи Маха. „Экономія мысли“ съ той поры стала однимъ изъ любимыхъ его принциповъ. Въ послѣдней философской книгѣ, опубликованной самимъ Пуанкаре, —„Наука и методъ“—мы находимъ очень частыя ссылки на этотъ „принципъ“ въ связи съ именемъ Маха.

Второе положеніе „позитивизма вообще“ Пуанкаре воспринялъ, повидимому, въ формѣ, сложившейся у него подъ вліяніемъ весьма значительнаго, французскаго математика, экономиста и философа—Курно (Cournot). Его многочисленныя сочиненія выходили въ 40—70-хъ годахъ. Основное философское сочиненіе Курно: „Essai sur les fondements de nos connaissances“ вышло въ 1851 году, въ двухъ томахъ; это было, слѣдовательно, за три года до рожденія Пуанкаре. Курно думалъ, что задача науки—познаніе того, что онъ называлъ l'ordre rationel. Для этого наука строитъ рядъ положеній, распредѣляя ихъ, для удобства и облегченія познанія, въ l'ordre logique. Курно говоритъ: „l'ordre rationel присущъ (est accomodé) природѣ вещей, а l'ordre logique— природѣ нашихъ познавательныхъ способностей“. (Essai, т. II, с. 75). L'ordre rationel есть объективно-существующій строй природы, по которому „факты, законы, отношенія,—предметы нашего познанія,—связаны другъ съ другомъ и происходятъ“. (Essai, т. I, с. 29) L'ordre logique есть искусственная клас-

сификація явленій объективнаго міра, приноровленная „къ строю языка, являющагося для насъ орудіемъ мысли и способомъ ея выраженія“ (эту цитату заимствуемъ у F. Mentré: „Cournot et la Renaissance du Probabilisme au XIX s., 1908 г., стр. 221; она взята изъ сочиненія Курно: „Traité de l'enchainement des idées fondamentales dans les sciences et dans l'histoire, 1861 г., § 42). Пуанкаре зналъ взгляды Курно; во всякомъ случаѣ, они были ему извѣстны въ 1906 году, когда онъ написалъ юбилейную статью о Курно въ Revue de metaphysique et de morale: вѣроятно, онъ познакомился съ Курно не къ юбилею—не въ его обычаѣ было писать скороспѣлыя работы. Вліяніе Курно на Пуанкаре замѣтить легко. У Пуанкаре находимъ ученіе о l'ordre rationel въ формѣ ученія объ „объективной реальности“ математическаго порядка (къ математическому толкованію l'ordre rationel склонялся еще Курно). Понятіе о l'ordre logique имѣется у Пуанкаре въ формѣ, совпадающей съ мыслью объ „экономическомъ строѣ“ нашихъ сужденій, теорій и вообще изслѣдованія.

Таковы вліянія, подъ которыми сложились взгляды Пуанкаре на науку и научное изслѣдованіе. Мы не назвали всѣхъ, въ частности, не упомянули и о сильнѣйшемъ вліяніи Канта. Но *здѣсь* объ этомъ можно умолчать. Указанныя воздѣйствія вошли въ обиходъ мысли Пуанкаре въ сравнительно претворенной формѣ. Нельзя назвать Пуанкаре эклектикомъ. У него, просто, были духовные отцы; къ завѣщанному ими онъ попытался присоединить и свое.

2. Начнемъ характеристику взглядовъ Пуанкаре на науку и научное творчество съ указанія предмета науки. Имъ опредѣляется задача науки; задачею—методъ; методомъ—общая физіономія творческаго процесса въ наукѣ. Предметъ науки—„объективная реальность“. Есть еще „субъективная реальность“: наука не занимается ею. Очевидно, что „объективная реальность“ связана съ „субъективною“: иначе онѣ бы не назывались одинаково реальностью. Пуанкаре не опредѣляетъ прямо, въ чемъ эта связь. Но объ ея характерѣ можно судить у него по косвеннымъ указаніямъ и даннымъ. Субъективная реальность обнимаетъ наши ощущенія. У каждаго изъ насъ свои особыя ощущенія (отсюда прилагательное: „субъективная“). Этого мало: ощущенія каждаго изъ насъ недоступны воспріятію другого. Мы замкнуты въ ихъ кругу. Круга нельзя разорвать путемъ общенія, передачи ощущеній другимъ субъектамъ: это потому, что „нѣтъ никакого средства удостовѣриться, что ощущеніе, которое я выражаю словомъ „красное“, есть то же самое, которое связывается съ этимъ словомъ

у другого" („Цѣнность науки", р. пер. 1906 г., стр. 184). Вотъ почему не можетъ быть и науки объ ощущеніяхъ, т. е. о „субъективной реальности". Отсюда видно, между прочимъ, что реальность, способная стать предметомъ науки, должна быть общая всѣмъ или, по крайней мѣрѣ, многимъ субъектамъ „и, значитъ, должна имѣть способность передаваться отъ одного къ другому" (тамъ же); такая реальность должна удовлетворять еще одному условію: „такъ какъ эта передача можетъ происходить лишь „дискурсивнымъ" путемъ (т. е. могущимъ быть всегда провѣреннымъ и равно для всѣхъ понятнымъ. Т. Р.)...., то мы вынуждены сдѣлать заключеніе: „безъ дискурсивности нѣтъ объективности" (тамъ же). Итакъ, объективная реальность это—та, которая обща многимъ, въ предѣлѣ—всѣмъ субъектамъ и оттого можетъ быть предметомъ передачи между ними,—это—та, затѣмъ, которая выражается нами дискурсивно. Гдѣ искать эту реальность?

Кромѣ ощущеній, у насъ есть еще „соотношенія между ощущеніями" (тамъ же, с. 185). Эти соотношенія уже—не ощущенія. Они—идеальные моменты; ихъ „воспринимаетъ только чистый интеллектъ" („Наука и методъ", р. пер. С.-П.-Б. 1910, стр. 13). Очевидно, Пуанкаре думаетъ, что интеллектъ у всѣхъ субъектовъ дѣйствуетъ одинаково и „воспринимаетъ" тождественныя, общія всѣмъ субъектамъ „соотношенія" между ощущеніями. Прямо онъ этого не говоритъ. По крайней мѣрѣ, только при такомъ толкованіи можно понять мысль Пуанкаре, что отношенія суть общіе всѣмъ предметы и, значитъ, могутъ передаваться отъ субъекта къ субъекту дискурсивнымъ путемъ. Это значитъ, что „единственною объективной реальностью являются отношенія вещей", вѣрнѣе—отношенія ощущеній, если держаться предшествующаго. („Цѣнность науки", с. 190).

Теперь понятно, какова связь между объективною реальностью и субъективною: вѣдь объективная состоитъ только изъ отношеній между элементами субъективной,—ощущеніями.

Мы видимъ, что Пункаре сохраняетъ оба „положенія" „позитивизма вообще" и даже хочетъ доказать, что нужно удержать непремѣнно оба, а не какое-нибудь одно.

Итакъ, предметъ науки—„объективная реальность"—есть совокупность отношеній между ощущеніями. Отсюда, между прочимъ, вытекаетъ, что *такая* наука и о такой реальности можетъ быть лишь у существъ, не очень отличныхъ отъ насъ, во всякомъ случаѣ, не лишенныхъ ощущеній: такъ какъ, при отсутствіи ощущеній, не было бы и отношеній между ними („Цѣнность науки", с. 9; Les dernières Pensées, 1913 года, стр. 29—30).

Отношенія, изучаемыя наукой, суть отношенія математическія; таковы всѣ отношенія; другихъ не существуетъ. Высказывая это положеніе въ столь общей формѣ („Цѣнность науки", стр. 9—10), Пуанкаре не хотѣлъ, какъ будто, сказать, что всѣ отношенія—количественныя: „это значило бы слишкомъ суживать природу разсматриваемыхъ соотношеній" (тамъ же, 185). Однако, у него встрѣчаются и заявленія обратнаго рода. Въ одной изъ его послѣднихъ статей (L'espace et le temps, вошла въ Dernières Pensées, стр. 35—54) находимъ утвержденіе: „то, что не измѣряется, не можетъ быть предметомъ науки" (с. 41.) [1])

Это несомнѣнное противорѣчіе. Замѣчалъ ли его Пуанкаре? Кажется, нѣтъ. Неизбѣжно ли оно у него? Повидимому,—тоже нѣтъ. Съ нѣкоторыми оговорками, Пуанкаре раздѣлялъ точку зрѣнія на задачу математики, введенную, главнымъ образомъ, Георгомъ Кантаромъ и его школой. Согласно ей, математика не есть только наука о количественныхъ отношеніяхъ, но также и объ отношеніяхъ качественныхъ, не опредѣленныхъ числомъ и мѣрою. Образцомъ математики качества является общее ученіе о многообразіяхъ, какъ его развивали „кантористы", по терминологіи Пуанкаре; другой образецъ—такъ называемая геометрія положенія, analysis situs. Пуанкаре особенно охотно иллюстрировалъ этой геометріей нѣкоторыя свои философскія идеи; онъ посвятилъ ей не мало страницъ въ „Цѣнности науки" (с. 47—49), въ Dernières Pensées (с. 57—63) и др. Итакъ, называя всѣ отношенія математическими, Пуанкаре могъ имѣть въ виду математику въ расширенномъ видѣ, количественную и качественную, да, кромѣ того, и всю прикладную—какъ количественную, такъ и качественную. Правда, отмѣченное противорѣчіе нельзя устранить и при такомъ пониманіи; но можно признать его, по крайней мѣрѣ, случайнымъ, хотя оно повторяется у Пуанкаре еще нѣсколько разъ.

Математическія соотношенія закономѣрны. Понятіе закона Пуанкаре формулировалъ не разъ; но онъ не далъ опредѣленія, которое обнимало бы закономѣрность всѣхъ соотношеній. Повидимому, онъ различалъ два рода законовъ. Одни назовемъ чисто математическими: они относятся къ области чистыхъ соотношеній, взятыхъ независимо отъ природы и внѣ времени. Эти законы выражаются формулами, въ которыхъ множество соотношеній объединено въ упорядоченное многообразіе („Наука и методъ", с. 38). Другіе законы являются математическими въ при-

[1]) Повидимому, эту мысль Пуанкаре высказалъ подъ вліяніемъ Бергсона.

кладномъ смыслѣ. Они относятся къ математическимъ соотношеніямъ въ природѣ и, слѣдовательно, во времени. Это—законы естественные. Ихъ-то и опредѣлялъ обычно Пуанкаре. Вотъ опредѣленіе, всюду у него повторяющееся: законъ—„это постоянное соотношеніе между предшествующимъ и послѣдующимъ, между настоящимъ состояніемъ міра и ему непосредственно предшествующимъ“ (Dernières Pensées, с. 7).

Итакъ, „объективная реальность“ во всемъ своемъ объемѣ закономѣрна. Наука все больше и больше внушаетъ намъ эту мысль. Она приводитъ къ исключенію изъ міра всякаго случая, —разумѣется, изъ міра, доступнаго намъ; въ немъ даже такъ называемый „случай все же имѣетъ свои законы“ (Наука и методъ“, с. 67).

Присущая реальности закономѣрность незыблема. По крайней мѣрѣ, мы не могли бы никогда убѣдиться въ противномъ. Допущеніе, что законы эволюціонируютъ—безсмысленно, такъ какъ основано на противорѣчивомъ понятіи о законѣ, либо же на недостаточныхъ конкретныхъ наблюденіяхъ. За кажущейся эволюціей закона мы всегда усматриваемъ незыблемый законъ этой эволюціи: слѣдовательно, эволюціонируетъ не законъ, а что-то другое. Развитію и обоснованію этихъ мыслей объ „эволюціи законовъ“ Пуанкаре посвятилъ нѣсколько страницъ въ „Цѣнности науки“ (с. 178—180) и докладъ L'evolution des lois, представленный философскому международному съѣзду въ Болоньѣ, въ 1911 году, но имъ самимъ тогда не прочитанный. Этотъ блестящій докладъ напечатанъ, между прочимъ, въ Dernières Pensées (есть р. пер. статьи, принадлежащій г. Гуревичу). Въ немъ геній Пуанкаре достигаетъ крайнихъ предѣловъ глубины, остроумія и вдохновенія.

Управляемый законами міръ являетъ „чудесную гармонію“, la splendide harmonie (Dern. P., с. 230).

Такъ какъ законы эти—математическіе въ широкомъ смыслѣ, то и гармонія міра есть „гармонія, выражающаяся математическими законами“ („Цѣнн. н.“, с. 10). Въ этомъ понятіи о harmonia mundi mathematica, какъ въ фокусѣ, соединились вліянія, подъ которыми складывались взгляды Пуанкаре на науку: здѣсь и слѣдъ его математическихъ занятій и восторговъ, и культъ точной науки, который проповѣдовалъ „позитивизмъ вообще“, и l'ordre rationel Курно; недостаетъ только Маха: онъ вліялъ въ другой области, касающейся сущности научнаго *творчества*. Понятіе о гармоніи міра одно изъ самыхъ интересныхъ, но и неясныхъ у Пуанкаре. Мы посвятимъ ему слѣдующій очеркъ.

3. Изъ свойствъ предмета науки вытекаетъ задача науки. Наука должна установить по частямъ и въ цѣломъ гармонію міра. Другой цѣли у науки нѣтъ. Утилитарныя цѣли, которыя ей навязываютъ и которымъ она удовлетворяетъ, уже вытекаютъ косвенно изъ условій работы въ направленіи указанной безкорыстной цѣли.

4. Ею опредѣляется методъ науки. Всего познать нельзя. „Нашъ умъ немощенъ, какъ и наши чувства“ („Наука и методъ“, с. 20); „мозгъ ученаго, являющійся лишь уголкомъ вселенной, никогда не будетъ въ состояніи вмѣстить въ себѣ всю вселенную“ (тамъ же, с. 17). „Желаніе умѣстить всю природу въ построеніяхъ науки было бы равносильно желанію вмѣстить цѣлое въ одной части“ (тамъ же, с. 8). Итакъ, приходится выбирать факты, „которые достойны быть познанными“ („Цѣнн. н.“, с. 193). „Методъ именно и есть выборъ фактовъ“, достойныхъ познанія съ точки зрѣнія безкорыстной цѣли или задачи науки („Наука и методъ“, с. 11).

Ученый ищетъ факты, которые приводятъ къ открытію всеобщей гармоніи міра. Онъ знакомится съ ними, отбираетъ годные, отбрасывая до поры „исключенія“. Въ свое время, впрочемъ, и „исключенія“, связанныя съ другими фактами, позволятъ почувствовать за ними нетлѣнную гарманію („Наука и методъ.“, с. 12—13).

5. Отсюда и всѣ особенности научнаго творчества. Пуанкаре изучаетъ ихъ обычно на матеріалѣ математическаго творчества; но свои мысли онъ обобщаетъ: „механизмъ математическаго творчества не особенно отличается отъ механизма творчества вообще“ („Наука и методъ“, с. 4).

Задача науки—вскрытіе гармоніи міра. Ея методъ—выборъ фактовъ, способствующихъ этому. Поэтому, научное изслѣдованіе въ общемъ есть „классификація, манера сближать между собою тѣ факты, которые представляются раздѣленными, несмотря на нѣкоторое естественное родство, скрытымъ образомъ связывающее ихъ другъ съ другомъ“ („Цѣнн. н.“, с. 186—187). Передъ ученымъ мысленно носятся самыя различныя комбинаціи между фактами (было бы лучше сказать—между ощущеніями: вѣдь отношенія существуютъ только между ними, какъ думаетъ Пуанкаре). Изъ этихъ комбинацій надо сдѣлать выборъ годныхъ, удовлетворяющихъ задачѣ науки. „Творчество именно и должно состоять въ томъ, чтобы не строить безполезныхъ комбинацій, а строить только такія, которыя полезны, послѣднія же составляютъ лишь ничтожное меньшинство всѣхъ возможныхъ. Творить—это значитъ различать, это значитъ выбирать“ („Наука и мет“., с. 38)

Невозможно перебрать всѣ возможныя комбинаціи и такимъ путемъ выбрать самыя годныя. Это безконечно затруднило бы творчество, сдѣлало бы его даже невозможнымъ, ибо фактически, практически число фактовъ и комбинацій между ними безгранично. Творчество, которое шло бы путемъ сплошной переборки, было бы дискурсивно (discurrere—пробѣгать). Такое именно творчество невозможно.

На помощь приходитъ „интуиція“, „чувство“, „чувствительность“. Не нужно смѣшивать это „чувство“ съ чувствованіемъ, или эмоціей, т. е. съ переживаніемъ удовольствія или неудовольствія. Интуитивное „чувство“ есть переживаніе познавательно-эмоціональнаго характера. Оно обращено въ сторону гармоніи міра и, какъ эолова арфа, звучитъ отзывно, едва замѣтитъ эту гармонію. Интуиція угадываетъ „гармонію и скрытыя соотношенія“ („Наука и мет.“, с. 37). Напр., въ математическомъ творчествѣ это—„чувство математической красоты, гармоніи чиселъ и формъ, геометрическаго изящества. Это... настоящее эстетическое чувство, знакомое каждому истинному математику“ (тамъ же, с. 45). Впрочемъ, „эта спеціальная эстетическая чувствительность“ необходима во всякомъ научномъ творчествѣ, и потому „тотъ, кто лишенъ ея, никогда не будетъ истиннымъ творцомъ“ (тамъ же, с. 46).

Повидимому, творческая интуиція коренится въ безсознательной сферѣ нашего „я“, точнѣе—въ подсознательной, остающейся ниже порога сознанія. Въ этой сферѣ происходитъ незамѣтная для насъ кропотливая работа комбинированія „фактовъ“; тамъ еще не производится, впрочемъ, отборъ годныхъ комбинацій, а только ихъ подготовка. При этомъ, „привиллегированными среди безсознательныхъ феноменовъ, т. е. такими, которые могутъ перейти порогъ сознанія, являются тѣ феномены, которые, прямо или косвенно, глубже всего поражаютъ нашу чувствительность“. („Наука и мет.“, с. 45; ср. вообще с. 43—46).

Итакъ, первый шагъ въ научномъ творчествѣ—„исканіе... особой красоты, основанное на чувствѣ гармоніи...“ „Мы предпочтительно ищемъ простые и величественные факты потому, что простота и величіе прекрасны; мы искренно наслаждаемся, наблюдая гигантскіе пути звѣздъ или изслѣдуя въ микроскопъ поражающую малость размѣровъ, которую тоже признаемъ величіемъ; мы обращаемся къ геологическимъ эпохамъ, ищемъ тамъ слѣдовъ отдаленнаго прошлаго, которое насъ манитъ къ себѣ, потому что оно такъ отдаленно.... И, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно, что забота о прекрасномъ ведетъ насъ къ тому же выбору, что и за-

бота о полезномъ. Эта экономія мысли, эта экономія усилія, которая, согласно Маху, является постоянной тенденціей науки,— развѣ она не является одновременно и источникомъ красоты, и практической выгодой" („Наука и мет.", с. 14). Можемъ замѣтить, что экономія мысли сопровождаетъ творчество уже на первой его —интуитивной—ступени.

Интуиція не даетъ намъ еще оправданныхъ, достовѣрныхъ, истинъ. Она заставляетъ только угадывать ихъ,—она доставляетъ намъ гипотезы. „Всякое обобщеніе есть уже гипотеза"—разумѣется, пока оно не оправдано („Гипотеза и наука", р. пер. 1903 г., с. 101). Однѣ гипотезы неизбѣжны; другія безразличны, сравнительно другъ съ другомъ, но нѣкоторыя изъ нихъ облегчаютъ работу, экономизируютъ усилія; третьи—ихъ можно назвать рабочими—выражаютъ обобщенія, указываютъ на вѣроятныя гармоніи и тѣмъ сосредоточиваютъ наше творчество въ плодотворномъ направленіи; если испытаніе ихъ оправдываетъ,— онѣ становятся прочными достояніями науки; опровергаетъ,—ихъ отбрасываютъ (тамъ же с. 102—103 и 2).

Для испытанія годности гипотезы, ее представляютъ въ видѣ развитой „теоріи" соотвѣтствующаго круга явленій. Если теорія хочетъ открыть „сущность вещей", она очень быстро исчезаетъ изъ обихода. Если она стремится вскрыть „истинное отношеніе", она устоитъ уже навсегда—въ какихъ угодно оболочкахъ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что пріобрѣтенія одной теоріи вливаются въ пріобрѣтенія другой, болѣе мощной, и въ смѣнѣ такихъ теорій есть непрерывность („Цѣнн. науки", с. 188—189 и 8—9).

Работа по испытанію годности гипотезъ и теорій и окончательная отдѣлка и формулировка итоговъ научнаго изслѣдованія производится уже при полномъ свѣтѣ сознанія. Здѣсь мы располагаемъ опредѣленными и строгими правилами, особыми въ каждомъ случаѣ. Это—стадія дискурсивнаго творчества въ наукѣ („Наука и мет.", с. 48—49).

Одною изъ важнѣйшихъ функцій дискурсивнаго творчества является созиданіе научнаго языка. „Трудно повѣрить, какъ много можетъ одно хорошо выбранное слово „экономизировать мысль", выражаясь словами Маха" („Наука и мет.", с. 23). Напримѣръ, физики „изобрѣли слово „энергія", и это слово оказалось необычайно плодотворнымъ, ибо оно творило законъ, элиминируя исключенія, ибо оно давало одно и то же имя различнымъ по содержанію и сходнымъ по формѣ вещамъ" (тамъ же, с. 24); „математика и есть искусство называть однимъ и тѣмъ же.

именемъ различныя вещи. Надо только, чтобы эти вещи, различныя по содержанію, сближались по формѣ...“ (тамъ же, с. 23—24).

Научныхъ языковъ можно создать много. Сами по себѣ, они равно правомѣрны. Но одни экономнѣе болѣе, другіе—менѣе; и мы предпочитаемъ первые. Здѣсь остается мѣсто для выбора, т. е. для творчества. Поэтому, Пуанкаре говоритъ: „вся творческая дѣятельность ученаго, по отношенію къ факту, исчерпывается рѣчью, которою онъ его выражаетъ“ („Цѣнность науки“, с. 163).

Итакъ, всюду научное творчество состоитъ въ выборѣ того, что „прекрасно“, „изящно“, отвѣчая гармоніи, и экономно, отвѣчая выгодной затратѣ силъ. Выборъ этотъ ученый производитъ не по личному, а по общеобязательному критерію; онъ приходитъ къ истинѣ, согласуясь съ этимъ критеріемъ; подчиненіе же личнымъ критеріямъ ведетъ къ заблужденію: можно сказать, что „доля личнаго участія человѣка въ выработкѣ научнаго факта состоитъ въ заблужденіи“ („Цѣнн. н.“. с. 161).

Между прочимъ, въ творчествѣ, въ стремленіи къ общеобязательной истинѣ, какъ показываетъ Пуанкаре въ печатаемой ниже статьѣ, заключенъ залогъ нравственно-здраваго поведенія. Но научное творчество имѣетъ и самостоятельную цѣнность, и эта цѣнность—превыше всего, по мнѣнію Пуанкаре. „Изысканіе истины должно быть цѣлью нашей дѣятельности; это—единственная цѣль, которая достойна ея. Несомнѣнно, сначала мы должны постараться облегчить человѣческія страданія, но—зачѣмъ? Отсутствіе страданій—это идеалъ отрицательный, который вѣрнѣе былъ бы достигнутъ съ уничтоженіемъ міра. Если мы все болѣе и болѣе хотимъ избавить человѣка отъ матеріальныхъ заботъ, такъ это—затѣмъ, чтобы онъ могъ употребить свою отвоеванную свободу на изслѣдованіе и созерцаніе истины“ („Цѣнн. н.“, с. 3). Пуанкаре говоритъ здѣсь тѣмъ глубоко-идеалистическимъ языкомъ, какимъ выражены и старыя мысли Аристотеля о нравственной цѣнности чисто-научнаго творчества. Для сравненія, ниже приводится соотвѣтствующій отрывокъ изъ Аристотеля.

II.

„Гармонія міра“.

1. Мы уже отмѣтили, что гармонія законовъ, математическая гармонія міра—одно изъ самыхъ неясныхъ понятій въ философскихъ взглядахъ Пуанкаре. Намъ кажется, что самому Пуанкаре оно не всегда представлялось въ одномъ и томъ же видѣ. Отсюда—неясность и у читателя.

Въ однихъ случаяхъ Пуанкаре говоритъ о гармоніи *міра*, управляемаго *законами*. Тогда гармоничность міра то же, что его закономѣрность. Мы читаемъ, напр.: „Потому-то міръ и божественъ, что онъ полонъ гармоніи. Если бы онъ управлялся произволомъ, что доказывало бы намъ, что онъ не управляется случаемъ“? И нѣсколько выше: „Наилучшее выраженіе этой гармоніи—Законъ“ („Цѣнн. н.“, с. 8). Немного дальше (с. 10), встрѣчаемъ рѣчь о „гармоніи, выражающейся математическими законами“. Итакъ, если гармонія *выражается* законами, ясно, что слово „гармонія“ взято здѣсь, какъ синонимъ порядка закономѣрнаго, т. е. не буквально, а въ смыслѣ тропа. Но существуютъ тексты совершенно иного содержанія.

2. Въ нихъ идетъ рѣчь не о мірѣ, упорядоченномъ законами и математическими (чистыми) формулами, а о гармоніи *между самими этими* законами и формулами. Это та гармонія, о которой свидѣтельствуютъ, напр., слова: la splendide harmonie des lois naturelles, т. е. „чудесная гармонія естественныхъ законовъ“ (Dernières Pensées, с. 230). Впрочемъ, говоря о ней, Пуанкаре варьируетъ два оттѣнка, которые мы и отмѣтимъ.

3. Первый изъ этихъ оттѣнковъ выражается во взглядѣ, что гармонія законовъ существуетъ объективно, самымъ буквальнымъ образомъ. Вотъ цитаты. „Математика должна помогать философу углубляться въ понятія числа, пространства и времени. Люди, посвященные въ ея тайны, вкушаютъ наслажденія, подобныя тѣмъ, которыя даетъ намъ живопись и музыка. Они восторгаются изящною гармоніей чиселъ и формъ; они приходятъ въ восхищеніе, когда какое-нибудь новое открытіе раскрываетъ передъ ними неожиданныя перспективы“ („Цѣнн. н.“, с. 99). Самое замѣчательное мѣсто читаемъ въ „Наукѣ и методѣ“ (с. 13—14): „.... вѣдь ученый изучаетъ природу не потому, что это полезно: онъ изучаетъ ее потому, что это доставляетъ ему удовольствіе, потому, что она—прекрасна. Если бы природа не была прекрасной, она не стоила бы того труда, который тратится на ея познаніе, и жизнь не стоила бы того труда, который нуженъ, чтобы ее прожить. Я, конечно, не говорю здѣсь о той красотѣ, которая поражаетъ наши чувства, о красотѣ качествъ и внѣшней формы вещей; нельзя сказать, чтобы я относился къ ней съ пренебреженіемъ,—я далекъ отъ этого,—но просто она въ сторонѣ отъ науки. Я говорю о той красотѣ, болѣе интимной, внутренней, которая сквозитъ въ гармоничномъ порядкѣ частей и которую воспринимаетъ только чистый интеллектъ. Именно она даетъ, такъ сказать, скелетъ и тѣло внѣшнимъ формамъ вещей, ласка-

ющихъ наши чувства, и безъ нея, какъ своего рода опоры, красота этихъ быстро чередующихся грезъ, и неопредѣленныхъ, и преходящихъ, была бы лишь несовершенной красотой. Наоборотъ, красота, воспринимаемая интеллектомъ, есть красота самодовлѣющая, существующая для самой себя, и это ради нея, быть можетъ, болѣе, чѣмъ для будущаго блага человѣчества, ученый осуждаетъ себя на многолѣтнюю и утомительную работу". Невольно вспоминаются классическія слова Платона о „красотѣ вѣчной, не сотворенной и не погибающей красотѣ, которая не увеличивается, но и не оскудѣваетъ, красотѣ неизмѣнной во всѣхъ частяхъ, во всѣ времена, во всѣхъ отношеніяхъ, во всѣхъ мѣстахъ и для всѣхъ людей. И эта высшая красота не представится.... воображенію въ конкретномъ видѣ лица, рука или какой-нибудь части тѣла, ни въ видѣ какой-нибудь бесѣды или знанія.,.. (она) нѣчто такое, что.... существуетъ всегда независимо само по себѣ и въ себѣ самомъ. А всѣ остальныя прекрасныя вещи имѣютъ къ ней такое отношеніе, что межъ тѣмъ какъ сами онѣ и возникаютъ и гибнутъ, она рѣшительно нисколько не увеличивается и не уменьшается" („Пиръ", гл. 29). Мы готовы, сличая воодушевленный гимнъ красотѣ Пуанкаре съ гимномъ Платона, сказать:

„Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи,
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой"..... Пушкинъ.

4. Другой оттѣнокъ сводится къ мысли, что гармонія, не существуя объективно буквальнымъ образомъ, все же подготовлена какъ-то „объективною реальностью"; и мы, соприкасаясь съ этимъ „какъ-то", звучимъ ему въ отвѣтъ субъективнымъ переживаніемъ гармоніи. Вотъ одно—не единственное—мѣсто: „Однимъ словомъ, ощущеніе математическаго изящества есть не что иное, какъ удовлетвореніе отъ какой-то приспособленности только что найденнаго рѣшенія къ нуждамъ нашего ума...". („Наука и методъ", с. 21).

5. Три разныя значенія понятія и гармоніи такъ рѣзко различили *мы*. У Пуанкаре они болѣе или менѣе связаны оговорками, переходами и образуютъ цѣлое, сверкающее разными красками и переливами. Это дѣлаетъ его „гармонію" привлекательной и „прекрасной", какъ художественный образъ. Ея научная цѣнность, однако, отъ этого затемняется; нужно сперва расчленить разнородные элементы и затѣмъ оцѣнить каждый въ отдѣльности. Послѣднее было бы уже критикой, отъ чего мы въ этомъ введеніи умышленно воздерживаемся.

Т. Р.

* *
*

Въ послѣднюю половину XIX вѣка очень часто мечтали о созданіи научной нравственности. Не удовлетворялись однимъ восхваленіемъ воспитательной мощи науки, выгодъ, извлекаемыхъ для усовершенствованія человѣческаго духа изъ непосредственнаго общенія съ истиной. Полагали, что наука поставитъ нравственныя истины внѣ всякаго спора, какъ сдѣлала она это съ математическими истинами и съ законами, которыя устанавливаютъ физики.

Религіи могутъ имѣть огромную власть надъ вѣрующими душами: но не всѣ въ мірѣ вѣрятъ; вѣра обращается лишь къ нѣкоторымъ,—разумъ ко всѣмъ. Именно къ разуму должны мы обратиться. Я не говорю о разумѣ метафизиковъ, построенія которыхъ блестящи, но эфемерны, какъ мыльные пузыри, развлекающіе на мгновеніе и лопающіеся. Одна наука строитъ прочно; она создала астрономію и физику; она строитъ теперь біологію; тѣми же способами она создастъ нѣкогда и нравственность. Ея предписанія будутъ царить безусловно; никто не посмѣетъ ворчать на нихъ; и не помыслятъ болѣе—бунтовать противъ нравственнаго закона, какъ не думаютъ теперь о бунтѣ противъ теоремы о трехъ перпендикулярахъ или противъ закона тяготѣнія.

Съ другой стороны, есть люди, ожидающіе отъ науки всевозможныхъ золъ; они видятъ въ ней школу безнравственности. И это не потому только, что она придаетъ слишкомъ много значенія матеріи. Она лишаетъ насъ чувства почтительности, ибо чтятъ лишь вещи, на которыя не смѣютъ поднять глазъ. Выводы науки—не равносильны ли они отрицанію нравственности? Она,—сказалъ, не помню, какой знаменитый писатель,—хочетъ погасить сіяніе небесъ или, по крайней мѣрѣ, лишить его всего таинственнаго и свести къ плоскому подобію газовыхъ рожковъ. Она стремится разоблачить всѣ чудеса Творца, теряющаго отъ этого кое-что въ своемъ престижѣ; не хорошо дозволять дѣтямъ заглядывать за кулисы: это способно вселить въ нихъ сомнѣніе въ существованіи Пугала. Стоитъ стать ученымъ,—и тогда ужъ нѣтъ нравственности.

Что подумать о чаяніяхъ однихъ и страхахъ другихъ? Не колеблясь, отвѣчаю: одинаково напрасны и чаянія, и страхи. Научной нравственности быть не можетъ; но столь же невозможна и безнравственная наука. И это—на простомъ основаніи. Я сказалъ—на основаніи: на какомъ же?—просто грамматическомъ.

Если обѣ посылки силлогизма выражены въ изъявитель-

номъ наклоненіи, его заключеніе будетъ формулировано тоже изъявительно. Чтобы получить заключеніе въ повелительной формѣ, нужно, чтобы хотя бы одна изъ посылокъ была также повелительной. И вотъ, принципы науки, постуляты математики звучатъ и не могутъ не звучать изъявительно; того же порядка и истины опытныхъ наукъ; и вообще, на почвѣ науки нѣтъ и не можетъ быть ничего другого. Изощреннѣйшіе діалектики могутъ жонглировать этими принципами какъ угодно, комбинируя ихъ и нагромождая другъ на друга: все, что они получатъ, будетъ стоять въ изъявительномъ наклоненіи. Никогда не получить предложенія, которое бы гласило: дѣлай это—не дѣлай того-то, т. е. предложенія, которое признавало бы или отрицало бы нравственный характеръ чего-либо.

Въ этомъ—трудность, которую моралисты встрѣчаютъ издавна. Они стремятся доказать нравственный законъ; нужно извинить имъ это: вѣдь это—ихъ профессія; они хотятъ опереть нравственность на что-то другое, точно бы она могла основываться на чемъ иномъ, кромѣ себя самой. Наука показываетъ, что человѣкъ, живя извѣстнымъ образомъ, начинаетъ мельчать, вырождаться; а если я хочу вырождаться, если я благословляю прогрессъ именно за то, что вы называете вырожденіемъ? Метафизика пытается подчинить всеобщему закону бытія, на знаніе котораго она претендуетъ; но я—могутъ отвѣтить ей—я предпочитаю повиноваться моему собственному закону; я не знаю, что возразить на это метафизика, но могу увѣрить васъ, что послѣднее слово будетъ принадлежать не ей.

Не окажется ли религіозная нравственность счастливѣе научной и метафизической? Повинуйтесь тому-то, такъ какъ оно установлено Богомъ, и такъ какъ онъ—владыка, способный подавить всякое сопротивленіе. Но развѣ это доказательство? Не станутъ ли утверждать, вопреки этому, что итти противъ всемогущества и есть какъ разъ нравственное благо, и что въ борьбѣ между Юпитеромъ и Прометеемъ—подлинный нравственный побѣдитель—терзаемый Прометей? А затѣмъ, уступать насилію вовсе не значитъ еще—повиноваться; покорность сердецъ не можетъ быть вынуждена.

Не въ большей степени мы можемъ основать нравственность и на общественномъ интересѣ, на понятіи партіи, на альтруизмѣ, ибо еще нужно доказать, что необходимо жертвовать собою для общества, въ которомъ живутъ, или, еще лучше—жертвовать собою для счастья другихъ; а такого доказательства не можетъ дать никакая логика, никакая наука. Болѣе того,—и мораль

правильно понятаго личнаго интереса, т. е. мораль эгоистическая будетъ теоретически необоснованной, такъ какъ, въ концѣ концовъ, вовсе не такъ очевидно, что выгодно быть эгоистомъ, и притомъ—существуютъ люди не—эгоисты.

Итакъ, всякая догматическая нравственность, всякая доказывающая себя нравственная система обречена на вѣрную неудачу; она, подобна машинѣ, способной лишь передавать движеніе, но не располагающей собственною двигательною энергіей. Нравственный двигатель, способный привести въ движеніе духовную систему рычаговъ и зубчатыхъ колесъ, можетъ быть только эмоціональнымъ. Намъ могутъ не доказать, что мы должны жалѣть несчастныхъ; но достаточно поставить насъ передъ незаслуженной нищетой—зрѣлищемъ, увы! не слишкомъ рѣдкимъ—и нами овладѣваетъ чувство нравственнаго возмущенія; какая-то сила пробуждается въ насъ, не внимая никакимъ доводамъ и увлекая насъ неудержимо и какъ бы вопреки намъ самимъ.

Невозможно убѣдить насъ въ необходимости повиноваться Богу, доказывая, что онъ всемогущъ и можетъ насъ раздавить, или даже доказывая, что онъ добръ, и что мы должны быть ему признательны; есть люди, убѣжденные, что право на неблагодарность—драгоцѣннѣйшее изъ всѣхъ свободъ. Но если мы любимъ Бога, всякое доказательство становится вовсе ненужнымъ, и покорность кажется намъ совершенно естественной; и именно этимъ сильны религіи, тогда какъ доказывающія себя метафизическія ученія —безсильны.

Когда намъ предлагаютъ оправдать разсужденіями нашу любовь къ отечеству, мы можемъ почувствовать себя смущенными; но едва мы представимъ себѣ мысленно наши арміи побѣжденными, Францію—наводненной врагами, наше сердце возмутится, слезы навернутся на глазахъ и мы не захотимъ болѣе внимать ничему. Если нѣкоторые люди нагромоздили въ наши дни такое множество нравственныхъ софизмовъ, это, безъ сомнѣнія, объясняется недостаткомъ у нихъ воображенія: они не могутъ представить себѣ всѣхъ золъ; но если несчастье или какая-нибудь небесная кара пожелаетъ, чтобы они узрѣли ихъ собственными очами, ихъ души возмутятся, какъ и наши.

Итакъ, сама по себѣ наука не можетъ создать нравственности; отъ себя и прямо, она не въ силахъ также и расшатать или разрушить традиціонную нравственность. Но не можетъ ли она оказать здѣсь косвенное вліяніе? То, что я скажу, указываетъ, какимъ путемъ она могла бы достигнуть этого. Она способна вызвать къ существованію новыя чувства; не потому, чтобы

можно было „доказывать“ чувства; а потому, что всѣ формы человѣческой активности отражаются на самомъ дѣйствующемъ человѣкѣ и обновляютъ его душу. Всякое занятіе создаетъ свою особенную, профессіональную психологію въ области чувствованій; чувства рабочаго не тѣ же, что чувства финансиста; и ученому присуща своя, особая психологія, разумѣю—эмоціональная психологія, и отъ нея падаетъ нѣкоторый отблескъ и на того, кто пріобщается къ наукѣ лишь случайно.

Съ другой стороны, наука можетъ дать работу чувствамъ, естественно дремлющимъ въ человѣкѣ; беря наше прежнее сравненіе,—пусть идеально-сконструирована сложная система рычаговъ и рукоятокъ машины: она не пойдетъ, если въ котлѣ нѣтъ пара; но если паръ тамъ имѣется, производимая ихъ работа не будетъ всегда одною и тою же: она зависитъ отъ механизма, къ которому будетъ примѣнена. Точно также можно сказать, что чувство даетъ намъ лишь общій толчекъ для дѣйствія; оно доставляетъ большую посылку нашего силлогизма: она, какъ и слѣдуетъ, будетъ въ повелительной формѣ; съ своей стороны, наука дастъ намъ меньшую посылку, выраженную изъявительно; отсюда наука извлечетъ выводъ, который будетъ звучать повелительно.

Мы разсмотримъ послѣдовательно обѣ эти точки зрѣнія.

И прежде всего: можетъ ли наука стать создательницей, или вдохновительницей чувствованій? Способна ли любовь къ наукѣ сдѣлать то, чего не можетъ достигнуть сама наука? Наука ставитъ насъ въ постоянную связь съ вещами, болѣе значительными, чѣмъ мы сами; она открываетъ намъ картины, всегда новыя и все болѣе и болѣе широкія; она учитъ насъ отгадывать еще болѣе грандіозное позади того колоссальнаго, которое она показываетъ намъ; это зрѣлище радуетъ насъ, но въ этой радости мы забываемъ о себѣ: именно въ этомъ заключается ея нравственная цѣнность.

Кто, хотя бы издалека и поверхностно, увидитъ и почувствуетъ чудесную гармонію естественныхъ законовъ, того это зрѣлище расположитъ хоть иногда къ чему-то иному, чѣмъ служеніе только своимъ мелочнымъ эгоистическимъ интересамъ; онъ получитъ идеалъ, который возлюбитъ болѣе себя самого, а это—единственная почва, на которой можно строить нравственность. Не жалѣя труда, не расчитывая ни на какія крупныя выгоды, цѣнимыя нѣкоторыми, онъ будетъ трудиться только ради этого идеала; и когда онъ такимъ образомъ выработаетъ въ себѣ привычки безкорыстности, эти привычки будутъ сопровождать его повсюду; вся его жизнь какъ бы наполнится ихъ благоуханіемъ.

И это—тѣмъ больше, что страсть, вдохновляющая его, есть любовь къ истинѣ: не есть ли она уже вся нравственность? Есть ли что-либо важнѣе борьбы съ ложью? Вѣдь это одинъ изъ пороковъ, наиболѣе распространенныхъ среди людей мало культурныхъ, и—одинъ изъ самыхъ унижающихъ. И вотъ, выработавъ въ себѣ привычки научнаго метода, съ его скрупулезною точностью, боязнью разойтись съ опытомъ, пріучившись считать за великое безчестіе упрекъ хотя бы въ невольномъ и незначительномъ подтасовываніи результатовъ научной работы, претворивъ все это въ неизгладимыя черты профессіональной психологіи, во вторую натуру, не внесемъ ли мы во всѣ наши дѣйствія этотъ духъ абсолютной строгости, съ точки зрѣнія котораго мы перестанемъ и понимать, что побуждаетъ другихъ людей лгать; и не лучшій ли это способъ—пріобрѣсти самую рѣдкостную, самую трудную изъ всѣхъ формъ строгости, сводящуюся къ тому, чтобы не обманывать себя самого?

Въ минуты слабости насъ поддержитъ величіе нашего идеала; кто-нибудь предпочтетъ, конечно, иной идеалъ; впрочемъ, не становится ли Богъ ученаго тѣмъ величественнѣе, чѣмъ болѣе онъ удаляется отъ насъ? Вѣрно то, что онъ строгъ, далекъ и непреклоненъ, и многія души пожалѣютъ объ этомъ. Но онъ, по крайней мѣрѣ, не раздѣляетъ нашихъ мелочей и жалкихъ злобъ дня, какъ это дѣлаетъ, напротивъ, слишкомъ часто Божество богослововъ. Идея порядка, болѣе мощнаго, чѣмъ мы, порядка, изъ подчиненія которому нельзя выйти и къ которому нужно приспособиться во что бы то ни стало, идея эта, къ которой и сводится Богъ ученаго, можетъ также подѣйствовать утѣшающимъ образомъ; по крайней мѣрѣ, она способна поддержать въ насъ настроеніе мира. Не лучше ли, чтобы наши крестьяне вѣрили въ непререкаемую силу закона, чѣмъ расчитывали, что правительство пойдетъ на все ради ихъ выгодъ, лишь бы они заручились заступничествомъ достаточно вліятельнаго депутата?

Наука, сказалъ Аристотель, занимается только всеобщимъ; поставленная передъ единичнымъ фактомъ, она захочетъ провидѣть въ немъ всеобщій законъ, стремясь къ возрастающимъ степенямъ обобщенности. Вотъ—кажется на первый взглядъ—чисто научная, интеллектуальная привычка! Однако, интеллектуальные навыки имѣютъ и свой нравственный отзывъ. Если вы мало привыкли имѣть дѣло съ частнымъ, случайнымъ, такъ какъ оно не интересуетъ васъ съ научной точки зрѣнія, вы, естественно, начнете придавать ему мало цѣны, не станете считать его желан-

нымъ и пожертвуете имъ всегда—безъ труда. Упражняясь видѣть вдаль, становятся, такъ сказать, дальнозоркими, и тогда не замѣчаютъ того, что ничтожно, мелко; а не видя его, не стремятся сдѣлать его достиженіе и цѣлью жизни. Такъ, естественно, откроютъ въ себѣ склонность подчинять частные интересы—всеобщимъ,—и вотъ уже нравственность.

И затѣмъ, наука оказываетъ намъ еще одну услугу: она—коллективный трудъ, и иначе это не можетъ и быть; она похожа на памятникъ, для возведенія котораго нужны столѣтія и для котораго каждый долженъ принести свой камень; а этотъ камень стоитъ ему иногда труда цѣлой жизни. Слѣдовательно, наука пробуждаетъ чувства необходимаго сотрудничества, солидарности нашихъ усилій и усилій нашихъ современниковъ,—и даже усилій нашихъ предшественниковъ и преемниковъ. Каждый понимаетъ, что онъ только солдатъ, только малая часть цѣлаго. То же чувство дисциплины создаетъ и такъ называемый воинскій духъ, преобразуя косное сознаніе крестьянина или безсовѣстную душу авантюриста—настолько, что имъ становится доступнымъ всяческій героизмъ и крайняя самоотверженность. Въ условіяхъ самыхъ различныхъ можно выработать, аналогичнымъ образомъ, тотъ же благодѣтельный эффектъ. Мы чувствуемъ тогда, что работаемъ для человѣчества, и отъ этого послѣднее становится для насъ дороже.

Все это—за науку; а вотъ и противъ.—Если наука уже не кажется вамъ безсильной вліять на сердца, не представляется безразличной для нравственности, не можетъ ли она подѣйствовать не только благотворно, но и вреднымъ образомъ? Прежде всего, всякая страсть исключительна. Развѣ она не заставляетъ насъ терять изъ виду все, что не она? Безъ сомнѣнія, любовь къ истинѣ—нѣчто великое. Но хороша же она, если, стремясь только къ истинѣ, мы жертвуемъ вещами, безконечно болѣе цѣнными—милосердіемъ, благочестіемъ, любовью къ ближнимъ. Съ наступленіемъ какой-либо катастрофы, напр., землетрясенія, мы забудемъ о страданіяхъ ея жертвъ и будемъ думать лишь о направленіи и амплитудѣ сотрясеній; мы сочтемъ почти счастьемъ, если катастрофа сдѣлаетъ очевиднымъ для насъ существованіе неизвѣстнаго ранѣе сейсмологическаго закона.

Вотъ еще подходящій примѣръ. Физіологи занимаются вивисекціей безъ всякой жалости; и въ глазахъ многихъ старыхъ дамъ это—преступленіе, которое не искупятъ никакія прошедшія и будущія благодѣянія науки. Если повѣрить имъ, біологи, относясь безжалостно къ животнымъ, должны стать жестокими и къ

людямъ. Безъ сомнѣнія, онѣ ошибаются; я знавалъ много добряковъ среди этихъ жестокосердыхъ.

Вопросъ о вивисекціи стоитъ того, чтобы нѣсколько остановиться на немъ, хотя вивисекція лежитъ, собственно, въ сторонѣ отъ моей темы. Здѣсь передъ нами одинъ изъ тѣхъ конфликтовъ между разными обязанностями, которые жизнь являетъ намъ въ изобиліи. Человѣкъ не можетъ отказаться отъ знанія, не принижая себя; и вотъ отчего интересы науки священны; они таковы и потому, что позволяютъ исцѣлять или хотя бы предусматривать неисчислимое множество золъ; съ другой стороны, страданіе унижаетъ (я не говорю это о смерти, а только о страданіи). Хотя высшія животныя, безъ сомнѣнія, менѣе чувствительны, чѣмъ человѣкъ, они заслуживаютъ жалости. Лишь въ крайнихъ случаяхъ можно рискнуть обратнымъ; даже in anima vili біологъ можетъ производить эксперименты, только дѣйствительно полезные; существуютъ притомъ весьма часто и способы свести страданіе къ минимуму,—нужно пользоваться ими. Однако, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ нужно взывать лишь къ собственной совѣсти; всякое внѣшнее вмѣшательство будетъ здѣсь неудобнымъ и даже нѣсколько смѣшнымъ; въ Англіи говорятъ: парламентъ все можетъ, онъ не въ силахъ лишь сдѣлать мужчину женщиною; я сказалъ бы: онъ все можетъ, за вычетомъ подачи компетентныхъ приговоровъ по научнымъ вопросамъ. Нѣтъ такой авторитетной внѣшней власти, которая могла бы вотировать законы для опредѣленія того, полезенъ ли какой-либо научный экспериментъ.

Однако, возвращаюсь къ своему непосредственному предмету.—Есть люди, утверждающіе что наука изсушаетъ, привязываетъ къ матеріальному міру, убиваетъ поэзію, единственный источникъ благородныхъ чувствованій. Пріобщившись къ ней, душа омрачается и становится несклонной къ великодушнымъ порывамъ, ко всякимъ проявленіямъ нѣжности и энтузіазма. Я не вѣрю этому, и только что я говорилъ совершенно обратное; но передъ нами мнѣніе слишкомъ распространенное; оно должно имѣть какую-нибудь основу: оно доказываетъ именно, что не всѣмъ подходитъ одна и та же пища.

Какимъ же будетъ нашъ итогъ? Наука, правильно понятая, насаждаемая учителями, которые ее знаютъ и любятъ, можетъ играть плодотворную и важную роль въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія. Но было бы ошибкой придавать ея роли—значеніе исключительное. Она способна пробуждать гуманныя чувства, могущія служить нравственнымъ двигателемъ; но на это спо-

собны и другія дисциплинирующія занятія, и было бы безсмысленно лишать себя въ этомъ отношеніи какого бы то ни было содѣйствующаго фактора. Есть люди, умъ которыхъ не приспособленъ къ занятіямъ точнымъ знаніемъ; общеизвѣстно, что во всякомъ классѣ есть ученики, „сильные“ въ „словесности“ и „слабые“ въ наукахъ точныхъ. Какая иллюзія—вѣрить, что послѣднія, не говоря ничего ихъ уму, могутъ сказать, что-то ихъ сердцу!

Перехожу теперь ко второй точкѣ зрѣнія.

Наука не только способна порождать новыя чувствованія, подобно всѣмъ видамъ активности; она можетъ воздвигать новое зданіе и на старыхъ чувствахъ, самопроизвольно родившихся въ душѣ человѣка. Невозможно понять силлогизмъ, обѣ посылки котораго стоятъ въ изъявительномъ наклоненіи, а выводъ выраженъ въ повелительномъ; но его можно уразумѣть, если онъ построенъ по такой схемѣ: дѣлай то-то; а если не сдѣлаешь еще вотъ этого, не получишь и того: итакъ, сдѣлай это. И такія разсужденія вовсе не за дверями науки.

Чувства, на которыя можетъ опереться нравственность, весьма различны; они не встрѣчаются въ одинаковой степени у всѣхъ У однихъ господствуютъ одни чувства, у другихъ всегда готовы звучать иныя струны. Одни будутъ особенно чувствительны къ жалости, ихъ будутъ волновать страданія ближнихъ. Другіе подчинятъ все соціальной гармоніи и общему благу; или еще—они будутъ чутки къ величію своей страны. У третьихъ найдется идеалъ добра, и они будутъ считать, что первая наша обязанность—самоусовершенствованіе, стремленіе стать сильнѣе, научиться управлять обстоятельствами, быть равнодушными къ перемѣнамъ фортуны и не унижаться въ собственномъ мнѣніи.

Всѣ эти стремленія почтенны; но они различны; и это, можетъ быть, ведетъ къ конфликтамъ. Если наука покажетъ намъ, что этихъ конфликтовъ не нужно бояться, если она докажетъ, что нельзя стремиться къ одной изъ этихъ цѣлей, не считаясь съ другими, (а все это—въ ея силахъ), она сдѣлаетъ полезное дѣло и окажетъ моралистамъ цѣнную поддержку. Всѣ эти люди, до того сражавшіеся вразсыпную, гдѣ каждый солдатъ идетъ къ особой, частной цѣли, сомкнутся теперь въ строй, ибо имъ покажутъ, что побѣда каждаго есть и побѣда всѣхъ вмѣстѣ. Ихъ усилія объединятся, и безпорядочная толпа станетъ дисциплинированной арміей.

Но идетъ ли къ этому наука? Позволительно надѣяться на это; она все болѣе стремится показать намъ солидарность раз-

личныхъ частей вселенной, вскрыть ея гармонію. Потому ли это, что такая гармонія реальна, или потому, что она-требованіе нашего разума и, слѣдовательно, постулятъ науки? Это вопросъ, который я не берусь рѣшить. Во всякомъ случаѣ, наука фактически идетъ къ единству и заставляетъ дѣлать это и насъ. Согласуя частные законы и возводя ихъ къ единому, болѣе общему, не приводитъ ли она тѣмъ самымъ и къ объединенію интимныхъ движеній нашихъ сердецъ, повидимому столь различныхъ, причудливо-капризныхъ и чуждыхъ другъ другу?

Но какое разочарованіе, какая опасность, если она потерпитъ крушеніе въ этомъ дѣлѣ! Не причинитъ ли она столько же зла, сколько могла бы совершить добра? Эти стремленія, эти чувства, столь хрупкія и нѣжныя—выдержатъ ли они анализъ? Не обнаружитъ ли малѣйшій свѣтъ анализа ихъ тщетность, и не отчаемся ли мы навсегда въ чемъ-либо добромъ? Для чего намъ жалость, если, оказывая ее людямъ, мы помогаемъ имъ становиться требовательнѣе и, въ итогѣ, несчастнѣе и недовольнѣе своею участью? Вѣдь милосердіе не только плодитъ неблагодарныхъ—это бы еще ничего: оно, вдобавокъ, можетъ рождать озлобленныя души. На что патріотизмъ, если величіе родной страны—часто лишь блестящая мишура? Зачѣмъ стремиться къ самоусовершенствованію, разъ мы живемъ только мгновеніе? Что, если, къ несчастью, наука положитъ всю тяжесть своего авторитета на сторону этихъ софизмовъ!

Кромѣ того, наши души—сложная ткань, нити которой, образованныя ассоціаціями идей, скрещиваются и переплетаются самыми причудливыми способами; вырвать одну изъ этихъ нитей значитъ вызвать тѣмъ самымъ обширные разрывы, которые никто не могъ бы предусмотрѣть. Не мы сплели эти ткань—она досталась намъ въ наслѣдіе отъ прошлаго; часто самыя благородныя наши стремленія бываютъ, невѣдомо для насъ, связаны съ предразсудками, давно отжившими и даже смѣшными. Наука разрѣшитъ эти предразсудки. Это ея естественное дѣло, ея право. Но не пострадаютъ ли отъ этого благородныя тенденціи, съ которыми срослись старыя привычки? Нѣтъ, безъ сомнѣнія, у сильныхъ духомъ; но есть не только сильныя души, ясновидящіе умы; есть души простыя, и онѣ могутъ не выдержать удара.

Итакъ, полагаютъ, что наука подѣйствуетъ разрушающимъ образомъ; боятся катастрофъ, которыя она вызоветъ; опасаются, что гдѣ она пройдетъ, общества не смогутъ болѣе существовать. Но нѣтъ ли въ этихъ страхахъ нѣкотораго внутренняго противорѣчія? Если установятъ научно, что извѣстные обычаи, кажу-

щіеся необходимыми для существованія человѣческихъ обществъ, на дѣлѣ лишены приписываемой имъ важности и возбуждаютъ иллюзію таковой только въ силу своей почтенной давности, если докажутъ это—въ предположеніи, что доказательство возможно,—неужели нравственность человѣчества отъ этого пошатнется? Одно изъ двухъ: или эти обычаи полезны, и тогда никакіе научные доводы не убѣдятъ въ обратномъ; или они безполезны,—въ такомъ случаѣ о нихъ нечего жалѣть. Съ того момента, какъ мы помѣстимъ въ посылкѣ нашихъ силлогизмовъ одно изъ тѣхъ благородныхъ чувствъ, которыя порождаютъ моральность настроенія и поступковъ, именно его, а слѣдовательно—и нравственность, мы должны найти въ концѣ всей цѣпи нашихъ разсужденій, если она составлена въ строгомъ согласіи съ законами логики; то, что можетъ при этомъ рухнуть, не существенно и играетъ въ нашей нравственной жизни лишь побочную, случайную роль; единственно важное для насъ, нравственность, не можетъ не встрѣтиться въ заключеніяхъ нашихъ силлогизмовъ, если уже присутствуетъ въ ихъ посылкахъ.

Бояться нужно лишь неполнаго знанія: оно обманываетъ себя, тѣшитъ насъ пустыми миражами и этимъ толкаетъ разрушать то, что мы захотѣли бы возстановить впослѣдствіи, узнавъ больше, но когда, однако, было бы уже слишкомъ поздно. Есть люди, заражаемые идеей не потому, что она вѣрна, а потому, что она нова и модна; это ужасные разрушители, но они... я хотѣлъ сказать, что они—не ученые, но вспомнилъ, что многіе изъ нихъ оказали наукѣ большія услуги; они тоже ученые, но только не вслѣдствіе своего пыла разрушителей, а вопреки ему. Серьезная наука боится скороспѣлыхъ обобщеній, безпочвенныхъ выводовъ. Если бы физикъ, увлекаясь таковыми, хотя бы они казались ему логичными и основательными, могъ представить себѣ, каково моралисту, соціологу, когда, такъ называемыя, теоріи его сводятся къ грубымъ сравненіямъ, вродѣ сравненія общества съ организмомъ! Наука можетъ быть лишь опытной. Опытъ въ соціологіи—это исторія прошлаго. Безъ сомнѣнія, къ нему нужно относиться критически; но это вовсе не гладкая доска: онъ научаетъ.

Нравственность можетъ не бояться науки, воодушевляемой эмпирическими мотивами; такая наука уважаетъ прошлое; она противоположна научному снобизму, столь падкому до обманчивыхъ новинокъ; она пойдетъ впередъ медленно, но всегда въ избранномъ однажды направленіи, всегда—въ хорошемъ направленіи; побольше знанія—вотъ лучшее средство противъ полузнанія. Можно еще иначе понять взаимоотношеніе науки и нрав-

ственности.—Нѣтъ явленія, которое не могло бы стать предметомъ науки, ибо нѣтъ ни одного, не могущаго быть наблюденнымъ. Явленія нравственной жизни не отсюда исключенія. Натуралистъ изучаетъ общества муравьевъ и пчелъ, и притомъ—вполнѣ научно; такъ же точно ученый будетъ судить о людяхъ, точно бы они не люди, и ставя себя мысленно въ положеніе Богъ вѣсть какого далекаго обитателя Сиріуса, для котораго наши города—какъ бы муравейники. Это его право, его профессія ученаго.

Наука о нравахъ будетъ сперва описательной; она ознакомитъ насъ съ нравами людей; не говоря, какими они должны быть, она скажетъ, какими они бываютъ. Затѣмъ она станетъ сравнительной наукой; она поведетъ насъ въ разныя мѣста, чтобы мы сравнили нравы различныхъ народовъ, цивилизованныхъ и примитивныхъ; она покажетъ намъ разныя эпохи, и мы сравнимъ нравы современные съ прошедшими. Наконецъ, она захочетъ сдѣлаться объяснительной наукой: это—естественная эволюція всякой науки.

Дарвинисты попытаются объяснить, почему всѣ извѣстные народы подчиняются одному нравственному закону; они укажутъ, что естественный отборъ давно заставилъ исчезнуть народы, которые неблагоразумно стремились выйти изъ его власти. Психологи объяснятъ намъ, почему нравственныя предписанія не всегда бываютъ въ согласіи съ общимъ интересомъ. Они скажутъ, что человѣкъ, вовлеченный въ круговоротъ жизни, не имѣетъ времени оцѣнивать всѣ послѣдствія своихъ поступковъ; что онъ можетъ повиноваться только благороднымъ правиламъ; что послѣднія будутъ тѣмъ менѣе спорны, чѣмъ окажутся проще; и что они будутъ полезны и отборъ поддержитъ ихъ при условіи, что они согласуются съ общимъ интересомъ хотя бы *чаще всего*. Историкъ объяснитъ, какъ изъ двухъ формъ нравственности—той, что подчиняетъ индивида обществу, и той, которая заботится объ индивидѣ и ставитъ ему цѣлью счастье ближнихъ,—именно вторая прогрессируетъ непрерывно, въ прямомъ соотвѣтствіи съ расширеніемъ и усложненіемъ обществъ и, конечно, съ уменьшеніемъ ихъ подверженности катастрофамъ.

Эта наука о нравахъ—не нравственность; и никогда она не будетъ ею; она такъ же мало способна замѣнить нравственность, какъ трактатъ о физіологіи пищеваренія—хорошій обѣдъ. Все, что я сказалъ до сихъ поръ, позволяетъ мнѣ утверждать это.

Но дѣло идетъ не объ этомъ; наука о нравахъ не нравственность: но можетъ ли она быть полезной, не будетъ ли она

вредной для послѣдней? Нѣкоторые говорятъ, что объяснять все—значитъ все, въ извѣстной мѣрѣ, оправдывать; и это легко было бы подтвердить; другіе думаютъ, напротивъ, что опасно показывать намъ нравственные обычаи всѣхъ широтъ и народовъ: это можетъ побудить къ оспариванію того, что должно быть принято слѣпо; мы пріучимся замѣчать случайное, тогда какъ въ жизни важно знать только необходимое; и эти, быть можетъ, не совсѣмъ неправы. Но—откровенно!—не значитъ ли все это преувеличивать вліяніе на людей сѣрыхъ теорій, абстракцій, остающихся для нихъ всегда чѣмъ-то чуждымъ. Когда за нашу душу борются страсти, возвышенныя и низменныя, какой вѣсъ, рядомъ съ такими мощными противниками, могутъ имѣть метафизическія тонкости различенія случайнаго и необходимаго?

Я не могу пройти молчаніемъ одинъ важный пунктъ, хотя у меня мало времени для его разсмотрѣнія.—Наука детерминистична; она такова *a priori*; она постулируетъ детерминизмъ, ибо не могла бы существовать безъ него. Она такова и *a posteriori*; начавъ съ его постулированія, какъ необходимаго условія ея возможности, она доказываетъ его затѣмъ строго уже фактомъ своего существованія, и каждая ея побѣда знаменуетъ и торжество детерминизма. Но, быть можетъ, детерминизмъ и индетерминизмъ, т. е. свобода, примиримы; нельзя ли принять, что это побѣдное шествіе детерминизма будетъ продолжаться безъ остановокъ и попятныхъ движеній, нигдѣ не встрѣчая непреодолимыхъ препятствій, и что, однако, говоря языкомъ математиковъ, здѣсь нельзя перейти къ предѣлу и заключить къ абсолютному детерминизму, ибо какъ разъ у предѣла детерминизмъ обращается въ тавтологію либо въ противорѣчіе? Это—вопросъ, который изучаютъ уже вѣка, безъ надежды на успѣхъ; въ нѣсколько минутъ, которыми я располагаю, я не могу даже скользнуть по немъ.

Но передъ нами фактъ. Наука, съ правомъ или нѣтъ, детерминистична; она вноситъ детерминизмъ всюду, куда проникаетъ; сфера сознанія остается—пока—неприкосновенной; настанетъ ли день, когда и нравственность, въ свою очередь, станетъ предметомъ науки? Послѣдняя внесетъ и сюда непремѣнно—свой детерминизмъ; и, безъ сомнѣнія, это будетъ концомъ нравственности, которая хочетъ быть индетерминистичной, свободной.

Все ли, однако, будетъ потеряно? Или, можетъ быть, нѣкогда нравственность должна будетъ приноровиться къ детерминизму? Можетъ ли она сдѣлать это, не умеревъ? Столь глубокій метафизическій переворотъ, безъ сомнѣнія, оказалъ бы на

нравы вліяніе, не столь значительное, какъ ожидаютъ. Совершенно очевидно, что карательныя репрессіи тогда не исчезнутъ; то, что называютъ преступленіемъ и наказаніемъ, назовутъ, соотвѣтственно, болѣзнью и системой предохранительныхъ мѣръ, но общество удержитъ въ неприкосновенности свое право—уже не наказанія, а просто—самозащиты. Что гораздо важнѣе, идея заслуги и проступка должна будетъ исчезнуть или преобразоваться. Но будутъ попрежнему любить хорошаго человѣка, какъ и все хорошее; но развѣ это такъ необходимо? Достаточно того, что не перестанутъ презирать порокъ.

Съ этой стороны, все пойдетъ по старому. Инстинктъ сильнѣе, чѣмъ всякія метафизическія ученія; когда разгадаютъ его и узнаютъ тайну его силы, его мощь не уменьшится. Развѣ тяготѣніе ослабѣло послѣ Ньютона, открывшаго его законъ? Нравственныя силы, двигающія насъ до сихъ поръ, поведутъ насъ впередъ и въ будущемъ.

И если идея свободы, какъ говоритъ Фулье, сама есть сила, она едва ли уменьшится, если ученые нѣкогда докажутъ, что она покоится на иллюзіи. Эта иллюзія слишкомъ могущественна, чтобы нѣсколько разсужденій разрушили ее. Самый строгій детерминистъ еще долго впредь будетъ говорить въ обыденной рѣчи: я хочу,—даже: я долженъ, и будетъ даже вѣрить въ это, вмѣстѣ съ наиболѣе властною стороной своей души—съ той, которая не сознаетъ и не разсуждаетъ. Нельзя не поступать, какъ свободный человѣкъ—дѣйствуя, и нельзя не быть детерминистомъ—разсуждая.

Итакъ, призракъ не такъ страшенъ, какъ говорятъ; можетъ быть найдутся и другія основанія не бояться его; можно вѣрить, что въ абсолютномъ все примирено, и что безконечному разуму обѣ точки зрѣнія—та, по которой человѣкъ дѣйствуетъ, точно онъ свободенъ, и та, по которой онъ думаетъ, что свободы нѣтъ—представляются одинаково законными.

Послѣдовательно мы становились на разныя точки зрѣнія, пытаясь выяснить оттуда взаимоотношеніе науки и нравственности; теперь можно перейти къ заключеніямъ.—Нѣтъ и не можетъ быть научной морали въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Аристотель о нравственномъ значеніи научно-философскаго творчества.

I. Введеніе—Т. Райнова.

1. Ниже приводится отрывокъ изъ Аристотеля, относящійся къ разсматриваемому вопросу. Здѣсь же выяснимъ коротко, какъ Аристотель понималъ научное познаніе (въ широкомъ смыслѣ, включая и философское), и какъ это пониманіе приводитъ его къ мыслямъ, изложеннымъ въ отрывкѣ. Главные источники для этой цѣли—сочиненія Аристотеля: „Метафизика“ и „Этика къ Никомаху“ (которую цитируемъ въ переводѣ Э. Л. Радлова, 1908 г.) Историкъ греческой этики, Максъ Вундтъ, указываетъ, что всѣ основныя положенія этики Аристотеля можно вывести безъ остатка изъ принциповъ его метафизики („Gesch. d. griech. Ethik“, 1911 г., т. II, стр. 110). Это вѣрно, по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ случаѣ.

2. Аристотель опредѣлялъ „знаніе вообще“ двояко: онъ указывалъ на психологическіе пути и способы добыванія знанія, а также—на предметъ знанія; итакъ, у *него есть психологическое и предметное опредѣленія знанія* въ самомъ широкомъ смыслѣ, включающемъ не только научное знаніе, но и нѣкоторые другіе виды знанія; это „знаніе вообще“ (γνῶσις) поэтому не слѣдуетъ принимать за научное.

3. Психологически, Аристотель опредѣлялъ знаніе вообще, говоря, что оно добывается дѣятельностью разума, или, какъ онъ выражается, разумною частью души. Разумъ свойственъ человѣку, отличаетъ его отъ животныхъ и роднитъ съ богами. Есть два проявленія разума, въ зависимости отъ того, какъ онъ „держитъ себя“ по отношенію къ низшимъ частямъ души—растительной и аффективно—волевой, или сводящейся къ стремленію. Эти „части“ можно умѣрять и направлять разумомъ; въ этомъ своемъ проявленіи разумъ какъ бы приноровляется къ низшимъ частямъ души, а такъ какъ онѣ „повинующіяся“, т. е. второстепенныя,

несамостоятельныя, и онъ самъ становится при этомъ „повинующимся“, пріобщается къ ихъ несамостоятельности. Разумъ можетъ функціонировать, не интересуясь низшими частями души; въ этомъ своемъ обнаруженіи онъ самостоятеленъ; Аристотель именуетъ его, „властующимъ и владѣющимъ“. *Этому* разуму мы обязаны знаніемъ вообще. („Этика“, кн. I, § 13, стр. 20—22).

Познавательная функція разума состоитъ въ мышленіи. Мышленіе же проявляется въ видѣ связыванія и разъединенія. Если соединено разъединенное или разъединено связанное, мышленіе ложно; соединяя связанное и разъединяя разное и несвязанное, мышленіе истинно (Met, E, 4. 1028 a 25 слѣд. и Θ, 10, 1051 a, 3 слѣд).

Связывать значитъ утверждать, разъединять—отрицать. Значитъ, мышленіе есть функція утвержденія, либо отрицанія, т. е. функція сужденія. Всѣ сужденія должны быть доказанными, либо хотя бы доказуемыми. Слѣдовательно, они связаны другъ съ другомъ и образуютъ научное знаніе (ἐπιστὴμη) [см. соч. Аристотеля: „Analytica prior“, книга I, гл. I. 1 и 2).

Итакъ, идя психологическимъ путемъ, мы, вмѣстѣ съ Аристотелемъ, опредѣлили *научное* знаніе. Оно есть совокупность доказанныхъ и доказуемыхъ сужденій.

Но научное знаніе не совпадаетъ съ „знаніемъ вообще“ (γνῶσις): научное знаніе только видъ знанія вообще; есть еще и другіе виды знанія: отличивъ отъ нихъ научное, мы тѣмъ самымъ лучше опредѣлимъ знаніе вообще и научное въ частности. Для этого обратимся къ опредѣленію видовъ знанія черезъ указаніе отвѣчающихъ имъ предметовъ, т. е. къ опредѣленію предметному. Тогда какъ психологическое опредѣленіе знанія, исходя изъ разума властвующаго, приводитъ *только* къ понятію о *научномъ* знаніи,—опредѣленіе предметное не опирается ни на какое предметное опредѣленіе *знанія вообще*, а прямо перечисляетъ и опредѣляетъ его виды. Отсюда видно, что для пониманія Аристотеля нужно учесть оба опредѣленія, не довольствуясь однимъ, все равно—какимъ. Любопытно, что, различая виды знанія по его предметамъ, Аристотель потомъ старается и въ самомъ мышленіи и разумѣ найти психологическіе эквиваленты видовъ знанія. Мы увидимъ, что это ему удается только кажущимся образомъ.

4. Будемъ говорить о видахъ знанія по его предметамъ. Предметы эти распадаются рѣзко на два класса. Одни предметы единичны, другіе же имѣютъ всеобщій характеръ. Единичное почти отождествлено у Аристотеля съ случайнымъ, всеобщее—съ необходимымъ. А случайное онъ опредѣляетъ обычно по проти-

воположности его съ необходимымъ. Необходимо все, подчиняющееся нѣкоторому постоянному правилу, или закону; необходимо то, что бываетъ всегда или, хотя бы, по большей части. Напротивъ, случайное не подчинено закону, возникаетъ и исчезаетъ капризно. Всѣ предметы знанія (предметъ—все, что познается, а не только „вещь") или единично—случайны или всеобще—необходимы. Знаніе возможно о тѣхъ и о другихъ, слѣдовательно, есть два вида знанія вообще. Знаніе о всеобще необходимомъ есть научное, теоретическое, созерцательное. Аристотель именуетъ его то τέχνη, то ἐπιστήμη, то Θεωρία. Знаніе объ единично-случайномъ состоитъ изъ нѣсколькихъ подвидовъ; если оно подготовляетъ научное знаніе, оно называется опытнымъ знаніемъ, ἐμπειρία; если оно имѣетъ въ виду практическія потребности—оно практическое; если, наконецъ, оно приноровлено къ техническимъ, производительнымъ интересамъ (αἱ γενέσεις), оно—техническое знаніе, (Met., A, 1, 981 a слѣд.; E, 2—вся глава, посвященная случайному. „Этика", кн. VI, §§ 3 и 6, стр, 109—110, 112).

Различивъ виды знанія и имѣя въ виду, что знаніе добывается разумомъ и именно посредствомъ мышленія, Аристотель хочетъ найти и психологическіе корреляты этихъ видовъ. Онъ, напр., говоритъ: „всякое мышленіе есть либо практическое, либо техническое, либо теоретическое" (созерцательное, научное) [Met. E, 1, 1052 в, 25]. Имѣемъ трехчленное дѣленіе *мышленія*, вмѣстѣ прежняго двухчленнаго, дѣленія *знанія*, сводившагося къ четырехчленному (вслѣдствіе того, что второй членъ распадается на 3 подвида). Ясно, что Аристотель перенесъ на мышленіе то, что онъ сказалъ о видахъ знанія. Видовъ мышленія потому три, а не четыре, что, какъ мы видѣли, опытное знаніе готовитъ научное, а потому родственно ему и съ нимъ даже сливается. Такое же перенесеніе предметныхъ особенностей знанія въ психологію мы видимъ и въ попыткѣ Аристотеля намѣтить три разума (νοῦς): практическій, техническій и теоретическій.

Теперь мы можемъ соединить оба опредѣленія знанія вообще. *Знаніе вообще есть совокупность сужденій объ единично—случайномъ и всеобще—необходимомъ.*

Вотъ и опредѣленіе *научнаго* (теоретическаго, созерцательнаго) знанія: оно есть *совокупность доказанныхъ или хотя бы доказуемыхъ сужденій о всеобще—необходимомъ.*

Необходимо замѣтить, что, будучи совокупностью сужденій, *знаніе вообще, и, въ частности,—научное знаніе есть дѣятельность*: сужденіе есть утвержденіе, либо отрицаніе, а это—акты, которые производятся разумомъ. *Знаніе вообще есть разумная дѣятельность*

какъ объ единично—случайномъ, такъ и о всеобще—необходимомъ. Научное знаніе есть теоретическая, или созерцательная дѣятельность, направленная на уразумѣніе всеобще—необходимаго. Эти опредѣленія по существу ничѣмъ не отличаются отъ только что данныхъ; но въ нихъ ясно подчеркнутъ моментъ (активность), важный для *всего* послѣдующаго (и для пониманія отрывка).

5) Изслѣдуемъ внимательнѣе научное знаніе, или, что то же, созерцательную дѣятельность. Аристотель называетъ ее иногда φιλοσοφία θεωρητική. Его „философія", слѣдовательно, шире нашей, современной, и покрываетъ нашу науку, научное знаніе въ широкомъ смыслѣ, включающемъ философію, научную или наукообразную, и „точную" науку (приблизительно); въ составѣ своей философіи онъ различаетъ три вѣтви: математику, физику и богословіе (θεωλωγικὴ) [Met. E, 1, 1026 a, 18—19]. Впрочемъ, вмѣсто богословія, онъ часто называетъ „первую философію", по теперешнему—метафизику. Термины „богословіе" и „первая философія" у Аристотеля равнозначущи и обозначаютъ одну и ту же науку.

Три основныя науки отличаются другъ отъ друга по предметамъ, изучаемымъ ими. Всѣ онѣ изслѣдуютъ всеобще—необходимое; но послѣднее распадается на два класса: на то, что, существуя всеобщимъ и необходимымъ образомъ, подвержено измѣненію и, слѣдовательно, лишено самостоятельности и имѣетъ свой принципъ въ чемъ-то иномъ, чѣмъ оно само,—и то, что пребываетъ вѣчно, самостоятельно и замкнуто. Впрочемъ, предметы первой категоріи измѣняются не абсолютно, а только относительно: у нихъ есть и пребывающій моментъ, только онъ не самостоятеленъ, а какъ бы привязанъ къ текучему. Предметы второго класса не измѣняются вовсе, являя вѣчное бытіе въ себѣ и для себя. Предметы перваго класса изучаются физикой и математикой; ихъ уразумѣніе—задача научнаго творчества въ тѣсномъ смыслѣ. Пребывающее бытіе изслѣдуетъ метафизика, философія, богословіе, „мудрость"—σοφία; это—область метафизическаго, философскаго творчества. (Met. E, 1—почти вся глава).

Замѣтимъ кстати, что слово творчество (ποίησις) у Аристотеля употребляется не въ современномъ значеніи. Оно у него подразумѣваетъ только техническое творчество, т. е. производство всякаго рода, поскольку при немъ приходится имѣть дѣло съ матеріей въ томъ или иномъ видѣ. Говоря о творчествѣ, мы имѣемъ въ виду духовное творчество, а не это техническое. Наша терминологія Аристотелю не противорѣчитъ. Обычно противополагая созерцаніе „творчеству" (техническому), Аристотель не хочетъ сказать, что въ первомъ нѣтъ творчества; оно есть творческая

дѣятельность, но исключительно духовная. Активный характеръ созерцанія, или научнаго знанія (въ широкомъ смѣслѣ), какъ мы говорили, нужно помнить для пониманія Аристотеля.

6. Только что приведенная классификація „наукъ“ по предметамъ дана у Аристотеля въ томъ же, въ общемъ, видѣ, какъ и у Платона, изложившаго ее систематически въ „Государствѣ“ (знаменитая VII книга этого сочиненія). Эту классификацію, опять слѣдуя Платону, Аристотель осложнилъ введеніемъ еще одного момента. Классификація выражаетъ *распорядокъ наукъ по цѣнности ихъ предметовъ*.

Понятіе о цѣнности у Платона и Аристотеля, приблизительно, одинаковое. Оно характеризуется двумя основными чертами, или признаками. Оба считаютъ цѣннымъ лишь чисто-духовное, которое у обоихъ—подъ вліяніемъ Сократа—сводится къ разумно-сознательному; оба думаютъ, что цѣнное пребываетъ вѣчно, неизмѣнно, самостоятельно [1]). *Цѣнное есть абсолютно-пребывающая духовность*. Поэтому, чисто-матеріальное и абсолютно текучее лишено цѣнности. Впрочемъ, у обоихъ мыслителей категорія лишеннаго цѣнности выступаетъ скорѣе, какъ категорія отрицательно-цѣннаго; въ этомъ смыслѣ, ихъ цѣнное есть положительно-цѣнное. Надо замѣтить любопытную особенность: у нашихъ мыслителей ни пребывающее невозможно безъ духовнаго, ни духовное безъ пребывающаго; присутствіе одного означаетъ и присутствіе другого, и обратно.

Метафизика занимается пребывающимъ; оно же—и духовное, разумно-сознательное. Метафизику можемъ опредѣлить, какъ созерцательную дѣятельность, или творчество, постигающее цѣнное, абсолютно-цѣнное, положительно цѣнное. Противоположностью метафизики является знаніе объ единично-случайномъ, смѣняющемся безъ всякаго пребывающаго закона; такое бытіе есть абсолютно-недуховное, матеріальное; знаніе о немъ имѣетъ дѣло съ отрицательно-цѣннымъ. Науки оно не образуетъ вовсе. Между знаніемъ объ отрицательно-цѣнномъ и—объ абсолютно, положительно цѣнномъ находится знаніе объ относительно-цѣнномъ; это—знаніе о томъ, что смѣняется, но отчасти и пребываетъ; о томъ, что не вовсе матеріально, а отчасти и духовно,— это физико-математическое знаніе (лишь приблизительно совпадающее съ *обычными* современными представленіями о томъ же знаніи). Къ наукѣ оно относится, но занимаетъ мѣсто ниже мета-

---

[1]) Въ этомъ пунктѣ Платонъ и Аристотель нѣсколько расходятся; объ этомъ см. ниже, § 9 Введенія.

физики, постигающей абсолютно-цѣнное. (Платонъ, Resp. кн. VII, Аристотель, Met, E, 1 и Λ, 7).

7. Человѣкъ не только разумное существо, но и растительное и животное. Поэтому, жизнь разума не занимаетъ его всего. Вообразимъ существо, надѣленное только разумомъ; пусть оно займется научнымъ познаніемъ, созерцательною дѣятельностью. Пусть его познавательная мощь безгранична, его созерцательная дѣятельность вѣчна, слѣдовательно неизмѣнна, пребываетъ. Такое существо было бы абсолютно-пребывающею духовностью; по опредѣленію, таковая есть абсолютная цѣнность, абсолютное благо. Такое существо есть; это Богъ. Очевидно, что Богъ всезнающъ; но Аристотелю важно избѣжать этого вывода. Если Богъ всезнающъ, значитъ онъ знаетъ и относительно-цѣнное, значитъ — онъ его виновникъ: а какъ это возможно, если Богъ—абсолютное благо? Въ глубинѣ души, Аристотель рѣшаетъ этотъ вопросъ, какъ и Платонъ: все, сообщающее цѣнному относительное и даже отрицательное значеніе, существуетъ не объективно, а только для нашего конечнаго разума; положительнымъ образомъ и объективно есть только цѣнное. Знать все—для Бога равносильно—знать только цѣнное, абсолютно-цѣнное. Но это—самъ Богъ. Итакъ, предметъ знанія Бога—Онъ же самъ, или, какъ выражается Аристотель, въ Богѣ „мышленіе и то, что мыслится—одно и то же“ (Met, Λ, 7, 1072 в, 21).

Но это мышленіе (собственно не мышленіе, а разумъ, νοῦς, созерцательно-мыслящій) есть созерцаніе. Итакъ, Богъ есть созерцаніе абсолютно-цѣннаго, и обратно, созерцаніе есть Богъ, „созерцаніе есть святѣйшее и совершеннѣйшее“ (тамъ же, 24). Такъ какъ это—созерцаніе абсолютно-цѣннаго, это, въ частности,—метафизическое созерцаніе.

Это понятіе о Богѣ, какъ о метафизическомъ созерцаніи, можетъ казаться страннымъ, если мыслить Бога антропоморфически. Аристотель далекъ отъ этого. Его Божество подобно человѣку лишь въ томъ смыслѣ, что человѣкъ подобенъ Богу, имѣя искру разума Божія. Лучшее опредѣленіе этого Божества, данное самимъ Аристотелемъ, гласитъ, что Богъ есть мышленіе мышленія, сознаніе сознанія, т. е. самосознаніе, νόησις νοήσεως (Met, Λ, 9, 1074 в, 34).

Быть только самосознаніемъ, съ точки зрѣнія Аристотеля, значитъ быть абсолютно блаженнымъ, и таковъ Богъ. Всѣ существа, въ мѣру своей разумности, тоже блаженны. Чѣмъ больше самосознанія, созерцанія, тѣмъ больше блаженства.

Какъ сказано, человѣкъ не только разумное существо. И

блаженства вкусить въ полной мѣрѣ онъ не въ силахъ,—въ чашу, наполненную божественной амврозіей, попадаютъ всегда капли горечи.

8. Наивысшаго блаженства человѣкъ достигаетъ, предаваясь созерцанію абсолютно-цѣннаго, занимаясь метафизическимъ творчествомъ: тогда онъ всего ближе къ божеству; тогда его созерцаніе подобно божественному, а божественное—свято, абсолютно цѣнно. Такой человѣкъ—мудрецъ; онъ любитъ чистое знаніе, радуется о немъ и безкорыстно живетъ въ немъ и имъ; „поэтому-то Анаксагора, Ѳалеса и имъ подобныхъ называютъ мудрецами, а не практичными, ибо видятъ, что они не понимаютъ собственной выгоды; про ихъ знаніе говорятъ, что оно „чрезвычайно“ и „удивительно“, „тяжело“ и „демонично“, но безполезно, такъ какъ они не доискиваются того, что составляетъ благо людей“ („Этика“, кн. VI, § 7, стр. 113).

Ниже стоитъ блаженство человѣка, занимающагося узконаучнымъ (физико-математическимъ) творчествомъ. Онъ созерцаетъ цѣнное; но не абсолютно-цѣнное, а относительное; не божественные корни и принципы всего, а то, что изъ нихъ получается въ плоскости субъективно-реальной измѣнчивости и матеріальности. (Эти степени блаженства отмѣтилъ, между прочимъ, Густ. Тейхмюллеръ въ своемъ сочиненіи: „Die praktische Vernunft bei Aristoteles“, являющемся третьимъ томомъ его „Neue Studien zur Geschichte der Begriffe“, 1879 г., стр. 319 и 322—328).

9. Нашъ отрывокъ, взятый изъ „Этики къ Никомаху“ въ *переводѣ Э. Л. Радлова* (книга 10-ая, § 6—9, стр. 196—202), представляетъ изложеніе и развитіе только-что намѣченной мысли о блаженствѣ, доставляемомъ созерцательною дѣятельностью, какъ въ области метафизики, такъ и въ области физико-математическихъ наукъ.

Э. Л. Радловъ справедливо указываетъ, что эта мысль есть уже у Платона („Очеркъ исторіи греческой этики“, стран. LXII, статья, приложенная къ переводу „Этики“). Вѣроятно, почтенный историкъ греческой этики имѣетъ въ виду упомянутую выше VII книгу „Государства“ Платона, гдѣ эта мысль развита всего обстоятельнѣе. Однако, между Аристотелемъ и Платономъ все же есть нѣкоторая разница, хотя Аристотель не всегда выдерживалъ ее. Говоря о блаженствѣ, доставляемомъ созерцаніемъ, или діалектическимъ восхожденіемъ къ абсолютному, Платонъ, повидимому, цѣнитъ больше всего то, что при этомъ мы пріобщаемся къ высшему благу, которое пребываетъ въ вѣчномъ покоѣ. Аристотель же цѣнитъ само созерцаніе, какъ дѣятельность,

какъ духовное творчество; и высшее благо у него не просто есть и покоится, а созерцаетъ, творитъ, хотя и въ вѣчности. Иначе говоря, у Аристотеля выступаетъ на первый планъ моментъ активнаго переживанія, а въ его описаніи—интересъ теоретически-психологическій. Это вполнѣ отвѣчаетъ духу этики Аристотеля, о которомъ Э. Л. Радловъ говоритъ, что „онъ далъ болѣе подробное психологическое обоснованіе этики Платона“ (тамъ же, стр. LX—LXI).

10. Замѣтимъ, наконецъ, что у историковъ греческой этики печатаемый отрывокъ цѣнится высоко. У Э. Л. Радлова не находимъ никакой его оцѣнки. Изъ новѣйшихъ историковъ можемъ сослаться на двухъ. Одинъ относится къ Аристотелю въ общемъ сочувственно, другой—рѣзко отрицательно. Оба сходятся на благопріятной оцѣнкѣ отрывка. Первый изъ этихъ историковъ—Максъ Вундтъ (см. „Gesch. d. griech. Ethik“, 1911 г., т. II, с. 227). Второй —Генрихъ Гомперцъ-сынъ (см. его „Жизнепониманіе греческихъ философовъ и идеалъ внутренней свободы“, русск. пер. 1912 г., стр. 268—9).

II. Отрывокъ изъ Аристотеля—Переводъ Э. Л. Радлова. [1])

1. (§ 6). Разсмотрѣвъ добродѣтели и дружбу, и наслажденія, намъ остается разобрать въ общихъ чертахъ блаженство, ибо его мы считаемъ цѣлью человѣческой жизни. Отъ повторенія ранѣе сказаннаго, наша рѣчь выйдетъ связнѣе.

Мы сказали, что блаженство не есть пріобрѣтенное свойство, ибо въ такомъ случаѣ оно могло бы быть приписано тому, кто проспитъ всю жизнь, живя жизнью растенія, или же тому, кто терпитъ величайшія несчастья [2]); это невозможно, но скорѣе должно считать его дѣятельностью, какъ это мы сказали ранѣе; дѣятельности же бываютъ частью необходимыя и избираемыя ради иного, частью желательныя сами по себѣ.

Желательны сами по себѣ тѣ дѣятельности, въ которыхъ человѣкъ ни къ чему иному не стремится, помимо своей дѣятельности; таковы дѣйствія, сообразныя съ добродѣтелью [3]), ибо прекрасный и нравственный образъ дѣйствій принадлежитъ къ тому, что цѣнно само по себѣ; пріятны также [4]) развлеченія (παιδεία), такъ какъ ихъ избираютъ не ради иного чего либо; къ тому же, они приносятъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу: ради ихъ не щадятъ ни тѣла, ни денегъ [5]); къ подобнымъ-то развлеченіямъ прибѣгаетъ большинство людей, почитаемыхъ счастливыми, поэтому и тираны [6]) высоко чтутъ людей умѣлыхъ въ подобныхъ

развлеченіяхъ, ибо именно въ томъ они оказываются пріятными, къ чему стремятся тираны; въ такихъ-то людяхъ тираны нуждаются.

Подобныя занятія, кажется, потому приписываются блаженнымъ, что представители династій проводятъ въ нихъ свой досугъ, но они врядъ ли могутъ служить доказательствомъ, ибо властвованіе не предполагаетъ добродѣтели и разума, отъ которыхъ зависитъ нравственная дѣятельность; и если такіе люди, неспособные къ чистому и благородному наслажденію, прибѣгаютъ къ чувственнымъ наслажденіямъ, то вслѣдствіе этого послѣднія нельзя еще считать болѣе цѣнными; вѣдь и дѣти считаютъ то наиболѣе важнымъ, что имъ болѣе всего цѣнно; естественно, что, какъ дѣтямъ и взрослымъ, точно также дурнымъ людямъ и хорошимъ различное кажется цѣннымъ.

Какъ уже часто было говорено, цѣнно и дѣйствительно пріятно только то, что является такимъ нравственному человѣку, а каждому человѣку та дѣятельность наиболѣе желательна, которая сообразна его свойствамъ характера, такъ что нравственному желательна дѣятельность, сообразная съ добродѣтелью.

Итакъ, блаженство не въ развлеченіяхъ; нелѣпо предполагать, что цѣль жизни развлеченіе, что мы работаемъ и испытываемъ бѣдствіе въ теченіе всей жизни ради развлеченія; все другое, за исключеніемъ блаженства, мы такъ сказать, избираемъ ради другого [7]), блаженство же есть цѣль. Глупою и слишкомъ ужъ дѣтскою покажется нравственная жизнь и работа ради развлеченія. Развлечься, чтобы потомъ работать—вотъ, слѣдуя Анахарсису, кажется вѣрное изреченіе; развлеченіе подобно отдыху; люди безпрерывно работать не могутъ и нуждаются въ отдыхѣ, но отдыхъ не есть цѣль, ибо отдыхъ существуетъ ради дѣятельности.

Блаженная жизнь кажется намъ жизнью, сообразною съ добродѣтелью. Такая жизнь состоитъ въ работѣ, а не въ развлеченіи. Вѣдь серьезное мы почитаемъ выше смѣшного и шутливаго точно также, какъ дѣятельность высшей части души человѣка мы считаемъ болѣе серьезною. Итакъ, дѣятельность высшей части души [8]) есть лучшая и болѣе блаженная.

Чувственнымъ наслажденіямъ одинаково можетъ предаваться всякій, и рабъ не менѣе, чѣмъ прекраснѣйшій человѣкъ [9]). Рабу же никто не припишетъ блаженства, не придавъ ему соотвѣтственной жизни [10]), ибо блаженство заключается не въ подобныхъ развлеченіяхъ, а въ дѣятельности, сообразной съ добродѣтелью, какъ было сказано выше.

2. (§ 7). Если блаженство есть дѣятельность, сообразная съ добродѣтелью, то, конечно, сообразная съ важнѣйшею добродѣтелью,

а эта присуща лучшей [части души]. Будь то разумъ или иное что, естественно правящее по природѣ нами и ведущее насъ, и разумѣющее прекрасное и божественное [11])—потому ли, что оно само божественной природы, или же самое богоподобное, что въ насъ есть,—во всякомъ случаѣ дѣятельность этой части, сообразная съ ея добродѣтелью, и будетъ составлять совершенное блаженство [12]).

Уже говорено, что это дѣятельность созерцательная, и это согласно съ мнѣніями предшественниковъ и съ истиной, ибо эта дѣятельность самая важная, подобно разуму и предметамъ, имъ познаваемымъ [13]). Сверхъ того, она есть самая непрерывная дѣятельность, ибо мы болѣе способны къ непрерывному созерцанію, чѣмъ къ другой какой либо дѣятельности; къ тому же мы думаемъ, что къ блаженству должно быть примѣшано наслажденіе, а по общему признанію созерцаніе истины есть самая пріятная изъ всѣхъ дѣятельностей, сообразныхъ съ добродѣтелью[14]). Дѣйствительно, философія доставляетъ удивительныя по чистотѣ и силѣ наслажденія, и естественно, что знающіе пріятнѣе проводятъ время, чѣмъ стремящіеся [15]). Сверхъ того, такъ называемая „самоудовлетворительность“ болѣе всего свойственна созерцанію, ибо, что касается житейскихъ нуждъ, то онѣ въ одинаковой мѣрѣ присущи какъ мудрецу, такъ и праведнику и всѣмъ другимъ; если же нужды въ достаточной мѣрѣ удовлетворены, то праведный, сверхъ того, еще нуждается въ людяхъ, относительно которыхъ и вмѣстѣ съ которыми станетъ поступать справедливо, одинаковымъ образомъ и благоразумный, и мужественный, и всякій другой, а мудрецъ можетъ предаться созерцанію и одинъ самъ съ собою, и тѣмъ лучше, чѣмъ онъ мудрѣе; можетъ быть лучше, когда у него есть сотрудники, но, во всякомъ случаѣ, онъ самый „самоудовлетворенный“. Далѣе, только созерцаніе любятъ ради его самого [17]), ибо отъ него, кромѣ созерцанія, ничего не происходитъ, между тѣмъ какъ дѣйствіями [18]) мы всегда въ большей или меньшей мѣрѣ достигаемъ чего либо, помимо самого дѣйствія. Наконецъ, блаженство заключается въ покоѣ, ибо мы безпокоимся ради пріобрѣтенія покоя [19]), подобно тому, какъ ведемъ войну ради мира. Дѣятельность практическихъ добродѣтелей заключается въ политикѣ или въ войнѣ; дѣятельность же, касающаяся подобныхъ предметовъ, кажется, лишена покоя, не говоря уже о военной дѣятельности. Никто вѣдь не стремится къ войнѣ ради самой войны, если дѣлаетъ военныя приготовленія; такой человѣкъ показался бы совершенно кровожаднымъ, какъ тотъ, кто своихъ друзей превращалъ бы въ вра-

говъ, чтобы происходили сраженія и убійства. Дѣятельность политика тоже лишена покоя и всегда имѣетъ въ виду, помимо самого управленія, власть или почести. Если же она имѣетъ въ виду собственное блаженство, блаженство гражданъ, то все же очевидно, что иное блаженство, чѣмъ искомое нами. Хотя нельзя отрицать, что добродѣтельная дѣятельность политическая и военная выдается надъ другими по красотѣ и величію, но все же она лишена покоя, стремится всегда къ извѣстной цѣли и желательна не ради ея самой. Созерцательная дѣятельность разума, напротивъ, отличается значительностью, существуетъ ради себя самой, не стремится ни къ какой [внѣшней] цѣли и заключаетъ въ себѣ ей одной свойственное наслажденіе, которое усиливаетъ энергію; если она, сверхъ того, является самоудовлетворенною, заключающею въ себѣ покой и лишенную треволненій, насколько это возможно человѣку, и имѣющею всѣ остальныя качества, которыя можно приписать блаженному и которыя свойственны подобной дѣятельности, то она-то и есть совершенное блаженство человѣка, если оно продолжается всю жизнь, ибо ничто неполное не свойственно блаженству.

Однако, такая жизнь окажется, пожалуй, болѣе значительною, чѣмъ это возможно человѣку; и прожилъ бы онъ ее не потому, что онъ человѣкъ, а потому, что въ немъ есть нѣчто божественное; и поскольку оно отличается отъ человѣка, какъ сложнаго существа [20]), настолько и энергія его [божественнаго начала] отличается отъ дѣятельности всякой другой добродѣтели [21]). Если же разумъ въ сравненіи съ человѣкомъ есть нѣчто божественное, то и жизнь, сообразная ему, будетъ божественною въ сравненіи съ жизнью человѣка.

Не должно внимать тѣмъ, которые увѣщеваютъ насъ заботиться о близкомъ человѣкѣ, такъ какъ мы люди, и о томъ, что бренно, такъ какъ мы сами смертны, а слѣдуетъ какъ можно больше стремиться къ безсмертію [22]) и дѣлать все возможное, чтобы жить сообразно съ тѣмъ, что въ насъ наиболѣе сильно и значительно, ибо хотя оно по объему и незначительно, но по силѣ и значенію превышаетъ все остальное [23]). Можно даже сказать, что каждый человѣкъ и есть только это, такъ какъ оно въ немъ самое властвующее и лучшее. Итакъ, нелѣпо было бы, если бы человѣкъ избиралъ не свою собственную жизнь, а жизнь кого-то другого. Ранѣе сказанное совершенно согласно съ мыслями, высказанными теперь, то есть: каждому по природѣ свойственно, что для каждаго значительнѣе и пріятнѣе всего, а слѣдовательно, человѣку естественна разумная жизнь, такъ какъ это

дѣлаетъ его человѣкомъ по преимуществу. Такая жизнь, значитъ, самая блаженная.

3. (§ 8). На второмъ планѣ стоитъ жизнь, сообразная съ остальными добродѣтелями [24]). Осуществленіе ихъ—дѣло человѣческое. Ибо дѣла справедливости и мужественности и другія, сообразныя добродѣтелямъ, дѣла мы совершаемъ другъ относительно друга въ общеніи, подъ вліяніемъ нужды и различныхъ обстоятельствъ, въ аффектахъ, стараясь найти для каждаго подходящее. Всѣ эти дѣла кажутся чисто человѣческими и кое-какія изъ нихъ, какъ кажется, зависятъ отъ тѣла; вообще, этическая добродѣтель во многомъ подобна аффектамъ. И размышленіе связано съ этическою добродѣтелью, а эта послѣдня—съ размышленіемъ, если только справедливо, что принципы размышленія заключены въ этическихъ добродѣтеляхъ, а правильное въ этическомъ отношеніи въ свою очередь познается размышленіемъ [25]). Такъ какъ этическія добродѣтели связаны съ аффектами, то онѣ касаются человѣка, поскольку онъ сложное существо, а добродѣтели сложнаго существа суть въ свою очередь человѣческія; слѣдовательно, такова же жизнь сообразная имъ и блаженство, а блаженство разума отдѣльное [26]). Но о немъ достаточно сказано, и болѣе подробное разъясненіе переступаетъ цѣли настоящаго сочиненія.

Кажется, однако, что это блаженство только въ малой мѣрѣ нуждается во внѣшнихъ благахъ, или же въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ этическая добродѣтель, ибо, что касается необходимаго, то въ немъ нуждаются оба, и, допустимъ, нуждаются равнымъ образомъ, хотя политикъ болѣе заботится о тѣлѣ и тому подобномъ, но это лишь незначительное различіе.

Больше различіе относительно дѣятельностей, ибо щедрый нуждается въ деньгахъ, чтобы творить дѣла щедрости, справедливости—чтобы воздавать (ибо однихъ добрыхъ намѣреній недостаточно, а справедливыми прикидываются люди, которые вовсе не намѣрены поступать по справедливости), мужественный нуждается въ силѣ, если онъ желаетъ совершить что либо сообразное своей добродѣтели, и благоразумный нуждается въ достаткѣ; какимъ образомъ иначе онъ, или остальные, проявятъ себя? Существуетъ сомнѣніе, что для добродѣтели важнѣе—намѣреніе или дѣйствіе, такъ какъ она проявляется и въ тѣхъ, и въ другихъ. Ясно, что совершенство заключалось бы въ томъ и въ другомъ. Дѣйствіе же нуждается во многомъ, и притомъ тѣмъ въ бо́льшихъ средствахъ, чѣмъ значительнѣе и прекраснѣе самыя дѣйствія.

Человѣкъ, занятый созерцаніемъ, ни въ чемъ подобномъ для своей дѣятельности не нуждается, и можно сказать, все это служитъ лишь помѣхой для созерцанія, но такъ какъ онъ человѣкъ и сожительствуетъ со многими другими, то онъ стремится поступать сообразно добродѣтели, а потому и нуждается во всемъ этомъ [27]), чтобы быть человѣкомъ.

Изъ нижеслѣдующаго явствуетъ, также, что совершенное блаженство состоитъ въ созерцательной дѣятельности:

Мы считаемъ боговъ наиболѣе счастливыми и блаженными; но въ какого рода дѣйствіяхъ они нуждаются? Неужели же въ справедливыхъ? Не покажутся ли они смѣшными, заключая союзы, выдавая вклады или дѣлая тому подобное? Или же въ мужественныхъ, причемъ они станутъ переносить страшное и опасное, ибо это прекрасно? Или же въ щедрыхъ? Но кого же они станутъ дарить? Къ тому же, нелѣпо думать, что у нихъ есть долги или нѣчто подобное. Или же, можетъ быть, въ дѣлахъ благоразумія? Но не будетъ ли обидною похвалою сказать, что они не имѣютъ дурныхъ страстей? Если мы пройдемъ всю область дѣйствія, то она окажется мелкою и недостойною боговъ. Однако, всѣ приписываютъ имъ жизнь, а слѣдовательно и дѣятельность; не спятъ же они подобно Эндиміону. Но если отнять у живого существа не только дѣятельность, но въ еще большей мѣрѣ и производительность [28]), то что же останется за исключеніемъ созерцанія? Итакъ, дѣятельность Божества, будучи самою блаженною, есть созерцательная дѣятельность, а, слѣдовательно, и изъ людскихъ дѣятельностей наиболѣе блаженна та, которая родственнѣе всего божественной.

Доказательствомъ служитъ и то, что остальныя животныя не участвуютъ въ блаженствѣ, такъ какъ они совершенно лишены подобной дѣятельности. Ни одно изъ остальныхъ животныхъ не блаженствуетъ, ибо вовсе не участвуетъ въ созерцаніи.

Блаженство простирается такъ же далеко, какъ и созерцаніе; и чѣмъ въ какомъ-либо существѣ болѣе созерцанія, тѣмъ въ немъ и болѣе блаженства; и это не случайно, а сообразно съ сущностью созерцанія, ибо оно само по себѣ цѣнно. Итакъ, блаженство есть своего рода созерцаніе.

4. (§ 9). Но человѣкъ, какъ таковой, нуждается еще во внѣшнемъ благополучіи, ибо человѣческая природа недостаточно самоудовлетворенная для созерцанія, но необходимо, чтобы и тѣло было здорово, чтобы была пища и остальныя удобства.

Однако, не должно думать, что блаженный нуждается въ многомъ и большомъ, хотя счастье невозможно безъ внѣшнихъ

благъ. Ибо самоудовлетворенность и способность къ дѣятельности заключается не въ избыткѣ; можно поступать прекрасно, не будучи повелителемъ земли и моря; даже съ умѣренными средствами можно поступать сообразно съ добродѣтелью. Это вполнѣ очевидно: частныя лица, какъ кажется, совершаютъ добрыхъ дѣлъ не только не менѣе династовъ, но даже болѣе ихъ; достаточно, значитъ, чтобы было настолько, и жизнь человѣка, дѣйствующаго сообразно съ добродѣтелью, будетъ счастлива. Солонъ хорошо, кажется, опредѣлилъ блаженнаго, указывая на людей съ среднимъ достаткомъ, которые, какъ онъ полагалъ, совершили прекраснѣйшія дѣла и жили благополучно. Вѣдь очень можно поступать, какъ слѣдуетъ, имѣя лишь средній достатокъ. Кажется, и Анаксагоръ не считалъ блаженнымъ ни богатаго, ни династа, говоря, что онъ не удивился бы, если бы блаженный показался толпѣ совершенно непригоднымъ для блаженства, такъ какъ толпа судитъ всегда по внѣшности, которую только и понимаетъ.

Итакъ, мнѣнія мудрецовъ согласуются, повидимому, съ этими положеніями [29]); такое согласіе придаетъ извѣстную достовѣрность мнѣніямъ, хотя истина въ практикѣ опредѣляется лишь дѣлами и самою жизнью, ибо въ нихъ заключается рѣшающій моментъ. Сказанное слѣдуетъ разсмотрѣть по отношенію къ дѣламъ и жизни, и если оно согласуется съ дѣлами, то должно считать его доказаннымъ, если-же расходится—считать пустыми рѣчами.

Кажется, наиболѣе пріятенъ Богу тотъ человѣкъ, который поступаетъ сообразно разуму, служитъ разуму и лучшимъ образомъ пользуется имъ. Если дѣйствительно боги нѣсколько пекутся о людскихъ дѣлахъ, а это кажется такъ, то естественно богамъ радоваться тому, что есть прекраснѣйшаго и родственнѣйшаго имъ (а таковъ вѣдь разумъ), и естественно награждать тѣхъ, которые разумъ всего болѣе любятъ и почитаютъ,—награждать за работу и правильное и прекрасное пользованіе тѣмъ, что любимо богами. Вполнѣ ясно, что это болѣе всего подходитъ къ мудрецу. Итакъ, онъ болѣе всѣхъ любимъ богами, онъ же и наиболѣе блаженный. Слѣдовательно, и этимъ способомъ выходитъ, что мудрецъ есть болѣе блаженный.

III. Примѣчанія къ отрывку.—Т. Райнова.

1: Въ переводѣ Э. Л. Радлова параграфы не разбиты на абзацы; только въ послѣднемъ § у него есть красная строка (послѣдній абзацъ отрывка, со словъ: „Кажется, наиболѣе пріі-

ятенъ...") Мы ввели красныя строки, чтобы нѣсколько расчленить внѣшнимъ образомъ изложеніе Аристотеля.

2: Этими описательными выраженіями Аристотель хочетъ сказать, что „въ такомъ случаѣ оно (блаженство) могло бы быть приписано тому, кто" ведетъ себя пассивно, бездѣятельно; а „это невозможно" и т. д.

3: „Добродѣтелями вообще мы называемъ похвальныя пріобрѣтенныя свойства души": Аристотель, „Этика къ Никомаху", кн. I, § 13, стр. 22.

4: „пріятны также", т. е., также желательны сами по себѣ. Это мѣсто у Аристотеля не совсѣмъ ясно, если сличить его съ другимъ заявленіемъ самого Аристотеля. Нѣсколько ниже, въ слѣдующемъ параграфѣ, Аристотель говоритъ категорически „Далѣе, только созерцаніе любятъ ради его самого..." и т. д. Отсюда—выводъ, что „развлеченія" не желательны сами по себѣ; а Аристотель доказываетъ обратное. Повидимому, противорѣчіе можно устранить такъ: хотя развлеченія и желательны сами по себѣ, но не такъ, какъ желательно созерцаніе,—въ *своемъ родѣ* желательно только послѣднее. Въ этомъ же духѣ самъ Аристотель разрѣшаетъ сомнѣніе относительно того, доставляетъ ли блаженство „дѣятельность политика": это блаженство—„иное блаженство, чѣмъ искомое нами" (см. слѣд. §).

5: Этимъ доказывается, что развлекаются не ради выгодъ, а даже вопреки послѣднимъ, единственно изъ любви къ самому развлеченію.

6: Греческое понятіе о „тиранѣ" отличалось отъ нашего. Тираномъ называли лицо, незаконно захватившее верховную власть, хотя бы и пользующееся ею умѣренно и благодѣтельно для государства.

7: Ср. примѣчаніе 4-ое.

8: т. е. разума см. Введеніе, § 3.

9: Взглядъ Аристотеля на рабство и раба былъ очень либералъ—по греческой, рабовладѣльческой, мѣркѣ. Это не мѣшаетъ Аристотелю считать раба вообще—противоположностью „прекраснѣйшаго человѣка".

10: т. е., не вообразивъ его не рабомъ.

11: Это, конечно, разумъ („Этика, кн. I, § 13, стр. 20—22; Введеніе, § 3) Но Аристотель въ *данный* моментъ не заинтересованъ точнымъ опредѣленіемъ, почему и говоритъ, что это можетъ быть и „иное что", лишь бы „правило", „вело" и „разумѣло".

12: Почему это—см. Введеніе, § 7 и ниже—у самого Аристотеля.

13: „Важенъ“ „предметъ“—абсолютно цѣнное; отъ него падаетъ отблескъ цѣнности и на постигающую его дѣятельность разума, т. е. на созерцаніе Ср. Введеніе, § 7.

14: Аристотель любитъ ссылаться на „общее признаніе“, отчего его иногда называютъ моралистомъ обывательской жизни и мнѣній. Но здѣсь подъ „общимъ признаніемъ“, конечно, нельзя разумѣть признанія „обывателей“, „массы“, а скорѣе только „мудрецовъ“—тѣхъ „предшественниковъ“, о которыхъ говорится немного ранѣе.

15: Въ этомъ предложеніи подъ „философіей“ надо разумѣть научную дѣятельность вообще, въ томъ числѣ и собственно философскую. См. Введеніе, § 5. Занимающіеся научной дѣятельностью, „знающіе“ отличены отъ „стремящихся“ не потому, что они не „стремятся“: „стремящіеся“ у Аристотеля—тѣ, кто добивается второстепеннаго, того, что желательно не само по себѣ, и притомъ—добивается не по усмотрѣнію разума, а побуждаемый аффективно—волевыми причинами; въ „знаніи“ же стремятся къ истинѣ, какъ къ самоцѣнному благу и на основаніи разумнаго мотива.

16: „Мудрецъ“—тотъ, кто предается одному научному познаванію. См. Введеніе, § 8.

17: Ср. примѣч. 4-ое.

18: Подъ „дѣйствіями“ Аристотель разумѣетъ здѣсь дѣйствія непознавательныя, въ частности—практическія, чисто нравственныя и утилитарныя. Поэтому, отсюда вовсе не слѣдуетъ, что въ созерцаніи нѣтъ „дѣйствія“: сплошь и рядомъ оно называется „дѣятельностью“; только это не „практическая“ и не „техническая“ дѣятельность. Ср. Введеніе, § 4.

19: „Въ покоѣ“—въ свободѣ отъ иной дѣятельности, кромѣ созерцательной.

20: См. Введеніе, § 3.

21: Аристотель дѣлитъ всѣ добродѣтели на два класса: на діаноэтическія и на этическія. „Діаноэтическая добродѣтель возникаетъ и развивается по преимуществу путемъ *обученія*, почему и нуждается въ опытѣ и во времени; этическая же слагается путемъ привычекъ; отъ нихъ-то она и получила свое названіе, такъ какъ оно образовано мелкимъ измѣненіемъ слова „нравъ“ (ἔθος) [Этика, кн. II, § 1. стр. 23]. „Мудрость, разумность и благоразуміе мы отнесемъ къ діаноэтическимъ, щедрость и умѣренность—къ этическимъ добродѣтелямъ („Этика“, кн. I, § стр. 22). Въ образованіи діаноэтическихъ добродѣтелей принимаетъ участіе разумъ; можно назвать ихъ добродѣтелями разума.—Подъ

„всякой другой добродѣтелью“ разумѣется совокупность этическихъ добродѣтелей, которыхъ у боговъ вовсе нѣтъ и которыя бываютъ у человѣка; впрочемъ, въ разрядъ „всякой другой добродѣтели“ надо занести здѣсь и нѣкоторыя діаноэтическія добродѣтели (напр. „благоразуміе“ и т. п.), такъ какъ онѣ не отъ чистаго разума (онъ *одинъ* есть у боговъ), а возникаютъ благодаря обузданію низшихъ „частей души“ разумомъ. См. объ этомъ ниже, § 3, разсужденіе о блаженствѣ боговъ.

22: „къ безсмертію“—путемъ пріобщенія къ Богу, являющемуся чистымъ созерцаніемъ, пребывающимъ вѣчно; см. Введеніе § 7.

23: Рѣчь идетъ о разумѣ, одной изъ трехъ „частей души“.

24: Это—добродѣтели этическія и нѣкоторыя діаноэтическія, см. прим. 21.

25: Хотя этическія добродѣтели, по опредѣленію (см. прим. 21), скадываются „путемъ привычекъ“, онѣ умѣряются разумомъ и удерживаются посединѣ между крайностями („Этика“. кн. II, §§ 5—6, стр. 29 и слѣд.) Въ этомъ смыслѣ, въ нихъ „заключены“ „принципы размышленія“, которые потомъ и опознаются „размышленіемъ“ же.

26: „отдѣльное“, т. е. особое; ср. прим. 4.

27: „во всемъ этомъ“, т. е. во внѣшнихъ благахъ. Мысль та, что мудрецъ вынужденъ искать и ихъ, поскольку оно все же не божество, а человѣкъ съ потребностями, которыя диктуются низшими „частями“ его души. Но во время созерцанія онъ совершенно равнодушенъ къ благамъ внѣшнимъ.

28: Рѣчь идетъ объ „отнятіи“ дѣятельности „практической“ и технической; ср. Введеніе, §§ 4 и 7.

29: „съ этими положеніями“—относительно возможности пріобрѣсти блаженство, „имѣя средній достатокъ“.

Сущность философіи.

Статья Георга Зиммеля.

Если къ отвѣту на вопросъ, въ чемъ сущность порядка мыслей, подводимыхъ подъ понятіе философіи, пытаются подойти съ такой духовной позиціи, которая сама не лежитъ въ предѣлахъ философіи, то потребность въ уясненіи этой формы знанія не можетъ быть удовлетворена. Ибо, въ дѣйствительности, только внутри философіи, съ помощью ея понятій и средствъ, можетъ быть опредѣлена сущность философіи: она сама, такъ сказать, первая философская проблема. Никакая другая наука не ставитъ вопроса о своей природѣ въ этой формѣ. Предметъ физики—не

сама наука физика, а извѣстныя свѣтовыя и электрическія явленія. Филологія интересуется манускриптами Плавта и эволюціей падежей въ англосаксонскомъ языкѣ, о философіи же она не спрашиваетъ. Философія, и только она одна, движется въ своеобразномъ кругу, опредѣляя съ помощью свойственныхъ ей формъ мышленія и познавательныхъ цѣлей тѣ предпосылки, подъ условіемъ которыхъ стоятъ ея формы и цѣли. Извнѣ не существуетъ доступа въ философію, ибо лишь сама философія можетъ рѣшить, чѣмъ быть философіи, и быть ли ей чѣмъ-нибудь, или же это одна безсмысленая фантазма соединяется съ ея именемъ.

Это, въ своемъ родѣ единственное, положеніе философіи есть слѣдствіе, или, пожалуй, только выраженіе ея основной задачи: мыслить безъ предпосылокъ. Поскольку человѣку вообще не дано „начинать сначала“, поскольку и въ себѣ самомъ, и внѣ себя онъ находитъ уже непремѣнно что-либо дѣйствительное, или протекшее, дающее его поведенію матеріалъ, исходную точку или, по крайней мѣрѣ, предопредѣляющее его симпатіи и антипатіи,— наше познаніе бываетъ чѣмъ-либо обусловлено, реальностью или же внутренними своими законами. Отъ нихъ, самимъ процессомъ познанія не порождаемыхъ, въ формѣ многообразныхъ ограниченій его суверенитета, въ видѣ ли правилъ логики и метода, или факта чистой наличности міра, зависитъ содержаніе и направленіе познанія. И вотъ, тамъ, гдѣ, вопреки этому, мышленіе стремится поставить себя по ту сторону предпосылокъ вообще, и начинается философствованіе. Правда, это стремленіе лишь въ рѣдкихъ случаяхъ проводится вполнѣ строго. Скорѣе мы стараемся обыкновенно составить знаніе, свободное отъ разныхъ *отдѣльныхъ* предпосылокъ: отъ непосредственныхъ впечатлѣній чувственнаго міра или отъ общепринятыхъ нравственныхъ оцѣнокъ, отъ самоочевидной значимости опыта или отъ столь же самоочевидной реальности божественной силы. Философская безпредпосылочность отличается отъ другихъ областей именно этимъ ограниченіемъ универсальнаго интереса, этой въ себѣ замкнутостью мышленія, этимъ сосредоточеніемъ на *цѣлостности* знанія, даже жизни, съ послѣдовательностью, ничѣмъ внѣшнимъ не связываемой, и независимо отъ моментальныхъ единичностей. Идеальная безпредпосылочность, конечно, неосуществима. Ибо: гдѣ что-либо полагается мышленіемъ, тамъ уже и предполагается что-нибудь такое, что является намъ, какъ темное, еще не вызывающее

Разрѣшенный авторомъ переводъ первой главы его книжки: Hauptprobleme der Philosophie, сдѣланъ по тексту 2-го изд. 1911 года, съ опущеніемъ послѣдняго абзаца.

насъ на уразумѣніе, или, обратно, представляетъ точку опоры въ отдѣльности, текучести и замкнутости знанія. Въ силу этого, абсолютная безпредпосылочность является не осуществимымъ фактомъ, а только направляющею цѣлью философскаго мышленія; въ другихъ же областяхъ знанія къ самаго начала рѣчь идетъ только объ относительной безпредпосылочности.

Когда философія развивается въ теорію знаній, это имѣетъ тотъ глубокій смыслъ, что при этомъ она старается установить предпосылки знанія и, въ частности, самого философскаго знанія, дабы такимъ именно образомъ опредѣлить юрисдикцію и познавательный характеръ философіи, независимо отъ ея случайной фактичности.

Изъ этой безпредпосылочности, заложенной въ самомъ существѣ философіи, изъ этой внутренней автономности философскаго мышленія съ логическою необходимостью вытекаетъ такое слѣдствіе: свои проблемы она должна рѣшать лишь собственными своими средствами, а если ей приходится опредѣлять свой предметъ, цѣли и методы, то сдѣлать это она обязана въ своихъ же границахъ..

Изъ этого же слѣдствія, въ свою очередь, вытекаетъ другое, еще болѣе важное. Право и обязанность философіи опредѣлять свой предметъ съ большей независимостью отъ данности, чѣмъ то бываетъ въ другихъ областяхъ знанія, приводитъ къ различнымъ формамъ постановки проблемы въ разныхъ философскихъ ученіяхъ. Во всѣхъ другихъ наукахъ существуетъ какая-либо общезначимая цѣль, какъ бы увѣнчивающая собой все многообразіе спеціальныхъ задачъ. Только въ философіи каждый оригинальный мыслитель опредѣленъ не только тѣмъ, какъ онъ отвѣчаетъ на извѣстные вопросы, но также и тѣмъ, какъ онъ ставитъ ихъ—ставитъ не въ смыслѣ отдѣльныхъ проблемъ, а вообще,—какъ онъ спрашиваетъ о философіи. Напримѣръ, Эпикуръ опредѣляетъ ее, какъ средство къ достиженію блаженной жизни на основѣ разума. Для Шопенгауэра, она—стремленіе проникнуть съ помощью представленія въ то, что само по себѣ представленіемъ не является—т. е. по ту сторону міра эмпирическихъ явленій, съ которымъ имѣютъ дѣло другія науки. Средневѣковая философія разсматриваетъ философію, какъ служанку богословія, какъ совокупность пріемовъ для обоснованія религіозныхъ истинъ. Для кантіанства философія есть критическое уясненіе разумомъ самого себя, и она опредѣляется, съ одной стороны, какъ чисто этическое уразумѣніе того, что въ жизни человѣка обладаетъ значеніемъ идеала, съ другой же—какъ чисто познавательная перера-

ботка міропониманія, преодолѣвающая противорѣчія, заложенныя въ послѣднемъ. Это многообразіе философскихъ цѣлеполаганій, которое можно было бы на много увеличить, недвусмысленнымъ образомъ показываетъ, что, хотя каждый философъ какъ-будто и ставитъ вопросъ совершенно общо, не предрѣшая вовсе отвѣта на него,—на дѣлѣ онъ уже наперед придаетъ постановкѣ характеръ, соотвѣтствующій отвѣту, который онъ хочетъ дать на вопросъ. Индивидуальная окрашенность философскаго мышленія препятствуетъ возникновенію общеобязательной цѣли, способной возвыситься надъ внутренней замкнутостью саморазвивающейся мысли. Можно даже сказать, что оригинальное философское творчество представляетъ собой нѣчто столь цѣлостное, выражаетъ интеллектуальнымъ образомъ такое самодовлѣющее бытіе, что вопросъ и отвѣтъ здѣсь отвѣчаютъ только позднѣйшему раздвоенію до того еще единаго продукта мысли. По крайней мѣрѣ, въ значительно большей мѣрѣ, чѣмъ обыкновенно въ знаніи, проблема здѣсь одна и та же, а рѣшенія проблемы индивидуальны, или—если выразить это точнѣе—проблема здѣсь скорѣе ставится въ опредѣленномъ всегда смыслѣ, приноровленномъ къ каждому отвѣту.

Но если всякое опредѣленіе философіи имѣетъ смыслъ только въ связи съ философіей отдѣльнаго мыслителя, чѣмъ же, въ такомъ случаѣ, оправдывается употребленіе одного и того же термина для обозначенія столь различныхъ уклоновъ мысли? Для отвѣта на этотъ вопросъ, можетъ быть, слѣдовало бы нѣсколько измѣнить направленіе, по которому мы шли до сихъ поръ. Философскія системы не заслуживаютъ общаго имени, если опредѣлять философію со стороны ея задачъ и содержанія. Но возможно еще, что эта общность обоснована въ творчествѣ философовъ—не въ результатахъ ихъ мышленія, а въ нѣкоторомъ рѣшающемъ пунктѣ, подъ условіемъ котораго только и могутъ быть добыты эти результаты, въ своихъ развѣтвленіяхъ не могущіе уже быть сведенными къ чему-либо одному. Рѣчь идетъ о нѣкоторой внутренней и формальной особенности философа, какъ такового; но эту особенность нужно понимать не психологически, какъ „жизненное призваніе“, а—какъ реальное условіе философствованія вообще, хотя и сказывающееся, естественно, только въ своемъ духовномъ осуществленіи. Философомъ можно было бы назвать того, у кого есть органъ для воспріятія и реакціи на бытіе въ цѣломъ. Обыкновенно, человѣкъ сосредоточивается на разнаго рода единичностяхъ—къ этому вынуждаетъ жизнь. Единичности эти могутъ быть ничтожны, или очень значительны. Ежедневныя заботы о пропитаніи или церковная догма, любовное приключеніе или от-

крытіе періодичности химическихъ элементовъ—все это единичности, возбуждающія чувства, интересъ, дѣятельность. Философъ же одаренъ—въ очень различныхъ, разумѣется, но никогда не въ абсолютно высокихъ степеняхъ—чувствомъ цѣлостности вещей и жизни; а если онъ и творчески продуктивенъ, то ему принадлежитъ также и способность претворять свои внутреннія созерцанія или чувствованія въ форму систематически связанныхъ понятій. Естественно, что говоритъ онъ не только о цѣломъ, да, можетъ быть, онъ и не могъ бы сдѣлать этого вполнѣ строгимъ образомъ. Но какого бы спеціальнаго вопроса логики или морали, эстетики или религіи ни коснулся онъ, онъ поступаетъ какъ философъ только въ томъ случаѣ, если каждый изъ этихъ вопросовъ онъ переживаетъ какимъ-либо образомъ въ связи съ цѣлостностью бытія.

Собственно, цѣлостность бытія въ строгомъ смыслѣ слова никому недоступна; никто не можетъ испытать ея воздѣйствіе на себя. Она можетъ быть только возсоздана изъ отдѣльныхъ обрывковъ, данныхъ въ дѣйствительности. Если угодно, она—лишь „идея“, или даже—страстное чаяніе, если такимъ образомъ обозначить на первыхъ порахъ реакцію философствующаго мышленія. Это то же, что учитывать вексель, номинальная цѣна котораго никогда не будетъ реализована. Впрочемъ, это философское возсозданіе единаго объективнаго цѣлаго изъ фрагментовъ дѣйствительности, а также его дальнѣйшая достройка на этой основѣ является лишь потенцированной формой пріема, имѣющаго всеобщее значеніе. Такъ же, напримѣръ, изъ отрывочныхъ источниковъ вырисовывается передъ историкомъ цѣлостный образъ какого-нибудь характера, и этотъ образъ онъ кладетъ въ основу своего изложенія. Даже самый обстоятельный источникъ не исключаетъ здѣсь необходимости въ нѣкоторой внутренней интуиціи цѣлаго: она обнаруживается, какъ проявленіе какой-то замѣчательной силы, возбуждаемой, впрочемъ, единичностями и къ нимъ приспособленной. Если нужно какъ-либо обозначить эту силу, то можно было бы назвать ее способностью оцѣленія, тотализированія. Такая способность—если отрѣшиться отъ опредѣленныхъ степеней ея совершенства—является общей предпосылкой философствованія вообще, въ какихъ бы индивидуальныхъ формахъ, выявляющихся уже въ каждомъ опредѣленіи философіи, ни раскрывалась эта предпосылка.

Существуютъ два принципіальныхъ способа охватить эту цѣлостность бытія въ ея подлинной сущности, а также, поскольку способы эти управляются привходящей сознательною цѣлью,—

сдѣлать понятнымъ то, отъ чего здѣсь такъ или иначе исходитъ философъ, и то, на что онъ въ логически связной формѣ отвѣчаетъ. Одинъ изъ этихъ способовъ—путь мистики, другой—путь Канта. Сомнѣваюсь, чтобы мистику, образцомъ которой я избираю здѣсь мистику Мейстера Экхарта, можно было безъ особыхъ оговорокъ отнести къ области философіи. Скорѣе она является совершенно самостоятельнымъ образованіемъ, стоящимъ по ту сторону какъ знанія, такъ и религіи. Однако же, размышленія Экхарта движутся въ такихъ, можно сказать, послѣднихъ, общечеловѣческихъ глубинахъ, гдѣ философія легко можетъ облечь въ форму, свойственную ей, мистическіе мотивы этихъ размышленій. И первое—въ ряду идей, къ которому для нашихъ спеціальныхъ цѣлей можно свести ученіе Экхарта, это—абсолютная включенность всѣхъ вещей въ Богѣ. Поскольку всѣ вещи составляютъ *одну* сущность, единичная вещь сама по себѣ лишена индивидуальности. И только благодаря процессу, который у Экхарта обозначается мистическимъ символомъ: Богъ отъ вѣка порождаетъ Сына—впервые возникаютъ вещи въ присущемъ имъ многообразіи. Но при этомъ онѣ и генетически, и въ субстанціальномъ отношеніи сохраняютъ связь съ божественной сущностью. Богъ проникаетъ собою всѣ твари, такъ что все тварное есть Богъ. И если Богъ отвратить отъ него свои взоры, оно перестанетъ существовать. Это божество есть чистое единство въ себѣ —Богъ, который, будучи всѣмъ, не есть, однако, „ни то, ни это“, а представляетъ „одно и въ себѣ тождественное“. Такимъ образомъ, цѣлостность міра собрана въ *одной* точкѣ. Но, благодаря этому, Экхартъ можетъ, далѣе, прослѣдить эту цѣлостность и въ индивидуальной душѣ. Послѣдняя обладаетъ многообразіемъ способностей, но въ ней есть одна центральная точка, уже чуждая всякому сотворенному многообразію. Экхартъ называетъ ее искоркой, это—нѣчто абсолютно „единое и простое“, подлинный духъ души. Въ ней непосредственно говоритъ Богъ, и она даже вообще не можетъ быть отъ Бога отличена: она „единое съ Богомъ, а (не просто) ему причастное“: „здѣсь основа Бога—моя основа, моя основа есть основа Бога“. Въ этой центральной точкѣ души мы познаемъ непосредственнымъ образомъ всѣ вещи въ ихъ подлинной сущности, ибо обладаемъ ихъ единствомъ въ Богѣ, или, правильнѣе, при этомъ мы есьмы въ Богѣ: „мое око и око Божье—одно око и одно лицо“.

Быть можетъ, здѣсь слѣдуетъ выяснить настоящій характеръ связи, соединяющей религію съ философіей. Въ лицѣ Бога вѣрованіе обрѣтаетъ міръ, какъ цѣлое, хотя въ этомъ цѣломъ и исчезаютъ

всѣ безчисленныя единичныя явленія. Мистика старается овладѣть имъ съ помощью опредѣленной интуиціи, поскольку сущность души она возводитъ къ простѣйшему жизненному началу, совпадающему съ единствомъ божественной сущности. Черезъ религіозную мистику и философскія умозрѣнія всѣхъ вѣковъ въ различныхъ варіантахъ проходитъ мотивъ, что углубленное самосозерцаніе, преодолѣвающее всякое многообразіе, приводитъ насъ къ абсолютному единству вещей. Это самосозерцаніе открываетъ намъ точку, съ которой единство вещей, полагаемое Богомъ, обнаруживается передъ нами, какъ сущность и единство насъ самихъ. Та философская точка зрѣнія, которая, установляя отношеніе духа къ цѣлостному міру, способна объявить міръ безсмыслицей или даже безуміемъ съ точки зрѣнія индивидуума, находитъ въ этомъ мотивѣ свое метафизическое оправданіе: она является интеллектуальной формой чувства, всплывающаго во всѣ эпохи углубленной жизни человѣчества,—чувства, что мы проникаемъ въ глубину міра, погружаясь въ глубины собственной души.

Основной мотивъ кантовской философіи открываетъ знанію, берущему начало въ міроощущеніи философа, возможность постигнуть цѣлостность міра съ точки зрѣнія, обратной изложенной сейчасъ. Основное сочиненіе Канта имѣетъ своимъ предметомъ не бытіе, мыслимое или непосредственно переживаемое, какъ цѣлостность, а лишь то бытіе, которое можетъ—и поскольку оно можетъ—стать наукой. Для Канта, это—форма, подъ которую подводится вообще цѣлостность вещей, и благодаря этой формѣ, подъ ея условіемъ, только и можетъ итти рѣчь о цѣлостности. Для него міръ лишь постольку является реальнымъ, поскольку оказывается дѣйствительнымъ или только возможнымъ содержаніемъ науки. Все же, подъ это условіе не подводимое, и не существуетъ „дѣйствительнымъ образомъ“. Чтобы объяснить позицію Канта въ этомъ вопросѣ, прійдется начать нѣсколько издалека.

Можетъ быть, не существуетъ другого примѣра необходимости въ мышленіи, отъ которой было бы такъ же трудно освободиться, какъ отъ разложенія вещей на форму и содержаніе, хотя такое разложеніе не оправдывается логическими соображеніями и не требуется чувственно даннымъ опытомъ. Въ тѣхъ или другихъ безчисленныхъ видоизмѣненіяхъ это различеніе проникаетъ собою всѣ наши представленія о мірѣ, играя роль одной изъ тѣхъ организующихъ формъ и пріемовъ, съ помощью которыхъ духъ приспособляетъ къ себѣ многообразіе сущаго, непосредственно не стоящаго подъ его единствомъ. Надъ всѣми от-

дѣльными содержаніями и текучими формами возвышается самая общая противоположность: міръ какъ содержаніе, какъ бытіе, въ себѣ опредѣленное и въ своей непосредственности не могущее быть постигнутымъ, становится постижимымъ благодаря тому, что подводится подъ многообразіе формъ, изъ коихъ каждая заимствуетъ присущее ей содержаніе изъ цѣлостности міра. Наука и искусство, религія и переработка міра, гармонирующая съ сокровенными запросами чувства, чувственное воспріятіе и организація вещей съ точки зрѣнія ихъ смысла или цѣнности— все это и, быть можетъ, еще многое другое суть важныя формы, черезъ которыя, такъ сказать, проходитъ или должна пройти каждая часть мірового содержанія. Поскольку намъ данъ міръ, онъ съ каждой точки зрѣнія представляетъ элементъ мірового содержанія, воспринимаемаго такимъ-то именно образомъ лишь въ формѣ данной категоріи. Рефлексія созерцаетъ *одно и то же* содержаніе подъ условіемъ то одной, то другой категоріи. Одни и тѣ же люди могутъ быть даны въ видѣ предмета знанія и въ видѣ предмета художественнаго постиженія. Одни и тѣ же вліянія можно разсматривать, какъ опредѣляющіе моменты нашей судьбы или—какъ проявленія божественнаго вмѣшательства. Одинъ и тотъ же предметъ мы можемъ понять, какъ чисто чувственное явленіе или же—какъ деталь метафизической картины міра. И есть смыслъ въ томъ, что каждая изъ этихъ значительныхъ формъ, каждое вообще наличное содержаніе берется, какъ нѣчто въ себѣ замкнутое. Искусство можетъ подчинить всю совокупность міра своему оформляющему принципу, такъ же точно, какъ и знаніе въ правѣ ничего не упустить изъ виду въ мірѣ. Каждую вещь можно поставить на соотвѣтствующее ей мѣсто въ какомъ-либо ряду цѣнностей, на каждую вешь можетъ отозваться достаточно эластическое чувство жизни; и т. д. Однако же, хотя, согласно понятію этихъ формъ, каждая изъ нихъ и способна перевести на свой языкъ весь міръ, о дѣйствительности въ ея предѣлахъ говорить еще нельзя. И именно потому нельзя, что отдѣльная форма дѣйствительна не въ своей абстрактной чистотѣ и абсолютной завершенности, а только въ извѣстныхъ границахъ и по отношенію къ частностямъ, въ сторону которыхъ поворачиваетъ ее соотвѣтствующая позиція духа. У насъ нѣтъ искусства вообще, а лишь исторически данныя формы искусства, художественныя средства и стили. И такъ какъ сегодня они уже не тѣ, что вчера, и еще не то, чѣмъ будутъ завтра, то ихъ хватаетъ только на то, чтобы придать художественную форму нѣкоторому *опредѣленному* содержанію, хотя бы другія содержанія уже не

нашли себѣ мѣста въ этихъ именно художественныхъ формахъ; но съ принципіальной стороны и они также могли бы стать содержаніемъ искусства. Столь же мало существуетъ и абсолютная религія, которая сообщала бы религіозное значеніе всякой вещи, ставила бы ее, все равно, возвышенная она или же ничтожная и случайная,—съ цѣлымъ въ связь, опредѣляемую единствомъ основного религіознаго мотива. Мы имѣемъ только историческія религіи, изъ коихъ каждая охватываетъ одну лишь часть міра, души, судьбы, хотя бы при этомъ другая часть и оставалась по ту сторону, лишенная религіознаго оформленія. И вообще, здѣсь всегда повторяется одно и то же: идеальное право каждой изъ этихъ основныхъ формъ—построять одинъ цѣлостный міръ изъ данныхъ содержаній—осуществляется только въ видѣ историческихъ образованій, обреченныхъ на незаконченность; лишь въ нихъ живутъ эти формы, раздѣляя съ ними всѣ случайности, приспособительныя измѣненія, регрессивность, отклоненія въ прогрессивномъ движеніи, индивидуальную ихъ односторонность,—короче, всѣ особенности и эксцентричности, обнаруживаемыя исторической дѣйствительностью, которая, въ противоположность идеѣ и принципу, связана съ условіями времени. Не можетъ обстоять иначе дѣло и съ научнымъ знаніемъ. Образованіе понятій и методовъ, служащихъ для накопленія и упорядоченія опыта, переработка чувственно-данной дѣйствительности въ форму естественнонаучныхъ или историческихъ построеній, критеріи истины и заблужденія,—короче, всѣ формы и методы, съ помощью коихъ содержаніе міра поднимается до степени содержанія науки, развивались въ продолженіи культурной исторіи человѣчества и, несомнѣнно, будутъ развиваться и впредь. Для осуществленія идеальнаго знанія намъ не хватаетъ не только силъ, чтобы охватить фактически всѣ содержанія, распространивъ реальнымъ образомъ форму науки на всю неисчерпаемость вещей: для этого намъ не достаетъ также и абсолютной, всѣ задачи разрѣшающей, законченности самой этой формы. Ибо она дана намъ не въ видѣ, завершенномъ для всѣхъ эпохъ знанія, а какъ нѣчто непрерывно измѣняющееся, незаконченное и соотносительное развивающемуся существу, каковъ человѣкъ. Всякимъ вѣроятностямъ, аналогіямъ и безчисленнымъ указаніямъ опыта противорѣчило бы предположеніе, что формы какой-либо живой, развивающейся науки, обусловленныя необозримымъ многообразіемъ историческихъ обстоятельствъ, способны охватить бытіе въ его цѣлостности. Если Фихте правъ, говоря, что каковъ человѣкъ, такова и его философія, то это справедливо и не

только по отношенію къ одной философіи. Что такое человѣческое знаніе съ извѣстной точки зрѣнія, это зависитъ отъ того, что такое само человѣчество съ той же точки зрѣнія. И очевидно, что формы и категоріи, выражающія для человѣчества уровень знанія въ каждый данный моментъ, относятся къ тѣмъ формамъ и категоріямъ, которыя претворяли бы въ содержаніе знанія все содержаніе міра, такимъ же точно образомъ, какъ незавершенность и историческія случайности бытія человѣчества относятся къ идеѣ законченнаго человѣчества.

Съ принципами Канта это стоитъ въ противорѣчіи, поскольку для него основныя формы, которыми развивающаяся наука охватываетъ міръ, вполнѣ адэкватны міру и уже не испытываютъ никакой эволюціи. Каждая изъ данныхъ во времени точекъ зрѣнія возможна только подъ условіемъ постоянныхъ формъ, и это Кантъ обозначилъ выразительно, но и пародоксально, говоря, что разсудокъ предписываетъ природѣ ея законы. Рѣшающимъ моментомъ здѣсь является то, что познавательныя представленія о вещахъ не насыпаны въ насъ, какъ орѣхи въ мѣшокъ,—что мы, познавая, не противостоимъ чувственнымъ ощущеніямъ, какъ пассивные созерцатели, подобно восковой поверхности которой только ударъ штемпеля извнѣ придаетъ опредѣленную форму. Всякое познаваніе есть, напротивъ, проявленіе духа; чувственныя впечатлѣнія, которымъ мы противостоимъ пассивно, еще не составляютъ знанія, а совокупность ихъ содержанія еще не есть „природа“. Эти впечатлѣнія, напротивъ, должны еще проникнуться формами и связями, которыя въ нихъ не заложены и въ нихъ вносятся впервые познающимъ духомъ. Только вслѣдствіе этого изъ хаоса или изъ чистой рядоположности и смѣны чувственныхъ впечатлѣній возникаетъ впервые то, что мы называемъ явленіемъ: т. е. разумнымъ образомъ осмысленная связь, въ которой всякое множество обнаруживается въ видѣ принципіальнаго, закономъ закрѣпленнаго единства. Поскольку эти законы отнесены къ отдѣльнымъ вещамъ, постольку, конечно, лишь опытъ даетъ ихъ намъ—т. е. именно взаимодѣйствіе чувственной воспріимчивости и оформляющаго разсудка. Но всеобщія правила, вообще приводящія множественность явленій съ помощью объединенія въ форму природы (какъ, напримѣръ, законъ причинности), возникаютъ не изъ явленій, но коренятся въ присущей духу способности связывать, объединять. Эту способность Кантъ называетъ разсудкомъ (Verstand), и она то и предписываетъ природѣ ея законы, такъ что эти законы, являющіеся только связующими функціями духа въ его отношеніи къ содержанію

міра, впервые сообщаютъ послѣднему форму „природы“. Это— подлинный смыслъ популярной формулировки кантовскаго ученія, что „міръ есть мое представленіе“, и этотъ смыслъ ставитъ духъ въ такое отношеніе къ міру, при которомъ вся совокупность послѣдняго, несмотря на несотворимость отдѣльныхъ его частей, оказывается собранной въ духѣ. Мы не знаемъ ничего о вещахъ, поскольку онѣ существуютъ внѣ нашего сознанія, т. е. внѣ активной способности нашего духа утверждать предметъ знанія; поэтому, законы духа суть и законы вещей, и нѣтъ такого познавательнаго содержанія, про которое мы вообще могли бы подумать, что оно лишено опредѣленности, сообразной съ формами духа. Это могло бы быть совершенно справедливымъ по отношенію къ научному знанію, если бы формы послѣдняго не представляли собой историческія образованія, которыя именно поэтому и не могутъ охватить адэкватнымъ образомъ все содержаніе бытія. Если бы ихъ развитіе уже закончилось, какъ это безъ дальнихъ разговоровъ принимаетъ Кантъ и какъ это, безъ сомнѣнія, и могло бы быть согласно идеалу чистаго знанія, то это, конечно, раскрыло бы возможность духовнаго контакта между человѣкомъ и бытіемъ, какъ цѣлымъ. Противорѣчіе, которое, повидимому, нарушаетъ гармонію между единичнымъ психическимъ бытіемъ и неизмѣримостью бытія въ его цѣломъ, снимается благодаря неслыханной дерзости кантовскаго переворота, смыслъ котораго тотъ, что все бытіе своей формой предмета знанія обязано именно духовному началу. Отдѣльныя содержанія міра могутъ, такъ сказать, пребывать въ мірѣ, дожидаясь своей очереди въ воспріятіи. Но формы, осуществляющія опытъ и природу вообще и, слѣдовательно, содержащія въ потенціальномъ видѣ всю цѣлостность познаваемаго міра, эти формы заложены въ духѣ и даны въ немъ напередъ, являясь тѣми его функціями, которыя называются познаніемъ. Духъ соотнесенъ съ міромъ, какъ цѣлымъ, ибо это цѣлое—его собственное дѣяніе.

Такимъ образомъ, существуетъ опредѣленное отношеніе между тѣмъ обоснованіемъ философскаго мышленія, какое даетъ мистика, и тѣмъ, которое вытекаетъ изъ кантовскаго мотива. Тамъ содержаніе міра было опредѣленнымъ образомъ стянуто къ одной точкѣ, поскольку всѣ индивидуальныя особенности его были признаны несущественными и поскольку дѣйствительное бытіе было приписано, собственно, одному лишь единству божественнаго начала; душа же, равнымъ образомъ причастная ему, вслѣдствіе этого находитъ въ себѣ же самой непосредственное соприкосновеніе съ цѣлостностью міра; поэтому міръ, такъ ска-

зать explicite, содержится въ развитіи философствующаго духа. Это воззрѣніе страдаетъ отсутствіемъ момента формы: допуская лишь субстанціальное ядро міра и все въ немъ растворяя, оно лишаетъ дѣйствительность присущей ей индивидуальности, т. е. формы. Напротивъ, кантовская рефлексія стоитъ на точкѣ зрѣнія формы. Существуетъ только нѣсколько формъ, образующихъ изъ мірового матеріала единый міръ, и формы эти охватываютъ безконечно—многообразныя содержанія. И такъ какъ для Канта рѣчь идетъ только о мірѣ познанія, а познаніе происходитъ лишь въ сознаніи, то формы познанія суть формы сознанія, и онѣ предопредѣляютъ, или собой охватываютъ міръ, преобразуя его въ предметъ знанія въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что имѣетъ для міра значеніе принципа. Понятно, что такое философское уразумѣніе цѣлостности міра противоположно сведенію міра къ одной лишь чистой субстанціи или же къ безсодержательной формѣ. Ибо конкретное явленіе, т. е. оформленный матеріалъ есть неисчерпаемое, безконечно богатое бытіе, котораго никакая мысль не охватываетъ и о цѣлостной природѣ котораго она не въ состояніи сразу же составить знаніе. Лишь абстрагируя для себя содержаніе или форму и внося этимъ собственную формирующую дѣятельность въ бытіе, можетъ духъ подступиться къ цѣлостности бытія. Сходство между двумя этими, столь неизмѣримо различными по смыслу и содержанію, міровоззрѣніями состоитъ, очевидно, въ общей имъ оцѣнкѣ самопознанія, какъ средства, ведущаго къ познанію міра. Всѣ формы, опредѣляющія собою міръ знанія, сводятся, по Канту, къ одной центральной, по существу творческой нормирующей формѣ: къ *единству*. Многообразныя представленія возвышаются до значимости объективнаго знанія лишь въ той мѣрѣ, въ какой они тяготѣютъ къ единству предмета, принципа, правила, міропредставленія. Для упорядоченія хаотической рядоположности, безпорядочности и чередованія элементовъ, т. е. въ качествѣ принципа для оформленія постигаемаго міра, у насъ нѣтъ иного начала, кромѣ единства многообразнаго. Что это именно и есть форма нашего познанія, это, съ одной стороны, обусловливается, съ другой же—осуществляется благодаря сознанію, черезъ которое и для котораго и существуетъ міръ; эта форма—*единство*; содержанія моего сознанія переживаются мною, какъ принадлежащія *одной* личности, какъ ощущенія и мысли, активность и пассивность одного и того же „я“, сознающаго свое тождество съ собой во всякой точкѣ этого многообразія и не могущаго быть разрушеннымъ вслѣдствіе разлада между его содержаніями и продуктами; напротивъ,

чувство такого разлада, поскольку онъ переживается, только и возможно на основѣ единства „я“, ибо иначе не было бы разрывовъ, а лишь простое сосуществованіе соотвѣтствующихъ содержаній. Въ проблемѣ, занимающей насъ здѣсь, это „я“ въ насъ, въ которомъ центрируется міръ и изъ котораго, съ другой стороны, исходятъ всѣ лучи, охватывающіе и благодаря этому впервые созидающіе міръ, имѣетъ такое же значеніе, какъ „искорка“ Экхарта. Въ обоихъ случаяхъ мы находимъ абсолютное, центральное единство духа, и благодаря этому единству духъ получаетъ доступъ къ цѣлостности бытія.

То обстоятельство, что философскій способъ постиженія реализуется на этомъ пути внутренняго единства духа, позволяетъ ему логическимъ образомъ развернуть вытекающія отсюда слѣдствія. И, прежде всего — то, которое обозначается двусмысленнымъ понятіемъ „субъективности“ философскихъ теорій, въ противоположность объективности эмпирическихъ и точныхъ математическихъ наукъ. Чѣмъ шире раздвигается кругъ вещей, на который распространяется объединяющая реакція интеллекта, тѣмъ свободнѣе можетъ быть выражена индивидуальность послѣдняго: ибо въ этомъ случаѣ возможность выбора среди различныхъ элементовъ и ихъ комбинацій гораздо значительнѣе, чѣмъ когда реакція относится къ одному только или немногимъ элементамъ. По мѣрѣ возрастанія круга различныхъ предметовъ, необходимость реагировать на него какимъ-либо однимъ для всѣхъ индивидуумовъ обязательнымъ образомъ, стремится въ предѣлѣ къ нулю; и именно то, что называютъ міровоззрѣніемъ, въ наибольшей степени зависитъ отъ индивидуальныхъ свойствъ личности; именно картина цѣлаго, которая должна была бы всего совершеннѣй и чище выражать объективный міръ, отражаетъ особенности своего носителя въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ это бываетъ съ объективной картиной чего-либо единичнаго. Если объ искусствѣ говорятъ, что оно есть картина міра, созерцаемаго сквозь темпераментъ, то философія есть темпераментъ, созерцаемый сквозь картину міра. Замѣчательно, однако, что каждая индивидуальность здѣсь, въ области философіи, вовсе не соединена съ полной несравнимостью. Она не слѣдуетъ за тѣми изгибами, которые изъ одного человѣка дѣлаютъ нѣчто, совершенно отличное отъ другого: ибо не существуетъ столько же философій, сколько есть философствующихъ людей, и число оригинальныхъ философскихъ лейтомотивовъ, способныхъ опредѣлить собой міросозерцаніе, очень ограничено. Эти мотивы обращаются тысячелѣтіями, оставаясь все тѣми же, расщепляясь, сближаясь, появляясь съ новыми тембрами и въ

мѣняющихся одѣяніяхъ, но число ихъ увеличивается лишь очень медленно. И еще вопросъ, слѣдуетъ ли считать бѣдностью человѣчества то, что эти мотивы, въ противоположность безпредѣльному многообразію индивидуальностей и судебъ, опытовъ и стремленій, сводятся только къ такому минимуму реально существующихъ все-охватывающихъ построеній и все-объединяющихъ идей. Можетъ быть, въ томъ, что этотъ тѣсный кругъ основныхъ философскихъ формъ постиженія способенъ удовлетворить всѣмъ безконечно нюансированнымъ духовнымъ запросамъ, оплодотворить многоразличнѣйшія духовныя образованія, вплоть до самыхъ сверхличныхъ,—можетъ быть, въ этомъ сказывается, напротивъ, богатство человѣчества. Эта немногочисленность оригинальныхъ философскихъ реакцій на міръ и на жизнь показываетъ, что ихъ индивидуальная окрашенность и „субъективность“ ни въ коемъ случаѣ не совпадаютъ съ произвольностью и податливостью всякимъ капризамъ субъективнаго настроенія, или, еще того менѣе, съ единственностью въ своемъ родѣ индивидуально-психическихъ явленій. Здѣсь напротивъ, имѣетъ мѣсто нѣкоторая глубоко заложенная категорія, которую нельзя безъ оговорокъ описывать на языкѣ традиціонныхъ понятій. Съ одной стороны, глубоко ошибочно стремленіе вывести корни философіи изъ чисто личныхъ актовъ философа. Ибо то, что называютъ „личнымъ“,—темпераментъ, судьба, среда—въ дѣйствительности общее у философа съ безчисленнымъ множествомъ другихъ людей, такъ что имъ нельзя объяснить личнаго характера его творенія, вызваннаго къ существованію однимъ только философомъ и никѣмъ больше. Въ собственномъ и единственномъ смыслѣ слова, личное у творца—это его дѣяніе, тотъ именно процессъ, который привелъ и могъ привести къ этому, а не къ другому результату. Но единственность и несравнимая ни съ чѣмъ особенность мыслителя не является тоже достаточнымъ основаніемъ его созданія, ибо въ такомъ случаѣ оно не было бы понятно и не имѣло бы значенія для другихъ,—была бы невозможна его объективная представимость и его участіе въ безчисленныхъ сверхличныхъ зависимостяхъ. Субъектъ духовной реакціи на бытіе не представляетъ непосредственно данной индивидуальности, онъ еще долженъ быть обрѣтенъ въ особой ея плоскости, или модификаціи. Съ другой стороны, при возникновеніи философіи не играютъ рѣшающей роли также и требованія логической систематичности, содержаніе реальнаго знанія и его методы. Ибо: все это можетъ одинаково принадлежать всѣмъ мыслителямъ какого-либо культурнаго періода, между ихъ

фактическими знаніями можетъ и не быть никакого противорѣчія,—но при всемъ томъ ихъ философскія представленія будутъ отличаться другъ отъ друга очень сильно, съ остротой, доходящей до степени взаимнаго исключенія. Поэтому, въ человѣкѣ должно быть что то третье, стоящее по ту сторону индивидуальной субъективности такъ же, какъ по ту сторону логически-объективнаго мышленія, характеризующагося общезначимостью. Это третье должно быть корневой основой философіи,—существованіе философіи нуждается въ немъ, какъ въ предпосылкѣ. Очень приблизительно его можно обозначить, какъ моментъ *типической* духовности. Ибо типъ есть образованіе, всегда связанное съ единичною, реальною индивидуальностью, но представляющее, кромѣ того, и объективность, возвышающуюся надъ людьми съ ихъ субъективной жизнью. Этотъ моментъ обнаруживается въ насъ въ видѣ энергіи, продукты которой, всегда индивидуальные, въ то же время носятъ на себѣ и печать нѣкоторой объективности, противостоящей индивидууму. Есть какое-то чувство, распознающее, часто съ увѣренностью инстинкта, среди нашихъ убѣжденій и настроеній одни, переживаемыя, какъ нѣчто, чисто личное, субъективное, и иныя, которыя мы такъ же мало сумѣли бы оправдать, но для которыхъ мы отъ другихъ людей, даже отъ всѣхъ людей все же требуемъ признанія, какъ вѣщанію Всеобщаго въ насъ, какъ проявленію той мысли, того ощущенія какой-то глубокой и общей всѣмъ намъ основы, которая оправдываетъ себя сама, фактомъ своего содержанія. Возможно, что здѣсь коренится и искусство. Безъ сомнѣнія, художникъ творитъ, подчиняясь нѣкоторой чисто личной необходимости, вслѣдствіе чего каждый художникъ создаетъ, въ противоположность шаблону, произведеніе, отличное отъ всѣхъ другихъ. Но все же каждое художественное созданіе, въ зависимости отъ его значительности, обладаетъ и тѣмъ, что называется художественной „правдой“, и что выступаетъ съ притязаніемъ на всеобщее признаніе. Такимъ образомъ, каждое проявленіе индивидуальной продуктивности есть въ то же время и *типическое* проявленіе—единичная форма обладаетъ значимостью, возвышающейся надъ ея единичностью, но вызываемой, однако, не объектомъ,—здѣсь въ самомъ творцѣ звучитъ тотъ своеобразный духовный мотивъ, въ которомъ въ формѣ индивидуальности выражается типъ человѣка, или вообще типъ „человѣкъ“. Изъ этой же почвы вырастаетъ и экспансивная убѣжденность религіознаго творчества. Поскольку религіозный геній выявляетъ свою интимнѣйшую жизнь, мистическую субъективность своихъ

потрясеній и просвѣтленій, эти послѣднія пріобрѣтаютъ значеніе для безчисленнаго множества другихъ людей, хотя бы имъ не отвѣчала никакая объективность и хотя бы ихъ нельзя было оправдать логическими законами. Въ нѣсколько напыщенномъ выраженіи, что въ случаяхъ такихъ просвѣтленій говоритъ самъ „геній человѣчества“, живетъ, однако, какая-то инстинктивная правда, состоящая въ томъ, что энергіи, коренящіяся въ сверхиндивидуальной сферѣ души, таинственнымъ образомъ выступая оттуда, находятъ выраженіе въ словахъ индивидуума. Замѣчательнѣйшая черта эта, характеризующая великія философскія творенія, выражается въ стремленіи къ созданію жизне-и-міропониманія съ точки зрѣнія опредѣленной односторонности и въ духѣ единственной въ своемъ родѣ личности, стремленіи, которое одновременно есть и утвержденіе общечеловѣческаго, сверхиндивидуально необходимаго и въ жизни вообще обоснованнаго; и черта эта предполагаетъ, что въ философскомъ творчествѣ проявляется типичность духовной индивидуальности, внутренняя объективность личности, покорной лишь своему собственному закону.

Это позволяетъ намъ, далѣе, убѣдиться въ томъ, что понятіе истины въ философіи, поскольку послѣдняя выражаетъ всѣ послѣднія рѣшенія и общія реакціи на бытіе, отличается отъ этого понятія въ области другихъ наукъ. Она направлена не на объективность вещей, что является задачей науки въ тѣсномъ смыслѣ слова,—она выражаетъ типическія особенности человѣческаго духа, поскольку послѣдній раскрывается въ извѣстномъ пониманіи вещей. Не согласованіе духовности съ „предметомъ“, какъ угодно понятое, является здѣсь вопросомъ, ожидающимъ рѣшенія, а то, силой чего духовность оказывается адэкватнымъ выраженіемъ бытія самого философа, выраженіемъ того, что въ немъ представлено человѣческимъ типомъ, реализуется ли этотъ типъ въ опредѣленной категоріи индивидуумовъ, или же являетъ собою элементъ постоянно присутствующій въ извѣстной мѣрѣ въ каждомъ индивидуумѣ. Однако же, философія вслѣдствіе этого не есть еще психологическая исповѣдь, она не можетъ быть понята, какъ автобіографія мыслителя. Ибо въ такомъ случаѣ, у философіи, какъ у психологіи вообще, былъ бы свой предметъ, и мѣрою соотвѣтствія или несоотвѣтствія съ нимъ опредѣлялась бы ея истинность или ложность. Не личность философа есть предметъ философскихъ утвержденій,—эти послѣднія направлены на опредѣленную реальность объективнаго свойства, но такъ, что каждая личность *выявляетъ себя въ нихъ*. Тотъ особый типъ „человѣческаго“, носителемъ котораго она яв-

ляется, не растворяется въ ея утвержденіяхъ, какъ то бываетъ въ другихъ наукахъ, а, напротивъ, сохраняетъ свое значеніе. Это не отображеніе собственной головы философа въ зеркалѣ,—это міръ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ обрисовывается въ этой головѣ, но не въ соотвѣтствіи съ ея субъективно-случайною реальностью, а въ духѣ человѣческой типичности, отвѣчающей философу. Человѣческая духовность выявляетъ совершенно опредѣленныя содержанія и формы міра, такъ что у существъ, иначе, чѣмъ человѣкъ, организованныхъ, эти содержанія и формы получили бы другой видъ. Однако же отдѣльные типы этой духовности нуждаются въ особой окраскѣ, связности и оріентировкѣ, и вотъ принципы послѣднихъ и даны въ великихъ философскихъ теоріяхъ. Это пониманіе философіи можно выразить формулой, что философское мышленіе осуществляетъ личное и олицетворяетъ сущее. Ибо оно выражаетъ на языкѣ міропредставленія глубочайшую, послѣднюю форму приспособленія личности къ міру, и именно поэтому міропредставленіе и слѣдуетъ за тѣми направляющими линіями и всеобщими особенностями, въ рамкахъ которыхъ, въ отношеніи къ одной и той же вещи, приходится различать между формами существенно-человѣческихъ стремленій и типовъ. При этомъ, возможно такое положеніе дѣла, что выработка этихъ типовъ до полной ясности, прозрачности и продуктивности опирается на утвержденія, завѣдомо ложныя съ точки зрѣнія чисто-научнаго отношенія къ предмету, или, если угодно, съ точки зрѣнія, обязательной для всего человѣчества. Да: объективная несостоятельность ученія можетъ случайнымъ образомъ обнаружить нѣкоторую иную состоятельность, ту именно, въ которой глубже и очевиднѣе раскрывается типически-человѣческое значеніе философскаго ученія. И, пожалуй, истина поэтому не есть понятіе, вполнѣ пригодное при оцѣнкѣ философіи. Ибо истина—это мысленный образъ, противостоящій реальному или идеальному бытію, степенью соотвѣтствія съ которымъ и опредѣляется истинность этого образа. Въ случаѣ же философіи рѣшающимъ образомъ обнаруживается характеръ мышленія, какъ такового,—оно выявляетъ свою цѣнность какъ бытіе, т. е. въ зависимости отъ значенія духовной типичности и смысла, непосредственно въ немъ выраженныхъ, отъ глубины, ясности и убѣждающей силы самого этого выраженія. Только тѣмъ, что критеріемъ цѣнности утвержденій здѣсь служитъ не ихъ истинность въ смыслѣ соотвѣтстія съ предметомъ, и объясняется фактъ, что нѣкоторые мыслители еще и теперь пытаются установить свое отношеніе къ міру въ духѣ Сократа и Платона, Ѳомы Аквинскаго и Джіордано Бруно, Спинозы

и Лейбница. И фактическая картина духовно-исторической эволюціи показываетъ, какъ истинность философскихъ ученій, опредѣляемая въ отношеніи къ объекту, сводится постепенно къ внутренней цѣнности духовнаго бытія, раскрытаго въ великихъ философіяхъ. Въ тотъ моментъ, когда философскія утвержденія объявляются высказываніями объ истинныхъ отношеніяхъ между вещами, удареніе въ нихъ, естественно, падаетъ на сторону ихъ доказательности и на критику ихъ доказательной силы. Но, мало—по-малу, эта сторона становится безразличной, и значеніе сохраняетъ одна лишь внутренняя цѣнность ученія, какъ выраженія хотя и реальнаго, но не въ соотвѣтствіи съ объективной истинностью установленнаго бытія. Кто теперь, собственно, спрашиваетъ еще, „правильно“ ли ученіе Платона объ идеяхъ, или же пантеизмъ стоиковъ и Спинозы, „соотвѣтствуетъ ли дѣйствительности“ понятіе Николая Кузанскаго о Богѣ, какъ „совпаденіи противоположностей“, или же міротворящее „я“ Фихте, „истинно-ли“ ученіе Шеллинга о тождествѣ природы и духа, или волюнтаристическая метафизика Шопенгауэра? Все это уже окончательно „опровергнуто“. Только человѣческій типъ, который облекъ свои реакціи на бытіе въ форму этихъ „заблужденій“, пережилъ всѣ опроверженія. Ученія эти въ себѣ самихъ нашли свое безсмертное значеніе, критерій котораго не въ томъ, на что направлены объективно-научныя утвержденія, а въ томъ, отъ чего исходятъ эти утвержденія. Оформленіе содержанія, выражающее сущность этой философской реакціи на цѣлостность бытія вообще, происходитъ такимъ образомъ: изъ данныхъ явленій дѣйствительности, или изъ отвлеченныхъ представленій, съ помощью которыхъ наше абстрагирующее мышленіе охватываетъ стороны, части и измѣненія бытія, какъ бы выдвигается впередъ одно явленіе или представленіе, призванное играть роль подлиннаго ядра, или представлять смыслъ всего бытія. Эта односторонность отдѣльныхъ философій обоснована глубоко въ самомъ ихъ существѣ. Ибо послѣднее выражается въ формѣ типической индивидуальности, что, конечно, можно понять и въ томъ смыслѣ, что индивидуальность расширяется до объема цѣлаго міра. Міръ данъ намъ, какъ сумма фрагментовъ, и задача философіи состоитъ въ томъ, чтобы найти для нихъ цѣлое. И она достигаетъ этого тѣмъ, что принимаетъ часть за цѣлое. Изъ неисчислимаго множества нитей, сплетающихъ сѣть дѣйствительности и стоящихъ въ видѣ проблемы передъ философомъ, послѣдній долженъ какою-нибудь отдѣльной нитью выразить своеобразіе своего духовно-человѣческаго типа. Ею объясняетъ онъ

цѣлое, изъ нея выводитъ остальныя, и хотя на поверхности она дана въ видѣ обрывка и кажется часто отрѣзанной отъ другихъ, онъ разсматриваетъ ее, какъ непрерывно пронизывающую всю ткань дѣйствительности, и изъ относительной величины ея конечнаго проявленія онъ прядетъ безконечность и абсолютное. Формальная возможность того, что индивидуальность запечатлѣваетъ свое внутреннее, эмоціональное и оформляющее отношеніе къ міровому цѣлому въ видѣ истинной картины, обоснована такъ: она вызываетъ какъ бы индивидуальный рефлексъ цѣлаго, соотвѣтствующій своеобразію индивидуальности, и этому рефлексу она дозволяетъ разростись до размѣровъ цѣлаго, признавая всѣ другіе рефлексы несуществующими, или объявляя ихъ одной лишь простой обстановкой реальности, отвѣчающей ей одной.

Очевидно, въ силу этой особенности, философія подпадаетъ тому же упреку, которому подлежитъ религія: она-де очеловѣчиваетъ міръ. Если картина міра есть реакція души и выраженіе ея своеобразія, а структура этой картины опредѣляется преимущественнымъ усиленіемъ *одного* возможнаго для души мотива, представляющаго всего лишь объективное отображеніе ея же своеобразія, то міръ, явнымъ или скрытымъ образомъ, преобразуется въ человѣка, „написаннаго большими буквами“. Всего очевиднѣе это въ тѣхъ ученіяхъ, которыя осуществляютъ сущность бытія вообще съ человѣческой душой и ея свойствами. Такъ, напримѣръ, по Лейбницу все бытіе одушевлено, матерія, въ своей дѣйствительной сущности, состоитъ изъ тѣхъ же элементовъ, что и человѣкъ, но только тамъ они дремлютъ, а здѣсь бодрствуютъ. Кантъ утверждаетъ, что цѣль существованія міра, какъ цѣлаго, та же, что и цѣль человѣческаго существованія, поскольку послѣдній стоитъ подъ опредѣляющимъ вліяніемъ моральнаго закона. Таковъ и Шопенгауэръ, объясняющій метафизическую сущность всей дѣйствительности волей, т. е. тѣмъ именно неутолимымъ, глубоко-заложеннымъ и безцѣльнымъ порывомъ, который мы находимъ и въ себѣ въ видѣ воли, управляемой отдѣльными, смѣняющими другъ друга, цѣлями. Однако же, было бы рѣшительнымъ заблужденіемъ видѣть во всемъ этомъ злоупотребленіе поэтическими аналогіями, возвращеніе къ первобытному одухотворенію міра, съ точки зрѣнія котораго сущность вѣтра можетъ быть лишь дыханіемъ Эола, а движенія звѣздъ—проявленіями силы духовъ, обитающихъ въ звѣздахъ. Конечно, всѣ эти представленія о міровомъ цѣломъ опредѣляются угломъ преломленія, обусловленномъ отражающей поверхностью души. Однако, метафизикъ разсуждаетъ не такимъ вотъ обра-

зомъ: „я усматриваю то-то и то-то,— оно именно и есть сущность міра". Ходъ его мыслей таковъ: „что является глубочайшимъ, единымъ основаніемъ, поддерживающимъ міръ, и вмѣстѣ съ нимъ и въ немъ—что такое также и я самъ?" Метафизикъ преднаходитъ себя въ мірѣ, какъ объективный, не подлежащій сомнѣнію фактъ; и онъ спрашиваетъ—въ какую бы формулу ни заключилъ онъ этотъ вопросъ:—„чѣмъ долженъ быть міръ вмѣстѣ съ этимъ фактомъ въ немъ, если онъ возможенъ, какъ разумное, гармоническое единство?" Когда Лейбницъ разсматриваетъ всѣ элементы бытія, какъ души, расположенныя по нисходящимъ степенямъ совершенства или сознательности, онъ при этомъ отнюдь не распространяетъ человѣческой души на весь міръ, а, напротивъ, душу усматриваетъ въ мірѣ; здѣсь *цѣлое* стоитъ подъ вопросомъ, и уже подъ его условіемъ данная эмпирически человѣческая душа признается не чѣмъ-то чуждымъ міру, а упорядоченнымъ взаимопроникновеніемъ и соотнесенностью всѣхъ элементовъ міра. Тотъ же самый уклонъ мысли увлекъ Шопенгауэра въ нѣсколько иномъ направленіи. Его истолкованіе всего бытія, какъ явленія воли, лишь въ томъ случаѣ было бы дѣтскимъ очеловѣчиваніемъ міра, если бы онъ и въ природѣ нашелъ ту самую волю, которая намъ дана въ видѣ эмпирическаго факта сознанія. Но, вопреки этому, онъ считаетъ метафизическимъ ядромъ вещей то, что лежитъ въ основѣ также и сознательной воли, но одинаково присуще явленіямъ неодушевленнымъ и одушевленнымъ, хотя въ послѣднихъ оно и просвѣчиваетъ яснѣе, замѣтнѣе, нежели въ первыхъ. Воля, которую мы знаемъ по себѣ, и для Шопенгауэра остается особымъ фактомъ психологическаго опыта. Но она есть точка, въ которой находитъ свое символическое выраженіе и непосредственное самоощущеніе метафизическая дѣйствительность, безпокойное становленіе и стремленіе, темный напоръ безцѣльныхъ порывовъ безъ конца и предѣла, безконечное становленіе иного. Эта абсолютная реальность лежитъ по ту сторону нашихъ собственныхъ сознательныхъ переживаній, а равнымъ образомъ и позади всѣхъ другихъ явленій, и она тѣмъ менѣе исчерпывается своей человѣческой формой, что эта послѣдняя, напротивъ, вмѣстѣ со всѣми другими возвышается надъ одной и той же общей всему метафизической основой. Истинны ли эти мысли по своему непосредственному содержанію, есть ли въ нихъ логическая принудительность, или онѣ представляютъ однѣ лишь возможности—это здѣсь можетъ быть оставлено совершенно въ сторонѣ. Принципіальное значеніе принадлежитъ только слѣдующему: реакція философствующей мысли въ дѣй-

ствительности и по своему смыслу означаетъ не поглощеніе міра индивидуумомъ, не его очеловѣчиваніе, а то, что, напротивъ, возникаетъ типическая картина міра, въ который включается также и индивидуумъ; образуется цѣлое—именно такое, какимъ его можетъ мыслить этотъ типъ „человѣческаго"; и, благодаря этому, индивидуумъ, сознающій свою несомнѣнную реальность, установляетъ единство цѣлаго и самъ можетъ быть понятъ черезъ него.

Въ свѣтѣ этого послѣдняго соображенія обрисовывается принципіальный смыслъ философскаго міропостиженія: онъ сводится къ установленію единства, въ которомъ нуждается духъ, противостоя неизмѣримому множеству, пестротѣ, разрывамъ и враждующимъ противоположностямъ бытія. Подъ какую бы категорію ни подводило міръ философское мышленіе—надѣется ли оно уловить его смыслъ и его субстанціональное ядро, его цѣнность и цѣль—всегда это подведеніе сохраняетъ также и формальное значеніе, состоящее въ томъ, что обрѣтается объединяющая точка среди всяческой путаницы и противорѣчій, проникающихъ міръ явленій, открывается позиція, на которой взаимная отчужденность реальныхъ явленій отступаетъ передъ ихъ сродствомъ. Ибо даже и тогда, когда непримиримость вещей объявляется метафизическимъ мироопредѣленіемъ, это самое утвержденіе выдвигаетъ впередъ единый, черезъ посредство противорѣчаще противоположныхъ отношеній реализуемый, характеръ цѣлаго.

Именно въ томъ, что многообразіе міра возводится къ духовному единству, и обнаруживается сущность философій, какъ реакціи духа на цѣлостность бытія. Ибо духъ знаетъ себя, какъ единство, въ немъ—и *только* въ немъ, какъ въ центральной точкѣ, сходятся всѣ лучи бытія. Все, находимое сознаніемъ передъ собой, какъ ему внѣшнее, какъ объективные элементы бытія, запечатлѣно неустранимой разорванностью, является ли оно въ видѣ пространственной внѣположности и временнаго чередованія, или же въ видѣ логической внѣположности отдѣльныхъ представленій. Однако же, поскольку вещи даны въ сознаніи, онѣ получаютъ единство, инымъ образомъ для нихъ недоступное. Въ сужденіи: „жизнь есть страданіе" два понятія соединены общимъ имъ смысломъ, но смыслъ этотъ не заложенъ ни въ одномъ изъ нихъ въ отдѣльности, ни pro rata, а, напротивъ, состоитъ въ полномъ взаимопроникновеніи ихъ и раствореніи въ одномъ единомъ образованіи: этому нѣтъ аналогій ни въ пространственныхъ, ни во временныхъ отношеніяхъ. Эта объединя-

ющая функція есть вообще замѣчательное свойство духа,—да, установленіе единства—его собственная, отъ него неотдѣлимая сущность. Въ сужденіи, происходящемъ лишь въ духѣ, субъектъ и предикатъ сливаются, чего съ вещами, занимающими хоть и мѣняющееся, но все же количественно постоянное положеніе, случиться не можетъ даже въ сколько нибудь подобномъ смыслѣ. Вслѣдствіе этого, объединеніе міра есть специфически-философская функція, въ немъ именно выражается отвѣтъ духа на воздѣйствіе бытія въ его совокупности. Но если эта цѣлостность бытія въ послѣднемъ счетѣ покоится на дѣятельности души и хочетъ оставаться внутри нея, то совокупности этой душа должна придать свою собственную форму, обнявъ многообразіе міросодержанія въ *одномъ* понятіи, въ *одномъ* истолкованіи, въ *одной* оцѣнкѣ.

Понятіе истины, гармонирующее съ этою сущностью философіи, обнаруживается въ видѣ своеобразной независимости философскихъ утвержденій отъ ихъ фактическаго содержанія. Это обусловлено тѣмъ, что они выражаютъ не общезначимую или объективную картину міра, но лишь отношеніе духовно-типической индивидуальности къ міру:—такъ еще разъ обрисовывается своеобразіе этого понятія философской истины на фонѣ возникшей указаннымъ способомъ картины міра. Эта истина, въ соотвѣтствіи съ ея происхожденіемъ изъ духа, носитъ объединяющій характеръ, а объединеніе это создается благодаря одностороннему отбору и абсолютизаціи какого-либо элемента дѣйствительности. Иначе, чѣмъ цѣной такой односторонности, нашъ интеллектъ не въ силахъ объять цѣлостнаго бытія. Потребовалось бы могущество божественнаго духа, чтобы сквозь равномѣрную соотвѣтственность всѣхъ сторонъ и направленій дѣйствительности и такую же соотносительность всѣхъ возможныхъ пониманій, прозрѣть единство. И этимъ—рѣшающимъ образомъ объясняется характерная черта философской „истины“: въ предѣлахъ философской сферы, на высотѣ философскихъ абстракцій, данное ученіе можетъ быть утверждаемо и переживаемо, какъ истинное, но въ то же время можетъ оказаться и ложнымъ, отнесенное къ тѣмъ единичностямъ, которыя имѣются въ виду ученіемъ въ его качествѣ всеобщаго утвержденія. Именно глубочайшія мысли философіи, имѣющія значимость въ отношеніи къ совокупности явленій и изъ этой своей значимости, повидимому, почерпающія и свою глубину, оказываются убогими, недостаточными, противорѣчивыми, едва мы распространимъ ихъ на отдѣльныя рѣшенія и проблемы. Здѣсь заложено, какъ кажется, основаніе того глу-

бокаго противорѣчія, на которое философское стремленіе обрекаетъ природу нашего духа: требованіе абсолютно —всеобщаго и всеединаго можетъ быть удовлетворено только съ помощью односторонняго, индивидуально окрашеннаго содержанія. Въ философскихъ идеяхъ мы располагаемъ вполнѣ достаточною всеобщностью, не являющеюся, однако, обобщеніемъ единичнаго. Но сходя съ своей высоты въ сферу единичнаго, идеи теряютъ ту значимость, которую мы имъ приписываемъ, пока онѣ пребываютъ въ своей собственной сферѣ и измѣряются ея критеріемъ, а не критеріемъ единичныхъ опытовъ. Это отношеніе логически-всеобщаго понятія къ понятію частно-единичному,—сверхиндивидуальнаго единства къ индивидуальной дѣйствительности, для которой первое имѣетъ значеніе,—отношеніе это такъ замѣчательно, такъ противорѣчиво, что его правомѣрность можетъ быть понята только подъ условіемъ его включенія въ болѣе широкій кругъ сродныхъ явленій духа.

Мы принимаемъ, что въ нѣкоторыхъ, или, пожалуй, всѣхъ областяхъ данъ элементарный матеріалъ, нѣкоторыя основныя и послѣднія явленія, на которыя можно свести наши факты. И беря теперь различныя разстоянія отъ этого матеріала и придерживаясь затѣмъ какого-либо одного изъ нихъ, мы получаемъ картину, инымъ нормамъ подчиненную, и являющую иныя отношенія ко всѣмъ другимъ, чѣмъ та картина, къ которой мы приходимъ, разсматривая тотъ же матеріалъ съ другого разстоянія; и тогда всякое присоединеніе какой-либо одной части послѣдней картины къ первой, дѣлаетъ эту ложной и безсмысленной,—и обратно. Оптическая картина дома съ разстоянія въ 30 метровъ совершенно упорядоченна, едина, понятна; но если въ эту картину вставить какой либо элементъ картины того же дома, составленной съ разстоянія въ 3 метра,—самъ по себѣ элементъ правильный и имѣющій свой смыслъ,—то возникнетъ совершенно противорѣчивый образъ. По типу этого простого отношенія выростаютъ всѣ духовныя образованія, въ формѣ которыхъ мы постигаемъ данность вещей. Наша живопись, напр. основана на опредѣленной силѣ зрѣнія; на разстояніи, въ какомъ жизненная практика, въ соотвѣтствіи съ нашей организаціей, ставитъ насъ къ пространственнымъ объектамъ, мы пріобрѣтаемъ о нихъ опредѣленное представленіе такимъ образомъ, что лишь при относительно-малыхъ варіаціяхъ этого разстоянія наше зрѣніе еще отвѣчаетъ этому представленію. Если бы мы имѣли острое зрѣніе орла, то обладали бы искусствомъ, отличнымъ отъ нашего; и если бы мы тогда разсматривали художественное произведеніе въ соот-

вѣтствіи съ нашей зрительной силой, оно показалось бы намъ „ложнымъ“, хотя оно могло бы быть и весьма совершеннымъ и обрисовывать послѣднія объективныя части предмета съ большими подробностями. Не иначе обстоитъ дѣло съ переноснымъ понятіемъ „разстоянія“ вообще въ искусствѣ. Многообразные элементы жизни, слитые воедино въ лирическомъ стихотвореніи, съ точки зрѣнія *эмпирическаго существованія* обладаютъ отчетливостью очертаній, богатствомъ соотнесенія со всѣми другими и разумною связностью, которыя, однако, совершенно видоизмѣняются, если именно „разстояніе“ отъ этого произведенія будетъ взято вопреки *этой* точкѣ зрѣнія. Составленная съ каждой изъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія внутренняя картина даетъ опредѣленное, единое цѣлостное представленіе, и этимъ объясняется то завѣдомое недоразумѣніе, которое возникаетъ, если къ содержанію стихотворенія подходятъ неосторожно съ критикой съ точки зрѣнія эмпирической истинности и нормъ, управляющихъ логическимъ анализомъ. Законы художественной истины относятся, такъ сказать, къ аспекту вещей, усматриваемому съ нѣкотораго весьма отдаленнаго разстоянія, и постольку она выдвигаетъ отношенія, отличныя отъ тѣхъ, которыя требуются научной истиной или условіями истины эмпирической практики. Подобно этому, и то разстояніе, на которомъ покоится религія, есть нѣчто особенное. Вѣрующій придерживается своего стиля, когда знаменія и чаянія, зависимости и глубинныя откровенія, относимыя къ вещамъ въ религіозной сферѣ, онъ переводитъ на языкъ ихъ непосредственнаго источника. Такова, напримѣръ, „помощь Божья“, ожиданіе которой въ случаяхъ банальныхъ интересовъ и нуждъ дня имѣетъ подлинный религіозный смыслъ только въ совершенно-возвышенномъ значеніи, отвѣчающемъ глубочайшему наиобщему отношенію къ судьбѣ. Въ этомъ смыслѣ именно сказалъ одинъ религіозный мыслитель, что „Богъ не наполняетъ ложекъ и тарелокъ, а лишь даетъ пищу“. Хотя, чисто-логически разсуждая, содержимое ложки есть пища, такъ что, повидимому, раздѣляетъ непосредственнымъ образомъ и опредѣленія послѣдней, тѣмъ не менѣе точка зрѣнія логики иная, нежели точка зрѣнія хлѣба насущнаго, и поэтому то, что имѣетъ значеніе въ отношеніи къ послѣдней, будетъ невѣрно, коль скоро мы перенесемъ его въ картину, усматриваемую съ иного разстоянія и имѣющую мѣсто въ первомъ случаѣ. Отъ того, что называютъ смысломъ существованія, нельзя требовать, чтобы оно было понятно для насъ въ каждый моментъ, часъ, или даже годъ; оно имѣетъ значеніе только для всей жизни, хотя жизнь и состоитъ

изъ часовъ и годовъ. Эта своеобразная особенность нашего строенія, состоящая въ томъ, что всеобщее, долженствующее осуществиться исключительно въ формѣ единичнаго и приблизительнаго, не безъ дальнихъ разговоровъ имѣетъ значеніе также и для единичнаго,—что оно образуетъ аспекты и нормы, которыя для элементовъ, обосновывающихъ его реально, могутъ оказаться не всегда значительными,—эта именно особенность опредѣляетъ собою также и характеръ метафизическихъ образованій. Поскольку они охватываютъ объединяющимъ образомъ бытіе,—всеобщность, провозглашаемая ими, не совпадаетъ съ той, которая имѣетъ значеніе для единичностей, не совпадаетъ—въ томъ родѣ, въ какомъ дубы, ели и липы подводятся подъ признаки понятія дерева, благодаря чему общія имъ свойства получаютъ объединеніе. Подобно тому, какъ мы считаемъ нѣкоторыя черты нашего характера болѣе существенными, послѣднимъ бытіемъ, опредѣляющимъ нашу жизнь, такъ что отдѣльные свои поступки мы разсматриваемъ, какъ предопредѣленные этими чертами; подобно тому, какъ деталь нашего характера отнюдь не можетъ быть принята за то глубочайшее единство, которымъ охвачено наше существо, иначе, какъ по ошибкѣ, помѣщающей эту деталь въ самую глубину: подобно этому, мы проникаемся и остаемся при истинности извѣстныхъ послѣднихъ всеобщностей и максимъ, хотя бы единичности, къ которымъ онѣ, собственно, должны быть примѣнены и оказывались по ту сторону ихъ значимости. Я приведу этому два примѣра.

Черезъ все развитіе философіи проходитъ пантеистическій порывъ; вновь и вновь всплываетъ убѣжденіе, что все многообразіе и противорѣчивость бытія не касаются истинной сущности послѣдняго, и благодаря тому, что міръ *не противополагается* божественному бытію, но непосредственно живетъ его жизнью, такъ что Богъ есть жизнь міра,—всѣ части и моменты дѣйствительности, для глубочайшаго, въ нѣдра субстанціи проникающаго, взора, становятся однимъ, лишеннымъ различій, единствомъ сущности и цѣнности. Эта мысль, преодолѣвающая всѣ единичности и придающая имъ отъ себя ихъ видъ, очевидно, является философской формой эмоціональнаго момента, всюду и въ различныхъ модификаціяхъ оживотворяющаго человѣческую душу, но у нѣкоторыхъ философскихъ умовъ становящагося единодержцемъ міропредставленія. Въ этомъ всеединствѣ и общетождественной сущности вещей можно удостовѣриться еще тѣснѣе такимъ образомъ, что съ ея примѣненіемъ должны исчезнуть всѣ единичности опыта. Ксенофанъ, одинъ изъ первыхъ по времени проповѣдниковъ пантеистическаго ученія, утверждалъ:

„какъ только я предоставляю моему духу блуждать, все для меня разрѣшается въ одно единство“; однако, въ дѣйствительности, эта мысль не распространяетъ своей значимости съ абстрактныхъ высотъ на низины явленій. Мыслить, какъ одно и то же, Сократа и чернильницу, стоящую предо мною, прусское государство и москита въ индійскихъ джунгляхъ, едва ли удастся. Правда, на это возражаютъ: пантеистическое объединеніе должно имѣть силу не для двухъ наугадъ схваченныхъ вещей, а только по отношенію ко *всѣмъ* вещамъ, общности его соотвѣтствуетъ именно цѣлостность единичностей, а не какія нибудь единичности сами по себѣ—приблизительно такъ, вѣдь, всѣ цвѣта радуги лишь вмѣстѣ составляютъ бѣлый цвѣтъ, а не каждая, произвольно выбранная, пара ихъ. Но если, въ дѣйствительности, только совокупность вещей, какъ таковая, есть арена игры божественнаго единства, то именно это и является смысломъ или цѣнностью той совокупности, и къ этому смыслу мы стремимся, хотя бы оказалось невозможнымъ реализовать его на единичностяхъ, изъ которыхъ слагается совокупность. Поскольку нашему духу свойственно мыслить единство бытія въ Богѣ, оріентируя его не въ единичностяхъ, а во *всѣхъ* вещахъ, постольку дано и особое, соотвѣтствующее этому, разстояніе; философская всеобщность обладаетъ собственной закономѣрностью и не имѣетъ значенія еще и для единичностей, которыя усматриваются съ другого разстоянія, и которыхъ она, именно, какъ всеобщность, прямо исключаетъ.

Это сохраняетъ свое значеніе и для взгляда, противоположнаго пантеизму,—что міръ, о которомъ вообще можетъ быть рѣчь съ человѣческой точки зрѣнія, существуетъ лишь, какъ его представленіе. Какъ можетъ расшириться сознаніе, чтобы включить въ свой составъ вещи, въ видѣ, въ какомъ онѣ существуютъ въ себѣ и для себя? Оно можетъ быть всегда наполнено только своимъ собственнымъ содержаніемъ, и то, что оно должно представить, всегда выходитъ изъ него самого, въ процессѣ представливанія. И чѣмъ больше убѣждаются въ этомъ, тѣмъ невозможнѣе кажется, чтобы это субъективное порожденіе могло дѣйствительно реализоваться въ видѣ единичнаго, властно навязывающагося, чуждаго своему собственному „я“ явленія. Въ сферѣ философской всеобщности, всякое сведеніе стоящаго передъ нами бытія на порождаемую субъектомъ форму логической необходимости своей непосредственно-понятной предпосылкой имѣетъ аксіому, что цѣлостность нашего міра устанавляется нѣкоторымъ господствующимъ центромъ. Бросивъ взглядъ на звѣздное небо, на

ужасающую власть нашей судьбы, на безчисленное множество микроорганизмовъ, на случайности и вмѣстѣ съ тѣмъ неопреодолимость, какою запечатлѣна наша жизнь каждый часъ въ любомъ своемъ образованіи, мы приходимъ къ мысли: это чистый парадоксъ, будто все это порождается воспринимающимъ субъектомъ. Но онъ, этотъ парадоксъ, имѣетъ, такъ сказать, цѣнность самъ по себѣ, не относящуюся и не убѣдительную для тѣхъ единичностей, изъ которыхъ состоитъ міръ, усмотрѣнный съ менѣе далекаго разстоянія. Парадоксальность всѣхъ великихъ философскихъ міропониманій состоитъ въ томъ, что они содержатъ одно абсолютно-всеобщее утвержденіе, которое не можетъ быть примѣнено къ единичному, логически имъ покрываемому, но при этомъ мы не можемъ отказать этому утвержденію въ истинности, какъ это бываетъ въ случаяхъ тѣхъ мнимыхъ всеобщностей, которыя не подтверждаются единичностями опыта, для котораго онѣ имѣютъ значеніе. Такъ обрисовывается своеобразіе философской всеобщности въ противоположность той, которая имѣетъ силу въ наукѣ, въ логикѣ, въ практической сферѣ: не изъ вещей здѣсь вырастаетъ всеобщность, но въ совокупности вещей она является отраженнымъ выраженіемъ того способа, какимъ одинъ изъ великихъ духовно-человѣческихъ типовъ опредѣляетъ свое отношеніе къ цѣлостности міра и жизни; не о всеобщности единично-разсматриваемой вещи идетъ тутъ рѣчь, но о всеобщности индивидуально-духовнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ—типическаго реагированія на нее. Но такъ какъ оно должно быть выражено въ разумной и логически-правомѣрной формѣ (въ отличіе отъ аналогичнымъ образомъ выявляющагося художника или религіозно-продуктивнаго человѣка), то это достигается путемъ отрыва и абсолютизаціи единичнаго, односторонняго понятія, которое и переводитъ это стремленіе на языкъ объективныхъ представленій. Вслѣдствіе этой односторонности, въ формѣ которой только и можетъ быть обнаружена центральная, принципіально для всего міра открытая, точка зрѣнія, возникаетъ оригинальный конфликтъ между всеобщностью метафизическихъ утвержденій и ихъ безсиліемъ реализоваться въ единичныхъ формахъ. Ибо кажется, что дѣйствительная, ближе разсмотрѣнная, единичность является точкой пересѣченія всѣхъ возможныхъ идей и принциповъ. Вглядываясь въ изолированный отрѣзокъ бытія, мы находимъ въ немъ фрагментарное осуществленіе, предвосхищенную совмѣщенность всѣхъ взаимнопротиворѣчащихъ основоположеній: оно единство и множество, активность и претерпѣваніе, бытіе и становленіе, отчасти абсолютное и въ то же время отчасти

относительное; оно сохраняетъ слѣды своей связи съ творческимъ цѣлымъ космоса или божественностью, но также и слѣды того, что наши человѣческія воззрѣнія приписали ему въ качествѣ его опредѣленій. Въ этомъ способѣ разсмотрѣнія, вещи еще являютъ, какъ бы въ зародышевомъ, недифференцированно-сомкнутомъ видѣ, всѣ метафизическія дѣйствительности, и только исходя изъ нихъ, образуемъ мы съ какой либо точки зрѣнія доминирующую картину, при чемъ, точка зрѣнія необходимо опредѣляется типомъ духовнаго своеобразія разсматривающаго; поэтому, необходимо также, чтобы возникшее такъ убѣжденіе о сущности бытія не имѣло никакого примѣненія при спеціальномъ разсмотрѣніи привступающихъ единичностей. Вотъ какъ объясняется та особенность метафизическихъ всеобщностей, что онъ обладаетъ значеніемъ не для единичностей, обобщеніями которыхъ онѣ все же притязаютъ казаться.

Пер. *Т. Райнова.*

ОГЛАВЛЕНІЕ:

	Стр.
А. Горнфельдъ. О толкованіи художественнаго произведенія .	1—31
Т. Райновъ. „Обрывъ“ Гончарова, какъ художественное цѣлое.	32—75
П. Энгельмейеръ. Эврологія, или всеобщая теорія творчества.	76—108
Е. Шульцъ. Организмъ, какъ творчество.	109—190
Анри Пуанкаре. Наука и нравственность	191—217
Аристотель. О нравственномъ значеніи научно-философскаго творчества.	218—234
Г. Зиммель Сущность философіи	234—261

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ КНИГЪ въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ (ХАРЬКОВЪ, Петроградъ, Москва, Одесса, Ростовъ н/Д., Саратовъ).